

THE HORUS HERESY

AGE OF DARKNESS

Edited by Christian Dunn

Annotation

После предательства на Усттваане, Хорус начинает кампанию против Императора. Галактическая война на пороге Терры. Но открытому противостоянию сына и отца предшествовали долгие семь лет, полные тайн, молчания, планов и сосредоточения сил среди далеких звезд. Рассказы этого сборника прольют свет на самые темные уголки Ереси Хоруса, и на поверхность всплывут откровения, которые потрясут основы Империи.

«Эпоха Тьмы» представляет новые главы эпического конфликта, принадлежащие перу лучших авторов Черной Библиотеки: Дэна Абнетта, Грэма Макнилла, Джеймса Сваллоу, Аарона Дембски-Богдена и других.

- [ЭПОХА ТЬМЫ](#)
 - [THE HORUS HERESY™](#)
 - [Грэм Макнилл](#)

-
- [Сражение 94](#)
- [Сражение 136](#)
- [Сражение 228](#)
- [Сражение 314](#)
- [Джеймс Сваллоу](#)
 - [+++Передача Минус Зеро Зеро \(Солар\)+++](#)
 - [+++Передача Минус Восемь Недель \(Солар\)+++](#)
 - [+++Передача Плюс Одиннадцать Часов \(Солар\)+++](#)
 - [+++Передача Минус Две Недели \(Солар\)+++](#)
 - [+++Передача Плюс Двадцать Два Часа \(Солар\)+++](#)
- [Ник Кайл](#)
 - [Посадка](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Осколки](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)

- JV
- V
- Переговоры
 - J
 - JJ
 - JJJ
 - JV
- Тираны
 - J
 - JJ
 - JJJ
 - JV
- Враги среди нас
 - J
 - JJ
 - JJJ
 - JV
- Труны
 - J
 - JJ
 - JJJ
 - JV
 - V
 - VJ
 - V
- Охотники

- J
- JJ
- JJJ
- JV
- V
- VJ

- Убийство планеты

- J
- JJ
- JJJ

- Джон Френч
- Крис Райт
- Гэв Торн
- Дэн Абнетт
- Роб Сандерс
- Аарон Дембски-Богден

- J
- JJ
- JJJ
- JV
- V
- VJJ
- VJJJ
- JX
- X
- XJ

- XJJ
 - XJJJ
 - XJV
 - XV
 - XVJ
 - XVJJ
 - XVJJJ
 - XJX
 - ОБ АВТОРАХ
 - ГРЭМ МАКНИЛ
 - ДЖЕЙМС СВАЛЛОУ
 - НИК КАЙМ
 - ДЖОН ФРЕНЧ
 - КРИС РАЙТ
 - ГЭВ ТОРН
 - ДЭН АБНЕТТ
 - РОБ САНДЕРС
 - ААРОН ДЕМБСКИ
БОУДЕН
 - notes
 - 1
-

ЭПОХА ТЬМЫ

Под редакцией

Кристиана Данна

THE HORUS HERESY™

Это легендарное время.

Галактика в огне. Грандиозные замыслы Императора о будущем человечества рухнули. Его возлюбленный сын Хорус отвернулся от отцовского света и обратился к Хаосу. Армии могучих и грозных костических десантников Императора схлестнулись в безжалостной братоубийственной войне. Некогда эти непобедимые воины как братья сражались плечом к плечу во имя покорения Галактики и приведения человечества к свету Императора. Ныне их раздирает вражда. Одни остались верны Императору, другие же присоединились к Воителю. Величайшие из костических десантников, командиры многотысячных легионов --- примархи. Величественные сверхчеловеческие существа, они --- венец гениальной инженерии Императора. И теперь, когда они сошлись в бою, никому не

известно, кто станет победителем. Мирные
попытки. На Усстваане-V предательским
ударом Хорус практически уничтожил
три верных Императору легиона. Так
начался конфликт, ввергнувший
человечество в пламя гражданской войны.
На стену чести и благородству пришли
измена и коварство. В тених поджигают
убийцы. Собираются армии. Каждому
предстоит принять чью-либо сторону или
же сгинуть навек. Хорус создает армаду, и
цель его — сама Терра. Император
ожидает возвращения блудного сына. Но
его настоящий враг — Хаос, изначальная
сила, которая жаждет подчинить
человечество своим изменчивым
прихотям. Криком невинных и мольбам
праведных вторит жестокий смех Темных
Богов. Если Император проиграет войну,
человечеству уготованы страдания и
вечное проклятие.

Эпоха разума и прогресса миновала.
Наступила Эпоха Тьмы.

Грэм Макнилл

ПРАВИЛА БОЯ

Он и хотел бы заплакать, но последние два года превратили его сердце в камень. Слишком много от него требовали, слишком многое было утрачено, и больше не осталось печали. Покинутые братья, пылающий мир Ультратара и золотая мечта о галактическом единстве, обращенная в прах. Столь необыкновенный миг в истории вполне заслуживал скорби, рыданий, раздиранья одежд, вырывания волос или, по меньшей мере, приступа ярости.

Он не позволил себе ни одного из этих катартических способов разрядки: разреши он пролиться хотя бы одной слезинке — и рыдания стали бы нескончаемыми.

Изнутри Арканиум представлял собой двадцатиметровый куб с арочным входом в каждой стене, едва освещаемый толстыми свечами в подсвечниках,

выполненных в виде геральдических орлов и львов. Темный сланцевый пол, простые дощатые стены, собственноручно обструганные и отполированные. Он помнил, как находил здесь приют много лет назад, когда бесконечные распри между сенаторами Макрагге становились невыносимыми для мальчишки, обожающего работать и мечтать.

Теперь этого мальчишки нет — он захлебнулся кровью в дни гибели Конора, утонул в море жуткой резни, учиненной им самим после того предательства. Когда-то он называл это справедливостью, но пролетевшие годы позволили ему взглянуть на ситуацию со стороны и увидеть истинные мотивы, двигавшие им тогда. Месть никогда не была достойной причиной заставить человека сражаться, и он твердо решил никогда больше не поддаваться этому искушению. Идентифицировав порок, он предпринял шаги, чтобы избавиться от него, и во время уничтожения Галлана эмоции направляли его руку в последний раз.

Он вновь обратился к лежащей перед

ним книге, прислушиваясь к звукам жизни
в крепости за любовно отделанными
стенами его личного святилища. Когда-то
в это место, находящееся в сотнях миль
от ближайшего жилья, не добирались
просители, но теперь уединенность
осталась в прошлом. Его окружали акры
императорных стен, сверкающие
геодезические купола, вздымающиеся в небо
башни и строения совершенных пропорций.
Рядом с его кабинетом выросла целая
библиотека, и хотя архитекторы и
математики утверждали, что в их планы
заложена безупречная геометрическая
гармония золотого сечения, он не разрешил
их уничтожить Арканиум.

Он почти улыбнулся, сознавая, что в
последний раз эмоции влияли на
принимаемые им решения не в порыве
уничтожения Галлана. Однако улыбка не
получилась, а на фоне того, что занимало
его мысли, стремление цепляться за
воспоминания юности казалось
ничтожным.

Сидя за массивным столом из
темного дерева, занимавшим всю середину

комнаты, он перечитал запись, только что сделанную в лежащем перед ним огромном фолианте. Корешок книги был в метр длиной и добрых тридцать сантиметров в высоту. Прочный кожаный переплет сверкал сусальным золотом, а страницы из светлого пергамента еще хранили запах животного, из шкуры которого их сделали. Левая страница была полностью исписана убористым почерком: тщательно выписанные буквы складывались в идеально ровные строчки.

Работа шла, и с каждым днем приближалось ее окончание.

Это должно стать его главным трудом, тем, за что его будут помнить вечно. Возможно, кто-то увидел бы в этом признак тщеславия, но сам он знал, что это не так. Этот труд спасет все, что пытался создать его генетический отец. Вошедшие в книгу записи составят основу знаний, необходимых для того, чтобы пережить надвигающуюся бурю. Самоотверженность, а не гордыня водила его рукой, когда он фиксировал десятилетия накопленной мудрости, где

каждая глава и строчка являлись частицей унаследованного им гения, а крупница переданного знания — лишь маленький кирпичик. Но то, что будет выстроено из этих кирпичиков, окажется несоизмеримо большим, чем просто сумма отдельно взятых частей.

После разорения Калта легион как никогда нуждался в его предводительстве. Самолюбие воинов был нанесен тяжкий удар, им хотелось лицезреть своего прародителя. Каждый день слуги доставляли прошения об аудиенции от глав капитула, но то, чем он занимался, было слишком важно, чтобы удовлетворять подобные просьбы.

Они не понимали, почему он изолировался от своих сынов, но им и не нужно было понимать. Все, что от них требовалось, — повиноваться, даже если его приказы казались бессмысленными и еретическими, как те, после которых Галактика оказалась в огне.

За годы служения своему генетическому отцу он никогда не оказывался перед столь ужасным выбором.

Империям конец. Все
свидетельствовало об этом, и
предательство было единственным
способом не дать угаснуть мечте.

Плоть Имперіума погибает, но идеалы, заложенные в его основу, смогут жить дальше.

Отец поймет это, даже если все
остальные — нет.

Робакът Жиллиман начертал два
слова в верхнем углу правой страницы:
слова предательства и слова спасения,
возвещающие новое начало.

Цмнериүм Секүндүс.

Его звали Рем Вентан из Четвертой роты Ультратаринов, и он был предателем. Это плохо, но он ничего не мог поделать и изменить положение. Приказы исходили напрямую от примарха, а если что и вдалбливали Ультратаринам с самого начала подготовки, так это то, что приказам --- не важно каким --- всегда подчиняются.

Пульсирующие вспышки озаряли горы Талассара колючим тусклым светом, когда яркие ленты огня сплетались в пылающие кружева, рассыпаясь по ночному небу, подобно фосфорным слезам. Отступление из Кастра Публиус было долгим и изматывающим, еще более тяжелым из-за беспрестанного и упорного преследования противником. Подобно финвалат, учувшим запах крови в воде, воины Мортариона, вступив в сражение, никогда не сдавались, не ослабляли натиска и не переставали атаковать.

Когда-то эта их особенность

восхищала Рема.

Он понятия не имел, как идет война в остальных частях Талассара. Все, что он узнал, это то, что планировщики из главного стратегического штаба снабжали его указаниями через шлем. Но они ревниво охраняли свои секреты и становились осторожными, когда дело доходило до того, чтобы поделиться информацией.

Восемнадцатая рота удерживала Кастра Публиуса до последнего человека — достаточно, чтобы остатки Ультратаринов могли спастись, отступить на заранее подготовленные позиции, сооруженные илотами, санитарно-строительными отрядами Талассара и исполинскими строительными машинами Механикум. Эти механизмы являлись краеугольным камнем их стратегии, и Рем был признателен примарху за то, что тот считал нужным потребовать постоянного присутствия техножречества тарсианских Механикум на каждом из укреплений Ультратара еще до того, как Красная Планета пала перед союзниками империи — магистром войны.

Рем заставил себя подняться и подобрал с катней свой болтер. Он быстро проверил боеготовность оружия и поставил его на предохранитель --- действие настолько привычное, что стало автоматическим. Как и все, что делал воин Тринадцатого легиона. Рем прицепил оружие на бедро и огляделся по сторонам.

Горы Талассара рассыпались посреди единственного континента планеты, словно извивающийся спинной хребет, где позвонками были корявые вершины, а провалы между ними --- неровные долины с тонкими линиями трещин, уходящих в толщу камня и образующих скрытые впадины, которые заканчивались тупиками разломов и узкими ущельями, куда не проникал солнечный свет. Такая местность была очень удобной для оборонявшихся, поэтому во всех сценариях вторжения сделали расчет на этот горный хребет и сопряженные с ним крепости.

Чего не учитывали сценарии, так это столь неумолимого противника, как

Гвардия Смерти.

Наклонные стены из бѹтового камня и быстро схватывающагося раствора запечатали долину чередой укрепленных редутов и опорных пунктов. Рему были известны быстрота и завершенность, с которой Механикум ваяли ландшафты. И все же открывавшаяся его глазам картина казалась невероятной.

Долина стала шире и глубже, ее края взрывали, рыли, бѹрили и перекапывали, чтобы соорудить цепь связанных между собой земляных укреплений, расположившихся по всему периметру. Не прошло и полдня, как Четвертая рота развернулась здесь в боевые порядки, и дно долины стало ровным и голым, а черные вулканические стены расцвечивали торозостойкие лишайники и высокие вечнозеленые хвойники. Все это исчезло некогда зеленая высокогорная долина теперь больше походила на каменоломню, разрабатывавшуюся десятилетиями. Отряды Талассарской Ауксилие рассредоточились по редутам, искусно сооруженным из предварительно

напряженных плит, а тяжелые орудия
Ультратаринов расположились в
укрытиях, которых еще десять часов назад
не существовало.

Отступление было тяжелым,
передовые отряды Гвардии Смерти всю
дорогу висели у них на хвосте. Рем не
хотел отдавать неприятелю инициативу,
но новая доктрина требовала отступить.

Разбитые на группы, размещенные в
тщательно продуманных местах, три
тысячи Легионес Астартес Четвертой
роты расположились на отдых за высокой
стеной, и Рем пробирался между ними.
Когда он проходил в тени одной из
строительных машин Механикум, его
передернуло: машина высилась над ним,
глубиннее и шире, чем Галерея Мечей в
Макрагге; от низкого басовитого гула ее
тогучего двигателя содрогалась земля.
Усполинский тускло-желтый корпус был
утыкан орудийными лафетами,
опутанными страховочными лентами с
монокропным изображением Шестерни
Механикум.

Его воины были расставлены за

стенной, каждое отделение расположилось в точном соответствии с новой тактической доктриной. Одной из частей радикальной перестройки принципов организации легиона из крепости Гера стал свод новых инструкций и приказов, устанавливавших строгие предписания для каждого воина и подразделения, как действовать в рядах легиона. Переход от относительной самостоятельности к жесточайшей дисциплине был непривычен. Но уж если кто и мог создать тактическую доктрину для любого противника и любой ситуации, так это Робаут Жиллитан.

На ступенях боевой платформы Ренувидел сержанта Баркха, слушавшего донесения скаутов Четвертой роты с верхних скал. Из всех воинов-Ультратаринов или труднее всего подчиняться навязанным правилам, но новые процедуры были столь всеобъемлющими по сути, что даже горячий командир разведки Четвертой роты Нарон Ваттиан решил, что придраться к ним почти невозможно.

--- Пока никаких признаков, сержант? ---
спросил Рем.

Баркха обернулся и ударил себя кулаком в грудь --- принятый до Единства способ отдавать честь. Было непривычно видеть такой жест у своего сержанта, но Рем полагал его более приемлемым, нежели аквила, учитывая, что они теперь были предателями.

--- Довольно оживленно вокруг Каста Публиус, но пока никаких признаков выступления, --- ответил Баркха, вытянув руки по швам, словно они были на параде, а не на поле боя.

--- Мы не на Макразге, сержант, --- заметил Рем. --- Совершенно ни к чему так строго блюсти устав.

Баркха кивнул, но его поза не изменилась.

--- Правила, капитан, --- ответил сержант. --- Именно потому, что мы на войне, не резон про них забывать. Беспорядок с этого и начинается --- с забытых правил. При мне такому не бывать!

--- Это упрек? --- поинтересовался Рем.

стахивая колючую черную горную пыль со
своего лазурного доспеха.

--- Нет, сэр. --- Баркха уставился куда-то
поверх его правого плеча. --- Просто
факт.

--- Ты совершенно прав, сержант, ---
сказал Рем. --- Окажись рядом с
магистром войны гемазоз вроде тебя,
может, всего этого и не было бы.

--- Я серьезно, капитан.

--- Я тоже. --- Рем начал подниматься
на крепостной вал, оглядывая окрестные
горы. Баркха послушно следовал за ним и
затер рядом, готовый исполнить любой
приказ. Хотя Рем и не мог видеть отряды
Гвардии Смерти, он знал, что они рыщут
в нижних долинах, выискивая слабые места
в оборонительных линиях Ультратаринов.

--- Я не инженер, но даже мне понятно,
что ты не удержим эту стену, --- сказал
Баркха.

--- Почему же?

--- Ее выдвинули слишком далеко
вперед. Самое узкое место долины у нас за
спиной.

--- И?

--- Стена получила слишком глинной. --- Казалось, Баркха не может взять в толк, как его капитан может не понимать того, что для него было очевидным. --- Нам не хватит ни воинов, ни тяжелых орудий, чтобы отбить серьезную атаку.

Баркха показал через плечо:

--- На юге Цэленское ущелье, но оно слишком узкое, чтобы тяжелая бронетехника могла там проползти. На севере перевал Геликан перекрывает Кастра Мэстор. Остается единственно возможный путь --- наша линия обороны, и Гвардейцы Смерти быстро это поймут.

--- Все верно, сержант, --- заметил Рем. --- Ты говоришь это с какой-то целью?

--- Конечно! Вы будто хотите, чтобы они ударили здесь. Чего я не понимаю, так это почему мы позволяем им подобное, вместо того чтобы драться.

--- Атака Гвардии Смерти подобна океанскому приливу, --- сказал Рем. --- Если мы сойдемся лицом к лицу, они нас сметут. Но мы отходим, заманивая в

глубину, пока их войско не растянется и не
ослабеет. Тогда мы и нанесем удар.

--- Это ваш план?

--- Нет, --- ответил Рем. --- Это наша
стратегия, определенная в трудах
примарха.

--- Можно начистоту, капитан? ---
спросил Баркха.

--- Разумеется.

--- Мы что, в самом деле собирается
играть в эту игру по тактическим
правилам из книжки?

--- Из книги примарха, --- наотманил
Рем.

--- Знаю, и речь не идет о непочтении.
Но может ли книга --- даже написанная
примархом --- предусмотреть все
возможные тактические варианты?

--- Полагаю, скоро мы это узнаем, ---
сказал Рем, слушая стрекотание вокса.

Отряды Гвардии Смерти
втягивались на нижние подступы к долине.

--- Объявляй боевую готовность,
сержант, --- приказал Рем.

--- Есть, капитан! --- Баркха
отсалютовал и отправился поднимать

Четвертую роту.

Рем Вентан встопорелся в галь, видя отблески далеких огней у подножия гор. Кастра Публиус потерян, Ультрамарины гибнут, и Гвардия Смерти навигируется, чтобы их уничтожить.

Как же так получилось?

Гвардия Смерти нанесла удар пятьюдесятью двукратными минутами позже. Возглавляли ожесточенный штурм тяжелая бронетехника и гредноуты. Бронированный кулак, который должен был оглушить защитников стены, словно дубина, чтобы потом более легкими ударами их прикончить. Отряды мотопехоты с ревом ринулись вперед, вслеп за оливково-зелеными «Лэндрейдерами», осыпавшими оборонявшихся сверкающими разрядами. Вымученные фаланги воинов в таких же оливковых доспехах покидали бронированные машины и неумолительно теснили позиции Ультрамаринов.

На наступающих лился лазерный огонь, и градом сыпались очереди из болтеров.

пробивая бреши в их рядах, но не замедляя продвижение. Немногочисленная артиллерия Ультратаринов оглушала врага залпами специальных снарядов, кося противника среди безумия света и грохота. Вражеские гредноуты встретились в бой, их орудия-манипуляторы врубались в защитников стены со смертоносной механической точностью.

Рем увидел, как целое отделение Ультратаринов уничтожила пара гредноутов, и приказал своему единственному оставшемуся расчету тяжелого орудия их прикончить. Три ракеты встретились навстречу гредноутам, и один, которому в бок попали две боеголовки, упал замертво. Со вторым было покончено мгновением позже, когда заряд из мультителты прожег дыру в его саркофаге.

Это были тишолетные победы, яркие мгновения перед лицом превосходящей силы. Гвардия Смерти двигалась напролом с упорством бездушного механизма. Рем был первоклассным генетическим убийцей,

но существом куда более высокого порядка. Он гордился своими воинскими талантами, получал удовольствие от возможности помериться с кем то силами, но сражение с Гвардией Смерти означало битву с врагом, берущим на измор.

И все же Рем не собирался плясать под ее боевые барабаны. Тактические данные вспыхивали и прокручивались на взоре: количество погибших и раненых, потери с обеих сторон, предполагаемые исходы боев и множество других переменных величин. Такой мощный поток информации ошеломил бы даже augmented тактика Умперской Армии, но генно-усовершенствованная когнитивная система Рема перерабатывала его в мгновение ока.

Когда Гвардия Смерти перегруппировалась для очередного броска на стену, эйгетическая память Рема получила доступ к параметрам боя, содержащимся в тактической схематике притарха. Он отыскал похожие, следуя логическому курсу предначертанного

порядка действий. Настало время отступить.

Рем прицелил болтер к бедру и отдал соответствующий приказ — один из двух дюжин разрешенных ему. С изумительной четкостью Ультрамарины начали поотрядно отступать, в то время как Талассарская Ауксулия поливала пространство перед стеной лазерным огнем. Механизм Механикум, хоть и не являлся боевой машиной, был оснащен устрашающим набором оборонительного оружия. Пока огромные гусеницы уносили машину с поля боя, небо над головой разрывал раскатистый гром ее орудий ближнего боя — звук на удивление ровный, без привычного звонкого бряцанья множества болтов. Орудийные стволы выпустили последний залп поверх стены, прежде чем машина развернулась и потчалась по петляющей дорожке в горы.

Рем скатился со стены, присоединившись к сержанту Баркхе и своему изрядно поредевшему отделению. Ум, Гелика, Нил погибли, и подразделение оказалось сильно недоукомплектованным.

Однако в наставлениях примарха такая возможность учитывалась, и Рем взял пополнение из отделений, что прошли сражение практически без потерь.

Гвардия Смерти добралась наконец до стены и теперь ее преодолевала. Оборонявшиеся в это время отступали. Когда Ультратарины поднялись на горный хребет, Рем послал закодированный радиосигнал агенту Механикум в исполнинской строительной машине. Мгновение, и серия направленных взрывов обрушила склоны долины, пустив по ним лавины. Это была не более чем задерживающая тактика: скоро Гвардия Смерти пробьется сквозь завалы. Но пока этого достаточно.

--- Опять убегает, --- сказал Баркха по пути в горы. --- Думаете, под стенами Кастра Танагра мы сделали все что могли?

Рем ответил не сразу. На его экране прокручивались данные о соотношении потерь. Мрачные цифры, и все же они укладывались в расчетные условия боя. Выжилки из общей стратегии.

пропущенные через фильтр тактической информации, свидетельствующие, до какой степени обескровлена была Гвардия Смерти, непрерывно штурмующая укрепления Ультрамаринов.

--- Похоже на то, --- ответил он. ---
Остальные ордена постарались на славу.

--- Однако не лучше нашего? ---
уточнил Баркха.

--- Нет, не лучше, --- согласился Рем. ---
«Проблемную Четвертую» никому не
переплунуть, верно?

--- При мне такому не бывать, ---
согласился Баркха.

Рему нравилась отвага сержанта, ему было приятно слышать горделивую агрессию в голосе воина. Похоже, сугубо доктринальный подход примарха к войне устоял перед превратностями боя.

Но это было всего одно сражение и лишь один противник из множества. Настоящие испытания ждали их впереди.

Голопикт, установленный на глянцево́й поверхности графопостроителя, заливал огромный стратегиум ярким светом. Он отбрасывал резкие тени на сверкающие стены и выбеливал загорелые лица. Воздух был тяжелым и спертым, разило ядовитыми маслами и едкой слязкой, тлеющей в курильницах Механикум, представлявшей собой смесь машинного масла с доброй дюжиной токсических элементов. Однако эта черная магия Механикум, несомненно, была эффективной. На Легионес Астартес эти тиазмы не действовали, но смертные в обширном стратегиуме кашляли и терли глаза, из которых непрерывно текли слезы.

Рем Вентан не знал, химические раздражители были причиной этих слез или же картина гибели столь прекрасного мира. Подозревал, что и то и другое.

Он смотрел на разоренный Прандиум, и ему самому хотелось плакать: в

прекраснейшем из миров Ультрамара
дивные леса, горы и мерцающие озера были
в огне или дыму либо отравлены
ядовитыми отходами.

Никогда не боявшийся крайних мер,
Ангрон спустил с цепи своих Пожирателей
Миров. Рем слышал однажды, как его
примарх сказал, что легион Ангрона
стожит добиться успеха там, где все
остальные потерпят неудачу, потому что
Красный Ангел готов идти дальше, чем
командир любого другого легиона, и
разрешить то, что цивилизованные
правила ведения войны считали
недопустимым.

Видя, что сделали с Нрандиумом,
Рем убедился в этом воочию. Это не было
честной войной, скорее, бойней, тотальным
уничтожением. Великий трюг примарха
наверняка не предусматривал столь
ужасного облика войны.

Пожиратели Миров обрушились на
Нрандиум после страшной и длительной
бомбардировки, сровнявшей с землей
большую часть великих городов и
заставившей мир пылать от полюса до

полюса. Но правде говоря, спасти уже было нечего: миллионы людей мертвы, химические боеприпасы отравили воздух и океан на тысячелетия вперед.

И все-таки Нрандиум по-прежнему играл важную роль. Его орбита проходила вблизи центральной точки прыжка и, следовательно, тот, кто контролировал Нрандиум, держал в своих руках и проход к Ультратару. Даже превращенный в груду пустых безжизненных камней, он оставался целым миром, а ни одно место, куда ступала нога Роберта Жиллимана, не будет сдано без боя.

Это произошло так скоро после опустошения Калта, что Рету казалось, будто их миры разрывают на части один за другим. Словно истлевшее древнее зная, оказавшееся за пределами специального хранилища в крепости Геры, рассыпались основы основ Ультратара. Отбито лишь нападение на Талассар — единственная из множества жестоких атак, рвущих на части империю Ультратара. Воодушевленные успехами, воины Мортариона слишком растянули

свои силы и оказались уязвимы, рванув на приступ горной твердыни Кастра Танагра.

Крепость обороняли части Четвертой, Девятой и Сорок пятой рот, и когда Гвардия Смерти пошла в атаку, отделения Сорок девятой, Тридцать четвертой, Двадцатой и Первой роты двинулись в обход и завершили разгром противника. Это был радостный миг, но Рем не представлял, как подобное может произойти тут.

Вокруг графопостроителя собрались капитаны четырнадцати боевых рот Ультратаринов. Их угрюмые лица казались высеченными из гранита. Здесь же находились заместители, старшие сержанты и ученые — саванты. Военные логистеры закачивали в графопостроитель оперативную информацию и стратегические данные, в режиме реального времени описывающие мир, взорванный войной. Мир, утиравший у них на глазах.

— Пятая рота выдвигается на позицию, — сказал капитан Гонория из Двадцать третьей. — Семнадцатая идет

на помощь.

--- Противник вступил в бой с
Двадцать пятой, --- добавил Ураф из
Тридцать девятой.

--- Восточный фланг Агаполиса
стоят, --- прокомментировал Эвексиан из
Седьмой. --- Его прорвут в считанные часы.
Я приказываю Сорок третьей и Тридцать
седьмой отходить.

--- Тринадцатая и Двадцать восьмая ---
на местах, в направлении северного
угара? --- спросил Рем.

--- На местах, --- заверил Гонория. ---
Третья, Пятая и Девятая роты
Пожирателей Миров наседают на границы
Провинции Зарагосса. Если ты не пошлешь
туда подкрепление, можем потерять весь
западный фланг.

Рем обхватил графопостроитель
ладонями, выискивая какое-нибудь слабое
звено в военном плане Ангрона. Как
старший капитан в этом стратегиуме он
был главнокомандующим сил
Ультратаринов на Прандиуме --- уровень,
на который он прежде не поднимался. Это
было назначение самого примарха.

Почему выбор пал на него? В стратегии были и другие, более опытные воины. После Талассара Рем и его Четвертая рота участвовали во множестве боев локального значения и всякий раз выходили победителями, но это были бои на уровне роты, где под его командой находилось несколько сотен воинов.

Здесь — совершенно иной уровень военных действий. Конечно, Рема учили командовать обороной целого мира, но он никогда этого не делал. Учение притарха было намертво запечатлено в его мозгу: варианты, переменные, параметры, способы действий, ответные действия и тысячи подробных планов, на всякий возможный случай в ходе войны.

На Талассаре это сработало, и Рем должен был верить, что здесь сработает тоже.

Он обратился к тактическому графопостроителю и мгновенно оценил обстановку. Передвижение армий, дивизий и когорт — тысяч элементов планетарной войны — представлялось ему паутиной из

аростных атак, обходных маневров, отчаянных боев и окружений. В Наргузии Девятнадцатая рота почти полностью уничтожена, и Пожиратели Миров встретились на север, через пустоши -- некогда живописные пастбища, где на воле паслись дикие лошади и росли уникальные виды растений, ныне практически вытершие.

Собравшиеся в стратегиуме капитаны смотрели на него в ожидании, они не хотели посылать своих братьев на смерть, следуя приказам, разрушающим целостность оборонительных линий Ультратаринов. По карте хаотически расползлись прямые и изогнутые линии, каждая из которых означала отдельную оборонительную позицию Ультратаринов, защитников Ауксиллии и запрошенных в подкрепление частей Имперской Армии.

-- Какие будут приказания, капитан Вентан? -- спросил капитан Гонория.

Рем взглядывался в карту, пропуская текущую информацию через фильтры творения притарха. Приказания представлялись очевидными для него, но

они были лишены смысла. Он еще раз проверил свои умозаключения, зная, что они верны, и, тем не менее, перепроверяя их.

--- Прикажете Двадцать пятой и Седьмой перегруппироваться по всей линии фронта, --- велел он. --- Семнадцатой оставаться на месте и удерживать позицию.

--- Но как же Пятая? --- запротестовал Ураф. --- Они будут отрезаны от остальных, если Семнадцатая не прикроет их с фланга.

--- Выполняйте! --- приказал Рем.

--- Вы обрекаете воинов на бессмысленную смерть, --- бросил Гонория, стискивая пальцами край графопостроителя. --- Я не могу стоять и смотреть, как вы в полном безумии теряете этот мир и лучших, храбрейших людей нашего легиона.

--- Вы обсуждаете мои приказы? --- поинтересовался Вентан.

--- Вот именно, черт побери! --- огрызнулся Гонория, не успев опомниться. Капитан Двадцать третьей сделал

глубокий вдох. -- Я знаю, что вы сделали на Калте, Рем. Черт, мы все уважает вас за это, и примарх вам благоволит. Он ждет от вас великих дел, но ведь это безумие! Вы понимаете?

-- Оспаривая мои приказы, вы оспариваете распоряжения примарха, -- тихо ответил Рем. -- Вы действительно этого хотите, Гонория?

-- Ничего я не оспариваю, -- осторожно произнес Гонория. Он обвел рукой место на проекции Прандиута с ужасающей тактической ситуацией. -- Но как эти маневры смогут остановить Пожирателей Миров? Мясники Красного Ангела пожирают Прандиут, и вы помогаете им это делать.

Рем протолчал в ответ. Внутренне соглашаясь с Гонорией, он должен был верить: примарх знает, что делает. Пытаться постичь работу разума, унаследовавшего совершенство Императора, было практически невыполнимой задачей. Полет воображения, интуиция и логика, на которую способен примарх

Ультратаринов, непостижимы для всех. Кроме другого примарха. Но Рем не был уверен, что кто-то из братьев Робаута Жиллимана способен превзойти его великий стратегический дар.

И все же то, что примарх придумал и передал им, угадывается, если каждая шестеренка в механизме будет крутиться в нужном направлении. А Гонория, несмотря на всю свою отвагу и доблесть, нарушает работу механизма. Этого допустить нельзя. Не сейчас!

— Вы отстранены, Гонория, — сказал Рем. — Покиньте пост и передайте командование своему заместителю.

— Вентан, подождите! — начал Эвексиан.

— Вы хотите присоединиться к Гонории? — перебил его Рем.

— Нет, капитан Вентан. — Эвексиан коротко поклонился. — Но вы должны признать, что ваши приказы выглядят несколько... противоречивыми. Вы знаете это, я вижу по глазам.

— Все, что мне нужно знать, — это то, что за моими приказами стоит

авторитет примарха, -- ответил Рем. --
Или кто-нибудь из вас полагает себя умнее
нашего прародителя? Может ли кто-то
сказать, что разбирается в нюансах
боевых действий лучше, чем наш отец?

Молчание было ответом, которого
ждал Рем.

-- Тогда выполняйте мои
приказания! -- закончил он.

Нрандиум пылал. Значки поменьше,
обозначавшие Ультратаринов, засли по
мере гибели отделений, а воспаленная
краснота пиктограмм Пожирателей
Миров медленно растекалась, подобно
лужам крови. Ни одна часть Нрандиума не
осталась нетронутой. Прекрасные дикие
леса южных провинций превратились в
засыпанные радиоактивным пеплом
пустыни, от хрустальных скал на востоке
исходило токсическое излучение -- на его
исчезновение понадобятся тысячи лет.
Великолепные города из золотистого
мрамора лежали в руинах: орбитальные
заградительные бомбы стерли их с лица
планеты.

То, что началось как планетарная война, распалось на тысячу локальных сражений между разрозненными воинскими соединениями. Ультратарины сражались на расстоянии всего нескольких миль друг от друга, но словно в разных мирах.

У Ремэ было ощущение пагения в бездну. Он уже жалел о своем решении отстранить Гонорию от командования. Не он ли сам говорил Баркхе о пользе гемагогии? Разве не должен каждый руководитель внимать голосу несогласных, чтобы задуматься о правильности принимаемых решений?

Ремэ разглядывал карту, выискивая хоть какие-нибудь признаки положительного исхода боя и гадая, где ошибся, что сделал не так и какой аспект учения примарха не учел. Он реагировал на каждое изменение, скрупулезно следовал новым доктринам, и все же Прандиум вот-вот будет навсегда потерян.

— Бросьте вперед Тринадцатую, — сказал Ремэ. Это автоматическая память включила еще одно наставление примарха. — Помогите Семнадцатой и

прикажете Одинадцатой
перезгруппироваться, чтобы обойти с
фланга Пожирателей Миров,
наступающих на Таргонис. Пусть
вступают в бой и удерживают их на
месте.

--- Сделано, --- отозвался Ураф.

--- Велите Восьмой группировке
отойти к границе провинции Уксиан.
Отрядам Механикум и саперам строить
временные укрепления, --- добавил Рем,
когда очередные тактические данные
поступили в его негантичную память.
Схема исчезла, и он начал понимать,
насколько уязвимы позиции Пожирателей
Миров. Пришлось заплатить кровью и
жизнями, чтобы довести их до этого, но
теперь стало очевидно, насколько
сбалансирована великая стратегия.

--- Чтобы одержать величайшую
победу, надо идти на величайший риск, ---
сказал ему примарх посреди
радиоактивной пустыни Калта.

--- Вы никогда не рисковали, ---
возразил Рем.

--- Ты просто не знаешь, --- ответил

Жиллиман.

Когда неисчислимое множество вариаций, отображенных на графопостроителе, хлынуло в обрабатывающие центры сознания Рема, в его мозгу вспыхнули все ответы и необходимые маневры. Он слышал, что величайшие из полководцев -- те, кто делает меньше ошибок, но это ерунда. Величайший полководец -- тот, кто просчитывает каждую случайность и точно знает, как станет сражаться его противник. Видя изумительную красоту и сложность военных хитростей, разворачивавшихся в голове, Рем знал наверняка, что Роберт Жиллиман был именно таким полководцем.

Слова родились сами собой, используя его лишь в качестве проводника.

-- Прикажете боевой группировке «Ультима» выровнять линию фронта по реке Аксиана, -- сказал он. -- Девятой и двадцать пятой изменить направление удара: северо-восток, до квадрата шесть-девять-альфа/восемь-три-дельта.

Капитаны мгновенно выполнили его

распоряжение, но Рет еще не закончил. Приказы так и сыпались из него, и каждый был как отравленный дротик в сердце вражеского командира. Подчиненные едва поспевали за ним, отдававшим распоряжения о переброске войск с головокружительной быстротой. На их лицах читалось замешательство, но потеря того как армии Ультратаринов перегруппировывались, оно сменялось изумлением.

В центре Земель Праксос средоточие красных значков -- одна из ведущих боевых группировок противника -- оказалось в кольце после того, как разрозненные отделения Ультратаринов соединились, будто закрывающиеся ворота, заперев врага в смертельной зоне поражения. Когда три боевые роты Ультратаринов обрушили на них всю свою мощь -- залпы артиллерии, болтеров и перекрывающиеся полосы сплошного огня утело расставленных опустошителей, -- эти значки стали гаснуть один за другим.

По всему Прандиуму когорты Пожирателей Миров вдруг оказались

отрезаны друг от друга и окружены
неудержимая агрессия толкала их прямо
под пушки Ультрамаринов. Это было
сродни эффекту домино, когда множество
костьшек, расставленных, на первый
взгляд, хаотично, сбивают друг друга,
порождая удивительный выброс
кинетической энергии. Отрады
отступающих вдруг развернулись и
соединились с братьями, хлопнув за
Пожирателями Миров смертоносные
запады.

Ультрамарины двигались в такт
повелениям Рема, словно грациозные
артисты балета, являя собой отлаженную
машину для убийства. Их символы
оставались ярко-синими, в то время как
красные значки захватчиков неумолимо
гасли. Пожиратели Миров продолжали
утирать, а показатели потерь
Ультрамаринов упали практически до
нуля.

В течение часа все бои закончились.
Прандиум был спасен.

— Не могу поверить, — прошептал
Ураф, когда из всех точек разоренного

тира начали приходить донесения об
окончании боевых действий.

--- Это кажется невозможным, ---
выдохнул Эвексиан. --- Так быстро и
безжалостно!

Рем и сам с трудом верил, что
наступила развязка: одно дело --- верить в
проницательность примарха и мудрость
его великого труда, и совсем другое ---
видеть это в действии.

--- Какова наша боевая
эффективность? --- спросил он.

Капитаны спешно предоставили
информацию, загружая данные из
донесений с поля боя, сводки потерь,
таблицы расхода боеприпасов и списки
выбывших по подразделениям. Донесения
шли через графопостроитель; некоторые
были красные, малая часть --- оранжевые и
подавляющее большинство --- благотворно
зеленые. Ураф сумтировал входящий
поток, но Рем не нуждался в
интерпретации, результаты были
очевидны.

--- Семьдесят семь процентов
подразделений в состоянии полной боевой

готовности, -- доложил Ураф. -- У восьми процентов -- минимальный или ненадежный уровень готовности, и еще тринадцать процентов находятся у опасного порога эффективности. Лишь два процента небоеспособны.

-- Если бы я не видел этого своими глазами... -- произнес Эвексиан, выражая общую мысль.

-- И все это пришло из книги примарха? -- спросил Ураф.

-- А вы сомневались? -- поинтересовался Рем.

-- Будь я проклят, но на миг усомнился, -- ответил Ураф, стахивая пот со лба. -- Можете меня наказывать, если нужно. Я боялся, что Прандиум будет потерян вместе со всем легионом.

-- Прандиум все равно что потерян, -- с горечью заметил Эвексиан.

Взгляните, что эти кровожадные погонщики сделали с Прекрасной Девой Ультратара. Может ли планета оправиться после такого испытания?

-- Миры Ультратара сильнее иных, -- ответил Рем, глубоко

вздохнув и улыбнувшись одержанной
победе. --- Прандиум восстановится и
станет краше прежнего. Поверь мне!
Чтобы уничтожить ее великолепие, одних
мясников Ангрона недостаточно.

--- Не нравится мне это, --- сказал сержант Баркха. --- Такое ощущение, что мы летим в консервной банке. Эту обшивку можно плевком насквозь пробить!

--- Ты же плюешься кислотой, --- напотнил ему Рет. --- И мало в каких обшивках и корпусах не сможешь прогелать дыру своей слюной.

--- Вы понимаете, что я имею в виду.

--- Понимаю, но волноваться не стоит. «Грозовой ястреб» --- временный вариант. Это ненадолго.

--- Хорошо. --- Баркха оглядел голые штатпованные внутренности десантно-штурмового корабля. Его металлические ребра жесткости были ничем не прикрыты, стальные кишки проводов, собранные в завязанные узлы жгуты, змеились из одного конца похожего на коробку фюзеляжа в другой. Ультратар лежал вдалеке от миров-кузниц Механикум, и Тринадцатый легион лишь недавно получил флот из новых

тяжеловооруженных летательных аппаратов. Рема в этом корабле раздражали неаккуратная сборка, некачественное оборудование и непрофессиональные конструкторские решения. Никто из создателей не считал возможным дать проекту свое имя, что было неувидительно. По всем признакам, корабль собрали сервиторы, и необходимость доверять ему свою жизнь не радовала. На соседней переборке виднелось вытравленное кислотой клеймо Механикум, и Рем коснулся его «на счастье».

— Я видел, — сказал Баркха. — Вы уверены?

Вопрос был задан вроде бы не всерьез, но Рем услышал в нем предостережение, намек на то, что ответ следует хорошо обдумать. Баркха имел полное право осуждать старшего офицера за неподобающее командование воинами Ультратара. Даже теперь, в разгар сражения. Особенно теперь.

— Нет. Но то, что они верят в эту машину настолько, чтобы поставить на

нее свой знак, придает мне уверенность.

--- Наверное, это единственное, что не дает ей рассыпаться, --- заметил Баркха, когда летательный аппарат сделал вираж вокруг одной из иссушенных солнцем силосных башен Квинтарна. Столбы света из обзорных блоков в фюзеляже корабля покачнулись, и Рем почувствовал, как от живота машины что-то оторвалось. Столкновение или сбой системы? Сердце екнуло, поскольку крылья резко снижающегося летательного аппарата прошли в метре от серебристой обшивки силосной башни.

--- Впереди цель! --- раздался голос по внутренней vox связи, напряженный от усилий, которых стоило удерживать сопротивляющуюся машину. По голосу пилота Рем понял, что думает о новом корабле экипаж. У прежней «Грозовой птицы» были явные преимущества, например устойчивость, делавшая полеты на ней истинным удовольствием, и надежная защита легионеров.

Рем подключил разъемы своего шлема к пикт-устройствам.

установленным в носовой части корабля, наблюдая строгую симметрию Узризии --- одного из главных сельскохозяйственных гидрополисов Квинтарна. Город, хоть и был отдан на утилитарные нужды выращивания и переработки урожая, обладал своеобразной красотой, создаваемой величественными башнями, навесами на столбах и облицованными тратором домами для собраний. Планировка улиц ласкала глаз мастерским сочетанием функциональности и эстетики. Как и почти во всем на Ультрамаре, в проектировании и планировке городов чувствовался гений примарха.

Жаль, что он не приложил руку к проекту этого корабля...

Опорные пункты противника в городе были помечены красным, и Рет видел, насколько глубоко он запустил свои острые когти в тело столицы. Враг преуспел именно в городских операциях, предпочитаемая оружие, более подходящее для боев на ближнем и среднем расстоянии, способное прожигать укрытия насквозь,

будто их вовсе не существовало.

Это сражение будет самым показательным. Остальные едва не заканчивались их поражением, пока великий труд притарха не подтверждал свою значимость. Это происходило раз за разом, сражение за сражением. Четвертая рота была отнюдь не единственной, вооруженной невероятным достижением их праотца. В то время как приближалась воздушная атака, другие роты сражались на различных направлениях театра военных действий по всему Квинтарну.

Рем был уверен, что за ним и его воинами наблюдают особенно пристально, чтобы узнать, укоренилось ли учение в их душах. В определенных кругах «Проблемная» Четвертая рота прославилась отчаянной храбростью и безрассудной отвагой. Считалось, что если творение притарха приживется у них — значит, приживется и везде. А после Калта...

Четвертая шла впереди, остальные следовали за ней.

Рем отключил тактическое

бегение, поскольку десантный челнок
согрознулся, и пилот, уходя от огня
зенитных орудий, совершил несколько
маневров, выворачивающих наизнанку
внутренности. Сигнальная лампа над
штормовой рамной замигала красным и
зеленым светом, и Рем хлопнул по пряжке
противоперегрузочной рамы. Рамы
поднялась у него над головой, а он
выхватил из соседней ниши свой болтер.
Хоть «Грозовой ястреб» и являлся
развалиной, размещение груза на нем было
продумано хорошо, что придавало хоть
немного функциональности.

--- Четвертая! --- выкрикнул Рем. ---
Высадка через пятнадцать секунд!

Тридцать воинов заполнили брюхо
«Грозового ястреба» --- сила, способная
противостоять любому противнику и, с
большой долей вероятности, уничтожить
его. И все же Рему было странно идти в
бой, не имея за спиной по меньшей мере
пятидесяти воинов. Эта война не
предполагала ни честного боя, ни уважения
противника, только численное
преимущество. Мало кто сумел бы

пережить внимание к себе пятидесяти
Ультратаринов. Немногие переживут и
атаку тридцати. И все равно это
нервировало.

Рем занял свое место в центре
штормовой рапны. Звук двигателей стих,
и пилот остановил корабль, удерживая его
в воздухе. Рапна опустилась, и сухой жар
опаленного камня и раскаленного металла
наполнил отсек. Но какими бы сильными
были эти запахи, они не могли
перебить зловоние искусственных
удобрений, химических добавок к почве,
пряный дух вспаханной земли и тысяч
акров посевов. Рем ринулся вперед, а его
воины выстроились ровными рядами по обе
стороны от него. Они выскочили наружу,
пригнувшись, чтобы не попасть под струю
раскаленных газов, вырывающихся из
двигателей «Грозового ястреба».

Все оказались на крыше, обожженной
дочерна и едко пахнущей горящим
ракетным топливом. На паранетах
лежали неподвижные тела в зеленых
доспехах, и Рем увидел среди груды трупов
множество пусковых установок.

--- Хорошая посадка убивает, --- сказал Баркха, проследив за его взглядом.

--- Точно, --- откликнулся Рем. Он не почувствовал, как носовые орудия «Громового ястреба» вели огонь, но считал это вполне естественным. Высадить десант в «горячей точке» было делом сложным и рискованным, но орудия «Громового ястреба» эффективно зачистили место высадки от противника. Подумав так, он едва не остановился. Легко было бы заняться исполнением своих прежних обязанностей, но эта операция совершенно иная.

--- Что-то не так, капитан? --- спросил Баркха. --- Надо двигаться. Мы застали их врасплох, но это временное преимущество.

--- Я в порядке, --- заверил его Рем, бросив последний взгляд на трупы и тряхнув головой. Немыслимое стало реальной угрозой, и ему предстояло сохранить все, что стояло на кону. Кто враг, значения не имело. Важен лишь результат. Ультратарины должны двинуться и победить.

Еще никогда ставки не были так

высоки. Победа гарантировала жизнь
самому драгоценному, что есть в
Галактике. Поражение обрекало его на
гибель — окончательную и бесповоротную.
Рем гнал прочь мысли, не имеющие
отношения к бою. Он — капитан
Ультратаринов и должен делать свое
дело. Точка!

Вражеский командный пункт
располагался в стоявшем поодаль здании, и
его захват был ключом к всеобъемлющей
стратегии примарха. Негели
зондирования, взламывания кодов и
расшифровки позволили разработчикам
операции Ультратаринов определить
наиболее вероятные места размещения
вражеских командных и оперативных
пунктов. Теперь, когда в сражении за
Квинтарн наступило равновесие, пришло
время воспользоваться этими
заготовками.

Пока бронетанковые части вели бои с
хорошо окопавшимся противником вдоль
линии фронта, Рем вел тридцать своих
воинов, чтобы нанести точечный удар и
обезглавить командную систему врага.

Перехваченные шифровки
свидетельствовали о том, что вражеский
главнокомандующий находится на поле
боя. Таким обстоятельством грех не
воспользоваться.

Рем изучил планировку здания до
телочей и повел своих воинов к
бронированному бункеру, из которого
лестница вела на верхнюю крытую
галерею. Он двигался тихо и прижимался
к паранету, держа дверь под прицелом.
Врагам не было смысла высываться
наружу, и они не Ультратарины. Но кто
знает степень их безрассудства?

Рем задержался у ряда выступающих
компрессионных труб; их металл, горячий
на ощупь, покрывали капли конденсата.
Его воины заняли позиции, приготовившись
к штурму бункера, и он воспользовался
мгновением, чтобы бросить взгляд через
зубчатый паранет на краю крыши.

Вокруг простирался город, его
металлические вышки и сверкающие
силовые башни блестели под жгучим
солнцем, будто серебро. Едва
Ультратарины рассредоточились по

периметру крыши, их корабль поднялся в воздух с пронзительным клекотом, словно оправдывал свое название. Ред выдел, как он улетал прочь, заняв место в боевом строю среди двух дюжин других кораблей. Лучи света протянулись к ним с земли. Замаскированные зенитки разорвали небо, и с полдюжины «Громовых ястребов» оказались погбиты, выпали из строя и по дуге устремились вниз.

Ред не смотрел, как они падают, а рванул к бункеру, сооруженному посреди крыши. Его бронированная дверь наверняка была заперта, но это не представляло никакой сложности для штурмовой группы. К тому же приказы не требовались: еще до высадки Ред проинструктировал своих людей, и теперь каждый из них знал свою задачу и задачи братьев. Если кто-то погибнет, другой выполнит работу за него.

Ред устремился вперед, крепко прижатая к себе болтер. С других зданий до него доносились звуки боя: громкие хлопки болтеров и свистящий рев вражеских огнеметов. Он скривил губы в презрительной устешке — подобное оружие

могло бы напугать скопище ксеносов, но для воинов в лучших доспехах, доведенных до совершенства оружейниками Макрагге, оно не представляло опасности.

Сержант Аркон и брат Пилера подскочили к бронированной двери. С быстротой опытных саперов они пристроили к петлям и замку взрывные устройства. Потом, размотав демонационный кабель, заняли места по обе стороны двери. По знаку Рема беззвучный цифровой сигнал подорвал заряды, и дверь ушла внутрь, словно от удара исполинского кулака. Рем и Баркхабросились вперед и ударили по ней ногами. Металл согнулся, сложившись почти пополам под воздействием чудовищной силы.

Ускореженная дверь отскочила, но прежде, чем она успела упасть, еще двое Ультратаринов швырнули в дымящееся отверстие несколько гранат. Снизу донеслись звуки разрывов — на удивление негромкие, словно хлопки фейерверка. Баркха шагнул было к дверному проему, но Рем поднял сжатую в кулак руку,

удерживая своих воинов на месте.

Из бункера вылетела струя ревущего и клубящегося жидкого пламени и облизала ступени лестницы, находившейся за дверью. Огонь вырвался из дверного проема, но прежде, чем оружие смогло выстрелить снова, Рем кивнул Баркхе. Его сержант качнулся к двери и выпустил в направлении лестницы очередь из болтера. Шум был оглушающий, гулкие хлопки разрывов эхом отдавались в лестничном колоде, озаряемом пульсирующими вспышками.

Баркха устремился вниз по лестнице, и его отделение последовало за ним. Второе отделение повел вниз Рем, остальных воинов возглавил сержант Аркон. Лестничный колодец был выжженным и почерневшим, будто жерло вулкана.

«Пускай ублюдки почувствуют себя как дома», — подумал Рем.

Он выскочил с лестницы на широкую крытую галерею, проходившую вдоль внутренних стен строения. Здание представляло собой полый прямоугольник с

внутренним говором, пятьдесят метров в
ширину и сто в длину. Снизу неслось
хлопки разрывов и треск очередей,
противник отчаянно пытался
перестроиться и организовать оборону.
Рем заметил три танка — два «Рино» и
один «Лэнгрейдер», — оцетинившихся
целым лесом гибких антенн.
Бронированные машины были выкрашены в
тусклый коричневато-зеленый цвет, а на
их боковых дверцах красовались черные
драконы головы.

— Аркон — налево, Баркха — направо! —
крикнул Рем.

Но слова были лишними. Оба
командира прочли трактат примарха о
штурмовых действиях и не нуждались в
его подсказках. Из выходящих на галерею
помещений выскакивали воины в зеленых
доспехах с оружием в руках, но было уже
поздно.

Ультратарины начали стрелять,
обрушив на врага такую лавину огня, что
даже боевые доспехи работы мастеров
оружейников были бы не в силах долго его
выдерживать. Заметив впереди движение,

Рем выстрелил из болтера, скомпенсировав дополнительный вес постволом. Он автоматически приготовился отскочить и лишь потом понял, что в этом нет необходимости. Воины перед ним были мертвы: один перевалился через балюстраду и полетел вниз, во внутренний двор, другой упал чуть менее театрально.

Рем опустился на колени возле тела, разглядывая доспех и нанесенные на него знаки. Зубастые драконы на огненном поле в сочетании со знаками молота и кузницы — свидетельство Кюльта Прометея. Слишком дикого и слишком религиозного, чтобы быть имперским. Это было похоже на жестокую культуру, которая развилась в цивилизацию, но так и не стала по-настоящему цивилизованной.

«Саламандры» — в самом имени звучала жестокость. Названному в честь древних чудовищ легиону недоставало весомости, и Рем лишь покачал головой, удивясь его прилитивной сущности.

— И каково это — принять смерть, зная, что ты мой враг? — спросил Рем у

утирающего Саламангра.

— Никакой разницы с тем, когда я утирал, будучи твоим братом, — ответил воин, и его голова повисла.

Рем кивнул и забыл про мертвеца.

Визор показывал меняющуюся тактическую обстановку. Его воины зачистили верхнюю часть здания и теперь с боем прорывались на нижний этаж. Внезапность нападения застала Саламангра врасплох, но в этих огнепоклонниках еще сохранился боевой дух. Рем сопоставил текущее положение дел с идеальным, описанным в трудах примарха, и сразу понял, как им прорвать оборону противника.

— Сержанты, — велел Рем. — Северная лестница готова сдаться. Аркон, я хочу, чтобы твое подразделение перебралось к южной часовне. Подави огнем танки и воинов во дворе. Баркха, ты с тобой прорвешься с севера, пока Аркон не дает им поднять головы.

— Ясно, — ответил сержант Аркон. — Выдвигаюсь на позицию.

Рем повел своих людей в обход

шахты. Снизу все пылало, то тут, то там со стуком падали гранаты, перелетевшие через паранет. Ультрамарины перебрасывали их обратно, но Саламангры приспособились выжидать какое-то время, прежде чем бросать боеприпасы. Рем пригнулся, когда связка гранат ударилась о стену совсем рядом с ним. Два его воина упали, их доспехи пронзительно взвыли. На Рема обрушилась мощная ударная волна, но, чтобы вывести его из боя, этого было недостаточно.

--- Вперед! --- закричал он. ---
Вставайте и вперед!

Ультрамарины поднялись и ринулись к лестнице. Рем заметил напротив себя людей Баркхи и, рванув за угол, увидел, как бегущие впереди бойцы из его отделения поливают огнем лестничный колодец. В то же мгновение Баркха обогнул другой угол шахты, и они оба заняли позицию наверху лестницы.

--- Сопротивление? --- спросил Рем.

--- Минимальное, легко подавить, --- последовал лаконичный ответ.

--- Идем на штурм. Три, два, один...

Почти в тот же миг у дальней лестницы раздался залп из тяжелых орудий, и двор заполнился глухими хлопками тяжелых болтеров, сопровождаемыми шипящим свистом снарядов. Стрельба в шахте ослабела. Рема выскочил из-за угла и полчился по лестнице во двор, прыгая через две ступеньки. Внизу, в арочном проеме, заваленном сверкающими осколками модифицированных ракетных боеголовок, возник Саламандр. Он наставил на Рема мелтаган, но выстрел Баркхи угодил ему в голову и отбросил за пределы видимости. Еще один враг палил из-под арки, не показываясь, но стрельба велась наугад. Доспех Рема зарегистрировал попадание в правое плечо, но удар был нанесен вскользь и оказался не таким сильным, чтобы его остановить.

Рем выскочил во двор, меткими выстрелами из болтера разя наповал солдат противника. Спрятавшиеся за своими танками от огня Аркона сверху, они оказались не защищенными с тыла. Третья выстрелами Рем уничтожил

двоих. Третьего Саламандра заряд тоже не настиг, но тот не упал, а вскинул свое оружие — черную как смоль мультиметлу. Рем нажал на спусковой крючок, и боек его болтера ударил по пустому патроннику.

Он ругнулся по поводу слабой огневой дисциплины и бросился под прикрытие выведенного из строя «Рино».

Не успела мультиметла выстрелить, как в землю перед стрелком ударил реактивный заряд, и взрывной волной Рема сбilo с ног. Он нырнул в укрытие, благодаря судьбу за то, что по меньшей мере один стрелок Аркона задумался прикрывать неосторожных воинов Четвертой роты с тыла. Он ухмыльнулся. Даже книга притарха не смогла до конца выправить дух «Проблемной Четвертой».

Рем вставил новый магазин и окинул взглядом заваленный трупами двор, выискивая знаки отличия или какие-либо именные метки, указывающие на офицеров. Он видел гравировки на зубях, драконьи амuleты и кузнечные символы, но ничего похожего на обозначение ранга. Рем был

немного знаком со знаками отличия Саламангр, но пока не встретил среди убитых ни одного командира.

Неужели их разведка ошиблась? Это предположение было сразу отброшено. Мысль о том, что Роберт Жиллиман мог ошибаться, казалась нелепой. Даже еретической, что, учитывая сегодняшнюю бой, просто вызывало смех. Он вновь сосредоточился на поле боя, отчаянно желая, чтобы их миссия увенчалась успехом. До сих пор Четвертая рота вносила лишь победные записи в летопись военных кампаний легиона, и Рел не собирался портить этот список поражениями.

Оба «Рино» Саламангр были отмечены как выведенные из строя. Системы управления разрушены и не подлежали восстановлению, но могучий крутобокий «Лэндрейдер» выглядел лишь слегка поврежденным: выведено из строя оружие и пострадала от удара одна из гусениц. Танк не двигался, но то, что находилось внутри, скорее всего, было еще живо.

Словно подтверждая догадку Рема, «Лэнгрейдер» повернулся вокруг своей оси. Кални, которыми был вытощен двор, крошились в пыль под чудовищной тяжестью монстра. Передняя десантная аппарель откинулась, и появились три фигуры — титаны среди смертных, гиганты по сравнению с обычными людьми.

Терминаторы.

Рем видел терминаторские доспехи во время сражения за Калт: могучие комплекты брони, настолько огромные, что казалось невозможным, чтобы их мог носить человек. Новизна и сложность данного снаряжения таковы, что очень немногих Ультратаринов из Первой роты обучали ими пользоваться. Да и хватило бы доспехов всего на несколько сотен воинов, поскольку конвейеры Механикум по их массовому производству только прибыли на Маккрагге, когда пришли вести о резне на Усттваане-5.

Протоздкие бронированные терминаторы были на целую голову выше Ультратаринов, толстые нагрудники отражали заряды болтеров, словно легкий

гождик. Рет видел, как эти воины
сражались с Несущими Слово, но сойтись с
ними лицом к лицу ему пришлось впервые,
и он вовсе не горел желанием это делать.

Один из воинов носил оливкового
цвета кольчужный плащ поверх левого
наплечника, а на его шлеме красовался
череп неведомого зверя с глиняными
клыками, придавая Астартес
отвратительное сходство с каким-то
странным ксеносом-варваром. В одной руке
воин держал исполинский молот,
заряженный потрескивающей энергией, в
другой — щит, нечто вроде почетного
знака, дающего ему право носить оружие
невероятной мощи.

Свирепого военачальника — явно
командующего этой группой Саламандр —
сопровождали еще два воина, каждый —
человекоподобный боевой танк,
вооруженный чудовищным кулаком и
громогласным оружием, похожим на
спаренный болтер.

Их болтеры извергли огненную бурю,
перепаливая двор слева направо разрывами.
Три Ультратарина упали, два

преторианца взяли их в вилку и расстреляли. Это было не случайное попадание, а методичное убийство. Заряды пролетели мимо Рема: едва огненные вспышки устремились в его направлении, он нырнул обратно под «Руно».

Вражеский военачальник не участвовал в атаке, вместо этого под прикрытием «Лэндрейдера» он обрушил свой огромный молот на стену внутреннего двора. Один удар молота проделал в стене двухметровое отверстие. Смертоносное оружие разбило каменную кладку и стальные прутья арматуры. Еще пара таких ударов, и вражеский главнокомандующий уйдет из под атаки. Организовать эффективную погоню по улицам Цгризии почти невозможно. Доспех Рема уже регистрировал бешеный поток волн сообщений, исходящих от командующего, запрашивающего подмогу. Через считанные мгновения цель будет потеряна.

--- Все сюда и захлопнуть ловушку! --- приказал он. --- Цель перемещается.

Ультрамарины покинули свои укрытия и начали пробираться ближе к нему, поливая двор короткими очередями. Но там, где обычный противник был бы вынужден залечь под обстрелом, терминаторы шли в полный рост.

Рем увидел, как подстрелили Баркху — в его доспех угодило сразу несколько зарядов из огромных болтеров. Баркха мгновенно выругался на талассарском, упал на землю и затих. Рем, прижатый к земле и видящий, как быстро редеют ряды его воинов, понял, что у него есть один шанс выиграть этот бой. Он вызвал сержанта Аркона.

— Аркон, огонь на подавление по внутреннему двору. Живо!

— Капитан, но тогда вы окажетесь в зоне поражения.

— Знаю, выполняй! Залей это место огнем!

Повторять приказ не требовалось. Аркон знал свое место в командной цепочке. Как и Рем. Главное — боевая задача. В писании примарха ясно сказано, что жизни воинов — важнее всего, особенно

воинов Легионес Астартес, поскольку их явно будет не хватать в грядущей войне. Но не менее очевидно, что войны выигрываются кровью солдат. И порой единственный способ победить — пожертвовать всем ради победы.

— Быстрее, Аркон! — закричал Рем, когда командир противника пробил стену и попытался бежать. На двор огни за другими посыпались ракетные снаряды, и его захлестнуло пламя. Тяжелые болтеры стреляли вновь и вновь, их смертоносный огонь был беспощаден. Заряд угодил капитану Саламандр в плечо, и от удара его развернуло; тут же второй снаряд ударил в наплечник. Силой взрыва его бросило на колени. Сверху прилетел еще один снаряд, но Саламандр вскинул щит и закрылся. Отбитый снаряд рикошетом улетел во двор и взорвался прямо среди Ультратаринов, притаившихся за немногочисленными оставшимися укрытиями.

Нескончаемый шквал огня заполнил двор, и Рем потерял представление о происходящем, когда оглушительная

накофония звуков обрушилась на него. Он утратил контроль над ходом сражения, но мог вернуть его, если бы узнал, что стало с военачальником Саламандр.

Он пополз по-пластунски вокруг «Рино», положив болтер на предплечья. Снарядные гильзы, дробленые камни, труны... Вокс, потрескивая, вопил ему в ухо: соседние группы запрашивают информацию, сообщают о переговорах вражеских отрядов, спешащих к зданию, пилоты «Громоых ястребов» предупреждают друг друга об опасности. Рем выбросил все это из головы, сосредоточившись на том, чтобы как можно быстрее выполнить свою задачу.

Он добрался до «Рино» и встал на колени, чтобы просто выглянуть из-за гусеницы танка. Терминатор Саламандр уже стоял на ногах, хотя визор Рема показывал многочисленные уязвимые точки на его доспехе.

Видимо, военачальник почувствовал его присутствие и обернулся. Рем встретился с ним взглядом, глаза в глаза. Он смотрел на него поверх ствола своего

болтера, и, хотя не мог проникнуть сквозь
скалящуюся кератитовую боевую маску,
ему казалось, будто он видит угольно-
черную кожу воина и свирепые красные
глаза. Конечно, это нелепо, но на лицевом
щитке Саламандра имелась уязвимая
точка, и меткий стрелок мог этим
воспользоваться...

Рем нажал на спусковой крючок, и
болтер выплюнул один единственный
заряд. Хотя оружие стреляло на
сверхзвуковых скоростях, у Рема возникло
ощущение, будто он может проследить
как снаряд пронзает воздух. Еще в момент
выстрела он знал, что попал в цель. Заряд
угодил Саламандру прямо в лицо, и Рем
увидел, что его визор зарегистрировал
уничтожение. Терминатор не упал ---
успех не предусматривал, чтобы
нагевший его мог падать, даже после
смерти.

Рем выдохнул, перевернулся на спину
и позволил остаткам напряжения вытечь
из мышц. Это сражение, хоть и было
одним из самых коротких, оказалось и
одним из самых трудных.

Высоко над зданием с ревом кружили
«Грозовые ястребы», словно птицы-
нагаальщики в предвкушении пира.

Вдоль базальтового ущелья дул холодный ветер, приносящий песчинки с высоких пиков Маккрагге. Рет чужал в этом ветре столистый запах высокогорных елей и хрустальную свежесть ледниковых озер. Он скорчился позади пирамиды — трехметрового конуса, сложенного из обломков вулканической породы с древними отметинами, указывавшими путникам безопасную дорогу через перевалы, где можно найти воду и кров. Эти знаки древней клинописи Маккрагге не смог бы прочесть чужак, будь он даже гражданином Ультратара.

Много лет прошло с тех пор, как Рет мальчишкой проходил через эти горы. Полуживой и еле стоявший на ногах от усталости, он брел от одного знака к другому, сражаясь за место в рядах Ультратаринов. Из всех парней, что тогда отправились на последний этап испытания, выжил он один. Остальные умерли от тепловых ударов и

обезвоживания; разбились, сорвавшись с
высоких скал, или попали в лапы свирепых
кошек, обитавших в пещерах. Когда Рем,
спотыкаясь, буквально внес себя в бронзовые
ворота крепости Геры, его встретил
капитан Пендаррон — герой, сражавшийся
бок о бок с Робаутом Жиллиманом в
диких землях Уллирии еще до того, как
Галлан предал Короля-воина Конора.
Капитан поднял его, отчитал и отправил
в апотекареон, кивнув в знак одобрения.

Воспоминания о том времени
подарили приятный выброс эндорфинов, но
удовольствие было недолгим. Это
случилось целую жизнь назад: почти два
века сражений отделяли того мальчишку
от воина Легионес Астартес, которым
стал Рем. Паренька ждали десятилетия
тренировок, годы тяжелого труда, горя и —
да-да! — счастья. Доказать, что он
достойн занять место в рядах
Ультратаринов, было для него величайшей
гордостью. Он до сих пор помнил радость
своей матери, видевшей его марширующим
по улицам Макразге в сверкающих синих
боевых доспехах.

После Рема больше никогда не видел своей матери, но эта потеря тронула не так сильно, как он ожидал. Его мышление кардинально изменилось, и, хотя способность испытывать печаль и волнение никогда не делась, нужны были особые стимулы, чтобы включить эмоции, связанные с прежней жизнью простого смертного.

Треск в вокс-сети вывел Рема из задумчивости. Он страхнул с себя воспоминания о золотых деньках и сосредоточился на теперешних, мрачных. Эта кампания была самой трудной из всех, так как Сыны Хоруса постоянно превосходили их численно и в тактике. Воксостосе флотилии магистра войны разгромили их заслоны и напали из ниоткуда, чтобы разрушить стройные боевые порядки Ультратаринов.

Планеты гибли одна за другой. Сарентус, Масали и Квинтарн были потеряны. При мысли о последней, после всего, через что прошла Четвертая рота во время боя с Саламандрами, у Рема ком подступал к горлу. Прандиут тоже погиб.

его разорение, начатое Пожирателями
Миров, довершили вирусные
бомбардировки, уничтожившие все живое.
Цакс осыпали зажигательными бомбами,
пока Саг Ультратара не превратился в
выжженную пустыню.

Ни одна операция, проведенная
магистром войны, не была похожа на
предыдущую, и до Рема доходили слухи из
высших эшелонов, что у планировщиков
главного стратегиута иссякли идеи, как с
ним сражаться. Рем знал, что это
неправда. В писаниях примарха должен
найтись способ отразить атаки на
Ультратар. Но план этот слишком
сложен и всеобъемлющ, чтобы быть
понятым смертными, даже теми, чьи
познавательные способности обострены,
как у Легионес Астартес.

Робаут Жиллитан никогда не
проигрывал и, конечно, не проиграет и эту
войну.

Макразге не может настать. Просто не
может!

Рем не знал, считать это фактом
или горячим желанием.

Баркха вскарабкался к нему по каменистому склону, прячась за скальными выступами, служившими укрытием для этого отделения Четвертой роты. В тридцати метрах под ним по дну каньона змеилась ровная и хорошо утоптанная дорожка через горы. Было решено, что именно здесь, вдали от сражений на подступах к крепости Теры, магистр войны поведет свои войска в обход через каньоны, чтобы открыть второй фронт против последнего бастиона Ультратаринов.

Четвертая рота охраняла проходы.

--- Удут, --- сказал Баркха. --- Бронетехника Сынов Хоруса, в авангарде байки и спидеры. Пока их немного, но должны быть и другие, прокладывающие путь через горы.

Это было похоже на правду. В любом случае многочисленные подразделения Четвертой роты наблюдали за всеми тайными тропами в горах.

--- Как у них с боевым порядком?

--- Так себе, --- ответил Баркха. --- Они спешат. Танки пробираются с трудом, и

байки едут медленно, чтобы не оторваться от колонны.

Рем посмотрел вниз, в каньон, откуда доносился гул вражеской техники, приближавшейся к смертоносной западне. Горы Макрагге были гораздо недружелюбнее других мест, с которыми Сыны Хоруса имели дело. Раз за разом врагов Макрагге губил его ландшафт. Сыны Хоруса не станут исключением.

— Передай всем — стрелять по моему сигналу! Цель — первый и замыкающий танки. Блокируйте их, а потом уничтожайте.

— Ясно, — ответил Баркха, и Рем уловил в голосе сержанта недовольство. Четвертая рота бесчисленное множество раз отрабатывала на учениях подобные маневры, и ее командиры не нуждались в наставлениях по устройству засад. Рем в последний раз проверил свой болтер и прислонился к скале, глядя сквозь узкую щель между катняти. Он видел каньон, при этом тени и темный цвет скалы сделали его самого незаметным. Наложив тактическую схему на панораму ущелья,

он наблюдал за своими воинами, выделяющимися светло голубыми точками на фоне утесов и трещин. Не осталось ни одного свободного уголка, ни одного пути к отступлению. Каждый квадратный сантиметр земли Ультратарины превратили в смертельную западню.

--- Легкое дело, --- прошептал Рем.

Шум моторов усилился, эхом отражаясь от стен ущелья. Рем слышал пыхтение «Рино», более низкий, гортанный голос «Хищников» и раскатистый рев поменьшей тере одного «Лэндрейдера». Над общим шумом поднимался высокий вой мотоциклов.

Рем пригнулся, когда на открытое место вылетела пара спидеров. Оба были выкрашены в цвет штормовой волны, а на их лобовых стеклах красовалось огненное око. Спидеры притормозили, будто гончие, выискивающие след, но Рем хорошо знал эти горы и надежно спрятал своих бойцов.

Спидеры осторожно двинулись в каньон, за ними --- группа из пяти костодесантников на тяжело

бронированных мотоциклах с установленными на них курсовыми болтерами. Над головным байком реало черное знамя с изображением глаза. Рема с другом подавил желание открыть огонь по оккупантам.

Затем появились танки: пара «Рино» в сопровождении трех «Хищников» и грохочущего монстра «Лэндрейдера», далее еще три «Рино» и замыкающая колонну пара «Хищников». Баркха сказал, что это немного, оценивая с точки зрения боеспособности легиона, но все же это была впечатляющая огневая мощь.

Байки и спидеры проехали, и Рема понял, что другого шанса не будет. Он встал на колени и прицелился в пилота ближайшего спидера; нажал на спусковой крючок и увидел красноречивую отметку на шлеме. Пилот упал на приборную панель, а его аппарат свернул в сторону. Выстрел Рема стал сигналом к атаке для сидевших в засаде воинов. Но никто из них не успел открыть огонь, как откуда-то сверху донесся грохот оружийного залпа.

Рема видел, как его люди гибнут под

прицельным огнем. Обернувшись, он заметил множество вспышек выше по горному склону. Значки Ультратаринов зазасли на визоре один за другим. И мгновения с одной стороны едва не стоили жизни ему самому. -- Господин зарегистрировал два попадания, не настолько серьезные, чтобы причинить вред, но пришлось нырнуть под каменную пиратиду.

-- Баркха! -- крикнул он, стреляя вверх по склону. -- Ты их видишь?

-- Да, -- торопливо отозвался сержант по voxу. -- Лазутчики Сынов Хоруса. Отрядные знаки как на машинах внизу.

Такой поворот событий ошеломил Рема. Как Сыны Хоруса могли обойти их с тыла? Откуда они узнали о засаде Ультратаринов?

Завязалась ожесточенная перестрелка. Рем понимал, что бронемашины снизу тоже добавят порцию огня. Устроившие засаду сами в нее угодили, и продолжать проигранный бой не имело смысла. Наставления притарха по этому поводу были абсолютно четкими.

Если враг обладает преимуществом перед тобой, не тегли.

--- Всем подразделениям отойти и перегруппироваться, --- приказал Рем. --- Место сбора --- Ультима Секстус. Выполняйте!

Рем перебежал от укрытия к укрытию, стреляя на ходу. У него не было ни времени целиться, ни надежды на то, что его выстрелы наугад поразят какого-нибудь из ублюдков, Сынов Хоруса. Со всех сторон доносились звуки стрельбы, перетекающие ревом танковых двигателей и грохотом орудий, изрыгавших в небо снаряды. Вместе с ним бежала группа измученных Ультратаринов --- остатки трех отделений, собранные им после отступления от Врат Конора в глубь гор.

На всякий шаг, сделанный ими, у Сынов Хоруса находился свой ответ или какая-нибудь хитрость. Было унижительно сознавать, что обращение к словам притарха приводило к неудаче. Рем отчаялся выиграть этот бой, но должен

был продолжать верить, что за всем этим
этим обнаружится некая грандиозная
военная хитрость.

Над головой проносились сверкающие
вспышки и затухающие лазерные разряды —
это илоты обменивались выстрелами с
передовыми отрядами армии магистров
войны. У Рема не было тактического
режима, снайперский выстрел Сына Хоруса
повредил его шлем, который через три
километра пришлось выбросить.
Сражаться с незащищенной головой было
непривычно: Рем лишился доступа к
информации с поля боя, но не мог
отрицать, что так намного острее
воспринималась суть сражения. Вдыхать
едкий запах взрывчатки, ощущать удары
взрывной волны, чувствовать привкус
горелого воздуха после лазерного огня было
настоящим шоком и стимулом впереди
зазря не высовываться.

Лицо Рема покрылось черной сеткой
потеков от струек пота. В небе над
головой сливались в общий водоворот
разноцветные полосы от пуль и снарядов.
Никогда прежде он не слышал такого

шума, стесни трескотни стрелкового
оружия и басовитого уханья тяжелых
орудий.

Сержант Аркон скорчился в
импровизированной траншее. Его воины
распреготочились ниже по склону, а Сыны
Хоруса наступали вслеп за валом
заградительного артогня. Как и в
каньонах на юге, силы магистра войны
постоянно били по самым уязвимым
местам Ультратаринов. Это казалось
настолько невероятным, что Рет
спрашивал себя, не снится ли ему ночной
кошмар, от которого никак не удается
очнуться.

Он рискнул бросить взгляд на горы и
увидел угрюмую волну наступающих в
доспехах Сынов Хоруса. Каждый носил на
грудь Око Хоруса; этот же символ
повторялся на знаменах, хлопающих на
ветру и поднятых на бронемашинах,
которые поливали огнем горные склоны.

— Уже не так хитрят, верно? —
бросил Баркха, падая рядом с Ретом. Как
и капитан Четвертой роты, Баркха был
без шлема. Его задубевшая кожа загорела

дочерна, волосы были заплетены в тугие косички, собранные в короткий хвост на затылке.

--- Ум это и не нужно, --- ответил Рем.

--- Что вы умеете в виду?

--- То, что сказал. У нас нет шансов. Магистр войны приставил нож к нашему горлу, хитрости ему больше не нужны. Это смертельный удар.

--- Правда? --- переспросил Баркха, и Рем впервые увидел на его лице оттенки страха. --- У нас должен быть план, как отбить их атаку?

--- Скажи, что еще мы можем сделать? Любую нашу уловку и военную хитрость они разгадывают и парируют. Единственное, что нам остается, --- сражаться, как погодно лучшим воинам Ультратара, и забрать с собой столько ублюдков, сколько в наших силах.

--- Но примарх должен был предвидеть такую ситуацию, --- настаивал Баркха. --- Может, вы неправильно поняли его слова или отдали неверный приказ? Только это могло привести нас к безвыходному

положению.

Рем покачал головой.

--- Тебе кажется, что я не думал об этом с самого начала боя? Да я сотню раз все проверил и перепроверил! Мы сделали все что могли.

--- Тогда почему так вышло?

--- Потому что есть то, с чем нельзя бороться при помощи планов и приготовлений, --- сказал Рем. --- Существуют талантливые полководцы, способные потножить на ноль любой план, каким бы гениально просчитанным он ни был. Магистр войны --- именно такой полководец.

--- Но притарх Жиллиман...

--- Не воюет рядом с нами, --- огрызнулся Рем. --- Хватит болтать! Начинаем убивать!

Жестоко, шаг за шагом, Ультратаринов оттесняли обратно в горы. И каждый отвоеванный Сынами Хоруса метр оплачивался тысячами жизней. Рем оказался прав --- это был смертельный удар.

Теперь, когда у них за спиной находилась крепость Геры, защитники Макразге приготовились к последней битве. Сдавать без боя землю своих предков не в правилах Ультрамаринов, но почти настал момент, когда им придется взглянуть на магистра войны с трагических паранетов и башен из золота и серебра. Если это конец, он будет самый славный, какой только можно себе представить.

Рем и Четвертая рота вызвались прикрывать отход Ультрамаринов и заняли позицию на Виа Фортиссимус — большой дороге, ведущей с нижних равнин к большим бронзовым воротам крепости их легиона. Позади уцелевшие Ультрамарины из поредевших боевых рот поспешно отступали под сводами пока еще безопасной Геры.

Если армии Хоруса и научили их чему-нибудь, так это тому, что настоящей безопасности нет нигде. Ни на Макразге, ни где-либо еще в галактике.

Пока Сыны Хоруса готовились к последнему штурму ворот, Рем увидел громадный «Лэндрейдер», громящий на

позиции противника. Хотя он был не грознее любой другой бронемашины, сейчас казался более могучим, нежели привычный танк. Эту боевую машину солдаты приветствовали воинственными криками. Когда ее штурмовая аппарель опустилась на вулканические камни, Рем понял почему.

Воин, вынырнувший из подсвеченных красным светом внутренностей «Лэндрейдера», был такого роста, что все остальные рядом с ним сразу показались лилипутами. Его доспех был глубочайшего черного цвета, мерцающий и украшенный золотыми цепями. Плащ из шкуры волка развевался, похожий на крылья немопыря. Шлем идеальной формы скрывал лицо воина. И хотя Рем знал, чье именно это лицо, он ужаснулся, увидев, когда забралось поднялось.

Дыхание перехватило.

Магистр войны. Хорус Луперкаль.

Самый выдающийся из сынов Императора явился взглянуть на последнее унижение Ультратаринов.

Сыны Хоруса ликовали, их голоса

эхот отдавались от скал, словно боевой
клич какого-то древнего языческого
племени. Эти вопли были проклятиями в
адрес забытых кровавых богов. В сердце
каждого воина из Четвертой роты они
поселили холод.

Какая сила могла устоять против
такого врага и выжить?

Какое войско смело бы
противостоять гению этого воина?

«Пускай мы не победим, но о том, что
мы с ним сражались и как сражались,
будут помнить, — подумал Рем. — Быть
может, этого достаточно...»

— Воины Ультратара! — вскричал
он. — Помните, где вы и во имя чего
сражаетесь! Все и каждый из вас — герои,
Ультратарины, несравненные воины и
люди великой отваги!

Рем ощущал, что с каждым словом
убежденность и сила духа крепнут. Его
голос разносился над горами и с легкостью
достигал слуха воинов-Ультратаринов,
отступающих к крепости, и скопищ Сынов
Хоруса.

— Лишь после смерти закончится

наша служба мечте Императора, и только
наша смерть станет ее концом. Я не дам
этой мечте умереть, а вы?

Как один, Четвертая рота ответила
решительным: «Нет!» — и их ответ
отразился от горных склонов странным
эхом — будто к нему присоединилась часть
Сынов Хоруса.

Могущественный воин посреди
вражеских боевых порядков поднял руку.
Солнце заиграло на золотой гравировке его
латной рукавицы, с тыльной стороны
которой выскользнули четыре сверкающих
клинки. Рука опустилась, и Сыны Хоруса
ринулись в атаку.

Для Тринадцатого легиона это было
сражение без хитрости, без славы и без
надежды на победу. Хотя Рем досконально
следовал принципам, изложенным в
писании примарха, все закончилось полным
поражением. Сперва — артиллерийский
обстрел и поединок на расстоянии, затем —
короткая перестрелка и, наконец,
ближний бой, ураган кулаков и клинков.

Рем давно растратил свои

боеприпасы и взялся за меч. Он наносил удары, исполненные безнадежной ярости, и защищался, отчаянно стремясь остаться в живых, чтобы убить как можно больше противников. Подобие некоей упорядоченности сражения исчезло, едва две силы сошлись.

Воины в синих доспехах закружились в рукопашной с изменниками в серо-зеленых цветах далекого океана. Сражаясь, Рем думал о том, какой останется в памяти потомков эта война и кого назовут предателями. Историю будут творить победители, и неизвестно, какую роль они отведут Ультрамаринам — возможных спасителей прекрасного идеала, павших в горах Макрагге, или изменников, чья самонадеянность была сравнима лишь с масштабами их поражения.

Ряды защитников таяли с каждым мгновением: Ультрамарины гибли под натиском превосходящих сил врага. Жизнь покидала Четвертую роту, словно воздух — грудь осужденного на казнь, на шею которого все туже затягивалась петля. И вот в живых остался один Рем.

Он отдал всего себя, но этого оказалось недостаточно. Силы, поддерживавшие его все это время, покинули тело. Рем был так изранен, что едва держался на ногах. Он рухнул на колени, сломленный разочарованием и поражением, и поник головой, представив масштабы своей неудачи.

Вдруг Рема накрыла огромная тень, и он поднял глаза.

Над ним возвышался магистр войны. Его огромная, воздевая к небу рука напятинала когтистую лапу какого-то жуткого хищника. Рем ждал удара, который закончит все, но вместо этого когти магистра войны втянулись обратно в латную перчатку, и он отстегнул свой шлем от латного воротника.

Рем не мог вынести его вида.

— Посмотри на меня, — произнес невыразимо прекрасный голос.

— Я не могу, — пробормотал Рем. — Я потерпел неудачу.

— Нет, Рем Вентан, — сказал Роберт Жиллиман. — Не ты. Неудачу потерпел я.

Рем сидел в одиночестве на вершине скалистого утеса, глядя на крепость Теры. Казалось абсурдным, что она выглядит такой спокойной, потому что всего несколько часов назад это была арена ужасного сражения. Улоты и сервы легиона очищали горный склон от обломков, снарядных гильз и помятых госпехов, сорванных со сражавшихся.

Оружейники легиона уже отремонтировали госпехи и бронеташины, замаскированные на время боя в цвета Сынов Хоруса. Укрепления легиона, едко пахнущие растворителем и раскрашенные во «вражеские» цвета, освобождали от бронированных госпехов и оружия.

Рем отнес свой госпех в оружейную комнату и велел своему новому помощнику почистить его и отремонтировать. Обычно он занимался этим сам, но почему-то сегодня ему казалось, что это будет неправильно. Он сограл со ствола своего оружия лазерный целеуказатель и бросил его в пропасть, презирая то, что эта вещь олицетворяет собою, и ненавидя себя за то,

что подобное устройство вообще могло
ему понадобиться.

Одетый в желтовато-коричневую
рабочую форму и простой бледно-голубой
хитон, Рем позволял солнцу освещать свое
лицо и ждал наказания, которое,
несомненно, должно последовать после
того, как он сам и его легион не устояли
против атаки Сынов Хоруса.

Но мог ли он что-то сделать? В
состоянии ли вообще один воин победить
Сынов Хоруса?

Внезапная улыбка озарила лицо
Рема, когда он понял, что все-таки был
один воитель, который мог изменить ход
сражения.

--- Ты ничего не мог сделать, ---
раздался голос у него за спиной.
Обернувшись, Рем увидел Робаута
Жиллимана. Он встал на ноги, покаянно
склонив голову перед своим генетическим
отцом. Нельзя долго смотреть на солнце и
не ослепнуть от его сияния. То же
относилось к Робауту Жиллиману.
Безукоризненные, классической формы
черты его спокойного загорелого лица были

прекрасными, как у статуи, стоящих на
Виа Триумфал, ведущей в Святилище
Исправления — самое сердце крепости
Геры.

Жиллитан подошел к краю утеса,
оглядывая сверху свои владения, а Рем
занял место за его плечом, хотя голова
воина едва доходила до середины бицепса
примарха. Как и Рем, Жиллитан был без
доспехов, в легком тренировочном
облачении. Однако капитан никак не мог
забыть облик примарха в доспехах
магистра войны цвета ночи. Небесно-
голубое сияние прорывалось сквозь черноту,
словно солнечные лучи сквозь тучи, но
видение столь совершенного существа, как
примарх Ультратаринов, в одеждах
предателя никогда не покинет Рема.

— Должно быть, я что-то сделал не
так, — сказал Рем. — Это единственное
объяснение.

Жиллитан покачал головой и трачно
улыбнулся.

— Ты слишком веришь в меня, Рем. Я
тоже могу ошибаться. Последнее сражение
должно было показать тебе это.

— Я не могу это принять, — ответил Рет.

— А что тебе так трудно принять? — спросил Жиллиман. — Ты следовал моим наставлениям, и они привели тебя к поражению. Если это поражение и Калт и научили нас чему-нибудь, так это тому, что мы должны всегда быть готовы приспособливаться и не позволять закоснеть своим мыслям.

— Но ваше учение...

— Оказалось с изъяном, — закончил Жиллиман. — Никто, даже такой, как я, не может предвидеть все вероятности. Мои слова — не священное писание, которому следует повиноваться. В бою всегда должно быть место личной инициативе. Ты и я, мы оба знаем, что искра героизма способна изменить ход сражения. Это знание и личный опыт добываются кровью, и военачальник решает, как именно действовать.

— Я напому вам об этом, когда «Проблемная Четвертая» снова окажется на поле боя.

Жиллиман расстелялся.

--- Наполнишь, Рем, будь уверен! Я знаю, кое-кто считает меня бесчувственным, этаким ожившим Талосом из древнейших времен, мечтающим заглушить свободомыслие своими предписаниями. Но мы живем во времена, которые не терпят ни малейших отклонений от курса.

--- Все-таки существовал способ выиграть последнее сражение?

--- Возможно. Но поиски ответа на этот вопрос я предоставляю тебе.

--- А что будете делать вы?

--- Я продолжу писать «Кодекс Астартес», --- ответил Жиллиман.

--- «Кодекс Астартес»? --- переспросил Рем. --- Это то, что следует из названия?

Жиллиман улыбнулся и кивнул.

--- Да, я полагаю, он имеет к этому довольно близкое отношение. Как ты думаешь? Во времена войны и мира он будет бесценным хранилищем знаний, но я не хочу, чтобы его сочли затеной разумы и инициативе. Понимаешь?

--- Думаю, да, --- ответил Рем, и Жиллиман потянул его к краю утеса.

— Это наихудшие дни, какие знавал
Имперіум, — сказал Жиллиман. — И я
страшусь того, что может принести
будущее. Калт потерян для нас. Кто
знает, сколько еще миров испепелит мой
брат в своем безумии?

— Но у вас есть план, как с ним
бороться? — взмолился Рем.

Жиллиман протолчал, будто
опасаясь того, как Рем воспримет его
ответ.

Наконец он сказал:

— Да, у меня есть план. Но он
слишком опасный, чтобы раскрывать его в
данный момент. Прошу тебя: когда придет
время привести его в действие, верьте
мне, как никогда прежде. Когда это время
настанет, вас назовут предателями,
трусами и вероломными слабаками, но
ничто не может быть дальше от истины.
Я не вижу в наступающих временах
надежды для Имперіума, каким мы его
знаем. Именно поэтому заставил вас
сражаться в настоящих битвах. Чем бы
ни закончилась война, вам придется
сражаться с теми, кого вы считали

братьями. Вероятно, даже с теми, кто сейчас является противником магистров войны.

--- Я не стану претендовать на понимание того, что это значит, но вы можете на нас рассчитывать. Мы сделаем все, что вы скажете, --- пообещал Рем.

--- Я знаю, --- ответил Жиллиман.

--- Мы разобьем любое войско, которое вы пошлете против нас, но у меня было время подумать, почему мы проиграли Сынам Хоруса.

--- Быстро!

--- Я вообще быстро учусь.

--- Верно. И какой вывод ты сделал? --- поинтересовался Жиллиман.

--- Это была нечестная борьба.

--- То есть?

--- Вы не сражались вместе с нами, --- пояснил Рем.

--- Думаешь, мое присутствие что-нибудь изменило бы?

--- Я знаю, что изменило бы, --- ответил Рем, глядя в прекрасное лицо Жиллимана. --- И вы тоже это знаете.

Жиллиман слегка пожал плечами, но

Рем видел, что примарх с ним согласен.

Робаут Жиллиман посмотрел в небо, словно пытаясь постичь некую далекую истину или разглядеть грядущее сражение. Наконец он повернулся к Рему, и капитан Четвертой роты прочел тревогу в его глазах, страстное желание устоять перед лицом безнадежности.

--- Тогда будем надеяться, что, когда придет время остановить магистров войны, я буду тем, кто встанет на его пути.

Джеймс Сваллоу
ВКЛАД ЛЖЕЦА

+++Передача Минус Зеро Зеро (Солар)+++

Голос из громкоговорителя, висевшего на площади, был размеренным и механическим. Его тональность ничем не отличалась от той, в которой ежедневно сообщали главные земные новости. Ровные, почти бесстрастные слова плыли над Городом Сорок Четыре --- широкими проспектами и узкими улочками, крышами универмага и гаражом для вездеходов. Люди возле Небесного Крюка словно остолбенели; потрясенные, они стояли в оглушающей тишине или бродили по кругу, потеряв разум от страха и ступора.

Запись дошла до конца и повторилась.

«Говорит Император, --- произнес потрескивающий голос, который гармонировал с нестройными звуками оркестра, сопровождающего первую фразу. --- Новости на сегодня, дошедшие из центра в сельхозколонию Виргер-Мос II». Эта часть передачи всегда была одна и та же,

давая людям Сорок Четвертого и других поселений захолустного мира возможность ощутить бескрайность окружающей их галактики.

Сегодня во вступлении им слышались зловещие нотки, а привычное становилось пугающим. Основная часть программы началась. Где-то на вершине Небесного Крюка находился единственный на планете астронавт. А единственной обязанностью псайкера было облекать новости в приемлемую форму и передавать их на телеграф. «Говорит Терра. Очень важное сообщение. Довести до сведения всех граждан ужасную реальность. У Врат Вечности состоялось сражение. Императорский Дворец пал, Терра горит. С великим прискорбием сообщаем, что Император Человечества пал от руки Хоруса Лунеркала, магистра войны».

Некоторые горожане заплакали, другие схватились за голову и пытались не слушать жуткий голос. Один мужчина растеялся, решительно отказываясь верить услышанному. Были и те, кто

стоял и молча кивал, словно всегда знал, что этот день настанет.

Под громкоговорителем деревянные мозаики на стенах щелкали и шуршали, кусочки дерева двигались, складываясь в слова. «Император присоединился в списке павших к своим сыновьям: Сангвинию, Дорну, Руссу и Хану. Остатки его войска просят мира. Капитуляция не за горами. Конфликта между легионами больше нет. Битва за независимость завершена, Хорус одержал победу. В настоящий момент во все пределы пространства направляются корабли, чтобы возвестить о его владычестве под именем Императора-Короля».

Последовало короткое молчание, будто говорящее устройство было не в состоянии до конца постичь издаваемые слова.

«Знайте это. Война окончена. Хорус взойшел на трон».

Громкоговорители умолкли, и город погрузился в панику.

В прохладе веранды, где хранился лег,

Леон Киутер взглянул на свои ладони и увидел маленькие белые полумесяцы там, где ногти вонзились в плоть. Его поотмашивало, кружилась голова. Юноша не решался встать, боясь не устоять на ногах и рухнуть на черный асфальт тротуарной. Это был ночной кошмар или густой сон, другого объяснения нет. Все остальное бессмысленно.

Император мертв? Это невозможно, нелепо! Скорее птицы в небе заговорят на высоком готике и нарушится стена времён года, нежели случится подобное. Леон отказывался принять происходящее.

«Хорус взошел на трон...» Он услышал, как эти слова повторила старуха с фермы Форрота. Она произнесла эту фразу громко и вслух, чтобы убедиться, что это не набор бессмысленных слов.

— Он явится сюда? — спросил кто-то другой, и вопрос стал искрой, упавшей на подготовленную растопку. Все на городской площади вдруг заговорили разом, голоса сливались в гневный гул. Леона наотмашь били обрывки разговоров, доносящиеся отовсюду.

--- ...как быстро это случится?

--- ...уже направляются...

--- ...но ил тут нечего делать!

--- ...неужели он убит?

--- ...этот мир погибнет под властью

магистра войны...

Юноша нахмурился, с усилием поднялся на ноги и поспешил прочь, будто мог убежать от мрачных мыслей, крутящихся у него в голове. Терра в огне. Дворец рушится. В небе черно от костических кораблей. Пушки утолкли, и на поле боя затишье.

Он продирался через толпу. Здесь собрались сотни людей, почти все население Сорок Четвертого, вышедшее на улицу послушать ежедневную программу новостей. Неужели то же самое творится сейчас во всех других поселениях вдоль телеграфной линии -- от столицы, Ноль-Один, до ферм ледяной пшеницы в Восемьдесят Седьмом?

Леон поднял глаза и проследил взглядом линии телеграфных проводов -- паутину черных нитей, свисавших с тонких столбов из ударостойкого

пластика. Шеренга выветренных лачт
цвета слоновой кости тянулась прочь от
городка и исчезала в бескрайних просторах
ячменных полей. За границей поселения
земля была ровной и одинаковой от края до
края горизонта. Однообразие нарушали
лишь редкие стальные пальцы силосных
башен да ответвления железнодорожных
путей. Статичный, не меняющийся
пейзаж, символ самой планеты.

Бургер-Мос II был агромиром,
хлебной колонией, настолько далекой от
оси основных Имперских миров, насколько
возможно. И все же это одна из множества
планет, кормивших ненасытный
Империи. В этом смысле, наверное, ей
можно приписать малюсенькую
стратегическую ценность. Но это было
изолированное место в Долинионе Бурь,
затерянном в глубинах сегмента
Ультима. Несущественный мир, который
остальная Галактика просто не замечала.
На обожженной ветрами поверхности
второй планеты обитало не более
миллиона человек, и все они обслуживали

фермы.

Никто из этих людей не мог забыть свое место в жизни, особенности те, кто жил в Сорок Четвертом.

Едва Леон обернулся, в его поле зрения мгновенно попала башня из черных теней, вздымавшаяся над сервисным комплексом на другой стороне площади и уходящая в небо. Если запрокинуть голову, костический элеватор на орбите казался не толще волоска. Внутри него безостановочно работали автоматические системы, которые мало кто видел из человеческих существ. Они собирали эшелоны с зерном с железнодорожных станций и доставляли их в костос. Небесный Крюк был единственным оправданием существования Города Сорок Четыре. Хотя и телась фермеры, называвшие его дотом, жизнь в основном кипела на ранчо. Поселение предназначалось для тех, чьи дни и ночи посвящались работе на элеваторе. Но, по правде говоря, большой необходимости в них не было.

Леон помнил ночь, когда его отец, Эйтс, пришел из таверны навеселе и преподал сыну печальный урок: рассказал ему, что у города нет причин для существования. Вся система внутри Небесного Крюка — от обработчиков груза до сложных переплетений алмазных тросов, поднимающих зерно наверх, — управляется автоматикой. Все обитатели Сорок Четвертого могут в любой момент умереть в своих постелях, а лифт продолжит работать, принимая зерно и поднимая его на орбиту, откуда его смогут забрать грузовые лихтеры. Урок, который заявил Эйтс Кинтер, в том, что, когда люди полагают себя нужными, верно обратное.

Но молодой человек думал иначе. Тень Небесного Крюка не представлялась ему чем-то, что нужно ненавидеть, как говорил отец. Старик считал башню чудовищем и взглядывался в нее каждый день, словно ожидая, что орбитальный причал обломится и упадет на него. Леон видел в ней мост к чему-то большему, памятник человеческим усилиям. В ее

мени он чувствовал себя защищенным, словно на нее каким-то образом распространялось покровительство Императора.

Так было до сегодняшнего дня.

Мысли об отце влекли Леона по положоту спуску к дому, которым его семья владела на протяжении семи поколений, сдавая квартиры жильцам. Он был настолько поглощен размышлениями, что буквально налетел на группу возбужденно переговаривавшихся людей.

— Не имеет значения, что ты думаешь! — Даллон Прэль работал старшим солнцевиком в турбинном саду, где свет ярко-желтого светила Виргер-Мос улавливали и преобразовывали в энергию для городского хозяйства. Крупный, но обрюзгий, он не имел ни тускулов, ни выносливости. Леон это подметил во время соревнования по тушпүлү в таверне. Бялые руки толстяка рассекли воздух. — Мы все слышали телеграф!

Часть горожан одобрительно закивали в ответ на слова Прэля. Но

мужчина, к которому он обращался, скорчил трагическую гримасу.

— Ну и что ты предлагаешь, Даллон? — не унимался Сайлас Синкаг. — Торчать здесь и переживать? — В противоположность мастеру по солнцу Синкаг был высоким и жилистым, внешность скрывала его истинную силу. Пожилой отец Сайласа владел гаражом бездомов, и сын там ремонтировал машины. Леон не мог припомнить, чтобы его руки были чистыми, а вокруг не распространялся специфический запах моторной жидкости.

Прэль и Синкаг были собутельниками, но здесь и сейчас это казалось неважным. Это не спор о политике на ступенях бара, а нечто иное, разбуженное чувством страха. В воздухе было разлитое напряжение, потрескивающее, как разряды статического электричества перед грозой. Леон даже подумал, не завяжется ли рукопашная: два последних года ни один уикэнд не обходился без ссор по поводу гражданской войны, и эта парочка часто

авлялась зачинщиками.

--- По-твоему, лучше блуждать вслепую? --- вопрошал Прэль. --- Я разговаривал с Яцио. Он говорит, что все остальные телеграфные каналы молчат. Связи нет, полная тишина! --- Он скрестил руки на груди. --- Что ты об этом думаешь, а? Военная наука предлагает перерезать линии связи, верно?

--- Да что ты понимаешь в военном деле? --- огрызнулся Синкаг. --- Единственный гарнизон Имперской Армии стоит в Ноль-Один, а ты сроду не бывал дальше своего двора!

--- Я проходил подготовку! --- горячо возразил Прэль. --- Когда Имперская Армия явилась сюда и показывала строевую подготовку, меня готовили для городской стражи.

Синкаг развел руками.

--- Стражи, которой у нас нет и которая никогда не понадобится?

--- Теперь, возможно, и понадобится, --- сказал один из зрителей, рыжеволосый мужчина из медикэ-центра.

Прэль кивнул.

— Ну да! Если бы я не болтал тут с вами, уже сдувал бы пыль со своей винтовки!

Механик обвел толпу взглядом и задержался на Леоне, надеясь на его поддержку. Но юноша только сдержанно пожал плечами.

— Послушайте, — сказал Синкад, стараясь говорить спокойно. — Вы же знаете, как у нас обстоят дела с радио. Связь все время пропадает.

Он был прав. Атмосфера планеты вносила хаос в работу вокс-передатчиков, поэтому любые сообщения принимались и отправлялись исключительно по телеграфным проводам, протянутым над всей планетой, в том числе здесь, под боком у Небесного Крюка. Без проводов города Виргер-Мос JJ были обречены пользоваться считывающими устройствами или гелиографами. Земля прекрасно подходила для выращивания богатого урожая, но ее абразивные частицы разъедали каменные стены зданий, а основным убийцей обитателей колонии являлся «черный кашель». Порой

ветер поднимал в воздух столько пыли, что она перегрызала защиту проводов, протянутых над полями.

--- Если столица молчит --- значит, этому есть разумное объяснение, --- продолжал Синкаг.

Женщина, красная от нагвигающегося истерического приступа, сверкнула на него глазами:

--- Ты не можешь этого знать!

--- Нам надо защищаться самим, --- сказал Прэль. --- Вот о чем нужно думать! Синкаг скривился.

--- Хорошо-хорошо! А как вам такая идея? У меня в гараже стоит трицикл. Что если я съезжу в Ноль-Первый и выясню, что происходит? Я могу обернуться туда и обратно еще до темноты.

--- Это небезопасно, --- выпалил Леон, не думая.

Механик ожег его взглядом.

--- А ты почему знаешь?

--- Парень прав! --- вступил Прэль. --- Трон и кровь, Сайлас! Ты что, не слыхал передачу? Война...

--- Это не наша забота, --- парировал

Синкаг. -- Мы в самой заднице Империи, куда ни один примарх не заглянет! Так что жалкая паника не имеет смысла. Лучше узнать о происходящем от самого губернатора колонии, да? -- Мужчина повернулся к Леону и легонько подтолкнул его в спину. -- Давай, сынок, дуй домой. Пристатривай за своей папочкой. -- Уходя, он оглянулся. -- И ко всем остальным это тоже относится!

Прэль пробурчал что-то себе под нос. Краснолицая женщина проводила механика взглядом.

-- Вечно он тут болтается, словно медом намазано, -- проскрипела она. -- Механик здесь, что ли, распоряжается?

До Леона дошло, что она смотрит на него, ожидая согласия. Однако он ничего не ответил и пошел своей дорожкой, ближе к дому.

Когда он пришел домой, отца не было. Леон через две ступеньки взбежал по лестнице на последний этаж, на ходу проведя рукой по вечно запертой двери материнской комнаты. Затем он

направился к апартаментам --- сам придумал это название, слишком пышное для странноватой комбинации спальни, балкона и санузла. Постучал в дверь тыльной стороной ладони и громко позвал.

--- Эсквайр! --- Леон продолжал настойчиво барабанить в дверь, зная, что не потревожит других обитателей, которых в месяцы пахоты просто не было. Водители с дальних полей оставались на своих ранчо, вместо того чтобы отправиться на путешествие под сенью Небесного Крюка. --- Эсквайр Мендакс, вы тут?

Он услышал за дверью движение, и через некоторое время она отворилась, скользнув в сторону на смазанных роликах.

--- Юный Леон, --- произнес человек, рассеянно разглаживая на груди лаццианы. --- Какая спешка!

--- Телеграф... Леон говорил так быстро, что запутался в словах и был вынужден глотнуть воздуха и начать все сначала. --- Телеграф говорит, что Император мертв и Хорус захватил Терру! Война кончилась! --- Он моргнул. ---

Я думаю, это неправда...

--- Да? --- Мендакс неспешно направился вглубь комнаты, и Леон побрел за ним. --- Или ты хотел бы, чтобы это было неправдой?

Худощавый эсквайр выглядел белокожим по сравнению со стуглыми уроженцами агромира, а его глиняные пальцы напоминали юноше женские. Тем не менее он держался с уверенностью, которой Леон пытался подражать. Мендакс буквально излучал спокойное достоинство; было необычно, что человек, который, на первый взгляд, мог показаться вполне скротным, способен, если понадобится, привлечь к себе внимание.

Он налил из стоящей на столе бутылки порцию атасека и взглянул туда, где стоял Леон. Лагони юноши сплелись, заламывая пальцы.

Леон повторил телеграфное сообщение настолько точно, насколько запомнил, слова выплескивались из него сами собой. Каждое слово было окрашено эмоциями, и к концу сообщения он почувствовал, как покраснелись и горят

щек. Мендакс слушал, кривя губы и маленькими глотками прихлебывая крепкий напиток.

--- Боевые корабли Хоруса летят сюда, --- продолжал Леон. --- Может, они уже совсем близко!

--- Кто знает, --- отозвался Мендакс. --- Течения варна странны и непредсказуемы. Хог времени там --- понятие растяжимое.

Леон разочарованно нахмурился. Из всех возможных реакций такой он ожидал от эсквайра меньше всего. Мужчина, казалось, сморщился.

--- Разве... Разве вас не тревожит такой поворот событий? К нам приближается война! Империям лежит в руинах! Вы не боитесь того, что будет дальше?

Мендакс поставил стакан с амасеком и подошел к окну. Там в беспорядке валялись его пикт-планшеты и палочки-стило.

--- Дело не в этом, Леон, --- сказал он. --- Любой нормальный человек думает о будущем. Но я научился не позволять мысли о возможном управлять собой.

Жизнь, прожитая на фоне
неосуществленных возможностей,
становится ограниченной и замкнутой.

Юноша не понял, о чем он говорит, и
признался в этом.

Но лицу Мендакса скользнула тень
волнения.

--- Пыльные бури, частые в это время
года, вызывают у тебя страх?

--- Не особенно... Я хочу сказать, они
могут быть опасными, но...

--- Но ты понимаешь их. У знаешь, что
не можешь это изменить. Поэтому ищешь
убежище и ждешь, когда они пройдут, а
потом живешь дальше, словно ничего не
было. --- Мендакс описал рукой круг,
заклучив в него их обоих. --- Мы люди
маленькие, мой друг, и не в силах
повлиять на ход войн, охвативших
галактику. Мы можем лишь проживать
свои жизни и принимать уготовленную
нам судьбу.

--- Но Император мертв! --- выпалил
Леон, повышая голос. --- Я не могу
стерпеть с этим!

Мендакс склонил голову.

— Ты не можешь это изменить. А раз так, остается принять данный факт. Какие еще варианты?

Леон отвернулся, мотая головой и закрыв глаза.

— Нет-нет... — У него опять закружилась голова, и, оступившись, он уткнулся в занавеску, отделявшую спальню от основной части комнаты. На миг он попал в спальную зону Мендакса, увидел низкую узкую кровать и вешалку с крючками для одежды.

На кровати лежал саквояж — небольшой, тот самый, что висел у эсквайра на плече, когда тот впервые здесь появился. Леон помнил об этом. Саквояж был раскрыт, а внутри лежала не одежда и очередные пикт-планшеты, а оборудование, совершенно незнакомое юноше. Причем не металлическое и покрытое слазкой, как детали двигателя вездехода, а на вид очень хрупкое, словно веер из черного стекла и с серебряной филигранью.

Неожиданно мысли, роящиеся в голове Леона, резко оборвал грубый окрик отца, эхом раскатившийся по лестнице.

— Мальчишка! А ну тарш сюда! — Он услышал топот башмаков по ступеням.

— Тебе лучше уйти, — спокойно сказал Мендакс.

Когда Леон вышел из комнаты, Эймса Кинтер уже стоял на лестничной площадке. Он коротко кивнул мужчине и свирепо воззрился на сына.

— Я же велел тебе не докучать эсквайру! Пошли вниз. — Он попытался отвести сына подзатыльник, но юноша увернулся и сбежал по лестнице.

Отец шагал следом.

— Где тебя носило? — спросил он. — Я сказал ждать моего возвращения. А вместо этого ты испарился.

— Телеграф! — пискнул Леон. — Ты слышал?

Лицо Эймса стало угрюмым, и он покачал головой.

— Ты из-за этого так разошелся? Мне следовало сообразить.

Леон не мог поверить, что его отец столь бесцеремонно отказывается признать важность сообщения. Сначала Мендакс, теперь он?

--- Ну конечно! Война, папа! Война
будет сюда!

--- Не кричи на меня! --- рявкнул Эйтс. ---
Я слышал эту проклятую ленту и знаю,
что там сказано! Но не собираюсь из-за
этого дуть от страха в штаны! --- Он
шумно выдохнул. --- В такое время, как
теперь, надо сохранять спокойствие.
Прочувствовать всю важность дня, а не
бегать кругами, как дурак.

Леона словно обдало холодной волной.

--- Па, что с нами будет? --- Он
ненавидел себя за то, что, задавая этот
вопрос, был похож на маленького
перепуганного мальчика.

--- Ничего. Ничего, --- твердо ответил
отец. --- Ты думаешь, магистр войны спать
спокойно не может без этой колонии?
Думаешь, ему известно название нашей
системы? --- Он нахмурился. --- Или ты
считаешь, что Император его знал?

Кулаки Леона невольно сжались. Его
злило, когда старик говорил про
Императора так пренебрежительно и без
почтения.

Он открыл рот, чтобы возразить, но

тут раздался тонкий женский вскрик. Отец и сын поспешили к входной двери, ища на голос, и увидели на улице людей, указывающих на юго-западную часть неба. На их лицах лежала тень нового страха. Леон вышел вперед и взглянул в том направлении.

Низкое солнце находилось у них за спиной, а небо было темно-синим, прорезанным несколькими глиняными линиями серовато-белых облаков. В вышине виднелись призрачные луны, но его внимание привлекли огни.

На мгновение он не поверил своим глазам: это были полосы огня, тонкие, как нити, медленнодвигающиеся по небу к далекому горизонту. Их было много, дюжина или больше. Трудно сказать наверняка. Снижаясь, они отражали солнечный свет.

--- Вторжение, --- выговорил, почти всхлипнул кто-то.

--- Магистр войны! --- Леон обернулся и снова увидел краснолицую женщину. Она тыкала пальцем в небо. --- Он спускается к нам с орбиты!

--- Они направляются к столице, ---
сказал другой наблюдатель. --- Они ведь
всегда так делают? Канюли, или как
там это называется? Битком набитые
войсками и оружием!

--- Канюлы, --- поправил Леон больше
для себя самого.

--- Что такое, мальчик?

Леон обернулся к женщине.

--- Я хотел сказать...

--- Значит, ты у нас вдруг стал
знатоком? --- резко бросила она, сердито
установившись на него.

--- Я читал в книжках, --- слабо
возразил Леон и поспешил продолжить,
пока она не заговорила снова: --- Я имею в
виду, ты не знаешь, что это такое. Огни в
небе могут оказаться метеоритами. Я их
вижу.

Длинное узкое лицо женщины
окатенело.

--- Не носи чужь! --- Она сверкнула
глазами на отца Леона. --- Эймс, твой
парень в самом деле такой дурак, каким
кажется? Вон, полюбуйся! --- Она
продолжала указывать на небо. --- Легионес

Астартес иду́т!

Юноша оглянүлся на отца, ища поддержки, но Эймс лишь качал головой. Горожане снова заговорили разом, и его ответ никто и не услышал.

+++Передача Минус Восемь

Негель (Солар)+++

Состав из порожних грузовых капсул прошел сквозь ультрафиолетовую антибактериальную зону и выехал из горловины Небесного Крюка под щелчки срабатывающих сложных систем захватов и стыков магнитного рельса. Случайные вспышки искр и ходовые огни время от времени слабо озаряли внутренности складского комплекса у подножия костического элеватора. Точно такой же состав из капсул двигался в противоположном направлении, только контейнеры были загружены вакуумными упаковками с лиофилизированным урожаем. Под скрежет шестерней состав из шести капсул перешел на восходящую линию, и они поднимались по стальной рампе, пока не встали вертикально. Включилась приводная головка транспортера, и капсулы уткнулись в ночь. Через два часа они будут в зоне микрогравитации погрузочной станции в

нижней точке геостационарной орбиты. Там разгрузочные механизмы освободят их, переместив груз в зону ожидания очередного межзвездного грузового корабля. Все происходило без участия человека.

Внизу, во дворе, пустые капсулы со скрежетом остановились, оказавшись под немигающим взглядом терагерц-волнового сканера. Дважды прокричала тревожная сирена, и состав отъехал в сторону. Все шесть капсул автоматически открылись. Наконечники манипулятора, похожего на паука, опустились с потолка и принялись обследовать внутренности капсул, выплевывая в темные углы струи едкой пены. Сенсор засек нечто внутри одной из капсул и запустил подпрограмму профилактической обработки. Существа из других биосфер никогда не проникали сюда во время загрузки выгрузки, вредитель из другого мира мог погубить всю экосистему планеты.

Предполагалось, что ничто живое не должно подниматься или спускаться по Небесному Крюку — никаких пассажиров, только инертный груз. Взлетно-

посадочная полоса в Ноль-Первом, которую можно было бы считать костюпортом, являлась единственным местом контакта между другими планетами и колонией, хотя пользовались ею крайне редко. Иногда там разгружались транспорты с товарами, но чаще корабли приходили, чтобы забрать и увезти урожай. Экипажи этих кораблей не утруждали себя тем, чтобы сойти на землю; заниматься швартовкой и отгрузкой они предоставляли своим козигаторам. Никто не хотел задерживаться на Виргер-Мос II дольше, чем это необходимо.

Сопла отыскали свою тишень и обрушили на нее потоки горячей жидкости, но биологическая форма внутри капсулы прошла сквозь стену кипящего дождя и выбралась на пол хранилища. Автоматическая система не была запрограммирована на то, чтобы отличать существо с разумным поведением от инопланетного вредителя, и никак не отреагировала, пока человек снимал с себя пластоидный костюм, защищавший от холода, и, сложив его,

убирал в рюкзак, висящий у него за спиной.

Он снял сумку с плеча и разделил ее на две части, после чего пошел прочь. Вновь прибывший наугад пробирался по складу, аккуратно обходя автопогрузчики, пока не достиг одной из немногих доступных для человека ремонтных зон. Ею не пользовались десятилетиями, и открыть дверь было непросто; зато, сделав это, человек смог выбраться из сооружения на главную дорогу.

Поскольку хозяева очень хорошо все подготовили, никто в Сорок Четвертом не увидел мужчину; во всяком случае, пока он сам этого не захотел.

Он переоделся в неприметный, но хорошо оснащенный костюм для путешествий и, выйдя за пределы городка, вернулся по своим же следам и вошел уже с востока. Создавалось впечатление, что он появился с равнины, прямо из теплого и пыльного вечера.

Ему не нужно было спрашивать дорогу или сверяться с подробной топографической картой, скопированной из файла Департамента Терра Колониа. Все

подобные городишки одинаковы; не в
буквальном смысле -- расположением улиц
и домов, -- но своим характером.
Динамика, индивидуальность поселения
была такой же, как и у множества других
человеческих миров.

Удя на огни и шум таверны, Мендакс
продолжал познавать Город Сорок
Четвертый. Он хотел понять его, и во
многих отношениях ему это уже удалось.

Он вошел в пивную, и все взгляды
обратились на него. Это и понятно:
неизвестный гость в таком захолустье
был сродни чужд. Он еще шагнул через
комнату к автобару у дальней стенки, а
обсуждение, кто он и откуда, уже началось.

Он заказал механизму за прилавком
бутылку скверного местного пива и стал
ждать, когда первый горожанин наберется
храбрости и подойдет. Он медленно
наливал эль в стакан, пользуясь
моментом, чтобы незаметно оглядеть
комнату. Там и тут стояли кресла для
пушпула и игорные столы. Похоже, здесь
был весьма популярен ригицид, и это

замечательно. У него нашлось нечто общее с местными обитателями, и этим стоит воспользоваться.

Примерно треть порции пива была выпита, когда к нему наконец обратился мужчина.

--- Прошу прощения, эсквайр, --- начал он, поклонившись. --- Сайлас Синкаг. Позвольте спросить, уж не с ранчо ли Толливер вы?

Это был плохо замаскированный гамбит, призванный вызвать его на разговор, но именно это и требовалось.

--- Боюсь, что нет, --- ответил он с улыбкой. --- Мое имя Мендакс. Я просто, хм, проходил через ваш город.

--- О, понятно, --- отозвался Синкаг, хотя было видно, что он ничего не понял. --- Вы приехали на чем-то? У меня есть гараж для вездеходов. --- Мендакс уловил запах машинного масла, исходящий от мужчины.

Он покачал головой.

--- Я пришел пешком. Из соседнего поселения.

Глаза Синкага расширились.

--- Из Два-Шесть? Ничего себе прогулка!

--- Два-Шесть, --- повторил Мендакс, кивая. --- Оттуда. И теперь очень хочется пить. --- Он аккуратно сменил тон, уходя от более мягкой и интеллигентной манеры речи к подражанию колониальному акценту механика, коротко выговаривая гласные. --- Должен признаться, я просто умираю от жажды. --- Он отсалютовал пивной кружкой, и Синкаг кивнул и понимающе ухмыльнулся, заказав себе тоже самое.

--- Стыбает пыль, это точно.

Мендакс выгел, что соотечественники Синкага --- круглолицый мужчина, мальчишка и сурового вида парень в тунике --- сидят за игорным столом, стараясь не показывать интереса к вновь прибывшему. --- Хочется нежно отдохнуть, --- продолжал он, указывая на свои сумки. --- И чуток отвлечься.

--- Сыграть? --- Синкаг приподнял бровь. --- Вы играете в затки? --- Это был упрощенный вариант регицига, известный еще до Великого крестового похода.

Мендакс прекрасно его знал, как и множество способов выиграть с помощью жупльничества.

Он кивнул.

--- Немного.

Синкаг почти ушел.

--- У нас есть местечко.

Присоединяйтесь, если хотите.

--- Обязательно. --- Мендакс забрал пиво и последовал за ним.

За пару часов он позволил себе потихоньку спустить немного имперских купюр. Выражение лиц Синкага и его приятелей, когда Мендакс предложил покрыть долг золотым империалом, сказало ему то, что он ожидал. Он бросил монету на стол и наблюдал за опешившими горожанами.

Круглолицый, Прэль, хотел казаться авторитетом во всем, но на самом деле это был несносный тип, самоуверенный и самодовольный. Мендакс не был уверен, что сидящие за столом стали бы его терпеть, не будь это маленькое городишко, где просто не избежать

общества соседа и реакции на любое оскорбление. Суровый мужчина, Киутер, едва не облизнулся, увидев монету. А юноша, его сын, проявил жадность совсем иного рода. Мендакс заметил, что парнишке одиноко среди мужчин и что он отчаянно жаждет чего-нибудь интересного. Теперь они мило болтали, как старые добрые друзья. Настоящий талант — уметь понимать людей так, как умел он. Мендакс без малейшего труда ловко втягивал грузин в, казалось бы, вежливый и несерьезный разговор. Дело в том, что люди любят поговорить о себе и часто делают это, если только дать им возможность и слегка подтолкнуть.

Мальчишка продолжал прощупывать его, и немного погодя Мендакс понял, что пора раскрыть частичку своих тайн.

— Я путешествоваю по дальним колониям и всему Доминиону Бурь, — пояснил он. — Я летописец. — Он взглянул на юношу. — Знаешь такое слово, Леон?

Вместо ответа последовал энергичный кивок.

— Вы создаете художественные

произведения для Административа.
Документируйте славу Империи.

--- Славу? --- переспросил Эймс с легкой
устешкой и не скрывая язвительность. ---
Здесь этого добра не слишком много, скажу
я вам!

--- При всем почтении, я с вами не
согласен, --- возразил Мендакс. --- Золотые
тора пшеницы, изумительная синева
ваших небес... О сударь, здесь красиво. У
тем, кто придет в залы Терры, будет
приятно узнать об этом.

--- Вы... Вы бывали на Терре? ---
спросил потрясенный Леон.

Теперь Мендакс знал, что парень ---
его.

--- Мой юный друг, я там родился.

--- И как там? --- спросил Прэль. ---
Действительно так, как говорят?

Мендакс торжественно кивнул,
подчеркивая важность момента.

--- Все так, и даже более того, эсквайр
Прэль.

--- Н-не могли бы вы рассказать нам
о... ней? --- Леон напряженно подался вперед,
ловя каждое слово гостя.

--- О чем?

--- Обо всем! --- Воздух вокруг юноши, казалось, потрескивал от возбуждения. --- Я всегда мечтал увидеть систему Солар!

Мендакс понимающе улыбнулся пальчишке и с важным видом кивнул всем остальным.

--- Я планирую побыть здесь немножко. Уверен, смогу кое что вам рассказать.

Позади него открылась дверь таверны, и в комнате вновь на мгновение стало тихо. Мендакс обернулся и увидел строгого на вид мужчину в оранжевой фуражке и серых одеждах, широко шагавшего через зал. Люди начали разворачивать стулья, чтобы сесть к нему лицом.

--- Орен Яцио, --- пояснил Эймс. --- Он у нас телеграфист, приносит еженедельную сводку новостей, полученных по проводам.

--- Здесь в самый раз ее прокручивать, --- заметил Прэль. --- В частных домах нет проводов, как в Два-Шесть или в столице. И где же еще народу скоротать вечерок, если не здесь, а?

--- Интересно. --- Мендакс смотрел.

как Яццо направляет толстую бобину в аппарат возле бара.

Телеграфист прочистил горло.

--- Сегодня новости из центра дошли до сельскохозяйственной колонии Виргер-Мос II. Говорит Терра. --- Он с важным видом нажал на кнопку, и из невидимых громкоговорителей под потолком забубнил механический голос.

Вместе со всеми Мендакс сидел тихо и слушал непрерывный поток проилперской пропаганды. Все в порядке. Магистр войны вынужден отступить. Одержаны победы на Калме, Мертиоле и на Сигнус Прим. Вам нечего бояться. Император победит.

Мендакс улыбнулся, глядя, как они слушают. Он был немножко разочарован: здесь для него не найдется достойный противник, и все будет так же просто, как везде.

* * *

Когда бобина закончилась, начали

обсуждать услышанное. Мендакс видел все телки неувязки и дезинформацию, которую собравшиеся в таверне принимали за непогрешимую истину. Он прикинулся уставшим, и тогда Эймс сказал, что у него есть комнаты внаем. Еще пара золотых монет подкрепила сделку, и угрюмый мужчина велел своему сыну проводить летописца домой.

Леон просто из кожи вон лез, пытаясь донести багаж Мендакса. Они вдвоем зашагали по главной улице. Тем временем приближалась ночь, и воздух стал обжигающе холодным.

--- В доме только ты и твой отец? --- спросил мужчина.

Юноша кивнул.

--- «Черный кашель» унес мою маму два года назад.

--- Мне очень жаль.

--- Спасибо. --- Леон наступил. Он не хотел говорить об этом. --- А где вы родились на Терре? В Мерики или Гибралбре? В Бразиле? В Бании?

--- Знаешь горы Аталантики? Я вырос в городке, немного похожем на этот, хотя

ландшафт там совсем другой. -- Это было редкой правдой в его арсенале лжи, зато такие подробности являлись базой для надежной легенды.

-- Знаю-знаю! -- Леон с энтузиазмом фанатика заговорил о великих равнинах давно исчезнувшего океана и горах, сгеливших их навное. Он повторял стандартные описания, и Мендакс понял, что парень пересказывает страницы пикт-книг, читанных сотни раз. Пока они шли по улице, мальчишка буквально засыпал его вопросами. Бывал ли Мендакс на Луне? А в Городе Просителей? На что похож Императорский Дворец? Вигел ли он когда-нибудь костодезантника?

-- Я бывал в обществе Астартес, и не раз. -- Притарха тоже, хотя этот факт он оставил при себе. -- Они точно боги войны, созданные из плоти и стали. Ужасные и прекрасные.

Леон тихо и благоговейно вздохнул.

-- Как бы я хотел их увидеть!

-- Ты в этом уверен? -- спросил Мендакс, входя в дом. -- Там, где они, всегда война. Они для этого и созданы. --

Мальчишка будет барометром, решил он. С его помощью можно определять настроение общины, а заодно и всей колонии.

Юнец с трудом сглотнул.

— Я столько о них читал! Но не понимаю... — он спохватился и умолк, остановившись перед дверью гостевой комнаты.

— Не понимаешь чего? — поинтересовался Мендакс, забирая ключ из рук Леона.

Леон глубоко вздохнул.

— Как они могут воевать друг с другом? Брат против брата? Это же бессмысленно!

— Для Хоруса Лунеркала смысл есть.

Услышав это имя, мальчишка передернулся.

— Как? — повторил он. — Какое безумие разделяет легионы и заставляет их нападать друг на друга? Больше двух солнечных лет прошло, а война по-прежнему идет, и конца ей не видно. Даже отсюда она кажется такой близкой. — Он покачал головой. — Резня на Устваане и

все, что случилось потом, могло быть делом рук лишь безумца!

Мендакс взял свои сумки и вошел в комнату.

--- Я бы не стал гадать, --- ответил он. --- Никогда не пытайся постичь мысли и пути людей из Легионес Астартес, Леон. Они не такие, как мы. --- В его голосе невольно прозвучала нотка редкого и неподдельного благоговения. --- Они на порядок выше нашего недоразвитого человечества.

Он закрыл дверь комнаты и постоял в тишине, пока не убедился, что тальчишка ушел. Следующий час он при свете лампы обшаривал квартирку с аусником в руке, предоставив прибору выскидывать электромагнитные волны, тепловые излучения или что-то иное, свидетельствовавшее о наличии подслушивающих устройств. Мендакс знал, что ничего не найдет, но обыскать дом на предмет «жучков» было в добрых профессиональных традициях разведчика. В конце концов именно традиции

ципонажа помогли выжить таким, как он.

Мендакс распаковал багаж и развесил одежду. Жилье было даже лучше, чем он ожидал, — скромное, но удобное. Он заметил следы давнего прикосновения женских рук, теперь едва различимые. Память о покойной хозяйке.

Когда все было готово, Мендакс открыл меньший из саквояжей и снял тонкие потайные стенки, скрывавшие его настоящее содержимое. Он включил кварцевую стабилизацию частоты и перевел систему в режим бодрствования. Автономные когнитивные программы устройства произведут серию тестов, чтобы убедиться в его работоспособности. Хотя никаких проблем не ожидал, потому что система была очень надежной.

Пока устройство самонастраивалось, Мендакс растянул жакет, извлек маленький записывающий стержень, спрятанный во внутреннем кармане, и отсоединил его от головки микрофона, вшитой в манжету. Он снял со стержня панель в форме диска, чтобы изменить

запись, произведя черновой монтаж. Здесь у него была полная запись радиопередачи Яцюо, голос и общее построение программы в мельчайших подробностях. Когда устройство оттестировалось, Мендакс вставил стержень в порт данных, и система сделала перезапись.

Внутренности саквояжа представляли собой набор самых современных микроэлектронных и кристаллографических матриц. Устройство было способно выполнять множество функций: вокс-связь, узкочастотные и широкочастотные передачи в разных диапазонах, постановка многочастотных помех, радиоэлектронное подавление, имитационное моделирование, синтаксический анализ данных и многое другое. Мендакс сомневался, что кто-либо на Виргер-Мос II способен хотя бы осознать истинный потенциал этого устройства. Даже в центральных мирах техника такого рода была редкостью и находилась под запретом.

Стержень издал негромкий свист, и он его вынул, потом вынул из саквояжа

экран, чтобы проверить формы волн искусственно сгенерированного голоса. Мендакс помедлил, разглядывая рисунок, как художник мог бы оглядывать чистый холст, прежде чем сделать первый мазок.

Он подождал; было сухо и жарко, и на работу, которую ему предстоит сделать, потребуется некоторое время. Он стряхнул с плеч туннику и закатал рукава нижней рубашки, устраиваясь поудобнее, прежде чем взять в руки редактирующее стило.

Если бы сейчас кто-нибудь находился в комнате с Мендаксом, он смог бы заметить знак, вытатуированный на внутренней стороне его предплечья: зеленое изображение мифической гидры с поднятым хвостом и тремя зубастыми, вызывающе оскалившимися головами.

+++Передача Плюс

Одиннадцать Часов (Солар)+++

Пыльная буря родилась на гальных равнинах, и хотя это было слишком далеко от Сорок Четвертого, чтобы нанести ущерб, ее отголоски долетали до городских предместий: небо потемнело, а по улицам ветер гнал тучи песка.

У некоторых людей, собравшихся около телеграфной станции, на шеях висели защитные очки и маски; другие их уже надели. Кроме масок было огромное количество разного оружия, носимого совершенно открыто. В основном это малокалиберные винтовки и дробовики, использовавшиеся для уничтожения грызунов и зерноядных птиц. Кое у кого при себе имелись сельскохозяйственная, правда, непонятно, какого врага люди надеялись ими поразить. Весь этот арсенал был призван скорее успокаивать его носителей, нежели приносить конкретную пользу в случае открытого столкновения.

Даллон Прэль являлся единственным

обладателем того, что можно было назвать современным оружием, да и то с большой натяжкой. Лазган, крепко сжимаемый в руках, насчитывал больше ста сорока лет; он достался семейству Прэль в наследство от пра-прабабушки, достойно служившей в Имперской Армии. Реликвия блестела в свете фонарей, и толстяк нес ее как знак офицерского отличия.

В Городе Сорок Четыре никогда не было констебля. В нем просто не было нужды, как и в навевывавшемся к ним каждый лунный цикл окружном шерифе из Ноль-Первого. Но Прэль воображал себя кем-то вроде констебля, словно обладание подобным оружием делало его прямым наследником этого поста.

Он взглянул на Эймса Куитера, стоявшего, как всегда, с трачным видом, скрестив руки на груди и хмуро поглядывая вокруг. Владелец гостиницы угрюмо кивнул ему.

— И какой прок в этом сборище?

Прэль огляделся. Никаких объявлений, и все же большинство горожан —

представители почти всех семейств, живущих в доминионах, — здесь. Люди обсуждали тех, кто не явился. В конце концов если вы не готовы публично заявить о своей позиции, очевидно, вам есть что скрывать. Должно быть, вы боитесь принять чью-либо сторону.

Еще никто не наделал глупостей вроде взрыва или пальбы из своего оружия, но дело явно шло к этому. Вопросы и возражения превратились в ожесточенные споры, за которыми чувствовалась едва сдерживаемая злость. Прэль слушал, отваживаясь перебивать, когда был уверен, что прав и что с ним, скорее всего, согласятся. Все разговоры сводились к двум противоположным точкам зрения, и пропасть между людьми росла каждое мгновение. Вместо того чтобы привести горожан к согласию, импровизированный митинг усиливал раскол.

Если Император действительно жертв, говорили некоторые, что это значит для обитателей колонии и этого городка? Что это реально означает?

У Прэля не было сомнений в

поглубинности телеграфного послания. В конце концов, существуют механизмы, защищающие астронавтические сигналы из системы Солар и центральных миров от искажения. Так говорили в других передачах, и он этому верил. Понимания, как и что работает, не требовалось. Хотя ему и не нравилось религиозное устройство мира, веры было достаточно.

В послании сказано, что Император мертв. Значит, он мертв. И куда он? Даллон Прэль, мог деться от этого? Теперь на земном троне Хорус, и, наверное, он будет строить для себя новую империю. Все знают истории про миры, обращенные в пепел за то, что постели не подчинились магистру войны. Например, планеты Звезд Тебиана и соседних подсекторов, выжженные и превращенные в мертвые каменные шары.

Огни призывали к повиновению, считая его разумным и логичным, и хотели поднять знамя магистра войны, чтобы Око Хоруса смотрело отовсюду. Разве есть лучший способ обезопасить себя, чем объявить о преданности новому

Императору-Королю? Если этого не
сделать, Астартес всех перебьют.

У других подобная мысль вызывала
отвращение. Как бы там ни было, это мир
Империиума. Терра и Император нашли
его, вдохнули жизнь; он полнит потом
имперских граждан и служит Империиуме
Человека. Это верноподданный мир с
верноподданными колонистами, которыми
надлежит открыто продемонстрировать
свою ненависть изменнику и убийце Хорусу
Лунеркалю.

Прэль слушал доводы соседей и
помалкивал. Система Виргер-Мос II
находилась так далеко от Терры, была
настолько изолированной и окраинной, что
вряд ли она являлась частью Империиума.
Разве что номинально и согласно обычаям.
Он остелился спросить себя, какая разница
для мира, подобного этому, кто правит им
с далекой Земли -- Хорус или Император?
Что от этого изменится? Они будут так
же выращивать свою пшеницу и
отправлять ее в космос, рождаться и
тяжело работать, утирая рядом с
Небесным Крюком. Единственное, что

изменится, — цвета флага и голос, ведущий радиопередачи.

Неужели его преданность стоит так дешево, а верность каждой отдельной колонии породившему ее миру столько хрупка и бессмысленна, что ее могут разрушить какие-то огни в небе и призрачная угроза расправы?

— Не может же ты лизать любую руну, словно псы! — Прэль сам испугался, когда его мысли внезапно вырвались наружу, а глаза затуманились от чувств, получивших выход. — Мы что, совсем слабаки?

— Это не слабость, а прагматизм! — сердито огрызнулся Эймс Киитер, и несколько человек согласно кивнули. — Нам без разницы, чья задница восседает на трон Терры! Присягнем другому, и что с того? Но крайней мере останемся живы! Я не собираюсь терять все, что имею, ради кого-то, кого никогда не видел и кто даже не знает о существовании этой планеты!

Прэль угрожающе шагнул к мужчине:

— Ты не понимаешь!

— Может, это даже и не Хорус. Ты об

этом подумал? — парировал Эймс. —
Может, уцелевшие сторонники
Императора вздумали к нам явиться!

За их спинами дверь телеграфа со
стукот распахнулась, и появился Орей
Яццо. Его движения были
неестественными, лицо побелело. Он
продолжал держать в руках наушники,
которые надевал, работая за
телеграфным аппаратом. За ним
тянулись провода, присоединенные к
имплантату, вживленному в основание
шеи.

Пока Яццо шел к ним, бледный и
потный от пота, все молчали.
Единственными звуками были стук и
пошвякивание проводов над головой, когда
их трепал ветер галекой бури.

Наконец телеграфист заговорил —
громко, чтобы все слышали:

— На сегодняшний день новости из...
Новости, дошедшие в колонию... — Он
пытался выдержать профессиональный
тон, но не смог. Яццо сглотнул и начал
сначала, отказавшись от обычных
формальностей: — По проводам пришли

обрывки передачи, отдельные куски. Мне пришлось долго собирать их воедино. Сообщения из Ноль-Девять, Огун-Пять и из столицы.

--- Десантные капсулы? --- спросила женщина. --- Это Сыны Хоруса?

Носынался граг вопросов. Яццо взмахнул руками и пронзительно выкрикнул:

--- Тихо! Слушайте меня! --- Он дрожал, несмотря на теплый вечер. --- Мой долг --- сообщить вам, что его честь эсквайр Лиан Тошак, выборный имперский губернатор колонии Виргер-Мос II, сегодня покончил с собой в собственном доме. Пока... Пока возникло замешательство насчет того, что делать дальше.

Маленькая толпа заколыхалась. Прэль молчал, поглаживая потными пальцами корпус лазгана. Тошак убил себя, чтобы не иметь дела с вторжением. Сколько еще людей сделают то же самое, запуганные магистром войны и не в силах вынести саму мысль о встрече с легионами?

--- И еще, --- продолжал Яццо.

сокрушенный тяжестью новостей. ---
Другие поселения передают
неподтвержденные сообщения о...
визуальных наблюдениях. --- Он облизнул
губы. --- Замечены огромные фигуры в
темных доспехах, передвигающиеся от
города к городу. Вскоре после передачи
этих сообщений связь с поселениями
прервалась.

--- Костодесантники, --- выдохнул
Эйтс. --- Трон и кровь! Они действительно
здесь. --- Он с трагичной торжественностью
живнул самому себе, будто человек,
стоящий на плахе. --- Я так и знал!

--- Нет! --- воскликнул Прэль. --- Мы
этого не знаем! --- Он схватил Яцио за
руку. --- Ты сказал, «неподтвержденные».
Значит, это может быть ошибка или...

--- Разуй глаза! --- завопила женщина. ---
Это вторжение, идиот! --- Ее слова были
словно спичка, брошенная в груды растопки.
Все принялись кричать и стенать.

Прэля захлестнула волна паники, и он
почувствовал, как рушится сила духа
горожан. Он знал, что, если не начнет
действовать сейчас же, городок

развалится на части. Хрюня от натуги, он вскарабкался на припаркованный трейлер и взмахнул лязганом, набирая в легкие побольше воздуха.

--- Послушайте меня! --- завопил он, привлекая внимание. --- Как и вы, я прожил в этом городе всю жизнь. Хорус Лүперкаль пусть хоть подавится, мне-то что за дело! --- Он потряс оружием, находя в душе новый источник энтузиазма. --- Умру, но не позволю этому поглощу ублюдку и его подонкам-перебежчикам отобрать у меня мой дом! Я лучше погибну, чем сдаться!

Его грубоватая и убедительная тирада вызвала нестройный хор одобрения у той части толпы, которая чувствовала то же самое, но было немало и других, презрительно ухмыльнувшихся в ответ.

Вдруг со своей выгодной позиции над толпой Прэль увидел, как на них что-то двигается --- томящиеся из стороны в сторону огни, сопровождаемые гулом мотора. Нечто большое и темное в ореоле бури тчало по улице к центру города.

--- Это они! --- взвизгнул кто-то. --- Они уже здесь!

Толпа бросилась врассыпную. В безумной спешке люди натыкались друг на друга и пытались отыскать какое-нибудь убежище.

Руки двигались сами собой; Прэль обнаружил, что ладан упирается ему в плечо, а сам он выглядывает в железную прорезь прицела. Тренировки и регулярная охота на вредителей урожая из огнестрела сделали свое дело — старинное лазерное ружье потеплело и ожило. Палец Прэля лег на рифленую спусковую пластину...

Темные тени приближались в клубах поднятой ветром пыли. Прэль гадал, что там, за этими огнями? Бронированный танк, вездеход? Может, Легионеры Астартес идут друг за другом? Он слышал, они так делают, чтобы скрыть свою численность.

— Прэль! — прокричал Эймс, пытаясь стащить его с трейлера. — Слезай оттуда, никчемный идиот! Ты погубишь всех нас! Убери свое проклятое ружье, пока они тебя не увидели!

Всю свою жизнь Даллон Прэль хотел

быть чем-то большим, нежели просто мастером по солнцу, чтобы его существование имело смысл. Даже больше — он хотел стать героем.

Его палец затвердел на спусковой пластине. Он будет героем! Даже если придется погибнуть. Он покажет этим захватчикам!

Из лазгана вылетела ослепительная белая вспышка, с визгом раздирая воздух, и заряд поразил намеченную Прэлем цель.

Он выдохнул, у него вдруг закружилась голова. Он ждал ответного удара. Ждал...

Ветер, несущий пыль, пролетел дальше и зашуршал песком у него за спиной, и Прэль, спотыкаясь, побрел к своей тишени. В воздухе вился едкий дым, пахнущий горелой плотью. Он остановился и уставился на труп Сайласа Синкага, лежащий в седле тарахтящего трицикла. Лицо механика превратилось в мешанину из обгорелых ошметков мяса — там, куда угодил лазерный заряд, чуть повыше правого глаза.

Прэль затрясся, ружье выскользнуло из его ослабевших пальцев.

В конце концов налаживать подобие организации пришлось Яцио. Поскольку Прэль был совсем плох, рыдая в голос, как ребенок, телеграфист велел жителям городка поискать, чем забаррикадировать все входы и выходы в Город Сорок Четвертый. Они подчинились, в основном из-за необходимости чувствовать, что заняты реальным делом, вместо того чтобы просто ждать смерти.

Труп Синкага убрали, и кто-то отобрал у Прэля лезган. Механик ездил в Ноль-Первый за информацией, и теперь они уже никогда не узнают, что он хотел ил сказать.

Яцио предупредил их, что Астартес обязательно придут сюда. Это неизбежно. Здесь Небесный Крюк, и это делало их городок стратегически важным пунктом. Им придется защищаться от вторгшегося войска, идущего, чтобы водрузить свой флаг, или от отряда защитников, явившегося спасти их от жестокого диктатора. Возможно, костический элеватор — единственное, что спасет ил жизнь.

Сильнее всего Орена Яцио беспокоил
вопрос, что он будет делать, когда узнает,
кто прибыл на Виргер-Мос II -- силы
Императора или Легионы Хоруса?

И какая им, собственно, разница?

+++Передача Минус Две Недели (Солар)+++

Книга называлась «Унсигнумт Астармес: униформа и регалии костических десантников». Причем она была настоящей, сделанной из пластбумаги, а не пикт-книгой, которую нужно читать с инфопланшета. Его мать любила такие...

Леон обращался с ней с величайшей осторожностью: переплет был ветхим, а страницы едва держались в нем, поскольку соединявший их клей пожелтел и рассохся.

Он смотрел на выцветшие изображения воинов в доспехах, заснятых на пиктер или запечатленных на картинах и в памятниках, шагающих по полям сражений, будто мифические Воины Грома. Он помнил каждую линию, тень, оттенок и каждое слово из книги наизусть. На пожелтевших и истрепанных страницах присутствовала эмблема легиона, рисунки знамен и знаков различия, были собраны основные факты о природе

Астартес и их военных доктринах. От
книги веяло стариной и
торжественностью.

Под кроватью Леона валялся целый
ворох бумаг из мясной лавки с набросками,
старательно сделанными от руки.
Рисунки юноши были на много хуже
книжных иллюстраций, но он вкладывал в
них всю свою душу. Лучшие из его работ ---
какие есть! --- были приколоты к стене
маленькой узкой спальни, вместе с
пожелтевшими вырезками из газет и
страничками из брошюр, выпускаемых
колонциальными властями. Прочие книги и
пикт-касеты лежали на пластиковых
полках над кроватью. Рядом с ними
хранилась коллекция статуэток
частично --- ярко раскрашенная штамповка
из металла, частично --- вырезанные
Леоном из дерева. Комната юноши была
чем-то вроде посвящения великим мечтам
Императора и его воинов, их славе и славе
человечества.

Самым главным предметом здесь
являлся толстостенный латунный
цилиндр, отполированный до блеска, ---

пустая гильза от болт-снаряда. Леон отложил книгу и взял в руки гильзу, держа ее большим и указательным пальцами и поворачивая так, чтобы на нее падал свет. Не впервые Леон задумался, как выглядела масс-реактивная боеголовка снаряда и какие разрушения он должен был произвести, разорвавшись. Кто погиб от него? — мысленно спрашивал себя юноша. Леон пытался представить себя в роли наблюдателя, который видит, как ракетный снаряд отнимает жизнь у врага Империи.

Дверь в комнату распахнулась, и Леон вздрогнул, вырванный из грез. Он настолько погрузился в свои мысли, что не услышал приближения отца; разумеется, тот в жизни не удостоил бы его стука в дверь, прежде чем войти.

Отец сразу заметил гильзу в руке сына, и его лицо помрачнело.

— Да ты занят, как я погляжу.

Леон покраснел, чувствуя себя глупо.

— А что такое? — Он вертел в руках гильзу, не зная, куда ее деть. Продавец заломил немалую цену, и Эймс отступил

Леона, когда узнал, сколько генез тот «выбросил на ветер». Но эта гильза выпала из экстрактора болтера костогесантника, и, обладая ею, Леон Киитер ощущал некую связь с воином, похожим на тех, кого он видел в книгах.

— Совершенно никчемная штука. Ты сам это знаешь, верно? — отец указал на латунный цилиндр. — Небось валялась в грязи под сапогами какого-нибудь дурня из Имперской Армии. Костогесантник и на световой год к ней не приближался. — Он обвел глазами комнату, как всегда неодобрительно.

Леон промолчал. Он не обращал внимания на слова Эймса. Для него эта гильза была самой настоящей, и только это имело значение.

— Не понимаю, откуда у тебя такой интерес к... — Он презрительно кивнул на неумелые рисунки на стенах и металлические фигурки. — Ко всему этому. — В голосе отца слышалась горечь. — Костогесантники, Император, все они... Тебе есть до них дело, а им до тебя нет! Терра и думать не думает ни о

Виргер-Мос, ни о людях, что здесь живут.
Я все жду, когда ты повзрослеешь и
поймешь это.

Леон опять ничего не ответил. Он не
хотел продолжать бесцельный спор в
сотый раз.

Эйтс постучал пальцем по картинке
с Императорским Дворцом, вырезанной из
буклета, края которой загибались внутрь.
— Я знаю, ты надеешься сам его когда-
нибудь увидеть. Но раньше или позже тебе
придется понять, что это фантазия,
сынок. Ты родился здесь, здесь и умрешь.
Империя обойдется без тебя. Даже
никто не заметит...

— Чего ты хочешь? — спросил наконец
Леон.

Его отец нахмурился и отвернулся.

— Займись чем-нибудь полезным.
Вылей помой в мусоросжигатель.

Леон подождал, пока он уйдет, и убрал
вилку на место. Он вернул «Инсигнум
Астартес» обратно на полку, где книга
лежала плашмя, находясь в безопасности, и
уныло побрел выполнять данное поручение.

Он прошел по небольшому участку

пыльной травы позади дома — туда, где
чрево мусоросжигателя выпирало из-под
земли, и ногой откинул решетку.
Мысленно Леон унесся далеко, представляя,
что он на Терре и гуляет по залам
Императорского Дворца. Но вдруг вонь
достигла его ноздрей, и видение рассеялось.
Нахмурившись, юноша опорожнил потойное
ведро в приемную трубу и запустил
агрегат.

По привычке взглянул на Небесный
Крюк. В этот час солнце отбрасывало
тень от костического элеватора прямо на
их дом.

В тени Леон увидел эсквайра
Мендакса, который сидел на траве,
скрестив ноги и положив рядом флягу с
водой да матерчатый мешок. Летописец
работал с пикт-экраном, вода по нему
стилом. Он заметил юношу и слабо
улыбнулся, жестом приглашая подойти.

Леон поставил бадью на землю и
вытер руки о бока.

— Прошу прощения, эсквайр, —
извинился он, подходя, — если я немного
испортил воздух. Это все потому. Я как раз

избавлялся от них.

Мендакс кивнул.

--- Я даже не заметил. Как дела, Леон?

--- Все в порядке. --- Он кивнул на портативный экран. --- А что вы делаете?

--- Взгляни сам. --- Мендакс протянул ему устройство, и Леон осторожно взял его, стараясь не касаться многочисленных клавиш и кнопок на корпусе пикт-экрана.

На дисплее был набросок городка, сделанный с холма, на котором располагался их дом. Главное место на рисунке занимала громада Небесного Крюка.

Леон ощутил мгновенный укол зависти. В искусстве рисования Мендакс на порядок превосходил его: по сравнению даже с этой незаконченной картиной собственные эзерсисы выглядели тазней или детской забавой. Он кивнул.

--- Здорово!

--- Возможно, это станет основой для цифровой картины, --- беззаботно бросил Мендакс. --- Закончу, тогда посмотрим.

Леон не ответил, и выражение лица

летописца изменилось; он нахмурил брови. Спокойный, прямой взгляд мужчины, казалось, проникал прямо в душу юноши, и тому захотелось отвести глаза.

--- Твой отец... --- Мендакс потеглил, подыскивая нужные слова. --- Похоже, он не слишком сведущ в искусстве.

Леон хмуро кивнул.

--- Угу.

--- Но твоя мать в нем разбиралась.

--- Как вы узнали?

Мендакс улыбнулся.

--- Потому что ты тоже его понимаешь, Леон. И потому, что в вашем доме сохранились ее следы. --- Он вдруг остановился, обеспокоенный. --- Прости. Я говорю что-то не то?

Леон покачал головой.

--- Нет-нет. Вы совершенно правы. --- Он вздохнул. --- Хотел бы я иметь талант, как у вас, но у меня его нет.

--- Я уверен, что ты талантлив в чем-нибудь другом, --- предположил летописец.

--- На, похоже, так не думает.

Мендакс внимательно посмотрел на

него.

--- У отцов и сыновей всегда сложные отношения. Это истина, вокруг которой вращается Галактика. Вечное противостояние... Один бунтует и бросает вызов, а другой пытается сохранить прежний порядок вещей вопреки здравому смыслу.

--- У нас слишком разные взгляды, --- вздохнул Леон. --- Он думает, что Империя игнорирует людей, живущих на периферии. Говорит мне, что все далеко и недостижимо. Я имею в виду, Терра и все такое...

--- Это не совсем так, --- заметил Мендакс. --- Но мне кажется, эсквайры Кинтеру лучше этого не слышать. --- Ты думаешь, что он прав?

--- Нет, --- ответил Леон, не задумываясь. Он начинал понемножку закипать. --- Он не видит того, что вижу я. Он слеп и слишком заиклен на собственном опыте. Я пытался сделать так, чтобы он взглянул на вещи моими глазами, но он не хочет ничего слышать... --- Юноша заппулся. --- Я думаю, он уверен,

что я настроен против него.

--- Прегатель своей семьи, --- легко закончил Мендакс. --- Странно, правда? Как получается, что отцы и сыновья настолько близки и в то же время так чужды друг другу? --- Он помолчал, смотря вдаль. --- А ты не допускаешь мысль, что Хорус Луперкаль когда-то чувствовал то же, что и ты сейчас, Леон?

--- Что? --- Вопрос вырвался сам собой, юноша был явно сбит с толку. --- Нет! Я хочу сказать... --- Он остановился и покачал головой. --- Император и примархи не такие как мы. --- Мысль казалась ему нелепой.

--- Нет? --- Мендакс вернулся к рисованию, его стило короткими мазками касалось экрана. --- Даже стоящие над человечеством происходят из него. Семейные узы, братские, отцовские... Они существуют везде. От этого никому не уйти. --- Летописец оглянулся на мальчика. --- Тебе тоже, Леон. Это то, чем сталкиваются все люди, --- вопрос. Могут ли я бросить вызов моему отцу?

--- Неповиновение магистра войны

стоило жизни миллионата, --- выпалил
Леон.

Мендакс снова посмотрел вдаль.

--- За каждый выбор приходится
платить.

+++Передача Плюс Двадцать Два Часа (Солар)+++

Леон сидел на подоконнике в темной комнате и напряженно прислушивался. Из-загородка долетал звон бьющегося стекла и треск выстрелов. Ощущая в душе пустоту, он смотрел, как клубы черного дыма поднимаются в ночное небо. За вереницей улочек виднелись всполохи пожарища. Юноша предположил, что горит университет, но не мог понять, с чего вдруг кому-то захотелось превратить его в пылающий факел.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как ушел отец, приказав ему ни в коем случае не выходить из дома. Эймс не знал, что сын видел, как тот перед уходом достал спрятанный в подвале револьвер и сунул его за пояс. Леон пытался понять, что бы это могло значить. Зачем на оружие, не зная он об опасности, приближавшейся к Сорок Четвертому? Или была иная причина? Другая опасность?

Леон сценил пальцы и обвел взглядом комнату, где слабые отсветы отбрасывали блики на его рисунки. Ему хотелось что-нибудь сделать, но он не знал что. Ни в книгах, ни в рисунках не было ответа на этот вопрос.

Потом он услышал, как открылась дверь у лестницы. Леон прищурил глаза, встатриваясь в окно. Что-то здесь не так... Неужели отец вернулся?

Вдруг он заметил фигуру, скользнувшую прочь от дома, куда не доставал свет уличных фонарей. Существо старалось держаться в тени и избегало освещенных мест.

Это мог быть только Мендакс, но Леон никогда прежде не видел, чтобы он так двигался. Повинуясь необъяснимому импульсу, юноша вскочил и последовал за ним.

Путь летописца пролегал по окраинам, и Леон, проживший здесь всю жизнь, вскоре понял, куда направляется Мендакс. Улочки и спуски, по которым шел мужчина, были частью мира юноши.

местами, где он бегал ребенком и играл с
группами в Великий крестовый поход.

Мендакс направлялся к подножию
Небесного Крюка, в обход мест сбора
жителей Сорок Четвертого. Держась
поодаль, Леон пытался не отвлекаться на
происходящее вокруг, но не заметить
крики и огонь было нелегко.

На перекрестке на уличных фонарях
повесили каких-то людей, чьи
безжизненные тела раскачивались на
ветру под скрип фибровой веревки,
захлестнувшей шею. Леон узнал
завсегдатаев соседней таверны, несмотря
на то что их лица распухли и побелели. В
конце главной улицы, похоже, построили
баррикаду, но это было слишком далеко,
чтобы сказать наверняка. Несколько раз он
замечал маленькие группы людей,
вооруженных тем, что попало под руку.
Кто-то из них прохаживался по улицам,
другие притаились, будто устроили
засаду. В некоторых домах были разбиты
стекла; на одном здании Леон увидел имя
магистра войны, намалеванное на входной
двери. Он не понял, было это

предупреждение или знак ненависти. На западе цепной пилой спилили телеграфный столб, и он валялся там же, где упал, среди оборванных проводов.

Леон потерял Мендакса из виду, когда летописец приблизился к сервисному блоку у подножия костического элеватора. Он отвлекся на мгновение на злобную перепалку двух мужчин, которую оборвала вспышка огнестрела. Огин голос был знаком и принадлежал Кэлу Мүүдүсү, соседу по переулку. Он что-то вопил про Императора, но слова были едва различимы.

На лиз Леона охватил настоящий страх, и ему пришлось собрать всю свою волю и мужество, чтобы остаться на месте, в тени, а не потчаться назад, к дому. Весь день мир вокруг него рушился, и он задавался вопросом, не приложил ли к этому руку эсквайр Мендакс. Напряжение и скрытая вражда между обитателями Города Сорок Четыре существовали и до появления гостя, но лишь после его прихода все вылезло на поверхность. Когда он здесь поселился, стало казаться, что зло

Великой Войны протянуло к колонии свои грязные руки.

Леон выпрямился и стрелой пролетел расстояние до помещения сервисного блока. Дверь оказалась запертой, но над ней имелось вентиляционное отверстие, и юноша оказался достаточно худ, чтобы пролезть в него.

Леон ожидал, что на него обрушатся волны сигнализации, но, когда он спрыгнул на пол, единственным звуком был стук его собственных башмаков о пол. Он юркнул за какой-то погрузочный механизм, и звуки его появления затерялись в непрерывном ровном гуле работающих внутренностей Небесного Крюка.

Несмотря на волнения в Городе Сорок Четыре, механизированный элеватор продолжал делать свое дело, не обращая внимания на человеческую драму, разворачивавшуюся за толстыми стенами, и непрерывно отсылая грузовые капсулы на орбитальную перевалочную станцию. Леон был поражен тем, что постел проникнуть в блокгауз, причем так просто, но потом

вспомнил, что всем жителям поселения строго-настрого запретили входить в это здание. И не только из-за риска угодить под работающие здесь механизмы, но и потому, что это было нарушением колониального устава. Признанные виновными на определенный срок объявлялись илотами, и их отправляли в стуженные полярные области отрабатывать десять-двадцать лет в штрафотрядах. Благодаря страху перед наказанием это место оставалось неприкосновенным.

Очувтившись внутри, Леон был восхищен тем, что увидел: движением механических рук, сплетением рельсов и составов из капсул. Подобные чувства мог испытывать муравей, заползший внутрь работающего двигателя.

Его внимание привлекло какое-то движение возле состава из шести пустых капсул с поднятыми кверху крышками люков. Возле них над пультом управления склонился Мендакс и ловко пробежался пальцами по кнопкам и переключателям. Сразу протяжно загудела сирена, и состав

пришел в движение, крышки люков начали медленно опускаться. Мендакс подхватил свои сумки и забросил их в ближайший люк, следом залез сам.

Состав начал удаляться, и Леон выскочил из своего укрытия. С каждой секундой крышки люков опускались все ниже. Он знал, куда направляется состав и куда, должно быть, стремится Мендакс. Наверх, на станцию, прочь с этой планеты!

Если упустить момент, Леон никогда и не узнает, что произошло в его городе и колонии. Но риск... Он еще никогда так не рисковал. И тем не менее сделал это. Леон бросился к последней капсуле в составе и нырнул в закрывающийся люк. Крышка со звоном захлопнулась, и шипение воздуха показало, что люк наглухо закрыт.

На юношу навалилась страшная тяжесть, когда состав начал разгон по круто поднимающимся наверх рельсам; потом начался вертикальный подъем, и Леон отлетел в угол, ударившись головой о внутреннюю стену. Замелькавшие перед глазами светящиеся спирали сопровождали

его в забытье.

Измененная программа когитатора сделала именно то, что хотел Мендакс, переместив грузовые капсулы, прибывшие на перевалочную станцию, на запасной путь, вместо того чтобы отправить их сразу под разгрузку. Он быстро вылез сам и собрал свое снаряжение, остановившись для того, чтобы с кривой устешкой взглянуть на конец состава, и пошел прочь.

Гравитационные пластины в палубе перевалочной станции изменяли ощущение «верха» и «низа», так что колония на самом деле была у него за спиной. Платформа, занимавшая верхнюю четверть Небесного Крюка, представляла собой плоский диск в виде трехлопастной шестерни; каждый ее зубец являлся автоматизированным погрузочным воздушным шлюзом, в который утыкались носом грузовые корабли. Сейчас был занят лишь один из них. Стоявшее в нем судно было на много меньше привычных зерновозов — простой варп-катер, чуть больше рассольного суденышка. Мендакс позаботился пришвартовать его к

верхнему шлюзу, чтобы никто не смог
увидеть катер с планеты в телескоп.

Он не сразу пошел к своему кораблю.
Сначала сгрузил багаж --- на последнем
этапе операции он ему не понадобится --- и
направился в обход шестерни к запертому
жилищу астронаута.

Лазнистолет, с которым он сюда
прилетел, находился там, где его
оставили, --- висел на шнуре на панели
управления люком. Мендас взял его,
проверил заряд и открыл тяжелую
стальную дверь. Входя, он услышал треск
энергоподавляющего поля.

Ничего не изменилось; сферическая
обитатель астронаута была такой же, какой
он ее оставил: диафрагменный люк
открыт настежь, и сквозь него виднеется
выпуклое внутреннее пространство, где
царит невесомость, да гряда обломков,
появившихся, когда пришлось
воздействовать на псайкера пси-плетью,
чтобы доказать серьезность своих
намерений.

Сама астронавт валяется там же, на
полу; землистое лицо в окружении гривы

кучавых волос безучастно запрокинуто. Мендакс склонил голову набок, любясь переливами зеленовато-оранжевого сияния, окружавшего женщину, — излучения, исходящего от железного ящика величиной с человеческое тело. Стазис-генератор знал свое дело.

Он опустился на колени и взгляделся в астропата. За сиянием стазис-поля она напятинала мгновенно застывшее изображение с видеоленты. Мендакс не представлял, как работает устройство, знал лишь, что оно способно окружать полем территорию определенного размера. Внутри этого «кокона» ход времени резко замедлялся. Мендакс пробыл на Виргер-Мос почти два солнечных месяца, но для этой женщины прошли считанные мгновения. С ее точки зрения, он даже не уходил.

Мендакс протянул руку и коснулся клавиши, деактивировав поле. Сияние погасло, и псайкер разом очнулась.

— Пожалуйста, не убивайте меня! — простонала она, продолжая разговор, состоявшийся недели назад.

--- Я сохраню тебе жизнь, если ты кое-что для меня сделаешь, --- сказал он ей. ---
Передай послание. Больше ничего.

Астронавт покачала головой, и он поднял лазерный пистолет, целясь ей в лицо. Она отвернулась и вздохнула.

--- Это нельзя сделать просто по желанию. Надо подготовиться. Нужна твердая уверенность, что...

Мендакс сделал нетерпеливый жест рукой.

--- Не лги мне! Ты можешь передавать важные сообщения. Я --- не какой-нибудь технарь из Администратума, которого ты хочешь сбить с толку загадочностью твоего таланта. --- Он похлопал стволом пистолета по своему виску. --- Я знаю, как ты работаешь.

Ее глаза расширились.

--- Но без правильной подготовки я могу пострадать! Барн разведает неподготовленный разум. Пожалуйста, не заставляйте меня!

Бесспорно, она являлась псайкером незначительной силы. То, что ее сослали сюда, в эту тихую заводь, вместо того

чтобы направить на звездный корабль или в действительно важную колонию, подтверждало эту догадку. Дни в одиночестве тянулись для астронавта унылой чередой, скрашиваемые новостями из центра да случайным разговором с сосоварищем на пролетающем мимо корабле. Неожиданное появление Мендакса стало настоящим подарком.

Он приставил лазеристолет к щеке жертвы, бесстрастно за ней наблюдая.

--- У меня есть другие способы отправить это на свой корабль, --- сказал он, --- но я бы предпочел, чтобы это сделала ты. Если твой ответ по-прежнему «нет» --- значит, сейчас мы покончим с этим.

Женщина наконец кивнула.

--- Хорошо. Куда вы хотите передать послание? --- Мендакс без запинки продирижировал ряд пространственных координат, заложенных в его память, и с удовольствием наблюдал за изумленным лицом псайкера. --- Туда? --- переспросила она. --- Но это же за линией... Это что, для его ушей?

Мендакс кивнул в ответ.

--- Да, для магистра войны.
Некоторым образом. --- Он повел
пистолетом. --- Передай все точно, ничего
не изменяя. Семь слов.

--- Говорите, --- сердито бросила она.

--- Миссия исполнена. Перехожу к
следующему объекту. Мендакс.

Леон не знал, что теперь будет.

Он никогда еще не был так близко от
псайкера, никогда не видел его живьем. Да
что там! До этого дня он никогда не
покидал поверхность своей родной
планеты, а теперь съезжился, пытаясь
слиться с тенями в коридоре у жилища
астронаута.

Когда юноша пришел в себя после
того, как грузовой состав остановился на
перевалочной станции, его пронзил
тошнотворный страх. Все казалось
непривычным, сила тяжести --- невероятно
слабой, иллюминаторы на потолке ---
слишком яркими, воздух --- холодным и
каким-то искусственным.

Он прятался внутри капсулы, боясь,
что Мендакс вернется и увидит его.

дожидаясь, когда шагу летописца
затихнут вдали. Собрав остатки
храбрости, Леон вылез и последовал за
мужчиной. Методом проб и ошибок он
отыскал дорогу сюда. Но сначала набрел на
смотровое окно и увидел изогнутую
поверхность своей планеты и бесконечную
пустоту вокруг.

Леон взглядывался в черноту. Никогда
в жизни он не испытывал такого ужаса.
Взглянув на темную и хрупкую машину
Виргер-Мос II, он вдруг понял, что отец
был прав. Вселенная за пределами их
родного дома — бесконечное и равнодушное
пространство.

Когда Мендакс назвал свое имя,
наставив на астронаута тонкий пистолет,
он остелелся выглянуть из укрытия.
Женщина сделала что-то странное, и
воздух вокруг нее, казалось, загрожал и
выгнулся, будто нефтяная линза. Едкая и
скользящая мерзость хлынула в комнату,
покалывая кожу. Леон ощутил, как все его
тело словно оплело паутиной, и едва не
закричал. Это был варп. Его невидимые
струи вытекали из астронаута, пока она

передавала сигнал.

Юноша угрожал и заерзал, моля судьбу, чтобы это ощущение исчезло. И оно ушло так же быстро, как появилось.

--- Готово, --- донесся до него женский голос. --- Вероломная скотина!

Мендакс сделал шаг назад и фыркнул.

--- Это слишком упрощенный взгляд, --- ответил он. --- Верность --- понятие растяжимое. Ты удивишься, что оно может означать --- при наличии поощряющего стимула.

--- У тебя ничего не выйдет, --- бросила астронавт. --- Я знаю, кто ты такой. Я вижу знак. Альфа-Легион. --- Она показала на его руку, где из-под рукава выглядывала татуировка. --- Ты --- оружие в руках чужаков и изменников. Лжец, хитрая ложь!

--- У меня все получится, --- парировал Мендакс. --- У меня уже все вышло. Здесь, на Виргер-Мос II, и во многих других мирах. Они все одинаковы! Это не первая планета, которую я довел до края бездны, и не последняя.

--- Если... Если твои хозяева явятся,

чтобы захватить ее, им придется дорого заплатить за это. Императорские Астарτες придут сюда и вернут ее!

Он покачал головой, слегка улыбаясь.

--- Ты не понимаешь. Позволь объяснить, передающая мысли. Я и есть вторжение. И мое дело сделано. Не будет ни мощной атаки со звезд, ни бомбардировок, ни боевых флотилий.

--- Но Хорус...

Мендакс растаял.

--- У магистра войны есть дела поважнее, чем посылать своих людей в этот кошмарный закоулочек Галактики. Неужели ты настолько самонадеянна, чтобы полагать, будто он стоит трудов примарха? Ты действительно думаешь, что он станет посылать корабли, чтобы захватить ферму? --- Последние слова он произнес с откровенной издевкой.

Мендакс начал оживать. Леон почувствовал в голосе мужчины те же нотки, что звучали, когда он рассказывал о своих путешествиях.

--- Флот Хоруса, каким бы большим он ни был, не может поспеть везде. Но,

чтобы посеять страх в сердцах
верноподданных, должно казаться, что это
возможно. Понимаешь? Я -- один из
множества оперативников, посланных
Альфариел, чтобы сеять раздор по всей
Галактике. -- Он кивнул. -- Ты права. Я
действительно лжец, причём один из
лучших. Я перехватывал твои сигналы и
копировал их. Потом оставалось лишь
запустить их в телеграфную сеть и
позволить параноюе и примитивным
страхам местных придурков сделать свое
дело. Горстка мелких астероидов,
оторванных от облака Оорта и
заброшенных в атмосферу автотронами, и
плата разгорелась. -- Он широко
ухмыльнулся. -- Я обрушил небо и на
головы!

С каждым ярость Леона нарастала.
Его ужас уступил место гневу и
возмущению предательством. Наконец он
не выдержал и, выскочив из укрытия,
бросился на Мендакса с проклятиями.

Летописец -- нет, шпион -- подпустил
его совсем близко, в последний момент
взмахнув пистолетом и ударив им парня

по лицу. Леон вскрикнул от боли, когда рукоятка сломала ему нос, и, оступившись, полетел на пол.

Ни минуты не колеблясь, Мендакс повернулся к астронауту и выстрелил. Комната загудела от воя одиночного лазерного заряда, который пронзил сердце псайкера, убив ее на месте.

Леон попытался, выставив перед собой руки и безнадежно пытаясь защититься, давясь от вони горелого мяса. Мендакс не обращал на него внимания, нагнувшись за похожим на ящик устройством, лежавшим на полу. Потом он убрал оружие в кобур и пошел прочь.

Он уже почти вышел из комнаты, когда Леон, собравшись с мыслями, крикнул ему вслеп:

--- Она была права, ты --- подлый изменник и убийца множества людей!

Мендакс остановился на пороге.

--- Это неправда, Леон. С момента появления на этой планете я забрал всего одну жизнь. --- Он кивнул на мертвого псайкера. --- Убийцы --- люди, которые внизу, в Городе Сорок Четыре и любых других

похожих местах. Такие, как твой отец, Прэль и остальные. Они позволяют манипулировать собой, потому что в глубине души очень хотят быть правыми. Желают, чтобы самые мрачные их опасения стали реальностью и это оправдало их отвлечение к жизни, которую они ведут.

--- Это все ты! --- закричал Леон. --- Ты сделал так, чтобы в небе появились фальшивые десантные капсулы. Ты при помощи этих штук в своем чемодане нарушил работу радио... Ты направил соседей друг на друга своей ложью!

--- Я. И я буду делать это снова и снова...

Плечи Леона поникли.

--- Ты... убьешь меня?

Мендакс покачал головой.

--- Нет. Я знал, что ты идешь за мной. И хотел посмотреть, как далеко ты сможешь зайти.

--- Зачем?

Мужчина пожал плечами.

--- Это забавно. Так редко бывают свидетели, способные оценить масштабы

моей работы. --- Он кивнул в сторону
перевалочной станции. --- Ты достаточно
сообразителен, чтобы отыскать состав,
идущий вниз. Он отвезет тебя домой.

Леон с трудом поднялся на ноги.

--- Вернувшись, я всем расскажу о том,
что ты сделал, --- пообещал он. --- Я
остановлю тебя. И сделаю все, чтобы
предупредить остальные миры!

--- Ты этого не сделаешь. --- Мендакс
отвернулся. --- У тебя есть выбор, Леон. Ты
должен поклясться в верности Хорусу
Луперкалю и отречься от Императора.
Потому что к тому моменту, как
Небесный Крюк доставит тебя вниз, на
землю, колония Виргер-Мос II будет
принадлежать магистру войны. Благодаря
не силе оружия, но слабости людей,
которые променяли свой страх перед одной
неведомой силой на страх перед другой. ---
Он в последний раз взглянул на юношу. --- И
если ты не присоединишься к ним, они
убьют тебя.

Варп-катер отстыковался и
развернулся вокруг своей оси; включились

термоядерные двигатели, чтобы на
дозвуковой скорости разогнать корабль,
унося его вдаль от колониального мира.

В кабине Мендакс закончил
последнюю запись в бортовом журнале,
сделав паузу, чтобы поподробнее изучить
окраинный рудный мир в шести световых
годах отсюда, где ему предстояло начать
все сначала.

Удовлетворившись своей подготовкой,
он поудобнее устроился на
противоперезгрузочном ложе и потянулся к
генератору стазис-поля. Выставил
таймер деактивации, чтобы тот
отключил поле за неделю до выхода на
расчетную орбиту и у него было время
перехватить вокс-передачи далекого
поселения и начать работу над новым
хитроумным планом.

Мендакс закрыл глаза и щелкнул
переключателем. Что до него, то он
проснется буквально через секунду и
начнет все сначала.

Это было то, что он умел делать
лучше всего.

Леон Киштер подался вперед и
прижался лбом к холодному
стеклопластику бронированного
смотрового окна, сжав лицо ладонями.

Он смотрел вниз, на агромир у себя
под ногами, не остеливаясь взглянуть в
пугающую темноту. Планету окутала
ночь, но тут и там горели огни,
разбросанные повсюду неровные яркие
закаты.

Огни пожаров пылающих городов,
жуткие, желто-оранжевые, горящие
повсюду, куда он ни обращал взор.

Среди холода и тишины Леон
смотрел, как разгорается далекое пламя.

Нук Каўм

ЗАБЫТЫЕ СЫНЫ

Тека'тан поднялся из дымного облака, будто ожившая статуя из оникса. Женщина была жива, но без сознания. Серые завитки дыма стекали с эбеновой кожи воина, заслонившего ее от взрыва. Под ногами хрустели обломки — большая часть потолка вместе со световыми вставками обвалилась. Где-то наверху, в техническом отсеке, мерцали оранжевые огни.

Огонь еще не добрался до залов медитации, и клубы дыма, валившие из вентиляционных клапанов, исчезали наверху. Но крайней мере, она не задохнется. Там могут находиться другие раненые, нуждающиеся в помощи. Корабль вдруг накренился, отбросив Тека'тана к стене. Это была агония. Он ощущал сквозь переборку грохот отказывающих двигателей, слышал завывание воздуха,

стремительно утекающего через пробойну
в фюзеляже.

Дверь заклинило. Гека'ман почувствовал за нею жар и услышал треск
пламени, пожирающего соседний отсек. На
время медитации его доспех был помещен
в арморариум. Он вспомнил предбоевые
клятвы, нанесенные на его наплечники и
наголенники. Одна из клятв повторялась и
на черной коже обнаженного тела воина:

Защищать слабых.

Она была написана на языке сизил,
древнем языке Ноктюрна. Гека'ман родился
из огня на этой дьявольской планете.
Пламя не ослабляло его силы, а, наоборот,
укрепляло. Он выбил дверь и зажмурился,
когда огонь метнулся ему навстречу.
Огненные языки быстро опали, как только
выгорел весь кислород. До этого момента
Гека'ман не двигался с места, и о том,
что его коснулось пламя, напоминало лишь
легкое покалывание на коже.

Перед ним был глинный коридор.
Воздух грозил от жара. Корабль снова
встал на дыбы — до удара оставалось
совсем немного. Он оглянулся на женщину.

Вокс рядом с ним ожил, прохрипев последние слова пилота:

--- ...падает. Приготовиться... к удару. Храни... нас... Император.

Невозмутимый и спокойный даже перед лицом скорого и ужасного падения, Тека'тан нашел последнюю фразу любопытной. Она звучала почти как молитва.

Течение двигателей перешло в визг. На несколько мгновений Тека'тан вспомнил... Крики, смерть, кровь. «Преисподняя наяву» --- так сказал Травий. Тека'тан пошатнулся --- но не от слабости или усталости, а от воспоминаний о месте, где многие погибли и многие сбились с пути истинного.

Отец.

Неожиданно явившаяся мысль причиняла боль.

Вулкан был один. Один и в окружении. Они наступали. Он... он...

...тряхнул головой, отгоняя кошмар. Дым в отсеке и коридоре сгущался. Сквозь реж пламени Тека'тан услышал крики. Обреченный корабль входил в атмосферу.

слишком быстро и отвесно. Его борта содрогались в предчувствии последнего удара.

Внезапно изменившийся угол наклона свидетельствовал о том, что огненный полет подходит к концу. Впереди — трюм. Тека'тан был на полпути к нему, когда понял, что не успеет. Аркадез, если он еще жив, должен защитить других.

— Я иду, человек... — пробормотал он, разворачиваясь обратно к двери. Но крайней мере одну жизнь он спасет.

Едва Тека'тан обхватил ее руками, «Грозовая птица» со страшной силой врезалась в землю, и мир взорвался, превратившись в огненный ад.

II

Ранее...

Персефия со страхом взглянула на своего хозяина.

На его груди лежала массивная, отделанная золотом кираса. На боку висел меч глиной и толщиной с ее руку. Тело

закрывал доспех кобальтового цвета. Она увидела в глазах гиганта, пронизывающего ее взглядом, лишь холодный серый камень и снова устояла в пол.

Легионес Астартес Бессмертного Императора, Его Ангелы Смерти -- нет, не так -- его Ангелы Смерти, были созданы, чтобы защищать человечество от опасностей, приходящих со звезд. Миллиарды миров, миллионы уживавшихся культур -- теперь они ведут войну.

«Кто нас защитит от нас самих? -- подумала Персефия, не поднимая глаз от сотрясающейся палубы. -- И кто защитит нас от вас?»

Война была повсюду, или просто так казалось. В это Галактику заставили поверить пропагандисты, подстрекатели и вербовщики Имперской Армии. Где обещанная эра процветания и мира, ставшая возможной благодаря превосходству всех и вся Империи? В реальности Галактика раскололась.

Присоединиться к Императору, далекому и нематериальному существу --

кто, кроме Его возлюбленных сынов видел
Его? -- или быть объявленным изменником.
Еретиком.

Нет, опять не так.

Предпринималась масса усилий,
чтобы доказать эмпирический факт:
Император -- не бог. Богов не существует.

Распространителей подобных идей и
спорщиков теперь было не видно и не
слышно. Уголовное погоне
уничтожению -- будущее за наукой и
разумом, логика приведет человечество к
вершинам. И все же слухи были.

А что другой, Хорус? Поджигатель
войны, убийца планет, безжалостный
демагог кровавого Крестового похода,
тесно связанный со старой религией и
прежней верой. Творец позорной и жестокой
кампании на Исстваане. Ненавидимый и
демонизированный, он был чудовищем,
существом из детских ночных кошмаров.
Как легко дается падение сильным мира
этого!

-- Успокойся, -- сказал кобальтовый
гигант.

За ревом двигателей Персефия едва

распознавала собственные мысли, уже не говоря о голосе. Но великан расслышал ее с такой легкостью, как если бы они вели вежливую беседу в тихой комнате. Его голос был подобен раскату грома.

--- Мой господин?

--- Я сказал, успокойся, --- повторил гигант. На его нагруднике красовалась стилизованная литера «У». Окруженный шумом с вокс-решеткой у рта и холодными телно-красными линзами висел на магнитном зажиме на бедре. Он выглядел грозно даже без полного комплекта оружия, хранящегося в специальном стеллаже. --- Корабль, на котором ты летишь, --- «Грозовая птица» --- хотя теперь он не очень ее напоминает, выдерживал и не такие путешествия.

Персефия была сама покорность и раскаяние.

--- Да, мой господин! Прошу прощения.

По-видимому, удовлетворенный, воин вновь откинулся на спинку сиденья, но не стал от этого менее пугающим. При каждом движении бионические приводы под его доспехом жужжали, выдавая старые

ранения. Именно поэтому великана списали с фронта, и отчасти по этой причине его сопровождала Персефия. Когда-то она была летописцем, но после «Эдикта о роспуске» ее работа стала забытым воспоминанием. Война пришла в Галактику, и способности Персефии, как и остальных представителей человеческой расы, были брошены в ее топку.

Никто больше не хотел ничего полнить.

Корабль угодил в зону турбулентности, и Персефия пошатнулась.

Из кабины по voxу долетел голос пилота:

--- Входим в атмосферу Бастиона. Сильная турбулентность. Пытаюсь корректировать.

Персефия бросила взгляд на кобальтового гиганта. Его глаза были закрыты, дыхание едва угадывалось по движению грудной клетки.

--- Я не должна была оказаться здесь! --- Женщина крепко сжала кулаки, мечтая о том, чтобы болтанка прекратилась.

--- У нас с тобой есть нечто общее, человек. Мы оба не должны были оказаться здесь. Но про нас забыли. --- Глаза великана открылись, и в них читались боль и гнев. --- Медитации Гека'мана почти закончены. Ему понадобится его доспех. --- Он снова закрыл глаза, а оружейница направилась в сторону корабельной кормы. Его звучный голос преследовал ее:

--- Забыты... мы оба.

III

На Гека'мане не было ничего, кроме тренировочного костюма. Он уже приготовил пепел и жаровню. Соблюдая ритуал, нагрел клеймо. В колыбели зародилось пламя, и в его жарких объятиях он видел чистоту и истинность. Вместе с ним вернулись забытые воспоминания...

Десантный корабль был охвачен огнем. Его броня во многих местах повреждена зарядами лазпушек, часть тяжелых болтеров уничтожена. Изнутри

стрүүлся жар. Там затаились тени. Скрыченные тела казались красными от разгорающегося огня. Внутренности корабля были рассыпаны по равнине Усстваана, затаанутой клубами гудушливого дыма. Трассирующй снаряд прочертил воздух, визжащй от залпов болтеров и тяжелых орудий. Где-то вддалеке, рядом с невидимым сейчас горным хребтом, громыхнул разрыв.

--- Ве... ду... о... зонь... --- протрещало на уха Гека'тану вокс донесение.

--- Гравий! Это ты, брат?

--- То... чно, брат... нитан.

--- Немедленно отходи на оборонительную позицию!

Бой вокруг него становился все жарче. Орудийный огонь и постоянные разрывы болтерных зарядов оглушали. Вражеские когорты двигались с востока и запада, наступая на их позиции.

Вражеские когорты...

Эта мысль была кошунством, безумным ночным кошмаром, ожившим в мире, где лишь мертвые могли его видеть. Несомненно --- именно мертвецами все они

и были.

--- Брат... капитан... --- На этот раз причиной паузы были не помехи.

Из искусственного тумана проступили фигуры. Огромные, цвета закаленной стали или серого непоколебимого металла. Железо.

Ургалльская низменность плохо подходила для последнего боя, где свершится великое дело, о котором потомки сложат песни, а большевики напечатают огромную братскую могилу. Нет ничего славного в том, чтобы погибнуть в промокшей от крови пустыне, навзничь от рук своих братьев.

Гравий продолжал говорить. На этот раз связь была без помех.

--- Что происходит?

Под командованием Тека'мана осталось триста шестьдесят два легионера Астартес. Они соткнули кольцо вокруг уничтоженного десантного корабля. Примерно в половину меньшее число воинов остались навеки погребенными под его обломками, погибнув еще до начала сражения, которого брат-капитан не

понимал.

--- Займите оборонительную позицию, --- ответил он за неимением более осмысленного приказа.

Железная шеренга открыла огонь. Залп следовал за залпом, и вспышки, вылетающие из множества стволов, вспарывали дым, словно раскаленные ножи.

Небольшая перестрелка в огромном водовороте смертей. Этот бой был непохож на другие. По сути, расплата. Демонстрация силы. Но прежде всего --- грандиозное братоубийство.

Распоряжение, которое Тека'тан отдал Гравию, прозвучало бессмысленно даже для него самого.

--- Держитесь, сколько сможете.

Конец! Тека'тан знал об этом еще до того, как увидел колонну бронетехники, идущую в атаку вслед за пехотой. Его ударило в плечо и развернуло, взрывом едва не сорвав наплечник. Следующий заряд угодил в грудь, и воин пошатнулся.

Кто-то из его отделения --- вроде Айкон --- погиб от ранения в горло. За ним последовали другие. Слишком многие и

слишком быстро, чтобы можно было сосчитать. Апотекарии на этом разгорающемся побоище были ненужной роскошью. В воздухе висело море от жары снарядов, летевших настолько близко друг к другу, что порой они сталкивались и отклонялись от намеченных целей. В небесах пытались спастись бегством «Грозовые ястребы» и «Грозовые птицы». Тека'тан видел, как несколько кораблей в цветах Гвардии Ворона и Железных Руки скатились с черного от дыма неба, словно падающие кометы. Далекие взрывы возвестили об их гибели.

У них не было ни одного шанса.

Фатализм — да, а слово «капитуляция» отсутствовало в словарном запасе Тека'мана. Сыны Ноктюрна были существами особой породы — порождением огненной крови земли. Они отправятся на Горы Смертного Огня, лишь прихватив с собой проклятого врага.

— Сжечь их!

Столкнутые ряды Саламандр извергли волну раскаленного прометия. Несколько Железных Воинов пали от огнеметов.

сперва рүхнүв на колени, а затем
растянувшись на усыпанной гильзати
земле.

Но этого было мало. Остальные
приближались. Языки пламени стекали с
их доспехов, будто яркие конверсионные
следы. У них были автомашки и
мультилазеры, орудия «Рапир» и
«Тарантулов».

Брат шел на брата среди бесконечной
огненной бури, еще не разыгравшейся в
полную силу.

Вот о себе возвестили орудийные
башни тяжелых танков. Было легко
представить, как крошатся под их
могучей тяжестью череп, медленно и
неуклонно рүшится цивилизация. На
корпусах — отметки о количестве
уничтоженных противников. «Сколько их
будет после боя с легионом Саламандр,
прежде чем закончится это безумие?» —
подумал Гека'тан.

Танки разворачивались в боевой
порядок, когда Сын Ибела налетел на
строй Железных Воинов, подчиняя его
своей воле. Сверкающая фигура — далекая,

но величественная. Вулкан и Гвардия Погребального Костра обрушились на изменников с неослабевающей жаждой мщения. Молот примарха выбивал кровавые клинья из толпы, не успевшей отреагировать на атаку с фланга.

Снизу Гека'тану было трудно следить за отцом, но он видел достаточно, чтобы представить, как раскалываются шлемы и ломаются нагрудники под его гневным натиском. Волна пламени отогнала изменников вверх по склону, столкнувшись с наступающей бронетехникой. Латная перчатка Вулкана окружила их таким огненным валом, что не спасали даже силовые доспехи.

Примарх добрался до первого боевого танка, «Разрушителя», поднял его голыми руками и перевернул. Корпус второго он пробил своим молотом, вытащив из танка экипаж, прежде чем Гвардия Погребального Костра, его свита и приближенные воины, завершили дело при помощи гранат. Задняя часть танка взорвалась, выбросив столб огня, дыма и шrapнели.

Потом Гека'тан бежал вверх по

склоню холма, к своему отцу.

--- Уменет лорда Вулкана! К
наковальне!

Три сотни воинов ринулись в атаку, изорванные знамена дерзко реяли над плеганом ветру. Снег обратился в жижу от жара их огнететов, бьющих по рассыпающемуся строю Железных Воинов.

--- Пертурabo! --- Голос сотряс горный хребет, глубокий и грозный, как пропасть с кипящей лавой на Ноктюне. Вулкан был в ярости, расшвыривая танки, словно детские игрушки. Он не был ни сатыл, одаренным фехтовальщиком, ни мастером стратегии, ни сколько-нибудь заметным псайкером, но его сила и стойкость... В этом Восемнадцатый примарх не имел равных. Будь жив Феррус Манус, это еще могло вызывать споры, но теперь, когда голова примарха Железных Рук лежала отдельно от туловища в тающем снегу, сей факт не вызывал сомнений.

Ответом Вулкану стал низкий гул стремительно пронзившей воздух ракеты. Примарх посмотрел в небо. Тека'ман проследил за его взглядом секунду спустя и

заметил опасность слишком поздно.

Яростный свет озарил линию гор, с одинаковой легкостью разрывая танки и тела, расшвыривая Салатандр и Железных Воинов без разбора. Он хлынул вниз по склону, разбрасывая на своем пути огненные цветы, обрушившись на Гека'мана как раз в тот миг, когда он потерял Вулкана из виду. Потом мир исчез. Буквально потемнел и...

...Он очнулся.

Что-то царапало его пальцы --- отчаянно, но безуспешно. Все еще грожа, Гека'тан открыл глаза. Его рука сомкнулась вокруг женского горла. Сувив глаза, он ее отпустил.

--- Что ты здесь делаешь? --- Он встал на ноги, но, когда попытался подойти к ней, оружейница попятилась. Она массировала горло, пытаясь дышать.

На ее шее уже начали проступать синяки и были видны следы ожогов от пальцев Гека'мана, хранивших тепло жаровни.

--- Брат Аркадз...

--- Не должен был посылать тебя, ---
сердито бросил Тека'тан.

Оружейница покачала головой.

--- Что я такого сделала? ---
возбужденно выпалила она, испуганная и
немного рассерженная.

Тека'тан распрямился во весь рост и
навис над нею.

--- Ритуалы Ноктюрна --- только для
сынов Вулкана. --- В голосе слышался упрек.
Раздражение оружейницы мгновенно
растаяло, едва в глазах Саламангра
вспыхнул внезапный огонь. Глаза были
красные и пылали как горн. В сочетании с
эбеновой кожей воина это производило
жутковатое впечатление. --- И нам не
нужны оружейники. --- С Аркадесом он
поговорит позже.

--- Вы --- мой первый Саламангр, ---
призналась она, собрав все свое мужество.

--- Значит, тебе повезло, потому что
нам мало. --- Тека'тан отвернулся. --- Теперь
оставь меня. Перед боем Саламангр
должен коснуться огня.

--- Перед боем? Я думала, это
дипломатическая миссия.

Салатангр сержито възглянул на нее:

--- По-твоему, я похож на дипломата?

--- Нет, милорд.

--- Не называй меня так. Я --- не твой милорд, а просто я. Теперь иди.

От внезапного толчка оружейница засеменила по комнате, пытаясь удержаться на ногах. Гека'тан подхватил ее. На сей раз бережно.

Треск вокса заставил их обоих повернуться к приемнику на стене. Оттуда донесся возбужденный голос дипломата:

--- ...пытка захвата... товьтесь... удару!

--- Ха... --- Не до конца сформулированную мысль оборвал взрыв, сотрясший корпус, и ударная волна, разворотившая потолок.

Гека'тан склонился над Персефией, словно наступающая ночь.

Потом появились дым и запах пожара.

Обтекаемый корабль приземлился плавно, даже не вздрогнув. Его удлиненный серебристый нос сиял в закатных лучах солнца Бастиона, не очень гармонируя с утилитарными серыми и бронзовыми цветами стыковочных башен. Это была не прилизанная мирная верфь, а царство острых углов, логичной и минималистской архитектуры, расползающихся во все стороны технологических мегалитов и первоклассного оборудования.

Сервиторы, перевозчики, докеры, инспекторы и бригады толкались на трапах, кишели на головокружительно высоких эстакадах и огромных рабочих платформах. Производство. Тяжелый труд и основательность. Это Бастион.

Куллис был его прайм-клейвом. Деловой город, полный занятых людей — не только рабочих и инженеров, но военных.

Утменно эта сила и местный арсенал давали им возможность выбирать.

Не являясь реальным противником легиона, Бастион тем не менее заставлял терять время и перебрасывать силы -- излишества, на которые не хотела идти ни одна сторона. К тому же армии и так растянулись по всей галактике. Лучше убедить народ с помощью слов, чем превращать планету в очередную пустыню. Зачем?

Ортан Воркеллен понимал все это, ступая на трап катера, заслонив глаза от заходящего солнца.

-- Разит маслом и металлом, -- проворчал Унск, его писец. -- Надо было взять противогазы.

-- И рискнуть обидеть местных, -- тихо отозвался Воркеллен, чья притворная улыбка как нельзя лучше подходила для церемонии встречи.

Едва они с Унском спустились на платформу, по трапу вслед за ними хлынула толпа архивариусов, юристов и кодификаторов.

--

Приветствую

вас,

путешественники, -- провозгласил усатый
клеив-нобль. Он возвышался над гостями в
специальной конструкции с экзоскелетом
из бронзы, добавлявшей добрый метр к его
росту благодаря шасси. Гнезда для оружия,
обычно устанавливаемого на плечах и
ниже живота, были пусты -- в знак того,
что это мирные переговоры. У троих
маршалов нобля при себе имелись только
церемониальные вспышковые сабли -- ни
шипастых плетей, ни роторных цепов или
иного ручного оружия. Компанию им
составлял старший маршал, всего -- пять
человек.

Бастииониты все оценивали с военной
точки зрения. Может, поэтому от них
было так легко добиться покорности,
несмотря на очевидную военную мощь.
Люди, жившие здесь, уважали силу и умели
ее соизмерять. Конечно, легиону
Пертүрабо приходилось участвовать и в
куда более глительных и тяжелых
кампаниях, чем направленная на
поглощение Бастииона и аннексированных
им миров. Местные обитатели оценили
силу костодесантников и сразу присягнули

на верность, без ожидаемой осады. На планете оставили контингент Железных Воинов, предположительно в качестве гарнизона, но еще до начала войны его сняли без объяснения причин. Влияние их притарха еще чувствовалось, но только в изваяниях Пертурабо, возвышавшихся над городами, будто шипили.

--- Клейв приветствует вас, --- добавил нобль. Его красновато-коричневая с серебром куртка была чистой и отглаженной, прекрасно сочеталась с полированной бронзой экзоскелета. Черные ботинки, вдетые в стрелена машины, сверкали.

Воркеллен никогда раньше не бывал на Бастионе, но изучил этот мир и его обычаи. Он знал, что Клейв представляет собой узкий социо-политико-военный круг внутренней инфраструктуры и что все девять континентов Бастиона, будь то ледяные пустоши, пустынные равнины или горные твердыни, подчиняются его воле. Природные ресурсы термоядерной энергии, обеспечивающие людей теплом и светом, тщательно укрывались и накапливались в

подземных бункерах, расползшихся по всему
Бастиюну подобно кровеносным сосудам.
Кулис был столицей и прайм-клейвом, и
поэтому Воркеллен прибыл сюда для
переговоров.

--- Мой повелитель приветствует вас
и свидетельствует клейву свое почтение,
--- ответил он, кланяясь у подножия трапа,
как подобало по обычаю приветствовать
клейв-нобля Бастюна. --- Лорд Хорус
передает через меня признательность за
эту встречу.

Нобль кивнул.

--- Клейв Кулиса слышит и ценит это.
Пожалуйста, следуйте за мной. --- Он
развернулся, жужжа сервоприводами,
поршнями и пневмосистемами
экзоскелета, и с лязганьем двинулся через
причал к огромным автоматическим
воротам --- великолепным, с точки зрения
габаритов и внутреннего устройства,
выставленного напоказ, будто
человеческие органы на анатомическом
столе. При этом все откровенно холодное
и безыскусное.

Воркеллен в сопровождении лакеев

шел следом.

--- Ты подготовил нашу петицию? ---
спросил он у Инска.

Нисец протянул хозяину
инфопланшет.

Воркеллен взял его и начал читать.
Караул, старший маршал и клейв-нобль не
обращали на них внимания, глядя прямо
перед собой и маршируя к быстро
приближавшимся воротам.

Гостей провели в глинную галерею,
увешанную знаменами и лавровыми
венками.

--- Здесь вы будете ожидать
аудиенции клейв-ноблей, --- сообщил
старший маршал.

--- Представители Терры уже
прибыли? --- поинтересовался Воркеллен,
оглядывая аскетичное убранство.

--- Они опаздывают.

--- Без сомнения, Император
предпочел бы демонстрацию
превосходящей силы, чтобы сломить волю
клейва.

Старший маршал нахмурился.

--- У вас будет возможность изложить

свое дело клейв в установленном порядке.

--- О, разумеется, сир. Я просто надеюсь быстро уладить вопрос о вассальной зависимости, --- покаянно ответил Воркеллен. «Жаль, что мы не можем направить на Бастион Пожирателей Миров и разрушить здесь все до основания», --- подумал он, усиленно изображая улыбку, свидетельствующую о его чудесном характере и благородных помыслах.

Старший маршал отсалютовал, ударив себя кулаком в грудь, --- жест, на удивление напоминавший старинный знак Объединения.

--- Клейв соберется через два часа тридцать минут.

Итератор Хоруса снова улыбнулся, на этот раз не так широко --- словно заюкала приоткрыла беззубую пасть.

«Сам Эреб не справился бы лучше», --- заносчиво подумал Воркеллен.

--- Мы будем готовы, --- пообещал он.

Боковой люк «Грозовой птицы» распахнулся, выбитый точно рассчитанным ударом. Из отверстия повалил дым, потом его заполнил могучий, подсвеченный пламенем силуэт.

Аркадез был в боевом шлеме, на плече у него висело тело пилота: все в крови, пальцы и волосы почернели от копоти.

До выхода он добирался по сильно накренившейся палубе. «Грозовая птица» вошла в землю носом, стяв кабину и потеряв часть крыла. Обломки фюзеляжа и двигателей рассыпались по всему пути падения, словно внутренности. Корпус пожирали многочисленные пожары, которые уже затухали.

Аркадез выпрыгнул из люка, ловко приземлившись в нескольких метрах от останков корабля. Почва была мягкой, и ноги Ультратарина на несколько сантиметров ушли в нее.

Огни и постройки Куллиса казались темными точками на горизонте, до них было не меньше часа ходу. Вдалеке воин заметил стойки, возносившие платформы и оборудование над отстойником с серо-

коричневатым перлом. Это была нефтехимическая тупьча, благоухающая отходами силовых установок и испарениями машинных парков.

Он опустил пилота на землю и вернулся к кораблю.

--- Саламангр! --- позвал он сквозь рассеивающийся дым. Аварийное освещение мигнуло.

Из дыма появилась фигура, несущая грузую, поменьше.

--- Я тут. --- На руках Гека'тан держал оружейницу. Из покрасневших глаз женщины текли слезы, она кашляла.

При виде ее в голове у Аркадеса мелькнуло: «Обуза».

--- Что с остальными? --- спросил Гека'тан, вступая в светящееся гало выбитого люка.

--- Один выживший. Снаружи. Где твой госпех, брат?

--- Внутри.

Аркадес потянулся к женщине.

--- Давай ее мне. Вынеси госпех и наше оружие. Мы вовсе не на нейтральной территории.

Гекатан передал эту женщину и
вернулся к обломкам корабля.

III

Между Аркадезом и оружейницей
повисло неловкое молчание.

--- Как мы будем возвращаться? ---
спросила она наконец.

--- Не знаю.

--- На нас напали?

--- Похоже на то.

Она со страхом оглядела
промышленный отстойник.

--- Мы здесь в безопасности?

--- Сомневаюсь.

--- А мы...

--- Прекрати свои вопросы! ---
Ультратарин сурово взглянул на нее, и
Персефия съежилась.

--- Простите, --- всхлинула она. ---
Меня учили задавать вопросы... Хотели,
чтобы я помнила.

Аркадез с каменным лицом глядел
вдаль.

--- А теперь нет, --- категорично заявил он и вновь занял свой пост у разрушенного корабля.

JV

Аркадез вздохнул с облегчением, когда Тека'тан появился в проеме с двумя объемными ящиками для снаряжения. Каждый был помечен знаком легиона --- Восемнадцатого и Тринадцатого соответственно. Он сбросил их на землю и один за другим и спрыгнул сам.

Взглянув на Персефию, Тека'тан нахмурился.

--- Она ранена?

--- Она --- человек, брат. Только и всего, --- ответил Аркадез, открывая ящик. Он улыбнулся, увидев блеск отполированного затыльника болтера, запасные обоймы на ложе из плотной фиксирующей пены. Проведя рукой в перчатке по болтеру, нащупал рукоять и вытащил оружие из ящика.

--- Тебе больно? --- спросил Тека'тан у

оружейницы.

--- Все в порядке, --- бросила она, резко повернувшись к нему, и смахнула с глаз слезы. --- Все в порядке. Просто позвольте мне делать мою работу.

Аркагез хотел что-то сказать, но Тека'тан его остановил.

--- Оставь ее!

Ультратарин фыркнул, забрасывая болтер за плечо.

--- Здесь опасности нет, брат. --- Он указал на Куллис. --- Наши враги там.

Тека'тан стал натягивать сетчатый подгоспешник. Он позволил Персефии помочь с некоторыми расположенными сзади соединениями и застежками.

--- Это мирные переговоры, Аркагез.

--- Уж кто-кто, а ты должен понимать, какая это ложь!

Тека'тан не ответил.

--- Мы --- забытые сыны, --- продолжал Аркагез. --- Ты --- Улпериутом, я --- мой легионом. Вернуться к жизни после комы и увидеть все это... Нукея, Усстваан-пять, наш любимый Воитель --- изменник. Все это находится за пределами моего

понимания. Я должен был бы находиться на Калте со своим отцом и братьями, а не строить из себя дипломата в этом захолустье.

Гека'тан молча закрепил поножи и нагрудник.

Ультратарин недоверчиво хмыкнул, и Салатангр поднял глаза.

--- Неужели ты не хочешь отомстить? --- спросил Аркадез.

Он говорил о резне на Усстваане.

--- Не знаю, чего я хочу. Пока мне вполне хватит исполнения долга.

Аркадез пожал плечами и направился к лежащему лицом вниз пилоту.

--- Оставь его.

Ультратарин остановился и взглянул на Гека'тана, ожидая пояснений.

--- Он мертв.

V

В фюзеляже зияла рваная пробоина, обгоревшая по краям.

--- Я насмотрелся на сбитые корабли, -

— сказал Ультратарин. — Похоже, ее проделали снару́жи, а не изну́три.

— Конечно, — отозвался Тека'тан. С помощью Персефии он уже полностью облачился в доспех — монолит оливкового цвета.

Аркагез рядом с ним едва сдерживал гнев и жаждал возмездия.

— Нас сбили!

Тека'тан мог его понять.

— Пока мы ничего не можем с этим поделать.

— А что насчет нее? — Аркагез указал на оружейницу, понуро стоявшую поодаль от обломков.

— Она пойдет с нами.

— Она будет нам мешать.

— Значит, считай за удачу, что больше никто не выжил.

Все остальные члены таленького экипажа были мертвы.

— Если понадобится, я ее понесу.

Из-за полностью человеческого экипажа, «Грозовую птицу» переоборудовали в дипломатическое судно, сняв броню и вооружение ради личных

кают, архивов и спален. Учитывая
обстоятельства кораблекрушения,
Тека'мана не покидала мысль о
благоразумности принятых мер.

--- Такие занятия, --- произнес наконец
Аркадиз, --- не делают чести воинам.

--- Мы больше не воины, --- ответил
Тека'ман, уставший от недовольства
Ультратарина, обводя пальцем неровные
края пробоины.

Аркадиз зашагал прочь, не обращая
внимания на оружейницу.

--- Делай то, что велит тебе совесть,
брат.

Тека'ман уже не слушал. Он
задержался у разбитой «Грозовой птицы» ---
она напугала эту другую поврежденный
корабль и другое поле боя...

...Они бежали по посадочной площадке,
а «Грозовые птицы» были просто
бронированными погребальными кострами
с его братьями внутри.

Его тащили. Мысли путались, в ушах
звенело от взрыва.

В мозг впечаталась картина: огонь и

Смерть пожирают отца. На миз он
потерял голову и начал вырываться из рук
двух Салатандр, тащивших его волоком.

--- Где он? Что случилось? Почему мы
уходим?

Гека'тан пытался освободиться, но
был слишком слаб. Его пробитый доспех
был в крови.

Клювастый шлем, оливковый с
кроваво-красными прожилками, склонился
наг нил.

--- Его нет, брат.

--- Что? Нет! --- Гека'тан снова
забился, но вспыхнувшая в израненном теле
боль лишила его сил.

--- Мы должны вернуться.

--- Никуда возвращаться. Там ничего
нет. Вулкан погиб.

Твердя, что они должны вернуться и
найти его, Гека'тан впал в забытие, и
кругом воцарился трак.

Почувствовав вдруг, что за ним
наблюдает, Гека'тан пришел в себя и
огляделся. Арендатор из трудового клейва,
обрабатывающего ферму при отстойнике,

вдали от главных городов Бастиона, стоял и смотрел на него. Он был в респираторе, противорадиационном плаще и болотных сапогах. В левой руке держал шест, которым проверял толщину пенла.

Никогда еще не видевший такого воина, человек кивнул.

Персефия ушла вслеп за Аркадзом. Тека'тан кивнул в ответ и зашагал следом за ними.

--- Отдай ору́жие, брат.

Гека'тан старался говорить спокойно и ровно.

В конце галереи, за большой каменной дверью, находилась палата, где клеймобли Бастиона будут слушать их петицию. На время заседания двери запирались, и входить в палату с ору́жием было строжайше запрещено.

Ультратарину это очень не нравилось.

--- Легионес Астартес не сдают ору́жие. Как говорит мой лорд Жиллиман, единственный способ забрать у воина Ультратара болтер --- вырвать его из похолодевших мертвых рук.

--- А мой лорд Вулкан советует в безвыходных ситуациях проявлять сдержанность. Прагматизм вместо гордыни позволяет преодолеть кажущиеся

неразрешимыми противоречия. — Тека'тан отсоединил от своего болтера магазин и вынул заряд из патронника, прежде чем передать оружие церемониймейстеру. — Отдай его, Аркадес. Мы не можем вести переговоры вооруженными и в госпехах. У нас не можем отказаться от них.

«Грозовая птица» была уничтожена, а бросок через зловонное болото не улучшил настроение Аркадеса, хоть Тека'тан и нес оружиейницу на руках, чтобы ускорить их продвижение.

— Мы станем беззащитными.

Тека'тан снова старательно изобразил полное спокойствие.

— Воин легиона никогда не бывает беззащитным, брат.

— Из похолодевших мертвых рук, запомни. Я — Ангел Смерти. Я и есть смерть.

Появившиеся в галерее маршалы в тяжелых госпехах наставили на Ультратарина роторные пушки.

Аркадес активировал меч. Сталь воинственно зазвенела.

— Поднять оружие на одного — значит

поднять оружие на всех Легионес
Астартес!

Крепкая хватка за запястье усилила
его гнев, но остановила назревающее
кровопролитие.

Гека'тан держал его крепко. В
красных глазах горел огонь.

--- Подумай. Любое совершенное здесь
убийство не поможет нашему делу, а
погубит его... И нас заодно. Воспользуйся
мудростью, данной тебе вашим отцом.

Аркагез нехотя, но признал его
правоту и уступил. Зло глядя на
успокоившихся маршалов, снял с себя
оружие. Он уже собрался пройти в зал, но
двое маршалов презградили ему путь.

Аркагез свирепно уставился на них.

--- Что еще?

--- Ваши доспехи тоже, --- пояснил
старший маршал.

Ультратарин покачал головой и,
отстегивая латную перчатку, уныло
взглянул на Гека'тана.

--- Все веселее и веселее.

Персефия подошла ему помочь.

--- Стотри, чтобы с ними все было в

порядке, -- вполголоса грозно приказал
Аркадез. Оружейница кивнула, осторожно
снятая наручи.

Старший маршал наблюдал за ними.

-- Кто говорит за Имперу́м?

-- Я, -- заявил Аркадез. Он снял
нагрудник и стащил с себя поддоспешник.
Стала видна причудливая бионика --
наследие Улланора, где он погиб в битве с
зеленокожими. Находясь в коме, он не
видел последнюю войну Императора и
величайшую из его побед. Вместо этого он
очнулся в мире, утратившем всякий
смысл.

Гека'тан улыбнулся, тоже начиная
снимать доспех.

-- Разве он не прирожденный
переговорщик?

II

Они стояли перед клейв-ноблями в
одолженной чужой одежде.

-- При виде нас даже Сигиллит бы
расхохотался, -- заметил Аркадез по

поводу их превращения в дипломатов.

Персефия присоединилась к ним не сразу: она куда-то исчезла, чтобы убедиться, что их снаряжение будет в сохранности.

Хотя при них остались ботинки и сетчатые рейтузы подгоспешника, для Ультратарина было мучительно оказаться без успеха. Когда оружейница вернулась, он отвел ее в сторонку.

— Надо, чтобы ты кое-что для меня сделала...

Остальные его слова заглушил скрежет огромных дверей палаты, закрывающихся за ними.

После оглушительного удара в сумраке появились пять хмурых людей. Снизу их подсвечивали несколько тусклых фонарей, отбрасывая на лица глубокие тени. Пятеро расселись на темном балконе. С галереи на петиционеров глазела целая толпа людей, чьи лица были скрыты в тени, — знать Бастиона пониже рангом, ее политики и вожди. Все они были судьями.

В темноте можно было лишь

догадываться о том, как выглядит огромный зал. Гека'ман видел, что он прямоугольный и функциональный, с четкими углами. Здесь пахло камнем и сталью. Палата была куда большего размера, чем предполагало ее название, и являлась частью огромного лабиринта из множества уровней, коридоров и переходов, причем не самой значительной.

Саламандр перевел взгляд на других метиционеров.

— Даже не верится, что Хорус прислал императора, а не легион.

Аркадез взглянул на мужчин и женщин, собравшихся вокруг центральной фигуры.

— Я думал, что у них разогнали летописцев, как у нас.

— Хорус — завоеватель, брат. Он хочет, чтобы его победы стали достоянием истории.

— Ага, — согласился Аркадез, у которого при виде этих трусов злость подступала к горлу, — он жаждет бессмертия и хочет доказать, что его дело правое.

--- Скажи это моим мертвым
братьям на Усстваане, --- пробормотал
Тека'тан.

Ультратарин слушал вполуха. Его
взгляд обратился на темный балкон высоко
над потолком, напротив клейв-ноблей.

--- Нет никакой уверенности в том,
что магистр войны не прислал воинов.
Наш корабль разбился не сам по себе.

В жаровне вспыхнуло лазурное пламя,
оборвав их разговор, и высветило фигуру
старшего маршала, стоящего посреди
зала.

--- Всем внимание! --- гულко
провозгласил он. Его голос усиливал вокс-
мегафон, закрепленный поверх рта, будто
дыхательный аппарат. --- Заседание
сената открыто.

Аркагез хмуро наблюдал за
церемонией. Уж лучше бы сражаться с
орками!

--- Хочу обратно на Улланор, ---
проворчал он.

Воркеллен принял серьезный и деловой вид. В глубине души он был счастлив: это его поле боя, война, в которой он занял прочную позицию, хоть и выступает против целого легиона.

Он мельком глянул на Ультратарина.

--- Я тебя уничтожу, --- прошептал он. Воркеллен не нуждался в легионерах. Какой от них прок? Одной силы мало, с помощью мускулов нельзя манипулировать утатами и душами.

--- Император посылает воинов выполнять работу послов, --- хмыкнул Инск.

--- Вот именно, --- согласился Воркеллен и отвел взгляд, заметив, что Саламангр смотрит на него. --- Ужасная ошибка. --- Он грустно рассмеялся: видеть их покорными, без оружия и доспехов было восхитительно.

Клейв-нобли обратились к собравшимся, объясняя, что эти переговоры должны определить, кому будет принадлежать вассальная преданность Бастиона и его войска --- Хорусу или Императору. Обеим сторонам дозволялось

подать петиции. Основываясь на
приведенных в них аргументах, Бастион
сделает свой выбор. Проигравшим
гаруется неприкосновенность до
возвращения на звездолет. После этого они
будут считаться врагами со всеми
вытекающими из этого последствиями.

Так как представители Хоруса
прибыли раньше, им первым дали слово.

Когда старший маршал отступил в
сторону, Воркеллен вышел вперед.

--- Нашего лорда Хоруса кое-кто
изображает чудовищем и тираном. Но это
не так! Он --- магистр войны, Воитель и
полководец, желающий объединить
человечество под единой властью.
Присягните на верность Хорусу, и вы
станете частью этого единства, --- начал
он. --- Я расскажу о тиранах, убийцах и
отвратительнейших побоищах. О
Монархии, в которой гордыня Императора
превратилась в безумие...

Высоко под сводчатым потолком,
вдали от публики, шевельнулась тень.
Заняв удобную позицию, она наблюдала.
Пока...

Воркеллен простер руку.

--- Смотрите.

Перед ним материализовалось голографическое изображение из проектора, спрятанного под полом зала. На нем был прекрасный город с храмами и пирамидами. Даже в мерцающей дымке голограммы легко различались статуи Императора и огромные триумфальные арки, украшенные его изображениями.

--- Монархия... --- повторил Воркеллен, выдержав многозначительную паузу, --- ...до того, как легион Робаута Жиллимана сравнял ее с землей.

Потрескивая, второе изображение заменило первое. Это были жалкие руины, практически дымящаяся воронка на месте прежней цивилизации. Среди обломков валялись труны тех, кто оказался слишком глуп, упрям или напуган, чтобы

йти.

--- Полное уничтожение. --- Голос Воркеллена прозвучал как смертный приговор. --- Но почему эта бойня была санкционирована всеми обожаемым Императором? --- Он горестно развел руками. --- Любовь! Жители Монархии остелились продемонстрировать свою любовь к Повелителю Человечества, прославлять и почитать его. И вот что стало им наградой --- смерть!

Он бросил на легионеров намеренно обвиняющий взгляд. Это и их вина тоже. Они были его воинами и его убийцами.

--- Взгляните, --- продолжал Воркеллен, не отводя глаз от представителей Империи, --- один из воинов-Ультратаринов сейчас здесь. Тринадцатый легион, считающий себя выше прочих, тот самый идеал, к которому должны стремиться их братья-костодесантники, убийцы невинных женщин и детей.

Аркадез нахмурился, отметив самоуверенную осанку и скрытую наглость итератора, пышность его наряда, а также следы множества дорогостоящих хирургических операций, призванных сохранить юность. Тщеславие и самонадеянность струились вокруг Боркеллена, словно невидимая жидкость.

Ультрамарин сжал кулак. Хотя сам он не был на Монархии, его легион находился там.

— Спокойно, брат, — шепнул Тека'тан. — Он пытается тебя разозлить.

Аркадез кивнул. Он не поддается! Все взгляды обратились на Ультрамарина, приглашая его парировать удар.

— У граждан Монархии было достаточно времени, чтобы эвакуироваться. Мы — не чудовища. Мы...

Итератор перебил его:

— Значит, Тринадцатый легион не причастен к уничтожению Монархии и последующему истреблению большей части ее населения?

— Их предупредили! — прорычал Аркадез. — Монархия исповедовала

запрещенную религию. Уголовное поклонство --- путь к вечному проклятию. Они не увидели бы света.

--- Занятный оборот, --- парировал Воркеллен. --- К просветлению обычно призывают религии.

--- Это не вопрос теологического диспута, а закон. Монархия...

--- А кто утвердил эти эдикты и заповеди, которыми все человечество должно следовать под страхом жестокого наказания? Император?

--- Да, и вы это прекрасно знаете.

--- Скажите мне вот еще что. Кому поклонялись жители Монархии, что потребовалось применять к ним столь суровые меры? Деревянным идолам какого-нибудь тирана, продажному бессовестному дельцагогу или, быть может, и того хуже --- отродью Древней Ночи?

--- Они поклонялись Императору.

--- Значит, тот, кто издает свои законы, с помощью науки и генического искусства создал самую грозную военную силу за все время существования Галактики, это... существо, научившее

людей ориентироваться в великом
водовороте Галактики и способное убивать
силой мысли, и было тем, кого они
почитали?

--- Да, --- бросил Аркагез сквозь зубы.

Воркеллен фыркнул от нетерпения и
повернулся к публике.

--- Как можно доверять Императору,
наказывающему тех, кто ему поклоняется,
и издающему ханжеские декреты?
Хотите ли вы служить такому
Императору?

Из сумрака долетел негромкий ропот.
Даже пятеро высокопоставленных ноблей
обменялись фразами и сурово установились
на Ультрамарина.

--- Этим людям было дано семь дней
на эвакуацию города. Вера опасна, она
открывает путь к разрушению.

--- Вот слова истинного фанатика! ---
отозвался Воркеллен. --- Такова награда,
предлагаемая Императором за
преданность. Он посылает свои легионы
убивать, жечь и разделять людей. Такова
участь, ожидающая вас, если Бастион
встанет на сторону Императора.

Он выдержал паузу, и его голос изменился. Теперь он говорил спокойно, просто излагая факты и констатируя бесспорную истину.

--- Хорус не восставал против отсутствующего отца. Он выступил против тирана, прикидывающегося пацифистом и великодушным правителем.

--- Ложь! --- голос Аркадеза раскатился громким эхом, выдавая его гнев.

В зале повисла гробовая тишина.

Гека'тан за его спиной беспокойно шевельнулся.

--- Брат...

Аркадез разжал кулак. Ультрамарин открыл рот, намереваясь говорить, но не смог подобрать нужные слова. Ересь существовала. Именно из-за нее сгорела Монархия. Но это было меньшее зло во имя предотвращения большего. Это было...

--- Извиняюсь.

Все собравшиеся обратили осуждающие взгляды на Ультрамарина. Один из высших ноблей высказал свое неудовольствие вслух:

--- Подготовьтесь к следующему выступлению получше!

Аркадез холодно кивнул, бросив свирепый взгляд на итератора. Он повернулся к Гека'тану и прошипел:

--- Я знал, что это глупо.

--- Все только начинается, брат. Наберись терпения. --- Он оглянулся. --- Куда ты отослал оружейницу?

--- Присмотреть за моим болтером и ножом. Они могут нам понадобится еще до окончания этого фарса, чтобы проткнуть изнеженную гадину, подосланную Хорусом.

Гека'тан хотел ответить, когда его взгляд по непонятной причине привлёк верхние ярусы зала.

III

Призрачная фигура, затаившаяся на балконе, чуть шевельнулась. На нее смотрел красноглазый. На миг показалось, что он обнаружил ее, и ее рука потянулась к винтовке. Затем воин отвернулся, и

мень расслабилась. Не сейчас... Еще рано...

JV

Персефия была отличным ремесленником. До «Эдикта о роспуске» она работала скульптором, что облегчило ее превращение в оружейницу. Еще это означало, что ее не отправят на службу в Имперскую Армию или в мануфактурный завод, чтобы делать бомбы и снаряды. Она слышала, какие там условия, и про безжалостных надсмотрщиков, избивающих мужчин и женщин в кровавое месиво раги имперской военной машины. Эпоха надежд и славных побед, частью которых она мечтала быть, осталась в прошлом. Вместо нее воцарилась Эпоха Тьмы.

Арсенал, куда поместили снаряжение легионеров, находился прямо под залом, уровнем ниже. Персефия выглядела настолько безобидной, что охрана без проблем позволила ей пройти в темное подземелье. Их внимание было приковано к гуду могучих воинов, говорящих перед

клейвом.

Она вспомнила слова своего господина.

Мне нужно, чтобы ты принесла мое оружие. Тайком протащи его в зал --- никто не обратит на тебя внимания! --- и положи где-нибудь так, чтобы было легко найти.

Она кивнула, не остелившись спорить с кобальтовым гигантом.

Ты знаешь, что на наш корабль напали. И на Бастионе есть враги. Я думаю, они хотят убить нас и склонить переговоры в пользу магистра войны. А мне бы не хотелось оказаться беззащитным.

Потом она ушла, опасаясь того, с чем может столкнуться.

Переходы под залом были выложены холодным серым камнем с функциональными стальными распорками. Там располагались холлы и кабинеты, но преимущественно склады и многочисленные офисы, заваленные грифельными досками и бумагами. Арсенал находился дальше, и Персефия попыталась придумать по пути, как ей тайно пронести что-нибудь из

исполнительского оружия Ультратарина, когда легкое покалывающее тепло защекотало ее кожу и ноздри. Чувство было пьянящим, если постараться, она услышала бы гудение машин.

Женщина двинулась дальше, но обнаружила перед коридором, ведущим в арсенал, стражу, которой раньше не было. Прежде чем ее увидели, она нырнула в нишу в стене и через минуту решила повернуть обратно. Здесь ей не пройти, но, быть может, она сумеет отыскать обходной путь.

От мрачного главного прохода отвечался еще один. Именно здесь гул машин был слышнее всего, и она пошла на звук, надеясь перебраться на другую сторону и проскользнуть мимо стражей.

Чем дальше Персефия шла, тем громче становился звук. Что это за огромный механизм, оставалось лишь гадать. Вскоре голые стены с распорками сменяли агрегаты и трубопроводы. Там стояли температурные датчики и дымовые трубы, прямоугольные камеры, защищенные многими слоями пластика.

Тде-то внизу мерцал пульсирующий источник энергии. Она добралась до конца туннеля и оказалась у края пропасти округлой формы с помостом.

Как ни странно, путь был свободен. На этой глубине не было ни закрытых дверей, ни, насколько она могла видеть, охранников. Периодически женщина натывалась на лежащих оружейных дронов, но их киборганика была выведена из строя.

Рабочие сервиторы сновали туда-сюда, поглощенные своей черной работой. Спускаясь, Персефия осторожно их обходила, стараясь не попадаться на глаза и не касаться их. Становилось все жарче. Ее подмышки потемнели, на бровях повисли капельки пота.

Наконец она увидела работающего за пультом сервитора. Несколько экранов показывали другие геотермальные ядерные объекты Бастиона. Все они выглядели тугающе одинаково. Персефия пошла дальше, подгоняемая любопытством и притягиваемая далеким ядерным сиянием, становившимся все ближе.

Внизу кто-то двигался. Не сервитор —

Его движения не настолько лаконичны. К тому же объект слишком крупный, намного больше любого из киборганических дронов. Существо трудилося над одним из пультов, что-то к нему подсоединяя. Персефия была слишком далеко, чтобы разглядеть, что именно. Нечто в этой фигуре заставило ее остановиться. При виде громадины, легко передвигавшейся в процессе работы, ей стало не по себе.

Она вдруг поняла, почему здесь не было живых стражников и почему путь к ядерному источнику оказался открыт. Персефия задала, в какую даль ее занесло. Ведь она потеряла путь времени.

Здесь опасно! Все ее инстинкты вопили об этом. Позволить странному существу увидеть себя означало навлечь беду. Смерть.

Струйка пота сбежала с брови Персефии прямо в глаз. Она охнула.

Фигура посмотрела вверх, и сквозь темноту-красные линзы сверкнули безжалостные глаза. Существо сливалось с серыми стенами. Его господство было отделано тусклым золотом, на левом наплечнике —

знак черепа, словно предзнаменование. Оно
увидело женщину и припало к полу.

Персефия не сразу сообразила, что
происходит. Резко разогнувшись, существо
взлетело на следующую платформу. Там
оно повторило движение и проделало то
же самое еще раз. Металл под ногами
женщины угрожал. Она побежала.

По помосту снова пробежала грожь, на
этот раз более сильная. Наверное,
существо запрыгнуло на платформу всего
несколькими уровнями ниже. Сзади
донеслось лязганье шагов, и Персефия
поняла, что фигура бежит прямо к ней.
Она услышала грохот металла,
ударяющегося о металл, и нырнула за
сервитора. Секундой позже раздался
оглушительный грохот, и прислужник
разлетелся на части, рассыная вокруг
кости и механические детали.

Персефия потчалась прочь. В ушах
звенело. За нею гналась сама смерть с
железным лицом. От нее не убежать.

Уши женщины заполнил
оглушительный рев машины, и огроный
Железный Воин схватил ее.

Рев стенился влажным чавканьем,
затем воплем -- предсмертным криком
Персефии. Кровь струей хлынула изо рта
на одежду и на убийцу, и глаза оружейницы
остекленели.

Гека'тан слушал, как император изрекает свои гадатрбы против Империи и Императора, и видел, что Аркадес постепенно теряет хладнокровие. Ему тоже было беспокойно, но по другой причине.

--- Ее слишком долго нет.

Услышав, что Саламандра зашевелился, Аркадес полубернулся к нему.

--- Ты куда?

--- Пойду поищу ее.

--- Что? --- прошипел Ультратарин, вполуха слушая непрекращающиеся нападкн императора.

--- Ты мне нужен, чтобы рассказать про Исстваан-пять. Твое свидетельство очевидца крайне важно.

--- Аркадес, я должен ее найти.

Его товарищ построил недоуменную

примасу.

--- Почему? --- Он поморщился.

Раны Аркадеза не зажили и полностью никогда не заживут. Бионические протезы дали ему возможность двигаться, но ценой боли. Ни один человек не вынес бы такого, а Ультратарина она ослабляла. Даже выйдя из комы, в которую его погрузила анабиозная мембрана, чтобы доставить на Калт, его бы все равно не взяли. Он больше не годился для переговоров. Словами и повадками всячески опровергал это, но глаза его выдавали. Гека'тан видел это так же ясно, как свои собственные слабые места.

--- Нам поручили защищать ее, брат. Мы оба дали клятву, если ты вдруг забыл. Предбоевой обет. Полагаю, это еще что-то значит для тебя?

Аркадез внезапно выпрямился, и на миг Гека'тану показалось, что Ультратарин его ударит. Затем тот расслабился, и взволнованный визг бионических стенился ровным гудением.

--- Я больше не уверен, что это для

кого-то и что-то значит, --- признал он тихо, имея в виду не свои почетные свитки. --- Конечно, все потню, --- добавил он громче, --- это наш долг.

--- Я просто хочу убедиться, что у нее все в порядке.

Стирившись, Аркадез вздохнул.

--- Делай то, что должен, но, когда Бастион присягнет Хорусу и нас вышвырнут из его атмосферы, не возлагай всю вину лишь на мои плечи, брат. --- Лицо и голос Ультратарина мгновенно изменились. --- Что у тебя с рукой?

Рука едва заметно дрожала, Гека'тан этого даже не замечал.

--- Нервная дрожь, --- соврал он, --- наверное, после падения. Найду оружейницу и сразу вернусь.

Времени на ответ не было. Все глаза опять обратились к Аркадезу --- пришел его черед попытаться убедить клейв.

--- Мне нужен бой, а не дебаты, --- проворчал он, даже не подозревая, что его желание вот-вот осуществится.

Перед клейв-ноблями прокручивались зернистые панорамные изображения разрушенных городов и опустошенных вирусати местностей. На записи было не только изображение, но и звук, правда, зловеще тихий.

— Что вы слышите? — спросил Аркадз и выдержал долгую паузу, придавая важность своему вопросу. — Это голос смерти, Исстваан-три, где Хорус Лүперкаль учинил геноцид и развязал галактическую войну. Целая планета уничтожена с помощью вирусного оружия. Братоубийство между Астартес неслыханных масштабов. Лишь благодаря усилиям капитана Гарро из Гвардии Смерти, спасшегося на фрегате «Эйзенштейн», хоть кто-то остался в живых, чтобы рассказать об этом ужасе. Ни предупреждения, ни приказа уйти. Просто смерть!

Аркадз дал знак выключить изображение и сложил ладони перед собой.

--- Это дело рук диктатора, того, кто
отринул свет Императора ради тьмы.

Ультратарин нахмурился.

--- Усстваан-три был коварной
ловкой, чтобы найти тех, кто по-
прежнему верен Императору, и
уничтожить их одним ударом. Заключив
союз с Хорусом, вы объединитесь с
безумцем.

--- Усстваан-три открыто восстал, ---
мгновенно отреагировал Воркеллен. --- Его
полководцем-командующим был мутант-псайкер
по имени Вардус Праал, выступивший
против Империи. Сыны Хоруса и
дружественные им легионы были посланы
туда по приказу Совета Терры.

--- Что вы имеете в виду, император? ---
спросил верховный нобль.

--- То, что Хоруса отправили в
систему Усстваан проводники
императорской воли. И утверждается,
будто это являлось частью плана
Воителя по избавлению от внутренних
предателей. Он был послан туда. ---
Воркеллен впился взглядом в
Ультратарина. --- Был. Послан. Туда.

Серрой.

Аркагез сжал кулаки.

--- Он убил миллиарды людей, разбомбил планету, а затем спустил с цепи своих псов на воинов, оставшихся верными Императору.

--- Мир, поработенный опасным нарушителем Имперского закона, псайкером-мүтантом, то есть существом, способным воздействовать на человеческий разум, --- продолжал император. --- Вы не были на Устваан-три. Ваша военная карьера закончилась на Улланоре, не так ли?

Аркагез не ответил. Скуснув зубы, он зло смотрел на противника.

--- У меня есть доказательства, --- продолжал Воркеллен, --- что среди Имперских войск зрело недовольство и что Император хотел обуздать растущее влияние магистра войны. Безусловно, культ его личности разрастался с того момента, как Император отказался от Великого крестового похода. Способны ли боги завидовать?

--- Угнотизм! --- воззвал Аркагез к

клею. -- Все это поверхностные представления, призванные скрыть правду -- что Хорус осуществил геноцид и нанес удар по сохранившим верность Императору войнам своего легиона и легионов других примархов-изменников.

-- Хорус был вынужден так поступить, -- парировал Воркеллен, -- когда узнал о распрях среди своих сторонников и о том, что воины, поклявшиеся ему в верности, собираются выступить против него. Он их остановил.

-- И при этом погибил тысячи! -- ответил Аркаез. -- Писцов, поэтов, илажистов и императоров из ордена летописцев в придачу. Он -- чудовище!

III

Ультратарин с трудом выговорил это слово.

Чудовище.

Хорус по-прежнему оставался для этого легионера отцом. Воркеллен видел

это по страданию, написанному на лице
говорившего.

«Он все еще пытается понять, ---
подумал итератор. --- Император был
дураком, послаб сюда этих воинов.
Вышедшие из строя солдаты, благодарно
забытые своими командирами. Он
сомневается, а раз так...»

--- Это ваш обожаемый господин
навлек опасность на тех мужчин и
женщин, посланных для того, чтобы
задокументировать Великий крестовый
поход, навсегда запечатлеть в памяти
живущих деяния Императора и его
притархов. Их смерть была трагедией, но
в войне, спровоцированной отсутствующим
отцом, не сумевшим уследить за своими
сыновьями, потери всегда велики. Вряд ли
это превращает магистра войны в
чужовище.

Когда лицо Ультратарина
скривилось от гнева, Воркеллен позволил
себе едва заметно улыбнуться. Ну, давай
же, пора --- закрепи мою победу!

--- Что тебе посулили за это,
Воркеллен? --- Ультратарин не мог

сдержатъ ядовитой устешки.

— Я всего лишь скромный слуга и нахожусь здесь для того, чтобы объективно представить своего господина.

— Или ты блюдеешь договор с некой ужасной силой? Может, ты у нее на содержании?

Взгляд Воркеллена был холоден как лед.

— Вам очень хочется меня уничтожить, не так ли?

Аркадез медленно кивнул. Это вызвало протест у клейва, но Воркеллен отмахнулся.

— Император посылает вояк туда, где нужны послы — те, кто не окажется в неловком положении в незнакомой обстановке, где болтер и нож не имеют права голоса.

— Чтобы раздавить тебя, мне оружие не нужно! — Аркадез снова впал в ярость и шагнул к императору.

Вот и все! Воркеллен улыбнулся специально для Ультратарина. Природу не изменишь.

Команда маршалов со вспышковыми

сабляти ринулась наперехват.

JV

Аркадез знал, что может раздаться с ними и без оружия, причем так быстро и чисто, что его руки сожмутся на горле Воркеллена прежде, чем прозвучит сигнал тревоги и зал наполнится вооруженными людьми.

Но вместо этого он поднял руку.

Стражники отступили.

Аркадез почувствовал, как щупальца поражения сжимают его сердце.

Тека'тан, где ты?

Уровни под залом были бесконечными и запутанными как лабиринт. Множество людей могли бы неделями искать здесь того, кто спрятался. Гека'тан был один, и в запасе у него было не больше нескольких часов.

Дрожь наконец прекратилась. После того как Саламандр заставил стражников пропустить его вниз и сгустилась темнота, он прислонился к стене и закрыл глаза. В мозгу непрошено вспыхнули видения резни у зоны высадки. Он вспомнил, как в последний раз видел Вулкана. Притарха поглотил ослепительный огонь.

Погиб? Никто этого не знал. Это была тайна, не дававшая легиону покоя. Феррус Манус мертв. Ужасная участь для любого легиона — потерять своего отца, но Железным Рукам было легче, они хотя бы знали. Саламандрат приходилось хуже.

Что теперь с ними будет? Крохотная частица в галактической войне, где награда и цена — судьбы человечества и Терры.

Тека'тан прогнал эти мысли прочь и начал поиски.

Через тридцать минут он нашел тело Персефии.

Она валялась, будто кукла, в одной из комнат архива: внутренности вывалились на колени, точно блестящие красные ленты, застывшее лицо искажено от ужаса и покрыто брызгами собственной запекшейся крови.

Женщина погибла не здесь. Там, где ее тащили волоком, на полу остались наспех затертые следы. Тека'тан протянул руку и ощутил легкое покалывание в кончиках пальцев. Тепло. Оно просачивалось откуда-то снизу.

Тека'тан оглянулся на труп. Рана на груди Персефии была ему знакома. Он знал, чем ее нанесли. Женщину выотрошили ценным мечом. Оружие легионера. Аркагез был прав, Хорус прислал-таки воинов.

Тень на балконе шевельнулась. Она погасила винтовку, которую теперь держала в руках. Красноглазый исчез, и тени это не нравилось. Заставляло чувствовать себя уязвимой и потенциально беззащитной, когда где-то неподалеку находится легионер. Заседание, похоже, шло к концу — начиналась вторая стадия. Внизу четыре маршала караулили лестницу, ведущую на нижние уровни. Еще четверо стояли в темноте неподалеку. Никаких ружей. Вообще никакого оружия! Как же они глупы и самонадеянны.

Старший маршал задумчиво стоял в одиночестве, пока разбирательство шло своим чередом. Он был слеп, как и клейвобли, и прочие зрители. Но они увидят. Все увидят. Хотя тогда уже будет поздно. Еще есть итератор с дружкойми и второй воин — сломленный недокоштодесантник, не

понимающий, что зеленокожие
уничтожили не только его тело.

Уже почти пора. Тень шевельнулась, поднимая прицел винтовки к глазам. Цель уютно устроилась в перекрестье. Еще секунда, и все будет кончено. Всего одна секунда, чтобы нажать на курок. Скоро!

III

Они проигрывали. Он проигрывал. Не стреляли болтеры, не сверкали обнаженные мечи, и все же Аркадез знал, что уступает противнику — метр за метром. Для воина это было странное ощущение. Не так он хотел послужить своему легиону.

Человек-итератор, несмотря на свою физическую хрупкость, обладал могучим интеллектом. Уязвленный Аркадез решил, что мозг Воркеллена усилен аугментически или подвергся гипнотическому воздействию.

Дагонет был ужасным несчастьем. Воркеллен представил Хоруса жертвой, а

Император — поглотил убийцами. Удачный поворот фортуны позволил Воителю избежать гнусного покушения. Но одного из его капитанов, прославленного легионера Люка Седирэ, хладнокровно убили. Начавшаяся в ответ резня была попыткой отыскать и покарать виновных. Асопущившие потери неизбежны. Это стало делом рук Императора или же агентов, действовавших вместо него.

На Просперио было не лучше. Волков натравили на оккультуренный мир и сына, желавшего лишь угодить своему отцу. А последовавшее за этим разрушение Планеты Колдунув продемонстрировало неспособность Императора к прощению и милосердию. Действительно ли Магнус представлял такую угрозу? Леман Русс и его легион позаботились о том, чтобы этот вопрос навсегда остался без ответа.

Все это не добавляло вескости аргументам Аркадеса, и он чувствовал, что лояльность Бастиона ускользает. У него оставался лишь один довод, но тот, кто должен был его привести, исчез.

Безоружный и в обычной одежде, Тека'тан понимал, что находится в невыгодном положении по сравнению с другим воином из Легионес Астартес.

Он мог вернуться назад, поднять тревогу, но тогда убийца Персефии точно сбежит, и они никогда не узнают, что здесь на самом деле происходит. Он говорил себе, что причина в этом, но правда заключалась в том, что его ярость после Устваана-V слишком долго оставалась бессильной. Он должен был дать ей выход.

Уйти по следу убийцы пришлось недолго. Он привел Тека'тана на стальную платформу, нависшую над ядерным источником Бастиона. Саламангр узнал фигуру, копошившуюся в его глубинах. Воспоминания о последней отчаянной схватке в долине Ургал нахлынули на него.

--- Железный Воин!

Легионер, закованный в серый металл,

обернулся; линзы его шлема холодно сверкали, отражая ядерный огонь.

Он коротко хохотнул, грубо и нагашливо.

— Разве ваше племя еще не все перетерло? — произнес металлический голос из решетки шлема.

Гека'тан взревел и ринулся на платформу. Он налетел на Железного Воина, ударившись о керамит, точно о крепостную стену. У того не было времени ускользнуть от атакующего Саламандра, и он едва успел наполовину обнажить свой цепной меч, как Гека'тан выбил жужжащее оружие из его рук, и меч отлетел на помост, находившийся под ними.

Два легионера мгновенно сплелись в смертельном объятии. Но Железный Воин в своем господстве был сильнее.

— Что меня выдало? — прорычал он, заставляя Гека'тана опуститься на колени. Пальцы противников сплелись в борцовском захвате. — Человек, да? Ты прямо как ваш покойный великодушный Вулкан, явился позаботиться о невинных.

Вспышка ярости придала Гека'тану

сил. Он оттолкнулся ногами, вложив в толчок всю свою силу, и снова поднялся, встав лицом к лицу с Железным Воином.

--- Не марай его имя своим языком, предатель! --- зло бросил он.

Железный Воин захватил его пальцы своей латной перчаткой, и Саламангр вскрикнул. Противник швырнул его на помост, находившийся уровнем ниже.

В глазах у Гека'мана потемнело от боли, но он видел, что враг приближается, пошарил рукой вокруг, и его раздавленные пальцы нащупали то, что искали.

Железный Воин занес огромный кулак, собираясь добить своего бывшего брата, когда ему в живот с жужжанием вонзились зубы его собственного цепного мечка. Он напоролся прямо на клинок.

Гека'ман удерживал рукоять, сколько мог, затем с трудом поднялся на ноги и навалился на бьющегося в агонии и истекающего кровью Железного Воина. Они вдвоем сломали ограждение и полетели вниз.

Кожу Гека'мана согревало тепло, исходившее от ядерного источника. Он

висел, одной рукой схватив погнутый поручень платформы несколькими уровнями ниже. Железный Воин цеплялся за ограждение в нескольких метрах от него. Доспех врага пузырился, черные желтые шевроны отслоились.

— Это ничего не меняет, Саламангр. Вулкан мертв! — расхохотался он. — Все мертвецы. — Он потянулся за болт пистолетом, удобно висящим в кобуре на боку, и поручень заскрежетал. Перила не выдержали тяжести воина. Металл разорвался, и Железный Воин полетел вниз. Гека'тан видел, как он ударился о край другой платформы, а потом о какую-то трубу, прежде чем упасть в ядерный источник. Полыхнула вспышка лазурного пламени, и легионер исчез, превратившись в пепел.

Поднатужившись, Гека'тан втащил свое тело на полость. Он пытался не думать о последних словах Железного Воина и о том, что тот сказал о его отце. Это неправда! Враг пытался его спровоцировать.

Во время схватки противник что-то

обронил --- планшет данных, изъятых с одного из подземных терминалов. Устройство разбилось, но последние цифры на регистраторе сохранились: схемы боевых машин --- громадных устрашающих механизмов, подобных которым Тека'тан еще не видел. Здесь они хранились в секрете, и теперь диверсант их уничтожал. Люди Хоруса пришли на Бастион не за вассальной верностью. Хромая, Саламандр подошел к экрану терминала. На нем были показаны все остальные ядерные источники планеты, но он не знал для чего.

Времени оставалось все меньше, и Тека'тан, по-прежнему безоружный, поспешил обратно в зал.

V

Аркадез сделал все, что мог, но время для переговоров истекло.

Клейв выслушал петиции обеих сторон, обсудил их и был готов дать ответ.

На балконе в луче света появился
Верховный нобль с непроницаемым лицом.

— Мы, жители Бастиона, гордый
народ. Тем не менее мы присоединились к
зарождавшемуся Империяту, обещавшему
единство и процветание. Я предпочел бы
независимость, но поскольку это означало
бы, что звездные корабли легиона разнесут
нас на атомы, выбор был невелик. —
Верховному ноблю, казалось, не хочется
продолжать. — Мы чтим наши
первоначальные обеты. Бастион
присягнет на верность Хо...

— Аркадез! — Предостерегающий
возглас привлек все внимание к
Саламандру. Винтовка выстрелила три
секунды спустя. У Ультрамарина было
достаточно времени, чтобы заметить
размытый красный огонек лазерного
прицела, уловить зарождающуюся вспышку,
вылетевшую из дула, — еще до того, как
она засияла в полную силу, — и встать
между убийцей и его жертвой.

Император Боркеллен взвизгнул,
когда легионер прыгнул на него, решив в
первый миг, что Ультрамарин

окончательно свихнулся. Маршалы были слишком медлительны, чтобы вмешаться, и ошеломлены не меньше самого литератора.

Пуля оцарапала плечо Аркадеса, заставив его поторщиться. Он пытался извернуться на лету, чтобы не раздавить Воркеллена в лепешку при падении. Второй выстрел, угодивший маршалу в шею и убивший его на месте, заставил всех оцепенеть. И лишь когда упал третий, с дыркой на месте правого глаза, все взгляды обратились к балкону.

VJ

Когда Гека'тан нашел его, он сидел, пригнувшись к полу; кончик винтовки еще торчал над краешком балкона.

Взбегая по лестнице, Саламандр оценивал своего противника.

Человек, в неброской одежде. Гека'тан припомнил повстречавшегося им фермера и понял, что это тот самый тун. Еще легионер заметил одеяние маршала,

свернутое в узел и валявшееся неподалеку от стрелка. Винтовка была необычная — казалась чуть ли не керамитовой. Вот почему его не обнаружили! Вошли девять маршалов, но свои места заняли только восемь. Здесь так темно, что ускользнуть, выгнать, было несложно.

— Ты переутомился, — заметил Саламангр, переходя на шаг и заполнив твердой проем ониксово-черной громадой своего тела. — Я заметил снизу кончик твоей винтовки. Сдается мне, что я видел ее раньше. Это ведь ты подбил наш корабль?

Фермер поднялся и кивнул. Очевидно, винтовка была разряжена. Он отбросил ее и вытащил из бока глинный нож — буквально из бока. Глаза Тека'мана расширились, когда он увидел, как клинок выскальзывает из тела ассасина.

— Тебе надо было метить не в крыло, а в топливный бак, — продолжал Саламангр, подбываясь поближе и давая Аркадезу время присоединиться к нему. Казалось, что перед ним стоит человек, но инстинкты костодесантника

утверждали иное. Это было нечто другое. -- Если ты хотел уничтожить всех на борту, то просчитался.

-- Вот как? -- Ассасин быстро улыbnулся, и его глаза изменили цвет, даже оттенок кожи стал другим.

Тека'тан метнулся вперед в тот миг, когда в него полетел нож. Он увернулся, среагировав на внезапное движение, но вскрикнул, поскольку клинок задел его кожу. Легионер попытался схватить ассасина, но рука поймала лишь воздух -- существо спрыгнуло с балкона вниз.

V

Аркадез рубанул спрыгнувшего воина вспышкой саблей одного из убитых стражников, но промахнулся. Он резко развернулся, но не сумел предотвратить гибель еще двух маршалов от пальцев лезвий убийцы. Третьего погубило нечто похожее на зазубренный язык, вылетевший изо рта тучины.

Ультратарин бросился в погоню, но

бионика затегляла его без. Ассасин добрался до теней и скрылся в наружных коридорах. Даже на верхнем уровне пространство вокруг зала представляло собой переплетение переходов и трубопроводов.

Гека'тан уже стоял за его плечом.

--- У тебя кровь, --- заметил он, указывая на пулевую отметину на плече Ультратарина.

--- У тебя тоже.

Гека'тан провел пальцем по боку и нащупал кровоточащую рану.

--- Значит, мы должны ему две раны, по одной с каждого, --- пообещал он и встретился в темноту вслед за ассасином.

Уцелевшие маршалы позади них пытались не паниковать. Они отказались от погони, чтобы охранять клейв-ноблей. Громогласный крик старшего маршала перекрывал шум, отчаянно сыпя командами.

Воркеллен визжал на своих лакеев, похоже, от боли. Это вызвало у Аркадза улыбку, скрытую обступившими воинами.

Звүки растаяли в темноте, и легионеры замедлили шаг.

--- Ты был прав, брат, --- прошипел Гека'тан.

--- О чем ты? --- поинтересовался Аркадез, пригнувшись насколько это было возможно и взглядываясь в сгущающуюся тьму.

--- Я нашел внизу еще одного посланца Хорүса, Железного Воина.

Ультрамарин заинтересовался.

--- Я убил его, но он что-то делал с разработкой здешнего гарнизона. А еще наблюдал за ядерными источниками. Не знаю зачем. Возможно, наш ассасин ответит. В любом случае Империя должна знать об этом.

--- А мы тут заперты, --- уныло отозвался Аркадез.

Глаза Гека'тана воинственно блеснули.

--- Но и он тоже.

Атака была стремительной. Выследить красноглазого было легко, а сломанного слышно за пятьдесят метров. Они оба оказались прекрасными мишенями.

позаимствованной вспышковой саблей, но клинок разрубил лишь воздух. Гека'ман рядом с ним пробормотал что-то, и Ультратарин предположил, что Саламангр тоже не сумел достать нападшего.

Убийца был проворнее и быстрее, чем они. Быстрее, чем он... Не в первый раз Аркагез проклял свою бионику.

Ассасин откатился вбок, и Аркагез развернулся. Гека'ман тоже. Того, что предстало перед ними, когда тьма расступилась перед магической вспышкой ритуальной сабли, Ультратарин никак не ожидал.

Это был не человек, но крайней мере не общепринятых размеров. Громадное существо, выше своих преследователей и очень свирепое. Татуировки вокруг шеи нападшего складывались в глиняную цепочку из слов, иля или несколько фрагментов имени, запечатленного на теле и исчезающего под обтягивающим комбинезоном из красной кожи. Доспехи напотинали гладиаторские. В них было что-то терранское. Воин лениво взмахнул

спатой, Аркадез увидел отметину на его кулаке и понял.

--- Кустодий.

III

Когда клинок упал вниз, Ультратарин быстро его отбил. Он уже натыкался. Гека'тан пытался развернуться. Он тоже сообразил, что фермер был всего лишь проекцией, порождением голополя.

Саламандр попытался толкнуть противника плечом, подставив его под удар боевого брата, но тот увернулся, обрушив локоть на позвоночник Гека'тана. Потом он бросился на пол и с силой пнул Аркадеза ногой в живот, так что тот растянулся на полу.

Когда два легионера поднялись на ноги, ассасин уже исчез, растворившись в темноте.

Аркадез подхватил свою саблю и хотел ринуться в погоню. Но Гека'тан остановил его, схватив за плечо.

--- Нет, именно этого он и хочет.

Подожди. Подумай.

Ультратарин кивнул.

--- Ты прав. --- Голова шла кругом. Кустодий здесь, на Бастионе, пытается убить императора Хоруса. Что это --- запасной вариант? --- Должны ли мы сражаться с ним? И сможет ли? Удивляюсь, что мы вообще еще живы.

Тека'тан зло смотрел в темноту.

--- Нам надо закрепиться здесь и переждать.

--- Он убьет нас одного за другим. Мы не можем ждать. --- Аркадес искоса взглянул на Саламандра. --- Мы вполне могли дать ему то, чего он хочет.

--- Нет, тут что-то не так.

--- И что ты предлагаешь? Кустодий верны только Императору. Это его львы, Саламандр. Они не задают вопросов, просто делают. Если мы встали между ним и его жертвой...

--- Это не кустодий, --- перебил Тека'тан. --- Похож, но движения скопированы, внешность тоже. Видимость.

--- Почему ты в этом уверен? --- спросил Аркадес, возвращаясь вместе с

братом к свету.

Их взгляды встретились, и Тека'тансердито сверкнул глазами.

--- Потому что, будь он настоящим, ты уже были бы покойниками.

JV

В зале царила паника. Искра страха, которую заронил в сознание собравшихся выстрел и последующая сұматоба, превратилась во всепоглощающий пожар. Политики и сенаторы повскакивали с мест и лотились в двери зала. Огни кричали, другие рыдали, и лишь немногие оставались на своих местах.

К этому моменту клейв-ноблей уже эвакуировали с балкона. Они стояли внизу, в зале, окруженные телохранителями, вместе с остальными согражданами, угодившими в тышеловку.

Солдаты прочесывали верхние ярусы и ниши в поисках других убийц, которых не нашли.

Среди прочих гостей Воркеллен

выглядел исключительно несчастным. Он приставал с расспросами к и без того ошалевшему старшему маршалу, пытавшемуся восстановить порядок.

— Что вы намерены предпринять, чтобы вызволить нас отсюда?

Унск был рядом, бормоча успокаивающие слова и требуя у другого помощника релаксанта для своего хозяина. Воркеллен с горькими тирадами отмахивался от них обоих.

V

Аркадез был явно не в духе и ответил вместо старшего маршала:

— Мы в ловушке, идиот! Он ничего не сможет сделать.

Утератор оглянулся, намереваясь ответить, но прикусил язык, едва Ультратарин нахмурился. Аркадез оставил его в покое и подошел к Гека'тану. Какими бы обезумевшими люди ни были, они расступались перед двутя легионерами.

Салатангр склонился поближе и заговорил тихо, чтобы никто не услышал его слова:

--- Чем бы это ни было, оно придет за нами.

--- Я знаю. --- Аркадез поглядывал на людей. Они разбивались на кучки перед запертой дверью и перемещались в центр зала. --- Их страх отвратителен. Я думал, этот мир считается довольно воинственным.

--- Они не солдаты. К тому же многие из них прежде никогда не оказывались в заперти и не сталкивались ни с чем подобным. --- Тека'тан утолк, сочувствуя перепуганной толпе. --- Мы должны найти его.

Аркадез кивнул.

--- Ты был прав, --- продолжал Тека'тан. --- Мы не можем ждать. Мы уже ждали на Усстваане. --- Перед мысленным взором опять возникло то мрачное место из воспоминаний. --- Мы ждали и погибли. --- Его рука снова дрожала. Он сжал ее другой, чтобы унять дрожь.

Аркадез понизил голос:

--- Жаль, что все это так тебя волнует, брат. Я не могу постичь твою боль.

--- Это наследие нести не мне. Оно для тех, кто последует за нами, что бы ни случилось дальше.

Глядя на мертвых маршалов, Аркадз стенил тему:

--- Это дело с самого начала должно было решиться кровью. Дебаты --- фарс. Если мы не найдем убийцу, Империя обвинят в вероломстве. Никто не захочет вести с нами переговоры.

Гека'тан медленно покачивал головой.

--- Возможно... Но у меня такое чувство, что здесь происходит еще что-то, нечто из прошлых времен, когда у Железных Воинов был гарнизон на этом мире.

--- Тогда мы должны докопаться до истины, какой бы она ни была. И лучший способ сделать это --- выследить потенциального убийцу императора.

--- Не могу отделаться от мысли, что это лишь способ скрыть куда большее злодеяние. --- Гека'тан указал на толпу.

Страсти немного поутихли. Их сменили жалобы и мрачное стирание.

--- О людях тоже надо подумать.

--- А что с ними такое? --- у Аркадеса был удивленный вид.

--- Если мы дадим себя обмануть, убийца превратит их в кровавое месиво.

--- Им самим следует позаботиться о собственной безопасности.

--- Один из нас должен остаться.

--- Чтобы убить это существо, мы должны идти вдвоем. С каких пор сыновья Вулкана отказываются выступать единым фронтом?

--- Мы еще и прагматики, брат, и понимаем, когда нужно приспособливаться, --- возразил Гека'тан. --- Мы не можем дожидаться, пока нас перебьют на месте. Так что я пошел.

--- Ты? --- недовольство Аркадеса было очевидным. --- Если ты так рвешься защищать людей, оставайся тут и занимайся этим. --- Кое-кто из горожан начал оглядываться, так как разговор пошел на повышенных тонах.

--- Я бы с радостью, но выйти на охоту

способен только один из нас. Ты не
стожешь.

В голосе Ультратарина зазвучал
гнев.

--- Что ты хочешь этим сказать?

--- Посмотри на себя, --- предложил
Тека'тан с традиционной для Саламангр
прямотой. Он не собирался никого
оскорблять, просто не понимал, что его
слова и поведение могут быть
истолкованы таким образом.

--- Я все еще воин, --- заявил Аркагез, ---
сильный и ловкий, как какой-нибудь
неотесанный варвар из дикого племени.

--- Тогда докажи это.

--- Что?

--- Напади на меня, и посмотрим,
стожешь ли ты победить...

Сверкнув саблей, Аркагез бросился на
Тека'тана. Однако он чуть затешился,
всего на секунду-другую, и этого было
вполне достаточно, чтобы Саламангр
сумел уклониться от удара и с силой
боднуть головой в переносицу
патрицианского носа Ультратарина.

Хлынула кровь, заливая Аркагезу

зубы, а Тека'тан, обратив массу противника против него самого, швырнул собрата через зал. Несколько ноблят пришлось разбегаться в стороны. В толпе испуганно заохали, когда их защитники накиннулись друг на друга.

Аркадез вскочил, так быстро, как позволяла его бионика, но обнаружил, что вспышковая сабля уже приставлена к его горлу.

--- На охоту пойду я, --- сказал ему Тека'тан. --- Ты останешься.

Тяжело дыша, Ультратарин медленно кивнул.

--- Я этого не забуду, сын Вулкана.

--- Знаю, что не забудешь.

Тека'тан со вспышковой саблей в руке неспешно скрылся в темноте.

VJ

Не прошло и часа, как Саламандр вернулся.

Аркадез стоял спиной к нему. Настроение Ультратарина не улучшилось.

--- Ты что, уже сдался? Я думал, Саламандры упорные.

--- Я нашел след и прошел по нему в глубину трубопроводов, --- ответил Тека'тан. Аркадез заметил, что тот держит саблю в другой руке. --- Похоже, у ассасина с самого начала был продуманный план отхода.

--- Так он уграл?

Тека'тан кивнул.

--- При чем тут, куда мы не сможем пройти за ним. Ход слишком узкий и крутой и ведет прямо в недра комплекса, на геотермальные подуровни.

--- Значит, будем ждать, --- бросил Аркадез, отворачиваясь, --- когда ворота откроются и легионы узнают про наш провал. Хорус заполучил этот мир, брат!

--- Все намного хуже, --- ответил Тека'тан каким-то не своим голосом.

Вместо того чтобы изумиться, Аркадез резко опустил плечо, уходя из-под ожидаемой им атаки. Он развернулся и вскинул вспышковую саблю, отражая удар костяных лезвий, стремительно выросших на кончиках пальцев Тека'тана.

--- Как ты узнал? --- спросил ассасин.

Их клинки встретились, рассыпав град искр и костяных осколков.

--- По запаху, --- ответил Аркадз, своему противнику и улыбнулся, когда грозная громада обрушилась на убийцу, стинная ему бок.

--- От меня разит золой и жаром, --- пояснил настоящий Гека'тан, возникший из теней, где он таился с момента своего последнего ухода. --- Твоя рана была недостаточно глубокой.

Они сцепились, Саламандр и ассасин, трансформирующийся прямо по ходу схватки.

Лицо противника постоянно переходило от одной метаморфической сущности к другой и обратно: сначала фермер, потом маршал и, наконец, кустодий, на котором он и остановился.

--- Ты не лев, --- прорычал Гека'тан, с хрустом круша позвонки врага.

Толпа вокруг них визжала и вопила от ужаса. Толкотня у двери перешла в давку.

Ассасин захныкал от боли, издавая

какие-то резкие птичьи звуки, выведившие Саламангра из себя.

— Умно, — прошипело существо сквозь стиснутые зубы, резко подобрало ноги и ударило Гека'мана коленями в грудь, перескочив через его тело.

Саламангр пролетел несколько метров и грохнулся об пол.

— Ложь, чтобы поймать лжеца. — Аркадез, вооружившись двумя вспышковыми саблями, налетел на врага. Огненная вспышка мигнула и погасла, когда оружие врезалось не в плоть, но в камень.

Ассасин отскочил назад, петляя, чтобы не столкнуться с могучим Саламангром, рядом с которым он оказался.

Костяной клинок в его правой руке превратился в кустодуанскую учебную спату, и это оружие обрушилось на Аркадеза. Поддельная сталь заскрежетала о настоящую, когда Ультратарин принял удар на свою бионическую руку. Аугментированным было только предплечье, но этого оказалось достаточно, чтобы нарушить планы

врага. Аркагез топнул ногой, пытаясь
попасть по ноге ассасина и раздробить ее.
Рокрит под ним раскололся, но пол
тонкой паутиной разбежались трещинки.

--- Сдавайся, тебе конец! --- отрывисто
бросил Аркагез.

Края глаза Ультратарин заметил
Гека'тана, нависшего над ассасином сзади.

Салатангр раскинул руки и резко свел
их вместе, наподобие оживших онисовых
кузнечных щипцов.

--- Это вам конец, --- хихикнуло
существо, выплюнув струйку желудочного
сока, обжегшего щеку Гека'тана.
Салатангр даже не поторщился, он просто
сдавил.

Аркагез обрушил на лицо существа
бионический кулак, вырвав из его руки
костьяной клинок, засевший в предплечье
Ультратарина.

Существо, медленно сдавливаемое
Гека'таном, хрипело, будто пробитое
легкое. С приближением смерти
способность к мимикрии нарушилась. Тело
и лицо непрерывно менялись, словно
времeна года, принимая знакомые и

незнакомые облики.

--- Для чего ты здесь? --- прорычал Тека'тан, сгавливая лакритоля, ибо ничем иным эта мерзость быть не могла. --- Какое большее зло ты маскируешь?

Император и его легионы приложили немало усилий, чтобы уничтожить эту разнообразность вампиров-полиморфов, и все же, подобно терранским атомным тараканам, те отказывались вытираться.

Даже истинные очертания существа были неотчетливы, беспорядочны, нагромождением бесформенных конечностей и раздутых кусков плоти. Глаза его, однако, были вполне различимы --- безжалостные черные бусинки, горящие безграничной ненавистью.

Оно умерло, стаясь --- это был жаркий и влажный звук, скорее хрип, чем веселье.

--- Чего я не могу понять, --- изрек Тека'тан, когда все было кончено и мешок с раздавленными мышцами и костями выскользнул из его железной хватки, --- так это как оно смогло копировать кустодия?

Аркадез раздробил башмаком гримасничающий череп лакритоля. Силы

удара было достаточно, чтобы растереть
его в пыль. Лакримолям необходимо
попробовать свои жертвы на вкус, вобрать
их в себя, прежде чем они смогут
копировать их биологически. Почти
идеальное подражание означало, что этот
чужак каким-то образом одолел и
поглотил биологическую массу одного из
львов Императора. Подобное казалось
невозможным.

Ультратарин покачал головой.

— «Это вам конец». Что бы это
значило?

Ответ пришел вместе с грохотом, потрясшим каменные плиты пола в зале. Взрыв донесся откуда-то снизу, с самых нижних уровней ядерного источника Кулуса.

Успокоенные смертью ассасина и облегчением, которое она принесла, очутившиеся в западне бастионцы снова запаниковали и принялись гребать вглубь.

Помещение сотряс второй взрыв, и под ногами пошли трещины. Горстка сенаторов исчезла во тьме и вспышке огня, взметнувшегося из расселины.

Один клейв-нобль вырвался из рук телохранителей и дергал Аркадеза за одежду.

--- Спасите нас... пожалуйста.

Ультрамарин презрительно посмотрел на человека сверху вниз.

Тека'тан опередил его ответ:

--- Нас одурачили дважды, брат.

Подергивающийся правый глаз Аркадеза выдавал, насколько болезненными были раны, полученные Ультратарином в сражении с убийцей-лакритолем. Он знал, что его провели.

--- Диверсант?

--- Который хочет уничтожить планету целиком, чтобы сохранить ее секреты, -- ответил Тека'тан. Помещение снова дрогнуло. Колонна сорвалась с пьедестала и погребла под собой еще нескольких горожан. Теперь надежды восстановить порядок не было.

--- Тогда эти меньшие взрывы лишь прелюдия к чему-то большему. -- Клейв-нобль все еще цеплялся за одежду Ультратарина. Тот оттолкнул человека от себя.

--- Убирайся! Заигрывая с Хорусом, вы навлекли проклятие на себя и свой мир!

--- Быть может, нет... -- Тека'тан поверх перепуганной толпы глядел на дверь. Сломанная колонна упала прямо на нее, и от ее тяжести на поверхности

двери появилась широкая трещина.

Кое-кто из запертых в зале горожан даже пытался тянуть за ее край.

--- Разойдись! --- взревел Аркадз. ---
Уменем Легионес Астартес!

Перепуганная толпа расступилась перед двумя воинами, и те, добравшись до двери, ухватились каждый за свой край трещины --- достаточно широкой, чтобы просунуть в нее пальцы, --- и потянули. Дверь поддалась: теперь, когда ее структурная целостность была нарушена, от камня начали отламываться куски. Трещина расширилась.

Воркеллен, вытолкнутый свитой вперед, оказался прямо позади легионеров.

--- Выведите нас отсюда, --- тихо взмолился он, уцепившись за руку Тека'мана. --- Я тоже был обманут.

Саламандр смотрел на него беззлливо, словно на потроха врага, которому он только что вспорол брюхо.

--- Где ваш корабль? --- поинтересовался он, прежде чем изрядная часть пола аудитории исчезла в огненной пропасти. Большая часть сенаторов

провалилась вместе с ним. Лишь те, кто толпился у самого выхода, избежали смерти.

--- Близко, в конце платформы, что у самого выхода, --- пролепетал итератор. Вся его учтивая самоуверенность испарилась перед лицом неминуемой гибели.

С потолка сыпались обломки, во множестве убивая бастионцев.

Пролет в двери был уже достаточно велик, чтобы легионеры могли пролезть в него, а это означало, что и для людей он тоже годится. Их осталось совсем немного --- клейв-нобли и горстка сенаторов да маршалов. И разумеется, итератор со своей свитой.

Аркадез выбрался первым и начал жестами звать остальных. Гека'тан был последним, кто пролез в дыру, когда по расколотому нагвое залу прокатился чудовищный огненный вихрь. Черные фигуры в клубках дыма молили о спасении, но Саламандр закрыл для них свои чувства.

--- Они все равно что мертвы, ---

сказал он, встретив суровый взгляд Ультратарина. Это был нелегкий выбор.

II

Потом они бежали, а вокруг них рушился Куллис. Части города гибли в огне пожаров, подготовленных Железным Воином. В земле появлялись огромные трещины и уходили к пепельному отстойнику. Вдалеке «фермер» выписывал на своем гусеничном грузовике безумные пируэты, увертываясь от лножащихся провалов. На горизонте горели супер-платформы и мегалиты других городов Бастиона.

Посадочная платформа была словно в тумане. Горячий ветер нес пепел и дым от сгоревшей плоти. Балки и эстакады протестующе стонали, скручивались и падали в зарево, расползающееся внизу.

Они бежали по узкому потопу, ведущему к платформе, у которой все еще стоял корабль Воркеллена, когда взорвался топливный бункер, выбросив в воздух столб

пламени и мощную ударную волну.

Несколько штатских сбросило с узкого трапа, и они с воплями полетели вниз.

Бегущий впереди Аркадз обернулся и увидел, как группу группу накрыла обрушившаяся коммуникационная башня. Они погибли, не издав ни звука.

Гека'тан исчез. До корабля осталось всего несколько метров, а он потерял Саламангра. Воркеллена тоже нигде не было видно. Дым и огонь ухушали видимость.

-- На корабль, -- жестом показал Ультратарин немногим оставшимся в живых. Он схватил за руку одного из гружков итератора, пробежавшего мимо. У писца был рассечен лоб. Судя по всему, Инска сильно контузило. -- Подождите нас, -- велел ему Аркадз. Когда писец слабо кивнул, Ультратарин отпустил его и двинулся обратно в дымное облако.

-- Гека'тан! -- И без того густая пелена становилась все гуще. Аркадз жалел, что у него нет при себе шлема; без него отыскать боевого брата намного

сложнее.

Под темно-серой полосой
Ультратарин увидел четыре пальца.
Черных, как оникс.

— Держись! — закричал Аркагез и
бросился к неровному краю трапа. Он
протянул руку вниз, но Тека'тан
соскользнул и потерял еще полметра.
Цепляясь за искореженную арматуру, он
смотрел снизу на Ультратарина. Его лицо
было в крови, глаз заплыл.

— Спаси его! — Ему пришлось
перекрикивать рев пламени, кипящего
внизу.

Взгляд Аркагеза скользнул по
Воркеллену, который был в таком же
положении и отчаянно цеплялся за
арматуру. Утератор то и дело смотрел
вниз, его лицо было белым и мокрым от
пота.

Ультратарин потянул головой и
потянулся вниз — еще глубже, еще.

— Сначала ты. Дотянись!

— Защищать слабого, — напотнил
ему Тека'тан. — И неважно, кто он.

Будучи не в том настроении, чтобы

спорить, Аркадез прорычал:

--- Хватайся. Живо!

Повиснув на одной руке, Тека'тан поднял другую и протянул ему навстречу. Кончики их пальцев почти соприкоснулись.

--- Еще немножко...

--- Слишком глубоко. Выбирайся отсюда, пока можешь.

Аркадез качнул головой.

--- Мы так близко... --- Его лицо исказилось от натуги. Он наклонился еще ниже и дотянулся до пальцев Тека'тана...

...как раз в тот миг, когда рука Саламангра грозила. Нервная дрожь усиливалась, и лапоть Аркадеза соскочила. Теперь Тека'тана всего трясло. Взрывы, дым и огонь --- в его памяти вновь ожил Исстваан.

--- Успокойся... а не могу... --- Аркадез доставал до трясущейся руки Тека'тана, но не мог ее захватить как следует. --- Успокойся, брат.

Их взгляды встретились. В глазах Саламангра навсегда застыло отражение краха.

--- Отпусти меня, --- сказал он, опуская

грожающую руку. Его голос был спокоен —
решение принято.

Аркадиз яростно взмахнул рукой.

— Я могу вытащить тебя! Что ты
делаешь?

— Ухожу к своим братьям. — Он
разжал пальцы.

Взревев от горя, обессилевший
Ультратарин выгел, как Тека'тан
пролетел несколько метров и пропал среди
разрывов. Аркадиз топнул ногой по тране,
гроба роккрит. Рядом причитал
Воркеллен:

— Не дайте мне погибнуть,
пожалуйста, не дайте мне погибнуть...

Полностью лишившийся сострадания
и вообще любых чувств, Аркадиз, чья живая
плоть была столь же натренированной,
как и его аугментические имплантаты,
схватил итератора за запястье и
вытащил наверх.

Буквально через несколько секунд
огненный столб взметнулся к небу как раз
в том месте, где только что висел
Воркеллен. Человек с трудом поднялся на
ноги. Он не переставая рыдал. Аркадиз

подхватил его и кинул себе на плечо.

Потом он побежал, а мир Бастиона за его спиной корчился в предсмертных тупках.

III

Из трюма челнока Аркадиз наблюдал за разрушением мира. Воспламененные поджигателями, термоядерные источники Бастиона рвали планету на части.

Длинные огненные цепи, стягивавшие поверхность, будто пылающие швы, распадалась: разламывались континенты, рушились горы, вскипали и испарялись океаны, исчезали города. Миллиарды людей, увидевших искусственный восход ядерного солнца, ослепли в один миг, кожа на их телах сохлась, будто пергамент и превратилась в пепел. Но даже это длилось недолго. Летевшая следом взрывная волна развеяла пепел и унесла его навстречу забвению.

Небольшой флотилии кораблей удалось выйти на орбиту; остальных

поглотил хаос — они не сумели набрать высоту и убраться на достаточное расстояние от стремительно разворачивающегося катаклизма.

Выжившие направлялись к Имперскому звездному кораблю, бросившему якорь на краю Вселенной. Аркадез уже связался по воксу с капитаном и предупредил его, но атаки прилкнувших к магистра войн не последовало. Здесь их работа была закончена. Железный Воин выполнил свою миссию. Независимо от назначения схем, о которых говорил Тека'тан, их не обнаружили бы до тех пор, пока не стало бы слишком поздно. Послание передано. Хорус желал, чтобы Галактика знала: союз с Империей означает гибель. Бастион он использовал в качестве примера.

Теперь нейтральные планеты встанут на колени перед магистром войн — угроза наказания слишком реальна и несомненна, чтобы ее игнорировать.

Тека'тан верил в возможность мирного решения. Несмотря ни на что он надеялся, что изменники станут

придерживаться правил войны. Теперь
Саламандр мертв, убит, как и многие из
его легиона.

--- Я не забуду тебя, брат, --- шепотом
поклонился Аркадез. --- Ты будешь отлучен!

Виновный понесет наказание.
Возможно, Аркадезу не найдется места на
передовой, но за павшего брата он
отомстит стоюет. За него и за всех
позабытых сынов Империи.

Джон Френч ПОСЛЕДНИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

В Эпоху Тьмы правда
должна умереть.

Слова	забытого
ученого	Старой
Земли	

Они убили корабль-нарушитель на
краю Солнечной системы. Он мчался,
разрывая космическое пространство
стальным, утыканным алмазами
шипом в километр длиной и оставляя за
собой предсмертный горящий след, будто
кляча савана. Как львы, настигшие
охролевшую жертву, два золотистых
ударных корабля взяли утирающее судно в
клещи. Каждый из них напоминал
затупленный на углах треугольник из
полированной брони, пронзающий пустоту

на конусах раскаленного до температуры звезд платени. Корабли несли на борту оружие, способное сровнять с землей города, и отряды храбрейших воинов. Их задачей было уничтожать любого врага, постывшегося вторгнуться в охраняемые владения.

Эта звездная система — место обитания Императора Человечества, сердце Империи, преданное ярчайшим из его сыновей. Здесь не было места милосердию. «Гость» явился без предупреждения и подобающих опознавательных сигналов, поэтому ему оставалось лишь умереть возле Солнца, освещавшего зарождение человечества.

На корпусе нарушителя расцвели взрывы, на обшивке зазияли рваные раны, из которых в пустоту посыпались гибнущие члены экипажа и сгустки расплавленного металла. Охотники перестали стрелять из орудий и запустили в борта нарушителя абордажные торпеды. Первое бронированное жало пробило командную палубу корабля; штурмовые ратники опустелись и изрыгнули воинов, одетых в

янтарные доспехи и открывших яростный огонь.

В каждой абордажной торпедной находились двадцать Имперских Кулаков из Легионес Астартес: генетически улучшенных воинов, облаченных в силовые доспехи и не знающих ни страха, ни жалости. Их противник носил знаки Хоруса, сына Императора, восставшего против своего отца и ввергнувшего Империум в гражданскую войну. Красные глаза со щелевидными зрачками, оскаленные звериные морды и зубчатые восьмиконечные звезды украшали корпус корабля и тела членов экипажа. Сладковатый запах разложения проникал даже внутрь герметичных доспехов Имперских Кулаков, с боем пробивавшихся внутрь корабля. С их янтарной брони капала кровь, с цепных мечей свисали клочья плоти. Экипаж корабля-нарушителя оказался весьма многочисленным: рядовые матросы, сервиторы, командный состав, техники и воины. Имперских Кулаков было всего сто, но они не собирались никого оставлять в

живых.

Через двадцать две минуты после высадки десанта Легионес Астартес нашли запертую дверь. Она была в три человеческих роста высотой и шириной с боевой танк. Легионеры не знали, что находится за ней, но это не имело значения. То, что так старательно оберегалось, должно было представлять особую ценность для врага. Четыре телтазаряда, и в двухметровой толще металла образовалась оплавленная дыра. Первый Имперский Кулак пролез в брешь, края которой еще светились вишнево-красным, с болт-пистолетом наготове, выискивая цель.

За дверью находилось пустое помещение, настолько высокое и просторное, что в нем уместилось бы в ряд с полдюжины «Лэндрейдеров». Воздух чистый, без зловония, которое наполняло весь остальной корабль, словно комната была полностью изолирована. Никаких звучатых звезд, нацарапанных на металлическом полу, и красных глаз на стенах.

В первый момент комната показалась пустой, но затем костодесантники увидели в центре человека. Они двинулись вперед: красные прицельные руны на дисплеях их шлемов мерцали на сгорбленном мужчине, одетом в серое. Он сидел на полу, вокруг валялись остатки пищи и скотканные листы пергамента. Один конец толстой цепи был прикован к палубе, а другой — к кандалам на его мощных лодыжках. На коленях у человека лежала стопка желтого пергамента. Рука сжимала грубое металлическое перо, кончик которого был испачкан черным.

Сержант абордажной группы Имперских Кулаков подошел к человеку на глину клинка. В гүлкой комнате появлялись все новые воины с оружием на изготовку.

— Кто ты? — пророкотал сержант сквозь решетку громкоговорителя, встроенного в шлем.

— Последний летописец, — ответил человек.

Безымянная крепость пряталась от солнца на темной стороне Титана, будто отвернувшись от света. Километровый диск из камня и брони парил в пустоте над желтым спутником. Свет, отраженный от разбухшего шара Сатурна, играл на верхушках ее оружейных башен, отбрасывая на поверхность изломанные тени. Это была оборонительная станция — часть сети укреплений, защищавших подступы к Терре. После измены Хоруса у нее появилась новая задача: в ее изолированных камерах держали предполагаемых предателей и изменников, выпытывая у них секреты. Тысячи тюремщиков поддерживали в узниках жизнь, пока в толпе сохранялась надобность. Вопросов, требовавших ответа, было несметное множество, и камеры никогда не пустовали.

Розалу Дорну предстояло стать первым притархом, ступившим на территорию безымянной крепости. Но подобная честь его вовсе не радовала.

— Отвратительно, — заявил Дорн, наблюдая, как на смотровом экране

вырастает костическая крепость. Он сидел на металлической скамье, подперев подбородок кулаком в бронированной перчатке. Во внутреннем отсеке десантно-штурмового корабля «Грозовая птица» было темно, экран отбрасывал на лицо примарха мертвенно-холодный свет. Темные глаза над высокими скулами, нос, не выступающий за линию лба, опущенные уголки рта, сильная челюсть. Само совершенство, разгневанное и высеченное из камня.

— Это неприятно, но необходимо, — произнес из темноты голос у него за спиной. Голос был низкий, глубокий и нетолодой. Примарх не стал оборачиваться, чтобы взглянуть на говорящего — серое существо, стоящее на границе света. В командном отсеке они были одни. Розал Дорн руководил обороной Терры и миллионатами воинов, а сюда прибыл с одним помощником.

— В последнее время я слышу слово «необходимо» слишком часто, — проворчал Дорн, не отрывая глаз от ожидающей крепости.

Фигура позади Дорна двинулась вперед. Холодный голубоватый свет упал на испещренное морщинами лицо. Как и притарх, человек был в доспехах; свет играл на их гранях, но цвет в сумраке был неразличим.

--- Враг внутри, милорд. Он не только сражается с нами на поле боя, он ходит среди нас, --- ответил старый воин.

--- Значит, на этой войне опасно кому-либо доверять, капитан? --- спросил Дорн. Его голос напоминал отдаленные раскаты грома.

--- Я говорю правду, как я ее понимаю, --- был ответ.

--- Скажи мне, если бы не мои Имперские Кулаки, отыскавшие его, узнал бы я когда-нибудь, что Соломон Восс угодил сюда? --- Он отвернулся от экрана и взглянул на старого воина. Глаза притарха казались озерами темноты. --- Что бы случилось тогда было?

Мерцающий голубой свет экрана высветил фигуру старого воина. Серые доспехи, без каких-либо эмблем и знаков отличия, рукоять двуручного меча за

плечати и едва различимый знак на сером
наплечнике.

--- То же, что должно быть теперь
нужно узнать правду, а затем сделать то,
чего эта правда потребует, --- ответил
старый воин. Он чувствовал волну эмоций,
исходящую от примарха, неистовство,
скрытое за каменным фасадом.

--- Я видел, как мои братья сжигают
миры, которые мы создавали вместе,
посылал своих сынов против сыновей моих
братьев. Я изменил сердце империи моего
отца, одев его в сталь. Ты полагаешь, что
я хочу избежать той реальности, перед
лицом которой мы находимся?

Старик ответил не сразу.

--- Тем не менее вы здесь, милорд. Вы
пришли сюда, чтобы увидеть человека,
которого, по всей вероятности, собратил
Хорус, и те силы, что взрастили его. ---
Розал Дорн не шелохнулся, но старый воин
чувал опасность в этой неподвижности,
словно лев изготовился к смертельному
прыжку.

--- Берегись, --- произнес Дорн. Шепот
был похож на шелест меча, скользящего из

ножен.

--- Доверие --- уязвимое место в нашей броне, лорд, --- ответил воин, глядя в глаза примарху. Дорн шагнул вперед, умышленно задержав взгляд на гладкой серой поверхности доспехов, где должна была располагаться атрибутика легиона.

--- Неожиданная для тебя сентиментальность, Цактон Круз, --- заметил он.

Старый воин медленно кивнул, вспоминая идеалы и нарушенные клятвы, благодаря которым очутился здесь. Когда-то он был капитаном легиона Лунных Волков, легиона Хоруса. Едва ли не последним из своего рода. И кроме клятвы служить Императору, и только Императору, у него ничего не осталось.

--- Я познал цену слепому доверию, милорд. Доверие нужно заслужить.

--- И поэтому мы должны предать огню идеалы Империи? --- спросил Дорн, склоняясь к Крузу. От такого внимания примарха большинство смертных были бы вынуждены пасть на колени. Круз, не дрогнув, выдержал взгляд Дорна. Он знал

свою загачу, дал предбоевую клятву, что
будет внимательно следить за
разбирательством Розала Дорна. Его долг
состоял в том, чтобы уравновешивать
этот процесс вопросами.

--- Вы вмешались, и потому решение
насчет этого человека придется
принимать вам. Его жизнь в ваших руках,
--- сказал Круз.

--- А если он невиновен? --- резко бросил
Дорн.

Круз устало улыбнулся.

--- Это ничего не доказывает, милорд.
Если он представляет угрозу, его надо
уничтожить.

--- И ты здесь именно для этого? ---
поинтересовался Дорн, кивая на рукоять
меча за плечами у Круза. --- Чтобы
изобразить судьбу, присяжных и палача?

--- Я здесь, чтобы помочь вам принять
решение, и делаю это ради Сигиллита.
Это его владения, и я действую от его
имени.

Дорн отвернулся от Круза, и по его
лицу скользнула тень неприязни.

Обзорный экран заполнила стена

безымянной крепости. Зубчатые ворота раскрылись и навстречу, словно поджидаящая пасть. Круз увидел огромную посадочную платформу, залитую ярким светом. На платформе выстроились сотни воинов в красных глянцевых доспехах с серебристыми визорами — тюремщики безымянной крепости. Они никогда не показывали свои лица и не имели имен; каждый шел под своим номером. Среди них свободными группками, спрятав лица под капюшонами, стояли сутулые дознаватели, чьи пальцы были искусственно усилены иглами и лезвиями, торчащими из рукавов их красных одеяний.

Под урчание антигравитационного поля «Грозовая птица» опустилась на палубу. Теплый воздух встретился со стылым от пребывания в вакууме металлом; крылья и блестящий корпус корабля мгновенно обледенели. Из носовой части десантно-штурмового корабля под шипение пневматики опустилась рампа, и Рогол Дорн вышел на слепящий свет. Он сиял, свет отражался от шлифованного

золота госпехов и израл на рубинах,
зажатых в когтях серебряных орлов. С его
плеч ниспадала черная с красной
подкладкой мантия, расшитая узорам
цвета слоновой кости. Люди в посадочном
доке опустились на одно колено, и палуба
загудела от одновременного удара тысяч
колен. За примархом, словно тень за
солнцем, шествовал Цактон Круз в
призрачно-серых госпехах.

В конце темно-красного строя
стражников стояли три
коленипреклоненные фигуры. Они были в
таких же глянцево красных госпехах, как и
другие, склоненные лица скрывали тускло-
серебряные маски — хранители ключей
безымянной крепости. Круз был одним из
немногих, видевших их лица.

— Аве, преторианец! — провозгласила
одна из фигур гулким механическим
голосом. Остальные коленипреклоненные
эхом подхватили приветствие.

— Отведите меня к летописцу
Соломону Воссу, — приказал примарх,
заглушая гаснущее эхо.

Когда дверь камеры отворилась, человек писал. Светосфера у него над головой создавала круг тускло-желтого света, за пределами которого все, кроме импровизированного письменного стола и самого человека, утонуло в темноте. Худые плечи склонились над листом пергамента, перо в тонкой руке со скрипом выцарапывало черные слова. Он даже не вздрогнул.

Розал Дорн вошел в камеру. Он снял доспех и остался в черном табарде, схваченном на талии золотым плетеным поясом. Казалось, что темные металлические стены камеры раздвигаются от одного его присутствия. За ним следовал Круз, по-прежнему облаченный в серые доспехи.

— Соломон Восс, — таяко позвал Дорн.

Мужчина поднял глаза. У него было приятное плоское лицо с гладкой кожей и морщинками вокруг глаз. Стального цвета волосы, собранные сзади в хвост, рассыпались по грубой ткани, прикрывавшей спину. В присутствии примарха многие люди едва могли

вытолкнуть слово, а этот лишь кивнул и устало улыбнулся.

--- Привет, дружище, --- сказал Восс. --- Я знал, что кто-нибудь да придет. --- Его глаза скользнули по Крузу. --- Однако ты не рад, как я вижу. --- Круз уловил презрение, скрытое в словах, но его лицо осталось бесстрастным. Восс пристально разглядывал легионера. --- Мне откуда-то знакомо твое лицо.

Круз не ответил. Разумеется, он знал, кто этот человек: Соломон Восс --- автор «Предела просвещения» и свидетель первых завоеваний Великого крестового похода, лучший, по мнению многих, летописец эпохи. Круз однажды встречался с Воссом --- очень давно, в другой жизни. С тех пор с ним много всего случилось, и воин был удивлен, что его постаревшее лицо вызывает у кого-то воспоминания.

Восс кивнул на гладкие серые доспехи Круза.

--- Цвета и знаки легиона всегда были предметом гордости. Что означает этот однотонный серый? Стыд, быть может? ---

Лицо Крүза оставалось бесстрастным. Когда-то такие слова разозлили бы его. Теперь в нем не осталось ложной гордости, которую можно было бы уязвить. Его прошлая жизнь Сына Хорүса, или Лүнного Волка, осталась в далеком прошлом.

Дорн взглянул на Крүза. Лицо примарха было непроницаемо, но голос звучал твердо:

--- Он здесь, чтобы наблюдать, и только.

--- Молчаливая рука правосудия. --- Восс кивнул и вернулся к листу пергамента. Перо вновь закричало. Дорн придвинул к столу металлический стул и сел. Стул закричал под его тяжестью.

--- Я твой сүдя, летописец, --- негромко произнес Дорн. В его голосе зазвучали нотки, которые Крүз никак не мог распознать.

Восс не ответил, продолжая выводить буквы. Задумавшись над словом, он тихонько присвистнул. Крүзу показалось, что он видит чувства, отражающиеся на лице летописца: смесь опасения и вызова. Потом перо завершило

строку затейливым росчерком, и Восс
положил его на стол. Он кивнул
подсыхающим словам и улыбнулся.

--- Готово. Сказать по правде, я думаю,
что это лучшая из моих работ. Лищу себя
надеждой, что равной ей не найдется даже
среди трудов древних. --- Он повернулся и
взглянул на Дорна. --- Разумеется, ее
никто никогда не прочтет.

Дорн слабо улыбнулся, будто не
слышал последних слов, и кивнул на стопку
пергамента на столе.

--- Значит, тебе дали пергамент и
перо?

--- Да, --- вздохнул Восс. --- Хотелось бы
сказать, что это очень любезно с их
стороны, но я больше склонен думать, что
они надеются впоследствии
отфильтровать все это на предмет
секретов. Видишь ли, они никак не могут
поверить, что я говорю правду, но не
могут и перестать надеяться, что именно
это я и делаю. Информация о твоём
брате, понимаешь ли. Я чувствую, как они
ее жаждут. --- Круз заметил, что при
упоминании о брате лицо Дорна едва

заметно напряглось.

--- Тебя уже допрашивали? --- спросил Дорн.

--- Да. Но ничего серьезного. Пока. --- Восс грустно растеялся. --- У меня такое ощущение, что до этого было рукой подать. Пока они не прекратили задавать вопросы и не оставили меня тут. --- Восс погнул бровь. --- Твоя работа?

--- Я не собирался позволить великому Соломону Воссу сгинуть в катере для допросов, --- устехнулся Дорн.

--- Я польщен, но здесь полно других узников; полагаю, тысячи людей. --- Восс оглядел металлические стены своей катеры, словно мог видеть сквозь них. --- Временами я слышу крики. Думаю, они хотят, чтобы ты их слышала. Наверное, считают, что потом нас легче будет допрашивать. --- Голос Восса затих.

«Этот человек сломлен, --- подумал Круз. --- Что-то внутри него умерло».

Притарх склонился к Воссу.

--- Ты ведь был не просто летописцем, --- сказал Дорн. --- Помнишь?

--- Был, --- кивнул мужчина, глядя в

темноту. — Когда-то. Еще до Улланора, когда и летописцев-то не существовало, только на уровне идеи. — Восс покачал головой и взглянул на лежащий перед ним пергамент. — Просто идея.

Дорн кивнул, и Круз увидел на обычном угрюмом лице притарха тень улыбки.

— Твоей идее, Соломон. Тысячи творческих людей, посланных запечатлеть правду о Великом крестовом походе. Идея, достойная Императора.

Восс слабо улыбнулся.

— И снова я польщен, Розал Дорн. Но идея не только моя, как ты, наверное, помнишь. — Дорн кивнул, и Круз услышал страстные нотки в голосе Восса. — Я был лишь сочинителем, которого сильные мира сего терпели за мое умение облекать их деяния в слова, способные распространяться, подобно огню. — Глаза Восса засияли, будто отражая свет ярких воспоминаний. — Не то, что императоры, не как Зиндерманн и прочие манипуляторы. Имперская Истина не нуждалась в подтасовках. Ей требовалось лишь быть отраженной в Императоре через

слова, художественные образы и звуки. --- Он утолк и оглядел свои тонкие пальцы в черных чернильных пятнах. --- Во всяком случае, тогда я так думал.

--- Ты был прав, --- сказал Дорн, и Круз увидел на лице притарха убежденность. --- Я помню манускрипты, представленные императору в Зүритце. Созданные тобой и переписанные Аскарис Ша. Они были красивыми и честными. --- Дорн медленно кивал, словно подначивая Восс, продолжавшего разглядывать свои руки, ответить. --- Петиция об учреждении ордена творцов, дабы «свидетельствовать, записывать и отражать свет истины, которую несет Великий крестовый поход». Орден из людей, которые стали бы памятью Империи о том, как он создавался: вот что, по твоему мнению, было необходимо. И ты был прав.

Восс медленно кивнул, затем поднял глаза, в которых зияла пустота. «Взгляд человека, размышляющего об утраченном», --- подумал про себя Круз. В прежние годы он сам нередко выглядел так же...

--- Да, славные были времена, ---
произнес Восс. --- Когда Совет Терры
утвердил орден летописцев, мне на миг
показалось, что я понял, что должны были
чувствовать ты и твои братья при виде
того, как ваши сыны несут свет
Галактике. --- Он пренебрежительно
хмыкнул. --- Но сейчас ты здесь не для того,
чтобы льстить, Розал Дорн, а чтобы
судить.

--- Ты исчез, --- сказал Дорн так же
мягко, как начал. --- Исчез вскоре после
предательства. Где ты был?

Восс ответил не сразу.

--- Я рассказывал правду, пока твои
сыновья не забрали меня с корабля. --- Он
посмотрел на Круза. --- Уверен, что об
этом говорится в их докладах.

Круз продолжал безмолвствовать. Он
знал, что сказал Восс нашедшим его
Имперским Кулаком и что говорил потом
дознавателям. Розал Дорн тоже должен
был знать, но притарх ничего не сказал.
Молчание длилось до тех пор, пока Восс
не взглянул на Дорна и не сказал то, чего
от него ждали:

— Я был у магистра войны.

Цактон Круз держался на подобающем расстоянии от примарха, созерцавшего звездные узоры у себя над головой. Они находились внутри купола обсерватории, в хрустальном пузыре на верхней стороне безымянной крепости. Над ними висел Сатурн, чьи мутные кольца напояли Крузу прослойки жира в куске мяса. Дорн внезапно прекратил вопрос Соломона Восса, пообещав скоро вернуться. Крузу он объяснил, что ему нужно подумать. И они пришли сюда размышлять при свете звезд, под оком Сатурна. Крузу подумалось: Дорн надеялся, будто Восс станет отрицать то, что говорил прежде, чтобы у примарха нашлись основания освободить его.

— Он все такой же, каким я его помню, — произнес внезапно Дорн, продолжая разглядывать рассыпанные по небу звезды. — Постаревший, побитый жизнью, но все тот же. Никаких признаков торчи, на той взгляд.

«Я должен исполнить свой долг, —

подумал Крүз. -- Даже если это все равно, что вонзить нож в незажившую рану». Он глубоко вздохнул, прежде чем заговорить.

-- Никаких, милорд. Но, возможно, вы увидите то, что хотите увидеть. -- Примарх не шелохнулся, но Крүз ощутил, как разом изменилась атмосфера и в студеном воздухе повеяло опасностью.

-- Ты предполагаешь слишком многое, Цактон Крүз, -- тихо прорычал примарх.

Крүз осторожно приблизился к Дорну на шаг.

-- Я ничего не предполагаю, -- спокойно ответил старик. -- У меня не осталось ничего, кроме одной нерушимой клятвы. Эта клятва подразумевает, что я должен говорить. -- Примарх обернулся и выпрямился, так что Крүз вынужден был смотреть ему прямо в лицо. -- Даже вам, милорд.

-- Ты должен сказать еще что-нибудь? -- проворчал Дорн.

-- Да. Я должен напугать вас, что враг хитер и у него есть разное оружие. Мы можем защитить себя лишь подозрительностью. Быть может,

Соломон Восс точно такой, каким вы его помните. Быть может... — Крүз выделил эти слова. — Но, возможно, этого недостаточно.

— Ты веришь его словам? Что все это вретя он был с Хорүсом?

— Я верю фактам. Восс был у врагов, добровольно либо в качестве пленника. Он находился на корабле, подчинявшемся Хорүсу и несущем опознавательные знаки врага. Все остальное может быть...

— ...выдумкой. — Дорн үзрюмо кивнул. — Он был лучшим рассказчиком из всех, кого я знал. Миллиарды жителей Империи знают о наших делах только благодаря его рассказам. Думаешь, он и теперь сочиняет?

Крүз покачал головой.

— Не знаю, лорд. Сейчас мое дело не судить, а задавать вопросы.

— Тогда исполняй свой долг и спрашивай.

Крүз вздохнул и начал перечислять, загибая пальцы:

— Если он не изменник, зачем отправился к Хорүсу? Когда тот проводил

зачистку в легионах, он уничтожил всех летописцев. Почему оставил в живых этого? -- Дорн слушал, не перебивая, и Круз продолжал. -- У вражеский корабль единственный уцелевшим человеком на борту не сам по себе прилетел в Солнечную систему. -- Он потеглил, думая о том, что беспокоило больше всего. Дорн смотрел на него, молча обдумывая услышанное. -- Это не было случаем. Его вернули нам.

Дорн кивнул, облакая тревогу Круза в слова.

-- Если так, то зачем?

* * *

-- Почему ты отправился к Хорусу? -- спросил Розал Дорн.

Они вновь находились в катере. Соломон Восс сидел за своим столом, Розал Дорн напротив него, а Круз стоял у двери. Восс отхлебнул из помятой железной кружки чая со специями (он

попросил об этой малости Дорна, и
примарх разрешил.) Лемонисец неспешно
проглотил напиток и облизнул губы,
прежде чем заговорить.

--- Я был на Хатмүзе с Восемьсот
семнадцатым флотом, когда услышал,
что Хорүс погнал мятеж против
Императора. И сначала не мог в это
поверить: пытался выяснить причины,
найти контекст, уяснить суть
происходящего. И когда понял, что не могу
ее постичь, догадался, что нужно сделать --
увидеть правду своими глазами, стать
очевидцем, а затем облечь увиденное в
слова и поделиться своим знанием с
другими.

Дорн нахмурился.

--- Ты сомневался в том, что Хорүс --
изменник?

--- Нет. Но я был величайшим
лемонисцем. И мой долг -- осмыслить
грандиознейшие события с помощью
искусства. Я знал, что другие начнут
сомневаться или просто не поверят, что
ярчайший из сынов Империи мог
выступить против него. Если это было

правдой, я хотел, чтобы она кричала из
работ как можно большего числа
летописцев.

Круз заметил, каким страстным и
оживленным сделалось лицо Восса. На
мгновение усталость исчезла, и от
человека повеяло убежденностью.

--- Ты слишком много на себя берешь, ---
заметил Дорн, пытаясь понять смысл
бесстысленного.

--- Летописцы сделали реальностью
то, что произошло во времена Великого
крестового похода. Если бы не мы, кто
полнил бы о нем хоть что-нибудь?

Дорн лязко покачал головой.

--- Война между легионами --- не
место для художников.

--- А другие войны, описанные нами?
Разве они были более подходящими? Когда
все, построенное тобой, нами, стало
подвергаться сомнению, где еще мне
надлежало быть? Я --- летописец, и мой
долг состоит в том, чтобы
засвидетельствовать эту войну. --- Восс
поставил кружку с чаем на стол. --- Я уже
начал строить планы, как попасть на

Усстваан-пять при помощи связей и знакомств. -- Восс скривился, будто эти слова имели горький вкус. -- И тут появился «Эдикт о роспуске». По распоряжению Совета Терры летописцы больше не существовали. Нас убирали из войск и возвращали в гражданское общество. Тем, кто находился в боевых частях, запрещалось писать о происходящем вокруг.

Круз почувствовал горечь в его словах. После известия об измене Хоруса в Империи многое изменилось. И одним из изменений стала отмена государственной поддержки летописцев. Росчерком пера их просто упразднили.

«Лучше так, чем то, что могло случиться», -- подумал Круз. В мозгу промелькнули образы мужчин и женщин, погибших под выстрелами его бывших братьев целую вечность назад, но кажется, что это было вчера. Он моргнул и возвратился в грубую реальность тюремной катеры.

-- Но ты не подчинился, -- вставил Дорн.

— Я был зол, — огрызнулся Восс. — Я был основателем ордена летописцев и засвидетельствовал Крестовый поход с самого его начала на Терре. Я видел полубогов и кровь, пролившуюся среди звезд и ознаменовавшую рождение Империи. — Он воздел руку над головой, словно указывая на звезды и планеты над ними. — Я сделал эти события реальными для тех, кто никогда их не видел. Я облек их в слова, чтобы эхо этих войн прозвучало в будущем. Тысячелетия спустя дети услышат, прочтут и почувствуют величие былых времен благодаря моим словам. — Он фыркнул. — Мы, летописцы, служили просвещению и истине, а не прихоти совета бюрократов. — Восс покачал головой; на мгновение его губы искривились, потом он моргнул. — Со мной была Аскарис, — тихо сказал он. — Она сказала, что это нелепая и опасная затея, продиктованная моим эго. «Паломничество гордыни» — так она это назвала. — Он улыбнулся и на миг прикрыл глаза, погружаясь в былое счастье.

Крузу было известно имя Аскарис Ша

--- иллюстратора и каллиграфиста. Она переписывала труды Восса в свитки и фолианты, столь же прекрасные, как и его слова.

--- Твоя помощница? --- спросил Крүз. Вопрос невольно сорвался с его губ. Дорн метнул на помощника суровый взгляд.

--- Да, она была моей помощницей во всех смыслах этого слова. --- Восс вздохнул и уставился на остатки чая в чашке. --- Мы целыми днями спорили, --- негромко продолжал он. --- До тех пор, пока не стало ясно, что я не намерен менять свое решение. Я знал, что попасть на Усстваан-пять возможно: у меня были знакомые на флотах по обе стороны фронта.

Восс умолк, глядя в пространство, словно там стоял и смотрел на него кто-то из далекого прошлого. Дорн молча ждал. Несколько мгновений спустя Восс снова заговорил, уже более сдержанно:

--- Аскарис отправилась со мной, хотя, полагаю, и боялась того, чем все могло закончиться.

--- И чем это закончилось? --- спросил Дорн. Восс перевел взгляд на притарха.

Его глаза все еще были широко раскрыты от воспоминаний.

--- Разве ты здесь не для того, чтобы решить это, Розал Дорн?

* * *

--- Насчет «Эдикта о роспуске» он прав, --- сказал Дорн.

Восс попросил разрешения поспать, и примарх позволил ему. Они с Крузом возвратились в хрустальный купол под звездным небом. Круз чувствовал тягостное настроение Дорна, разглядывавшего звезды.

--- Конец летописцев? --- Круз приподнял бровь и заглянул в лицо Дорну. --- Вы полагаете, что следовало позволить им болтаться на войне? Засвидетельствовать наш позор в картинах и песнях? --- Повисла пауза. Круз ожидал очередного гневного выговора, но примарх лишь медленно выдохнул через нос, ничем более не выдав своих эмоций.

— У меня были сомнения, когда Совет утвердил этот эдикт, — сказал Дорн. — Его тогдашняя позиция была совершенно логичной. Мы воюем сами с собой и не знаем, насколько далеко простирается вероломство моего брата. Теперь не время позволять целой ораве творцов беспрепятственно слоняться среди наших войск. Это не та война, которую нужно описывать в стихах. Я понимаю, что...

— Но вопреки логике вы испытывали сомнения, — договорил за него Круз. Ему показалось, что он вдруг понял, почему Розал Дорн, Защитник Терры, явился в тюремную камеру повидаться со старым летописцем.

— Не сомнения, а печаль. — Дорн отвернулся, указывая на звезды за хрустальным стеклом. — Мы явились на эти звезды, неся с собой войну во имя просвещенного будущего. Мы взяли с собой лучших творцов, чтобы они могли запечатлеть эту правду. Теперь наши сражения забыты и не воспеты. О чем это говорит? — Ручка Дорна упала.

— Это практическая сторона мой

ситуации, в которой мы оказались. За
истину, которую мы отвоевывали,
приходится платить, -- ответил Крүз.

-- Платить молчанием и темнотой?
Забывшими и неподсудными делами? --
Дорн направился к выходу из купола. От
его шагов в воздух поднималась пыль.

-- Выживание или забвение -- такой
приговор вынесет нам история, -- ответил
серый воин.

Дорн обернулся к Крүзу, на его лице
мелькнула тень гнева.

-- У Империи остался
единственный выход -- стать жестокой
машиной из стали и крови? -- свирепо
прошептал примарх.

-- За будущее надо платить, -- сказал
Крүз, не отходя от обзорного окна. Дорн
протолчал. На миг Крүзу показалось, что
он увидел в глазах примарха отчаяние.
Позади него сверкали планеты Солнечной
системы -- холодные светящиеся точки
над башнями безымянной крепости.

-- Во что же мы превратится,
Цактон Крүз? Кого сделает из нас это
будущее? -- спросил Дорн и ушел, не

оглядываясь.

* * *

--- Когда мы добрались до Усстваана-
пять, резня уже кончилась, --- продолжал
Восс. --- Мне так и не представилась
возможность попасть на поверхность, но
все пространство вокруг планеты было
забито обломками. Я видел, как они
проплывают мимо иллюминатора моего
отсека, еще теплые, догорающие за счет
оставшегося в них кислорода.

Дорн кивнул и с непроницаемым
лицом продолжил слушать рассказ
летописца. После возвращения из
обсерватории в примархе что-то
изменилось --- он будто начал возводить в
душе стену. Это напоминало Крүзү ворота
крепости, со скрипом закрывающиеся при
появлении врага. Если Восс тоже это
заметил, то не подал вида.

--- Сыны Хорүса пришли за нами.
Увидев их, я понял, что неверно

истолковал суть этой гражданской войны. -- Восс взглянул на Круза, и старый воин почувствовал внутри холодок. -- Металл цвета морской волны, отделанный бронзой и усеянный красными глазами с вертикальным зрачком. С некоторых доспехов сыпались комья засохшей крови. Еще там были головы, подвешенные на цепочках или прямо за волосы. От легионеров разило железом и кровью, и они велели идти с ними. Лишь одна из нас спросила почему. Я был бы рад исполнить ее имя, но в тот момент мне хотелось, чтобы она замолчала. Легионер подошел и вырвал ей руки, бросив тело корчиться на полу. После этого мы пошли с ними. -- Восс утолк; его глаза затуманились, словно вновь видели женщину, утирающую в луже собственной крови.

У Круза непроизвольно сжались кулаки, а в мозгу вспыхивали гневные вопросы: кто это был? Который из его бывших братьев совершил такое? Был ли это один из тех, кого он знал и любил когда-то? Ему вспомнился миг, когда он

узнал правду о людях, которых называл
своими братьями. «Прошое способно
ранить», — подумал старик. Он тихонько
вздохнул, освобождаясь от боли. Нужно
слушать! Здесь и сейчас от него требуется
именно это.

— С тобой было много летописцев? —
спросил Дорн.

— Да. — Восс вздрогнул. — Я убедил
других пойти со мной. Тех, кто согласился,
что наш долг — правдиво отражать
закатную эпоху. Всего — двадцать один
человек. Еще были другие, снятые с
кораблей легионов, продемонстрировавших,
кому они служат. — Восс облизал губы; в
его глазах снова появилось отсутствующее
выражение.

— Что с ними стало? — спросил Дорн.

— Нас привели в зал на «Духе
мщения». Однажды, давным-давно, я там
бывал. — Восс слегка покачал головой. — Но
теперь это было совсем другое место.
Обзорный экран по-прежнему глядел на
звезды, как огромный глаз, и стены,
сужаясь, все так же уходили вверх, во
тьму. Но с потолка на цепях свисало

нечто, иссохшие изуродованные существа, на которые было невозможно смотреть. Металлические стены увешаны рваными знаменами в темных пятнах. И жарко, словно в пещере у костра. В воздухе мерзко пахло горячим металлом и сырым мясом. Я увидел Сынов Хоруса, застывших в ожигании по одну сторону зала. А в центре стоял Хорус.

Мне кажется, я все еще надеялся увидеть перламутрово-белые доспехи, ланитию цвета слоновой кости и дружеское лицо. Я глядел на него, он — прямо на меня. Хотелось бежать, но я не мог, был не в силах даже вздохнуть. Просто смотрел на это лицо в обрамлении доспеха цвета океанского шторма. Он указал на меня и сказал:

«Всех, кроме этого». Его сыны сделали остальное.

Три секунды грохота и крови. Когда вновь стало тихо, я стоял на полу на четвереньках. Вокруг моих пальцев были лужи крови и растерзанное мясо. Единственное, о чем я мог думать, — это то, что Аскарис стояла рядом со мной. Я

почувствовал, как она взяла меня за руку перед началом стрельбы. -- Восс закрыл глаза, сцепив руки на коленях.

Круз понял, что не может отвести глаз от этих перепачканных чернилами рук, морщинистой кожи и пальцев, сцепленных и словно пытающихся удержать память.

-- Но тебя он оставил в живых, -- произнес Дорн ровно и размеренно, словно прозвучали удары молота о камень.

Восс поднял глаза и встретился с примархом взглядом.

-- О да! Хорус меня пощадил. Он подошел и навис надо мной; я ощущал его присутствие, сдерживаемую свирепость, словно жар из горна. «Посмотри на меня», -- велел он, и я повиновался. Он улыбнулся. «Я помню тебя, Соломон Восс, -- сказал он. -- Я очистил свои флоты от тебе подобных, но тебя оставляю. Никто не причинит тебе вреда, и ты увидишь все. -- Он растаял. -- Будешь летописцем!»

-- И что ты сделал? -- спросил Дорн.

-- Единственное, что мог. Стал летописцем. Я видел все кровопролития,

слышал слова ненависти, выдыхал запахи смерти и безрассудства. Полагаю, на какое-то время я впал в безумие. -- Вос тихо растаял. -- Но затем мне открылась правда этой эпохи, и я нашел истину, которую искал.

-- В чем же эта истина, летописец? -- поинтересовался Дорн, и Круз расслышал в его словах угрозу, опасную, как острое клинка.

Восс снова издал смешок, будто услышал дурацкий детский вопрос.

-- В том, что будущее мертво, Розал Дорн. Оно -- лишь прах, летящий по ветру.

Круз не успел моргнуть, как Дорн уже был на ногах и источал ярость, как розогенный жар. Старому воину пришлось заставить себя успокоиться, так как эмоции Дорна накрыли катеру, словно расползающаяся по небу гроздовая туча.

-- Ты лжешь! -- взревел примарх. Это был голос, повергавший в ужас целые армии.

Круз ждал, что за этим последует удар и от летописца останется лишь кусок окровавленной плоти на полу. Но

ничего подобного не произошло.

Восс лишь покачал головой. «Что же такое побудал этот человек, -- подумалось Крүзү, -- что гнев примарха для него не страшнее легкого ветерка?».

-- Я видел, во что превратился твой брат, -- сказал летописец, тщательно подбирая слова. -- Я смотрел в глаза твоему врагу. И знаю, что должно случиться.

-- Хорүс будет повержен, -- бросил Дорн.

-- Да, возможно. И все-таки я говорю правду. Будущее Империи разрушит не Хорүс, а ты, Розал Дорн. Ты и те, что стоят за тобой. -- Восс кивнул на Крүза.

Дорн нагнулся, чтобы смотреть мужчине прямо в глаза.

-- Когда эта война закончится, мы воссоздадим Империю.

-- Из чего, Розал Дорн? -- ухмыльнулся Восс. Крүз видел, что его слова бьют Дорна наотмашь. -- Оружие нашей Эпохи Тьмы -- молчание и тайны. Свет Имперской Истины -- вот идеал, за который ты сражался. Но больше не

можешь в него верить, а без веры идеалы
утрут, дружище.

--- Почему ты так говоришь? ---
прошипел Дорн.

--- Потому что я --- летописец и
отражаю правду времени. Новая эпоха не
желает слышать правду.

--- Я не боюсь правды!

--- Тогда пусть мои слова, --- Восс
похлопал по пергаменту, --- услышат все. Я
записал все, что видел; все трагические и
кровавые события.

Круз представил, как слова Соломона
Восса разлетаются по Империи
благодаря авторитету автора и силе
вложенного в них таланта. Это будет
подобно яду, растекающемуся по душам
противников Хоруса.

--- Ты лжешь, --- осторожно произнес
Дорн, прикрываясь словами, будто щитом.

--- Мы сидим в секретной крепости,
выстроенной из-за подозрительности, на
моей головой занесен меч, и ты говоришь,
что я лгу? --- Восс невесело рассмеялся.

Дорн глубоко вздохнул и отвернулся
от летописца.

--- Я полагаю, ты сам вынес себе приговор, --- примарх направился к двери.

Круз собирался последовать за ним, но Восс снова заговорил:

--- Полагаю, теперь я понял, почему твой брат оставил меня в живых, а затем позволил попасть к вам в руки. --- Остановившись в дверях, Дорн обернулся. Восс глядел на него с усталой улыбкой. --- Он знал, что его брат захочет спасти меня как сувенир из прошлого. И понимал, что после всего, что я видел, мне никогда не позволят выйти на свободу. --- Восс кивнул, улыбка исчезла с его лица. --- Он хотел, чтобы ты почувствовал, как прежние идеалы гибнут от твоих рук. Хотел, чтобы ты взглянул в глаза прошлому, прежде чем его убить. И чтобы ты понял, Рогал Дорн, что вы очень с ним похожи.

* * *

--- Принесите мои доспехи, --- велел

Розал Дорн, и из сѹтрака выскочили слѹзи в красных одеждах. Каждый нес часть золотых лат. Некоторые элементы были так велики и тяжелы, что их несли сразу несколько человек.

Дорн и Крѹз снова стояли в куполе обсерватории. Единственным освещением в просторном круглом помещении был свет звезд над их головами. Розал Дорн не произнес ни слова с того момента, как они оставили Восса в его камере. Крѹз в кои-то веки тоже не остеливался заговорить. Слова Восса его потрясли. Никаких безумных тирад или прославления величия Хорѹса! Все гораздо хуже. Слова летописца заполняли его, словно образующийся в воде лед. Старик боролся с ними, окружал стенами из собственной воли, но они продолжали терзать мозг. Что, если Восс говорил правду? Он задал, не окажется ли эта отравка настолько сильной, чтобы выжечь дѹшу притарха.

Дорн больше часа любовался на звезды, прежде чем приказать принести доспех. Как правило, ему помогали слѹзи, одежая в броню по частям. На этот раз

Дорн облачался сам, натягивая тугою
кожу адамантина поверх своей собственной
и оправляя свое каменное лицо в золотой
бюст войны, собственноручно себя
воссоздавший. Круз подумал, что Дорн
похож на человека, готовящегося к своему
последнему бою.

--- Его обманули, милорд, --- лязкнув
сказал Круз, и примарх, готовый сунуть
правую руку в латную перчатку,
серебряную с орлиными перьями, застыл. ---
Хорус прислал его сюда, чтобы ранить и
ослабить вас. Он сам признал это. Он
лжет!

--- Лжет? --- переспросил примарх.

Круз собрался с духом и задал вопрос,
который боялся задать с того самого
момента, как они покинули камеру Восса.

--- Вы боитесь, что он прав? И что
идеалы истины и просвещения мертвы?

Говоря это, он осознавал, что не
хочет знать ответ. Дорн сунул руку в
перчатку, и зажимы защелкнулись вокруг
его запястья. Он согнул закованные в
металл пальцы и взглянул на Круза. В его
глазах был холод, заставивший старого

война вспомнить лунный свет,
отражавшийся в волчьих глазах — там, во
траке прошлого, затерянного среди долгих
зилных ночей.

— Нет, Цактон Крүз, — ответил
Дорн. — Я боюсь, что их вообще никогда не
существовало.

Дверь камеры отворилась, впустив
мени Розала Дорна и Цактона Крүза.
Соломон Восс сидел за столом и глядел на
дверь, словно поджидая их. Его последняя
рукопись лежала рядом на столе. Дорн
вошел, и тусклый свет блеснул на
поверхности его доспеха. «Он похож на
ожившую статую из сверкающего
металла», — подумал Крүз. Шаги
примарха гүлко отдавались в тишине
камеры, сопровождаемые гүдением
световых сфер.

Крүз прикрыл за собой дверь и отошел
к стене. Он взялся за рукоять меча,
висевшего у него за спиной. Клинок с
тихим шорохом скользнул из ножен.
Созданное лучшими оружейниками из
команды Малькадора Сигиллита, регента

Серры, обоюдоострое лезвие было глиной с человеческий рост. А на посеребренной поверхности выгравированы вопящие лица, обвитые змеями и рыдающие кровавыми слезами. Меч носил имя Тусифона, в честь забытой богини мщения. Круз опустил оружие острием в пол, держа его за рукоять, находившуюся на уровне его лица.

Восс взглянул на облаченного в доспехи Рогала Дорна и кивнул.

— Я готов, — сказал летописец и встал, опираясь на тощел теле одежду и приглаживая волосы. Он посмотрел на Круза. — Итак, настал твой час, серый наблюдатель? Меч заждался меня.

— Нет, — прозвучал голос Дорна. — Твоим палачом буду я. — Он повернулся к Крузу и протянул руку. — Твой меч, Цактон Круз.

Круз посмотрел в лицо притарху. В глазах Дорна стояла невыносимая боль, спрятанная за стенами из камня и стали, но проглянувшая на миг сквозь трещину в этих стенах.

Круз склонил голову в поклоне, ибо

так он не видел лицо Дорна, и погас меч, уходя вперед. Дорн принял оружие, и оно словно уменьшилось, сделалось легче, упав в его руки. Он занес клинок над Соломоном Воссом. Силовое поле меча активировалось, треща заключенными в нем молниями. Мерцающее сияние, исходящее от клинка, отбрасывало на лица мертвенно-белый свет и скотканные тени.

— Удачи, дружище, — сказал Соломон Восс и не отвел взгляда, пока меч опускался.

Рогал Дорн немного постоял. К его ногам стекала кровь. В камере было тихо. Затем примарх подошел к самотельному столу, на котором лежала аккуратная стопка пергамента. Щелчок, и силовое поле, окутывавшее лезвие, погасло. Острием отключенного меча Дорн перевернул страницу, медленно, будто касаясь ядовитой змеи. Его глаза скользнули по одной из строчек. «Я видел будущее, и оно мертво», — гласила она.

Он выпустил из рук меч, со звоном упавший на пол, и пошел к двери. Открыв

ее, оглянүлся на Круза и кивнүл на пергамент и труп, лежавший на полу, приказал:

--- Все сжечь!

Крис Райт

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Понятия не имею, как долго я был без сознания. Хотя должен бы: моя улучшенная память и каталептическая функция должны были сохранить хоть что-нибудь, но там пусто.

Предположительно, это часть процесса. Они хотят вызвать сомнения, заставить спрашивать себя, почему я здесь. Если так, то они преуспели. Полная неспособность что-либо вспомнить терзает мой мозг. Мне не нравится не знать. Ощущение такое, будто я очень долго слишком многого не знал.

Но я жив, и мои сердца бьются. А это уже что-то. С того момента, как я пришел в себя, у меня была пара-другая минут, чтобы подумать над своим положением. Тоже полезно, но это, без сомнения, тоже часть некоего плана.

Я пробегаюсь по главному --- физическим аспектам моего

затруднительного положения, чтобы
занять мозг механической работой. Делая
это, я чувствую, как уровень ментальной
готовности возвращается.

Я сижу на стуле. Голый. Мои
запястья, лодыжки, шея и грудь обхвачены
железными кольцами.

Нет, не железнymi — их я смог бы
разорвать. Но это нечто столь же грубое
и неприятное.

Освещения почти нет. Свои
конечности я могу слутно различить, но
не более того. Дышится легко, но в
расплавленной грудной клетке
чувствуется застарелая боль. Мое второе
сердце еще бьется, свидетельствуя о том,
что я восстанавливаюсь после тяжелой
травмы или истощения. Каких-либо
серьезных ран я не чувствую, хотя полно
синяков и ссадин, и это подтверждает,
что недавно я побывал в переделке.

Мыслезрения у меня нет. Никаких
душ поблизости не чувствую. Впервые со
дня поступления в легион я вспоминаю,
что это такое — остаться наедине со
своими мыслями. Поначалу это на

удивление приятно, будто вернулся в пору счастливого детства.

Но комфорт недолгий, поскольку мои физические ощущения не настолько изувечены. Когда тело привыкает к новым способностям, я понимаю, что не один. В помещении со мной есть кто-то еще, невидимый во мраке. Я его не вижу, но чувствую запах и слышу звуки. На его руках кровь, и от этого воздух в тесной комнате становится резким и неприятным. Он дышит неровно, будто загнанный зверь.

В данный момент это все, что я чувствую. Еще какое-то время мы сидим молча, и я пытаюсь вспомнить события, предшествовавшие этому моменту, которые возвращаются очень медленно, отдельными фрагментами.

Некто долго молчит, а когда наконец начинает говорить, его голос повергает меня в изумление. Это внушительный, срыва сдерживаемой свирепостью, влажный горловой рык, обволакивающий слова и выделяющий каждое из них, будто отмеренную порцию острой угрозы. Я

подозреваю, что мне не по себе не от слов,
а от манеры речи моего дознавателя.

Итак, вопрос начинается, как всегда
и везде, с момента зарождения
организованной жестокости.

--- Назови свое имя и название роты, ---
говорит он.

И на миг, на один страшный миг я
понимаю, что не могу этого вспомнить.

Беззвучно, с погашенными ходовыми
огнями «Геометрический» вошел на
высокую орбиту. Планета, оставшаяся в
двух сотнях километров ниже, была почти
так же темна --- черная, словно пустота, с
ослепительно красными прожилками там,
где лава, а может, пожары обжигали ее
кору.

Брат-капитан Менес Каллистон ---
стоял на мостике эсминца и наблюдал за
сближением в окуляры реального
пространства. Он был в боевом доспехе, но
с непокрытой головой. Его темные глаза
неотрывно следили за изогнутым краем
планеты, заполнявшим теперь большую
часть плексигласовых экранов над головой.

Грубоватое скуластое лицо было по
обыкновенно неподвижным. Его делил
нагвое тонкий патрицианский нос. Кожа
казалась высохшей, как старый пергамент,
волосы цвета жженой умбры очень коротко
острижены. Правый висок украшала
единственная татуировка ---
стилизованное изображение совы, знак
Атенеиской култовой дисциплины.

Сверкающий доспех капитана был
глубокого красного цвета, с бело-золотыми
наплечниками и нанесенными на них
значками и номером Четвертого
братства Пятнадцатого легиона
Астартес, легиона Тысячи Сынов.

Пока он стоял в задумчивости, к нему
присоединилась еще одна фигура. Вновь
прибывший был коренастее, ниже ростом,
шире в кости, а черты ближе к
усредненному облику костодесантника ---
бычья шея, квадратная челюсть, горы
тугих мышц на крепких костях.
Возможно, он был моложе первого, но из-за
причуд генного формирования об этом
трудно судить наверняка.

--- Сигналов противника нет? ---

спросил Каллистон, не оборачиваясь.

--- Никаких, --- заверил брат-сержант Ревюэл Арвуда.

--- И ты ничего не провидишь?

Арвуда, который был Корвидом, печально улыбнулся.

--- Теперь это не так просто, как прежде.

Каллистон кивнул.

--- Да. Не так.

Слева от Каллистона на пульте управления зателькали руны. Над пультом появился гололит --- вращающаяся сфера с предварительно рассчитанными траекториями снижения в атмосфере.

--- Спускаемый модуль готов, капитан, --- сообщил Арвуда. --- Можете начать, когда вам будет угодно.

--- А ты все еще не уверен, что нам нужно это делать.

--- Вы же знаете, что нет.

Только теперь Каллистон отвернулся от экранов и взглянул в глаза своему подчиненному.

--- Ты понадобишься мне внизу, --- сказал он. --- Меня не волнует, что говорят

авзұры, но там бүдет опасно. Поэтомү,
если твои сердца не лежат к этomu, скажи
мне сейчас.

Арвуда спокойно выдержал его взглад.
Но губам скользнула тень улыбки.

— Значит, я могу выбирать, в каких
операциях үчаствовать?

— Я бы не хотел заставлять тебя
үчаствовать именно в этой.

Арвуда покачал головой:

— Так не пойдем! Раз вы идете,
значит, и я с вами, и все мое отделение.
Во всяком случае, их вам үдалось убедить.

— Их не нүжно было особо убеждать.

— Вокруг полно загадок, и я не
понимаю, как наше появление здесь
поможет их разрешить.

Каллистон позволил мени
раздражения скользнуть по сүровому лицу.

— Нүжно же с чего-нибудь начать.

— Я знаю. И, как үже сказал, если вы
үверены в этом, то я с вами. Можете не
сомневаться.

Каллистон снова взглянул в окуляры
реального пространства. Планету
окүтывала аура смерти, это было бы

очевидно даже для большинства смертных, нечувствительных к варну. Промежутки между потоками огня были черны, словно провалы шахт, уходящие в никуда. Что-то грандиозное и ужасное свершилось здесь, и отголоски этого были еще слышны.

— Я уверен, брат, — твердо произнес он. — Нам сохранили жизнь не просто так, и это дает кое-какие преимущества. Мы высадимся на ночной стороне планеты.

Его темные глаза прищурились, пристально взглядываясь в данное крупным планом изображение полушария планеты. Казалось, что он пытается воскресить видение чего-то давно ушедшего и безвозвратно погибшего.

— Нам приказали улетать меньше чем полгода назад, — сказал он, на этот раз самому себе. — Трон, Просперо изменился.

* * *

— Менес Каллистон, капитан,

Четвертое братство, Тысяча Сынов.

Я вспоминаю это через пару секунд, и слова быстро слетают с моих пересохших губ. Полагаю, именно это и нужно говорить — имя, звание, порядковый номер.

Может, больше ничего не следовало говорить, хотя я испытываю странное нежелание молчать. Вероятно, мне ввели в кровь сыворотку правды, но я в этом сомневаюсь. Не вижу причины, почему бы мне поболтать немножко. В конце концов, я понятия не имею, ни почему я здесь, ни что происходит, ни сколько мне осталось жить.

— Что ты делаешь на Проспекто? — спрашивает он.

— Я мог бы спросить тебя о том же самом.

— Мог бы. А я мог бы тебя убить.

Мне кажется, ему хочется меня убить. В его голосе есть нечто, оттенок вождизма, который об этом говорит. Но он сдерживается. Полагаю, это некто из жандармерии. Трудно не узнать такой голос, перекатывающийся в усиленных легких, обвешанной мышцами глотке и

огромной бочкообразной груди, как вода по мельничному колесу.

Значит, мы в некотором роде братья.

--- Что тебе известно о разрушении этой планеты? --- спрашивает он.

Пока он не повышает голоса. Говорит осторожно, держа рвущуюся из него волну жестокости под контролем. Но, чтобы прорвать плотину, много усилий не потребуется.

--- Нам приказали покинуть орбиту шесть месяцев назад, --- отвечаю я. Похоже, самое лучшее --- говорить правду, во всяком случае сейчас. --- Некоторые пытались возражать, но не я. Я никогда не сомневался в приказах моего притарха. Позже, когда не смогли установить связь, мы поняли, что что-то не так.

--- Насколько позже?

--- Недели спустя. Мы были в варне.

--- Почему вы сразу не вернулись?

Ах да! Я много раз спрашивал себя об этом. С каждым новым вопросом я вспоминаю все больше. Однако так и не могу вспомнить, что привело меня сюда. Полная пустота, будто прошлое скрыто

под железной маской. Создать ее --- настоящее искусство, которым нелегко овладеть. Я осознаю силу тех, кто взял меня в плен.

--- Я хотел. Другие --- нет. Мы пытались установить связь через астронавтов, но всякий раз наши коды оказывались неверными. Вскоре после этого наши корабли подверглись нападению. Полагаю, это были вы или ваши союзники.

Верна ли моя догадка? Приближаюсь ли я к истине? Мой дознаватель молчит. Только запах крови и частое, жаркое дыхание во мраке.

--- Много ли вас уцелело?

--- Не знаю. Единственный вариант был рассредоточиться.

--- Значит, ваш корабль прибыл сюда в одиночку.

--- Да.

Может, ответить более уклончиво? Я действительно не знаю. У меня нет ни плана, ни цели. Ничто из той информации, что я ему дал, не представляется мне важным. Вероятно,

все было бы иначе, сумею я вспомнить обстоятельства своего пленения.

Мой мысленный взор по-прежнему окутан тьмой. То, что я ограничен пятью чувствами, данными от рождения, начинает выводить меня из себя. Тут я понимаю, что если отказаться от попыток, станет хуже. Не знаю, навсегда ли это, особенность ли помещения либо временные последствия ранения. Будучи атенейцем, я привык воспринимать ментальные образы людей, мерцающие за их лицами, словно свеча, горящая за занавеской.

Я плохо переношу их отсутствие. Из-за этого мне хочется говорить, искать какой-нибудь способ заполнить пустоту. В любом случае мне не нужны экстрасенсорные способности, чтобы почувствовать, насколько опасен мой дознаватель. В нем таится какая-то невероятная способность к ярости, физическому насилию, и он едва держит себя в руках. Я смогу воспользоваться этим, либо моя жизнь в смертельной опасности.

— Даже если так, вы слишком долго
возвращались, — замечает он.

— Нас задержали варп-штормы. Через
них месяцами не удавалось пробиться.

Тут мой дознаватель застонал —
жутковатый звук, словно его голосовые
связки рвутся на части.

— Так оно и было. Наверняка ты
знаешь, что стало их причиной.

Я чувствую, как он подается вперед.
Ничего не видно, но дыхание
приближается. В голове возникает
мысленный образ глинной зубастой пасти с
черным, вываленным наружу языком, хотя
я понятия не имею, насколько он верен.

— Ты святой или проклятый, раз
сумел пройти через все это, — говорит он,
и я чувствую, как он рад, что моя судьба в
его руках. — Мне еще предстоит
выяснить, кто именно, но к этому мы
скоро вернемся.

Ранее...

В трюме не осталось «Грозовых
птиц», а «Грозовых ястребов» на
«Геометрическом» никогда не было.

поэтому десантироваться им предстояло в грузовом модуле. От экипажа эсминца сохранился лишь основной костяк — парасомен смертных, из которых часть все еще донашивали форму Стражников Шнилей. В былые времена, готовя десантную капсулу, они смотрели бы на своих повелителей, Легионес Астартес, с благоговением, но события последних месяцев пошатнули устои. Они своими глазами видели уничтожение Просперо, и это сокрушило остатки силы духа, еще жившей в них.

Вероятно, когда началось разрушение планеты, у многих там оставались семьи. Каллистон знал, что они важны для смертных. Сам он уже не мог припомнить, каково это — считать подобные вещи значимыми, но тоже ощущал утрату, правда, иного рода.

Запущенный транспортник неуклюже летел вниз в сгущающейся атмосфере, реагируя на команды пилота, словно чересчур норовистый конь. Пульт управления не был рассчитан на огромные руки костодесантника, а в воздухе

носились тучи непла, поднятого с
выжженных равнин остатками свирепых
бурь, бушевавших над континентом.

Транспортник тяжело ударился о
поверхность планеты, встряхнув свой
экипаж, запертый в фиксирующих клетях,
пока тормозные двигатели гасили
инерцию падения. Никто из воинов
отделения не сказал ни слова. Клетки с
шумом распахнулись, выпуская их наружу,
чтобы разобрать оружие. Каллистон,
Арвида и остальные боевые братья
надежно закрепили в магнитных
держателях болтеры и силовые клинки, и
задние двери отсека широко раскрылись.

В грузовой отсек ворвался воздух
Просперо. Сквозь дыхательный аппарат
шлема Каллистон ощутил жар, словно из
гоменной печи. Воздух был еще горячим и
имел горький привкус из-за примеси пыли с
развалин.

Спустилась ночь. Небо было черно-
красным, как запекшаяся на ране кровь, с
неряшливыми клочьями теней на месте
проплывающих пыльных облаков. Повсюду
на фоне линии горизонта виднелись

разрушенные здания, остовы библиотек и хранилищ, арсеналов и исследовательских станций. Стояла мертвая тишина, если не считать стихающий гул спаренных двигателей посадочного модуля и легкий шелест горячего ветра.

Каллистон спустился по рампе первым. Едва он сошел с нее, под ногой захрустело. Он посмотрел под ноги. Земля Просперо блестела: она была усыпана слоем битого стекла, глубоким и рыхлым, как свежавывавший снег.

Когда-то здесь повсюду было стекло. Пирамиды, библиотеки, галереи. Теперь все обратилось в прах.

— Прочесать местность, — приказал Каллистон по воксу. — Держите оружие наготове. Точка сбора — Алеф.

Оставшиеся космогесантники медленно двинулись в разные стороны от места высадки. Два воина, пилотировавшие модуль во время полета, остались охранять его, расположившись у конца рампы под прикрытием хвостовой части фюзеляжа. Остальные семеро опустили болтеры и, стараясь двигаться

как можно тише, зашагали по сверкающей
стеклянной пыли. Они выстроились
полукругом, и каждый брат направился к
одному из зданий, видневшихся впереди.
Воины держались примерно в сотне
метров друг от друга, растянувшись в
широкую цепь. Они принялись методично
прочесывать лежащие перед ними
пустынные улицы.

Каллистон движением век щелкнул
по руне, переключая линзы в режим ночного
видения. Воздух вокруг наполнился
мерцанием разноцветных контуров. Там
не было ни рун целеуказания, ни данных о
жизненных показателях, ни
предупреждений о приближении. Огни
пустые остовы разрушенных зданий
таячили перед ним в горячем тарае.

Никто не болтал по системе связи.
Боевые братья шли вперед в
почтительном молчании. Они ступали по
останкам своего родного мира. Каллистон
чуть приподнял голову, разглядывая
выступивший из темноты высокий
металлический стержень. Он был более
сотни метров в высоту, но тонкий, будто

обгоревший древесный ствол. Когда-то он поддерживал более высокое строение, а теперь покачивался в одиночестве, один из немногих уцелевших в огненных бурях, бушевавших в Тизке.

Город Света. Родина нашего народа.

--- Вы что-нибудь нашли, брат-капитан? --- донесся голос Арвиды по закрытому каналу связи.

Арвида шел чуть впереди и немного в стороне от остальных. Во время другой операции Каллистон, возможно, сделал бы ему замечание.

--- Ответ отрицательный, --- ответил капитан, стараясь лишить свой голос любых эмоций. Даже на расстоянии в сотню метров он чувствовал скептицизм Арвиды. Здесь, на Просперо, способность Каллистона к чтению мыслей вновь достигла своего пика, и настроение каждого воина отряда было для него очевидно.

--- Здесь, наверное, уже ничего не осталось, --- сказал Арвида.

--- Возможно.

--- И сколько мы будем искать?

--- Это решу я. Побереги силы для охоты, брат.

Каллистон отключил связь.

Отряд двигался дальше, углубляясь в разрушенный город. Темнота цеплялась за подножия рухнувших стен, просачивалась по приотлокавшим обожженным плазменными зарядами дверных проемов, ведущих в никуда.

Каллистон почувствовал, как под его башмаком что-то хрустнуло, и посмотрел вниз. Там лежала грудная клетка, раздавленная его тяжелым сапогом --- хрупкая и черная, как уголь. Она была слишком маленькой, чтобы принадлежать взрослому...

Он оглядел улицу. Впереди она была усыяна костями, судя по размеру, человеческими.

На дисплее его шлема что-то мелькнуло. Каллистон мгновенно насторожился, хотя сигнал, ругающий опасности на самой границе дальности детектора в его доспехах, исчез так же быстро, как появился.

--- Капитан, --- позвал по voxу Фарет.

один из воинов его подразделения. ---
Думаю, вы захотите взглянуть на это.

Каллистон щелчком подтвердил свое согласие. Рана опасности на его дисплее больше не появлялась. Возможно, ошибка прибора или какая-нибудь неисправность авгуров дальнего действия, встроенных в доспех.

И то и другое было маловероятно. Каллистон снял болтер с предохранителя и двинулся в сторону отметки, обозначающей фарета, по-прежнему оставаясь наготове. Он прекрасно сознавал опасность, равно как и возможности.

На Просперио был еще кто-то живой.

--- И что же ты почувствовал, увидев уничтожение родного мира?

Вопрос меня удивляет. Какая разница, что я вообще чувствую? Если бы этот вопрос вел один из тех, кто захватил планету, я мог бы ожидать расспросов о местонахождении остатков моего легиона, о силах уцелевших --- о том, что, по крайней мере, имеет отношение к военному делу.

Но этот вопрос какой-то странный. У меня такое ощущение, что я здесь не рад информации, которую способен дать. Нет, поэтому невидимому дознавателю нужно нечто другое.

--- Неудобство, --- отвечаю я. --- Но не более того. Мы примерно представляли то, что увидим. Мой сержант-провидец предупредил нас о том, что произошло, в самых общих чертах.

Упомянув Арвиду, я загадаю, жив ли он. Быть может, его тоже допрашивают сейчас в такой же комнате, или он лежит мертвый в стеклянной пыли города.

--- Неудобство?

Кажется, это слово раздражает дознавателя --- его дыхание становится неровным.

--- Вы были слабаками, --- говорит он грубо и обвиняюще. --- Вы вернулись сюда, как гнусные трофейщики, чтобы подбирать жалкие крохи того, что сами позволили уничтожить. Будь это мой мир, я ни за что не покинул бы его и убил бы любого, кто постел приблизиться к нему. И пропаги пропагом все приказы

моего примарха! Вы оказались слабыми, капитан Каллистон. Слабыми!

Он подчеркивает это слово, будто плюется им. Я чувствую, как его тело пригвиздывается ближе. Теперь силуэт вырисовывается во тьме, у самого стула. Мое лицо обдает дыхание, жаркое и едкое, как у собаки.

— Если бы мы знали... — начинаю я, пытаясь оправдываться. Не понимаю, почему я чувствую настоящую потребность сделать это. Не имеет значения, что этот дознаватель думает обо мне, поскольку моя совесть чиста.

— Если бы вы знали! — ревет он, прерывая мои робкие попытки и обдавая лицо брызгами слюны. На мгновение мне кажется, что он впал в ярость, но потом я понимаю, что дознаватель смеется. — Только послушай, что ты несешь, легионер Тысячи Сынов! Вы всегда были такими самодовольными, расхаживая по тирам, завоеванным доблестью других легионов, и упиваясь своим высшим пониманием того, что мы нашли для вас. Грязная военная работа была не для вас. О нет! За вас ее

всегда делали другие воины, рисковавшие жизнью в сражениях, чтобы вы могли часами просиживать в своих библиотеках. Вы хоть догадывались, как мы вас презирали?

— Мы прекрасно знали об этом, — говорю я.

Это правда — мы действительно знали, насколько наши братья не доверяют нам, и поэтому из всех сил старались их не провоцировать. Он не прав, говоря, что мы похвалялись своим высшим знанием. Напротив, мы скрывали его и пытались продемонстрировать как можно реже. Выходит, и инстинктивное поведение можно истолковать превратно.

— Знали?! Вы могли бы сражаться как воины, а не заниматься колдовством. У вас был выбор. Я не понимаю!

Был ли у нас выбор? Просперо являлся тиром, пропитанным психическими возможностями Великого Океана. К добру или нет, но это коснулось всех. Я не думаю, что мы могли отказаться от возможностей, которые это открывало, даже зная, что другим легионам сие не по

вкүсү.

В конечном счете, этот вопрос лишен смысла. Мы сделали то, что сделали, и никакая сила во Вселенной не может изменить прошлое.

--- Мы сражались, --- отвечаю я, вспоминая покорение Сороконүта, когда сам Магнүс вел нас в битву. Он был великоленен, неүдержим, как Рүсс или Лоргар --- любимый сын Императора в каждом шаге. --- Мы сыграли свою роль.

--- Теперь этому конец, --- парирүет той оппонент с жестоким удовлетворением. --- Ваша роль действительно сыграна. Ваши пиратиды разрушены. А вашему үблюдкү-притархү свернүли шею.

Он ненавидит нас, и эта ненависть не стала слабее после үнижения моего легиона. Может, поэтому он и притащил меня сюда. Чтобы позлорадствовать. Мое мышление начинает проясняться, и я чувствую ужасную неүдовлетворенность, кипящую в моем дознавателе. Его оставили здесь, в то время как остальные отправились покорять другие миры. Это

одна из причин его гнева. Скоро он выплеснет его на меня.

Но я не могу поверить, что эта причина единственная. Теперь я понимаю, как мало мне известно. Почему был уничтожен Просперо? Что именно навлекло на нас такую участь? Это незнание мучительнее всего, что уготовано мне дознавателем. Умереть, так и не узнав правду, будет самым постыдным из всех возможных исходов, который лишь докажет, что Арвидга правильно сомневался насчет возвращения.

Могу ли я использовать неуравновешенность моего дознавателя? Не выдаст ли он тайну, если я стану побуждать его к этому? Опасный путь! Его сдерживаемый гнев сродни ярости дикого зверя — свирепой и безрассудной. С другой стороны, мне нечего терять. Мой легион рассеян, примарх пропал, родной мир превращен в безжизненный каменный шар. Мне бы хотелось получить хотя бы часть ответов на вопросы, прежде чем он утратит контроль над бушующим в нем пламенем и прекратит наш разговор.

— Магнус жив, — говорю я. — Если бы он умер, я бы знал. Мы вернулись сюда именно потому, что надеялись его найти. Похоже, тебе известно все и про нас, и про то, что случилось с планетой. Ты намекаешь на то, о чем я могу лишь догадываться. Поскольку тебе известно много, а мне мало, может, мне стоит задавать тебе вопросы?

В почти полной темноте я замечаю лишь мгновенную грязно-серую вспышку. Вылетевшая из тьмы латная перчатка хватается меня за горло. Пальцы сжимаются, причиняя боль, как раз между подбородком и стальным ошейником, удерживающим мою голову.

— Ты для меня добыча, изменник, — кровожадно рычит голос. — И ничего более! Если забудешь об этом, умрешь мучительной смертью.

Эта угроза не многого стоит. Однако, пытаясь вздохнуть, я понимаю кое-что другое. Силы, черпаемые мною из эфира, возвращаются. Конечно, они пока еще малы, но потихоньку вливаются в меня вполутьме. Быть может, он знает об

этом, а может, и нет. В любом случае, теперь передо мной забрезжила надежда. Чем дольше все это продлится, тем сильнее я стану. И, возможно, стану достаточно сильным, чтобы порвать оковы.

Лишенные гара воины всегда недооценивали возможности разума. Несомненно, потому что мы, наделенные этим даром, никогда не любили пользоваться им без крайней необходимости.

Дознаватель разжимает кулак, и я жадно глотаю пахнувший кровью воздух. Он отодвигается, хотя я продолжаю чувствовать его возбуждение. С трудом сдерживаю ярость, словно голодного зверя, рвущегося с ненадежного поводка.

— Сколько человек было в твоём отряде? — спрашивает он, с трудом беря себя в руки.

Это хорошо. Надеюсь, у него ещё много таких вопросов. Я буду подробно отвечать на каждый из них, дожидаясь, когда способность повелевать эфиром возвратится.

— Деять, — говорю я, и хотя голос мой звучит угрюмо и зло, в душе разгорается предвкушение того, что должно случиться. — Нас было деять.

Ранее

Когда Каллистон подошел, Фарет сидел на корточках у подножия колонны. Она переломилась на высоте около двух метров, усеяв камнями все вокруг. Впереди виднелись развалины других сооружений, от некоторых остались лишь раскачивающиеся над глубокими воронками балки.

— Что у тебя? — спросил Каллистон, тоже опускаясь на корточки. Фарет молча указал на землю.

Среди оплавленных камней лежала перчатка. Каллистон поднял ее и повертел, разглядывая на свету. Свинцового цвета, она была готова развалиться на куски. Перчатка явно от силового доспеха Астартес, ни один смертный не смог бы носить такую шутку. Двух пальцев не доставало, и оставшиеся на их месте обрубки почернели

от копоти. На тыльной стороне ладони, там, где основная кератимовая пластина защищала кулак воина, была вырезана руна. Исполнение искусное. Даже Каллистон, который не являлся знатоком мастерства ремесленников, мог оценить его тщательность и кропотливость.

— Кто из наших братьев использует такие руны? — спросил он сам себя.

Он вновь мысленно вернулся к нападению на Сороконут, название, которое его легион дал Заливу Ковчеза Секундус. Именно там произошло первое столкновение Магнуса и Рюсса из-за сохранения библиотек авенианцев. Страшный день! Каллистон был там, когда Король Волков вихрем пронесся по мощеной дороге. В его глазах светилось бешенство, и тогда казалось — еще немного, и костодесантники начнут сражаться друг с другом. Он постиг подлинное величие Волков Фенриса, ужасающую силу, заключенную в их подчиненных одной-единственной цели телах. Да, их удалось на время остановить при помощи колдовства, но в

конце концов и эта презрага была бы сломлена. Они продолжали бы наступать, не обращая внимания на потери и не достигая цель, как снаряд, пущенный из ствола орудия.

Безжалостность — сила, которую, однажды выпустив на волю, уже не остановить.

— Это их работа, — сказал Фарет. Его юный голос осип от волнения. — Волков Фенриса.

Каллистон поднялся, не отрывая глаз от перчатки.

Они всегда были главными подозреваемыми. Все знали о вражде между Магнусом и Руссом, равно как и о склонности Волков к внезапной и неконтролируемой жестокости. Поговаривали, что сяд на Никее был устроен по наущению Русса. Ненависть Короля Волков к колдовству стала поводом для этого, и теперь, похоже, он дал волю своей нетерпимости.

Но как можно остелиться на такое? Неужели Русс превратился в мерзавца и впал в варварство, погубившее его

жестокую душу? Или это деяние было санкционировано свыше?

Чем больше Каллистон смотрел на перчатку, взглядываясь в единственную рану, выгравированную на керамитовой пластине, тем больше вопросов теснилось в его голове. Одно дело -- узнать, кто был преступником, и совсем другое -- понять причины его поступка.

-- Капитан, -- позвал по воксу Арвидга, нарушая ход мыслей Каллистона. -- Доказательства. Тут есть следы косто...

-- Знаю, -- смертельно уставшим голосом ответил Каллистон. -- Псы Рүсса.

-- Фрагменты доспехов, -- подтвердил Арвидга. -- И еще они тут нацарапали на стенах всякое. Кое-что... неpotребное.

Каллистон почувствовал, как в нем шевельнулась злость. Они просто звери, эти Волки! Такие же дикие убийцы, как зеленокожие. Он никогда не понимал, что им делать в Великом крестовом походе. Разве что губить репутацию просвещенного человечества и подрывать идею Единства. Хуже них только берсерки

Ангрона. Но тех взял под свое крыло магистр войны, а для Волков Фенриса не нашлось столь же разумной сильной руки, чтобы удерживать их в цивилизованных рамках. Похоже, они окончательно утратили последние остатки самообладания.

--- Чем дальше, тем знаков будет больше, --- ответил Каллистон, обращаясь ко всему отряду сразу по общему каналу. --- Следуйте к Пиратиде Фомена, там перегруппируемся.

Фарет сразу двинулся дальше, но Арвидга перешел на вокс-связь.

--- Волки, возможно, еще на планете, --- предостерег он. --- В этой зоне целей не обнаружено?

--- Я ничего не вижу, --- бросил Каллистон, выдавая свое раздражение. Арвидга лишь выполнял свою работу, но частицы скептицизма, источника сержантом, проникали капитану в душу. --- Двигается к...

Не успел он договорить, как голова и плечи Фарета исчезли в облаке из обломков доспехов, костей и крови. Над

улицей раскатилось грохочущее эхо залпа из тяжелых орудий, сопровождаемое сухой потрескотней болтерного огня.

Каллистон метнулся за колонну, чувствуя, как содрогается камень под ударами реактивных снарядов, пробивающих его насквозь. Он отполз назад, подальше от огненного шторма, под прикрытие более надежного куска стены. Вокруг рвались снаряды, вздымая в воздухе сверкающие стеклянные волны.

По каналам связи донеслись предостерегающие крики и звуки редкого болтерного огня. Весь его отряд угодили под обстрел. Еще две раны с жизненными показателями погасли на дисплее его шлема.

Трон, откуда они взялись?

--- Сильный обстрел! --- голожил Орфиг, находившийся в двухстах метрах от него. --- Вижу множественные...

Его сигнал угрожал и погас, лишь статическое электричество потрескивало на канале связи.

--- Все ко мне! --- приказал Каллистон, быстро оглядываясь по сторонам и

пытаясь наскоро оценить местность. Среди разрушенных зданий было полно мест для укрытия, но ни одно из них не выдержало бы массированной атаки. --- Всем отойти ко мне! Повторяю, всем отойти ко мне!

Он рискнул выглянуть через пролом в стене, стараясь держать голову в шлеме как можно ниже. На дисплее по-прежнему не было никаких указателей цели, но ауспики могли и заклинить.

Через две сотни метров, в дальнем конце пустынной улицы, он впервые заметил какое-то движение. Что-то светло-серое стремительно телькало среди укрытий, пригибаясь к земле. Не узнать этот силуэт было невозможно --- силовой доспех кастогазантника. Других Каллистон не видел, но знал, что они должны быть. По счетчику боеприпасов он удостоверился, что магазин на месте и заполнен до отказа. Его сердца начали выстукивать тот ровный, мерный ритм, который всегда предшествовал сражению. Кожа начала привычно покалывать --- это стимуляторы пошли в кровоток.

нибүдь на Просперо, может, и сам притарх.
Мы понимали, что это маловероятно, но
были и другие причины, как ты говоришь,
«пошнырять среди развалин».

Повисает небольшая пауза,
размеренное дыхание дознавателя
затирает буквально на миг.

— Другие причины?

Я решаю продолжать говорить,
цепляясь за правду. В любом случае вопрос
скоро закончится.

— Просперо был грандиознейшим
хранилищем знаний среди всех миров,
населенных людьми, — говорю я, даже не
пытаясь скрыть свою гордость. — Здесь
находились библиотеки, которыми
позавидовала бы и Терра. В наших
сокровищницах хранились секреты,
которые даже мы не успели до конца
разгадать. Пока вы плавали по звездным
морям, калеча и грабя, мы учились.

Говоря это, я вспоминаю, как эти
же самые слова доказывал Арвиде
разумность возвращения домой. Он слушал
так же внимательно, как мой дознаватель
теперь.

— Ты говоришь о колдовстве, — говорю
я и отваживаюсь на чуть большее. — Но
ты ничего об этом не знаешь. В Великом
Океане есть тонкие материи, постичь
которые способны только мы. Мы могли
смотреть в самые глубины варпа и
понимать его сущность. Мы тельком
заглядывали в будущее и видели
возможности столь изумительные, что
нельзя описать словами.

Я начинаю возбуждаться. Вспоминаю
устройства, которые мы использовали для
обучения, исследований, исцеления, —
огромный потенциал! Мы были как дети,
попавшие в страну чудес, и наши глаза
сияли отраженной славой других.

— Я думал, что, если хоть что-
нибудь из вещей уцелело, мы могли бы
вернуть их себе. Если судьбой нам
предназначено быть изгнанными отсюда,
мы могли воспользоваться хоть чем-то из
накопленного.

— Вы что-нибудь нашли?

Он по-прежнему нетерпелив и
жаждет информации. Но теперь в его
голосе нет нагнетания, ее сменило нечто

вроде необходимости. Наверное, он даже не представляет, что я вижу его насквозь. Странно, что он оказался таким нестойким. Я всегда думал, что Волки более уверены в себе.

--- Нет, --- говорю я, как можно безжалостнее разбивая его надежды. --- У нас не было времени. И я в любом случае сомневаюсь, чтобы что-то могло уцелеть в том аду, который вы устроили. Все разрушили! Знай мы, что за этим побоищем стоите вы, ничего другого и не ожидали бы. Вы --- тясники, психопаты, садисты, дебилы, хушние из...

Я знаю, что делаю. Его психология все больше раскрывается передо мной. Я возбуждаю в нем надежду и уничтожаю ее. Я чувствую слабость его разума и наношу удар по самому больному месту.

Я утолкаю лишь после того, как кулак врежется в мою челюсть. Хотя я и приучен к физической боли, от удара темнеет в глазах. Его движения быстрые, намного быстрее моих. Я чувствую, как дерогится моя челюсть, а откинувшаяся назад голова бьется о железную спинку

стұла. Вспыхивает боль, горячая и
слепящая. Затем еще одна вспышка
мучительной боли, разливающейся по
лицу.

--- Ты ничего не знаешь про нас! ---
шепчет он, мгновенно обезумев от ярости.

Оглушенный, я понимаю, что
выпустил на свободу что-то очень важное,
и внутри у меня все сжимается.

Он бьет меня снова, уже другой рукой,
и моя голова судорожно дергается в оковах.
Слабые остатки зрения исчезают, глаза
заволакивает пятнистая багрово-черная
пелена. Что-то еще --- ботинок? ---
вонзается в мою обнаженную грудь, ломая
сращенные в щит ребра и вливая осколки
внутрь.

--- Ничего! --- рычит он, и целый
фонтан слюны брызжет на мои разбитые
щеки. Он вопит прямо мне в лицо.

Я ничего не могу противопоставить
этому. Я слишком рано сделал ход, и
теперь он точно убьет меня. Удар следует
за ударом; от них лопается кожа, рвутся
мышцы, сотрясаются кости. Моя голова
как волчок крутится на шее. Если бы не

ковы, удерживающие меня за шею, она уже давно оторвалась бы.

Потом он останавливается... Тронутый милосердный, он останавливается!

Я слышу, как он продолжает бешено выкрикивая что-то неразборчивое в таниакальном припадке. Он мечется по комнате, пытаясь обуздать темные силы, выпущенные мной на волю. Я хватаю воздух ртом, ощущая, с какими трудом работают проткнутые легкие. Голова, кажется, разбухла от крови. Мир кружится, мутный и расплывчатый от боли.

Его дыхание частое и влажное, как у зверя. Он долго молчит. Думаю, он просто не может говорить. Чтобы утихла ярость, нужно время.

--- Ты ничего не знаешь про нас, --- снова рычит он, и в голосе вновь прорывается то жуткое, угрожающее урчание.

Я не в состоянии ответить. Мои губы распухли и потрескались, и я чувствую, как свертывается кровь в ранах, образуя плотные сгустки.

— Ты так уверен, — сплевывает он, и я ощущаю, как сгусток маслянистой слизи ударяется в мое тело. — Ты так чертовски уверен! И все же, оказывается, ты знаешь даже меньше, чем думаешь.

Он снова подходит вплотную, и я вдыхаю его кислородный запах. В нем есть нечто звериное, так пахнут мокрые бока старой охотничьей собаки, но есть и еще что-то. Химическое, возможно...

— Ты не знаешь, зачем я притащил тебя сюда, — говорит он. Его презрение колет, будто игла. — Пора пролить немного света.

Едва он говорит это, светильники на стенах оживают. Внезапная вспышка лишь добавляет боли к той, что уже бушует в моей голове, и мои заплаканные глаза с усилием закрываются. Вновь открываются, они не сразу и осторожно, веки вздрагивают от хлопьев засохшей крови.

В первый раз я вижу своего дознавателя. Глядя в его лицо, туманное и расплывающееся среди слепящего света, я замечаю наконец деталь, некую отличительную черту.

И тогда я понимаю, что не знаю ничего.

Ранее...

Ревьюэл Арвида бежал, пригибаясь к земле, внимательно выбирая, куда поставить ногу. Он добрался до цели --- высокой колонны из наполовину расплавленного металла на углу того, что когда-то было перекрестком двух транспортных магистралей.

Он скользнул за сломанную колонну и рискнул заглянуть за угол. Тело Орфуга лежало посреди пустой улицы. По обе стороны глинного проспекта тянулись чередом развалин. Никакого движения заметно не было.

Он взглянул на датчики обнаружения на дисплее шлема. Вражеских сигналов нет, трое его боевых братьев мертвы. Три других, активных сигнала сходились к точке, где был Каллистон, в нескольких сотнях метров отсюда. Арвида находился дальше всех, отрезанный от остальных.

В городе было абсолютно тихо, но усиители слуха в шлеме уловили едва

слышимый шорох гальше по улице: что-то двигалось к нему, прячась за тучами непла и развалинами.

Сержант присел, прислонившись спиной к металлу. Арвуда был Корвидом, мастером чтения изменчивых узоров будущего. Здесь, на родной планете, среди ее привычных резонансов, он чувствовал себя особенно сильным. Он позволил своему сознанию быстро пробежаться по перечню возможностей.

Арвуда увидел расходящиеся от него тропы, наложенные на схему ближайших улиц. Явных возможностей было много, они бежали все вместе, словно стадо охваченных паническим страхом животных. Некоторые пути были неясными, но многие — вполне очевидными. Он увидел приближающихся врагов, их продвижение и тактику. Они окружали позицию Каллистона. Их множество.

— Брат-капитан, — позвал он по voxу. — Советую отступить к посадочному модулю. Их слишком...

Арвуда умолк, почувствовав быстро приближающиеся шаги. Этих шагов еще не

было слышно. Его чувство будущего заслоняло окружающий мир, показывая грядущие события в причудливом наложении на настоящее.

Он поднялся и отступил той же дорогой, откуда пришел. Он шагал быстро, держа болтер наготове на уровне груди. Каллистон ему не ответил. Похоже, угодил в переплет. Враги, казалось, знали все их слабые места. Сколько времени они лежали в засаде, готовясь к этому дню?

Он добрался до конца очередной разрушенной улицы. Здесь сходились четыре дороги, и на их пересечении все еще стояла почерневшая статуя Квэраса Енистима. Обуглившиеся глаза смотрели на восток, весь камень в маслянистых потеках.

Арвуга видел приближающиеся будущие следы врагов, будто гололиты, и действовал соответственно. Они шли ему наперерез. Несколько человек двигались вдоль улицы, где лежал Орфиг. Еще двое свернули, прошли насквозь через квартал и теперь быстро приближались к нему.

Арвуга съехал в тени статуи.

выжидая, когда покажутся враги. Они появились через считанные минуты, вслед за своими будущими следами, ведя охоту с таким рвением, словно знали, что их собственные призрачные двойники находятся на расстоянии вытянутой руки.

Арвидга позволил им пройти мимо, потом резко развернулся и выскочил из укрытия. Он быстро прицелился и выпустил два заряда из своего болтера. Они были направлены в головы врагов — одного за другим. Первый заряд угодила точно в цель и взорвался, пробив на затылке тусклый, испачканный кровью щит. Цель пошатнулась, сделала еще один неуверенный шаг и тяжело рухнула на землю. В воздух взлетел вихрь стеклянных осколков.

Но предвидение будущего не бывает идеально точным. Второй заряд скользнул по броне костодесантника, заставив того потерять равновесие, но не сумев сбить его с ног. Воин почти мгновенно выправился, развернулся и бросился на землю. Цепочка раскаленных добела плазменных зарядов полетела прямо в Арвидгу.

К этому мгновению Корвиг уже находился в движении, метнувшись обратно под защиту статуи, пока ипнультсы энергии молотили по камню. После второго попадания статуя развалилась, она пошла трещинами с головы до пят и распалась на куски. Арвигда кинулся влево из-под сыплющихся обломков, выпустив еще одну очередь из своего болтера.

Его противник тоже не стоял на месте, дожидаясь, когда его убьют. Он ринулся вперед, чтобы убить самого. В левой руке он держал ценной топор, жужжащий, будто целый рой рассерженных пчел. Движения его были стремительными и мощными, точными и исполненными сокрушительной силы. Ценной топор жужжал совсем рядом, летя в грудь, но потом внезапно резко изменил направление, взметнувшись к шее Арвиды.

Без умения предвидеть будущее он уже лежал бы мертвым. Его противник был сильнее, быстрее и успел набрать скорость. Но пока клинок со свистом

перемещался в намеченную точку, Арвидга двигался, уходя с предопределенной траектории лезвия. Ловко увернувшись, он ушел от удара и трижды выстрелил врагу в лицо практически в упор. Заряды взорвались почти мгновенно, и взрывная волна отбросила противников в разные стороны.

Арвидга сгруппировался и сразу вскочил, готовый стрелять снова. Но этого не понадобилось. Лицо противника было уничтожено, от головы осталась лишь оболочка, начиненная кровью, частицами шлема и осколками кости.

Мгновение Арвидга постоял над поверженным воином, чувствуя, как пульсирует в венах кровь. Впервые он оказался настолько близко к тем, кто охотился за отделением среди руин.

Но едва его взгляд упал на знаки на наплечниках, как радость от удачного поединка сменилась потрясением. Потом, в провиденном будущем, словно отголоски сна, вновь зазвучали звуки погони. Другие воины быстро приближались...

Арвидга отбежал под прикрытие

нависающих остатков зданий и полчался к
посадочному модулю. В одиночку
пробиться к Каллистону сержант не мог, а
если он бессмысленно погибнет, пользы от
этого не будет никому. Единственная
возможность — добраться до корабля,
взлететь и попытаться спасти остальных
с воздуха.

На бегу, прячась среди теней, словно
бурдалак, он пытался осмыслить
увиденные знаки.

Но никакого смысла в этом не было.
Вообще никакого!

Доспех моего дознавателя, который в
почти полной темноте представлялся мне
серым, оказывается, грязно-белого цвета.
Наплечники некогда были ярко-синими,
хотя все видимые поверхности брони
покрыты полупрозрачным слоем красно-
коричневой грязи.

Итак, это Нес Войны. Или, как они
стали себя называть, Пожиратель Миров.
Новое имя нелепо, это извращение всего, за
что велся Великий крестовый поход.
Однако, насколько я разбираюсь в

особенностях других легионов, оно весьма точное. Они действительно пожирают планеты. Мне доводилось слышать о таких злодеяниях, творимых под безумным покровительством Ангрона, что меня выворачивало наизнанку. Единственный легион, имеющий схожую репутацию, — Волки. Так что, наверное, неудивительно, что я так легко поверил, будто меня взял в плен один из псов Рүсса.

В темноте я представлял своего дознавателя звероподобным существом, балансирующим на грани безумия. Реальность оказалась не намного лучше. На голове у Пожирателя Миров нет шлема, поэтому видно его уродливое лицо. У него гибкое бронзовое тело, под низкими бровями скрываются глубокие колодцы теней. Высокие скулы, тяжелый квадратный подбородок. Голова обрита наголо, и весь череп в шрамах. На висках тоже отметины через равные промежутки, а из гладкой кожи торчат железные штифты, давным-давно запрещенные Императором, так как усиливают ярость и поддерживают ее.

превращая напичканную тестостероном
машину смерти в существо с поистине
зашкаливающим уровнем жестокости.

И еще. Костогесантник, что стоит
передо мной, -- не простой Пожиратель
Миров, если можно так выразиться. Лишь
немногим, избранным членам этого
жуткого легиона удалось прославиться
даже за пределами своего закрытого
братства. Этот -- один из них. Мне даже
не надо прибегать к помощи утраченного
мысленного зрения, чтобы понять, что я
нахожусь в обществе Кхарна, капитана
Восьмой штурмовой роты и помощника
притарха. Если и нужны были
доказательства того, что моя смерть
близка, то теперь я их получил.

Он уставился на меня. Его глаза
желтые, цвета скисшего молока, с
красными ободками по краю век. Вены
пульсируют на висках -- темные и
выступающие над гладкой кожей. На
подбородке еще блестит дорожка слюны.
Захоти я вдруг представить себе образ
психопата, будет достаточно воскресить
в памяти это лицо. Кхарн -- почти

народия на самого себя, апофеоз
воинственного безумия, ходячий источник
безграничной кровожадности.

Он не всегда был таким. Даже в
историях, которые я слышал, он
представал безжалостным, но не
сумасшедшим. Что то его изменило. Что
то ужасное.

--- Зачем ты притащил меня сюда? ---
спрашиваю я.

Кхарн улыбается безрадостной
улыбкой. словно его лицевые мышцы сами
собой складываются в плотоядный оскал,
если он перестает их контролировать.

--- Я здесь по той же причине, что и
ты, --- говорит он. --- Роюсь в развалинах и
ищу трофеи.

Даже в моем теперешнем состоянии
я не могу сдержать горький и душащий
стех. Трудно представить Пожирателей
Миров, ищущих трофеи. Они ---
воплощение разрушения и ничего больше.

--- И как, вы нашли то, что искали?

Кхарн кивает.

--- Под Тизкой есть глубокая
Зеркальная пещера. Ты должен о ней

знать. Мы предположили, что Волки, возможно, пропустили ее, хотя они и славятся своей педантичностью. Там, внизу, было кое-что, и я приказал это забрать.

Он извлекает из госпеха стальную подвеску, сделанную в виде головы волка, воющего на фоне серпа луны. Металл черный, будто слишком долго пробыл в огне.

--- Лунный Волк, --- говорит Кхарн. --- Ваш примарх пользовался им, чтобы связываться с Хорусом. Раньше он был частью госпеха магистра войны и имеет с ним симпатическую связь.

Он говорит так, будто эти слова должны что-то для меня значить, хотя я и пытаюсь уловить смысл.

--- Он может быть использован снова, а Хорус не желает, чтобы ему докучали разговорами. Эта штука будет уничтожена, так закроется еще одна потенциальная брешь в нашей обороне. Тогда, благодарение богам, я буду свободен и смогу заняться каким-нибудь более приятным делом.

--- Не понимаю, --- говорю я, и от
миллениального упоминания о богах мне
становится не по себе. --- Какое отношение
к этому имеет Хорус? Что здесь
произошло?

На этот раз Кхарн не улыбается, но я
чувствую, как в нем зарождается злобное
удивление. Я чувствую еще и другое. Он
буквально сгорает от напряжения,
разрядить которое может только
убийство. Лунный Волк был не
единственной причиной, по которой он
явился на Просперо.

--- Ты в самом деле ничего не знаешь, ---
говорит он. --- Я собирался пытками
вырвать у тебя твои секреты, но вижу,
что у тебя их просто нет. Значит, я
стану мучить тебя иначе.

Он подается вперед, и я
отворачиваюсь от зловония. Его дыхание
пахнет сырым мясом.

--- Слушай же, Тысячный Сын! Я
расскажу тебе одну историю --- о великих
переменах, происходящих в Галактике; о
крахе всех надежд твоего примарха и
о окончательном торжестве

эффективной силы наг талодушной слабостью. А затем, прежде чем убить тебя, я расскажу о конечной цели этого крестового похода, который люди в своем безграничном невежестве уже стали называть Ересью.

Ранее...

Стрельба оглушала. Болтерные очереди били по стенам, обращая их в пыль. Вдобавок противник пустил в ход тяжелые орудия. Просвистевший над головой снаряд ударился в каменную балюстраду менее чем в пяти метрах от места, где залег Каллистон.

Капитан Тысячи Сынов затаился на дне старой воронки где-то в центре города. С ним были два его воина, вжимавшихся в истерзанную землю и поливавших ночью очередями реактивных зарядов. Огневая мощь противника во много раз превосходила их возможности. Теплый ночной воздух разрывали летящие отовсюду трассирующие снаряды. Неподвижное тело четвертого лежало на дне воронки.

--- Приготовиться к отходу, --- приказал Каллистон, видя, что его магазин пуст. У него не оставалось выбора. Из-за темноты и на дальнем расстоянии было сложно подсчитать наверняка, но, похоже, что на них наседало не менее тридцати костодесантников. При таком соотношении сил удержать позицию невозможно.

--- Куда, брат-капитан? --- спросил Леон, один из двух оставшихся Сынов. В его неторопливом голосе не было страха, но слышался невысказанный упрек. Он знал, насколько мизерны их шансы.

--- К транспортнику, --- ответил Каллистон, отстегивая магазин и заменяя его новым. --- Но не напрямую. Мы отойдем назад, к колоннаде, и оттуда срежем путь.

По направлению огня он определил, где находятся ближайшие враги, выскочил из воронки, выпустил прицельную очередь и снова упал на дно укрытия. Едва он оказался вне досягаемости, в воздух взметнулся столб огня, разметавший толстый слой земли, стекла и камня. За ним последовали другие, а над головой

провизжала вторая ракета.

--- Пошли, --- произнес Каллистон, жестом приказывая своим людям отступать, пока он прикрывает отход.

Два костогесантника, стараясь держаться в тени, метнулись к задней части воронки. Добравшись до края, они стремительно помчались прочь. Каллистон поднялся, выпустил последнюю очередь и кинулся следом. Он взлетел по осыпающемуся склону, чувствуя, как грозит от близких разрывов земля. Выскочил из воронки и побежал по улице за боевыми братьями, выискивая следующее укрытие.

Всрүз Каллистон үвидел, что с той стороны, куда они направлялись, появились новые враги.

--- Внима... --- начал он, слишком поздно заметив инверсионный след ракеты.

Выпущенная из наплечной пусковой установки, она ударилась в землю прямо перед ним, и волна ревущей боли обрушилась на него, сбивая с ног. Каллистон ощутил еще несколько сильных ударов, один из которых угодил ему прямо

В грудь. Тело, кувыркаясь, пролетело по воздуху, отброшенное мощной взрывной волной, и грохнулось на что-то твердое. Позвоночник мучительно изогнулся, кости правой ноги хрустнули. В глазах потемнело, и мир закружился, сливаясь в размытые полосы огня.

Он слутно слышал звук приближающихся шагов и отрывистый лай болтеров. К его виску приставили ствол, громко звякнувший о гладкую поверхность шлема.

— Нет, — донесся откуда-то неподалеку голос, грубый и возбужденный от едва скрытого наслаждения, получаемого от убийства. — Живьем!

Затем на Каллистона обрушилась боль, пронзив его насквозь, точно молния. Сознание начало теркнуть. И наступило забытие.

Я всегда почитал за благо способность заглянуть в глубины человеческого разума. Всегда ценил возможность понять, лжет мой собеседник или говорит правду. А не наделенным

этим даром смертным приходилось ориентироваться по таким ненадежным признакам, как учащающийся пульс, потение или бегающий взгляд. Такая способность представлялась мне еще одним маленьким доказательством неотвратимого прогресса человечества на пути к превращению в смертных богов.

Теперь я знаю, чем приходится платить за проницательность. Я не могу усомниться в том, что мне говорят. Не могу убедить себя, что Кхарн скрывает правду, поскольку для меня его разум подобен прозрачному сосуду, в котором ничего не утаить.

Поэтому я должен верить тому, что он говорит про крах Великого крестового похода, и обращение примархов к траку, и про грядущую бурю, уже надвигающуюся на Терру. Я должен верить, что мой генетический отец, которого я вместе со всеми моими братьями боготворил, допустил ужасную ошибку и исчез из физической Вселенной с остатками нашего легиона. Должен верить, что мое дальнейшее существование бессмысленно и

является целеустремленным осколком войны, в которой я отказывался участвовать.

Пока он говорит, восстановление идет все быстрее, и мои способности быстро возвращаются. В теле начинается удивительный процесс самоисцеления, на которое оно стало способно после имплантации усовершенствованных органов. Я готовлюсь продолжить жизнь и противостоять всему тому, что встретится на моем пути.

Вот во что меня превратили — в машину для выживания. Даже после таких сокрушительных травм моя кровь по-прежнему свертывается, сухожилия срастаются, трещины в костях затягиваются. Рассказывая мне все в подробностях, он дает мне время, чтобы снова стать самим собой. У меня есть оружие. Есть возможность нанести ему удар, возможно, даже убить его. Знает ли он об этом? Или я настолько слеп, что он больше не видит во мне угрозы?

Вероятно, он прав. Моя сила духа и уверенность исчезли. Действия Магнуса

либо непостижимы, либо обращены ко злу.
В любом случае, я не могу думать ни о чем, кроме измены.

Зачем он отослал нас прочь? Он должен был знать, что мы постараемся вернуться, равно как и о том, что карающие силы, уничтожившие этот мир, станут преследовать нас в космосе. Он был самым могущественным из нас, магосом, яснее остальных прозревавшим извилистые тропы Океана. Так что я не могу свести все к простой ошибке. Тут есть замысел, который нужно понять.

— Ну, Тысячный Сын, — спрашивает той мучитель. — Какой вывод ты из этого делаешь?

Он наслаждается мучительными страданиями. Это отвлекает его от собственной неудовлетворенности. Подобная манера поведения стара как мир: тиран причиняет боль другим, чтобы избавиться от собственной.

Но у него ничего не получится. Боль все равно вернется к нему, даже если он уничтожит все иные разумные формы жизни в Галактике.

--- Вы связались с предателем, ---
отвечаю я и слышу, как лживо звучат мои
слова.

--- Ты называешь его предателем? А
история назовет спасителем.

--- И ты говоришь, что Волки
Фенриса сделали это, чтобы покарать нас
за измену? Тогда почему вы охотитесь на
нас?

--- Они напали на вас, так как
считали, что вы переметнулись к врагу.
Мы пришли сюда, потому что знаем --- вы
этого не делали. Не наверняка. Но наше
дело требует сделать выбор.

--- Значит, вы никогда не верили в
Объединение? Для вас это всегда было
мистификацией?

Кхарн кривится. Он как ребенок, все
эмоции написаны на лице. Мое мысленное
зрение здесь излишне --- любой начинающий
практик смог бы сейчас читать в его
душе.

--- Мы верили в него безгранично, ---
рычит он, и необузданная ярость снова
пробуждается. --- Никто не верил в него
больше, чем мы. Никто не ложился ради

него костью так, как ты!

Он пригвиздывается. Его глаза, не отрываясь, смотрят на меня, блестя в ярком свете.

--- Мы бойцы, --- говорит он. --- Мы сотворены по образу и подобию нашего примарха, так же как вы --- своего, а его предали и вышвырнули прочь, едва власть от воинов перешла к надсмотрщикам.

Я не понимаю, при чем тут надсмотрщики, но это вряд ли имеет значение, поскольку Кхарн обращается уже не ко мне.

--- Они снова будут использовать нас, чтобы мы сражались за них, пока они будут сидеть, пожевываясь, в амфитеатре. Эти зрители еще увидят, как ты явись за ними, восседающими в креслах! Мы сделаем с ними то, что Ангрону надо было сделать с Дешеа. Реализуем заложенный в нас потенциал. --- Я вижу, как мечутся его зрачки, и могу лишь догадываться, какие картины встают у него перед глазами. Подобно предсказателю, застрявшему в плену у собственных видений, Кхарн заперт в мире ненадежных воспоминаний и

паранойи. Ущерб, нанесенный его разуму, разрывает душу. Вся энергия и неукротимая мощь поставлены на службу безумию.

Хватит! Пора ему показать, как много я понимаю.

— Ты явился сюда не за Лунным Волком, — говорю я спокойно. — Ты пришел потому, что знал про устройства, существовавшие прежде на Проспери, и надеялся исцелиться.

Тут он затолкает. Смотрит на меня, и капля слюны сверкает на его отвисшей губе, словно бриллиант.

— Время еще есть, — говорю я, понимая, насколько это опасно. Я начинаю гадать, не была ли наша встреча предопределена. — Все приборы уничтожены, но я могу исполнить их функции и исцелить твой мозг. Могу погасить огонь, не дающий тебе покоя, огонь, который заставляет тебя делать то, что тебе ненавистно. Даже теперь — я знаю! — часть тебя ищет отворачивание к тому, что ты сделал.

С его застывших губ свисает

грожащая струйка слюны.

— Я могу помочь тебе, брат. Могу исцелить твой разум.

Он все так же стоит, замерев в нерешительности. Будь я Корвидом, увидел бы сейчас, как раздваиваются в будущем его пути: один — налево, другой — направо. Он сейчас на распутье, древние называли это кризисом. Он волен выбирать, отступить или идти вперед. Я не могу вмешиваться. Малейший толчок вызовет такую бурю, которая сметет меня, словно ураган соломинку.

На кратчайший миг я остеливаюсь поверить в него. Он смотрит на меня, и я вижу подтверждение моей догадки. Он затерялся в мире боли, забыть о которой удается лишь на время и убивая. Я знаю, что мои слова достигли той частицы его былой души, которая еще жива. Знаю, что он может услышать меня.

Так ты молчишь в своем одиночестве где-то на развалинах Просперо — крошечное отражение битвы воли, что происходит сейчас по всей Галактике.

На миг я остелливаюсь поверить...

--- Колдун! --- ревет он, и слюна брызжет с его губ. --- Ты не можешь исцелить это!

Словно хищный зверь, сорвавшийся с коня, он издает вопль ярости и тьмы, тряса головой, рассыпая бусины пота с бронзовой кожи. Он сжимает огромные кулаки, и я знаю, что они скоро обрушатся на меня. Лицо искажено мученической гримасой, которая останется на тысячелетия, если я не сумею остановить его сейчас.

Он сделал выбор.

Я выкрикиваю вслух слова силы, позабытые мною до этого мгновения. Я слаб и изувечен в последнем бою, но разум надежно хранит то, чему научился за время долгих тренировок.

Я -- Аменеец, знаток скрытых путей познания, и в Галактике есть другое оружие, кроме кулаков и клинков.

Мои окувы разлетаются, давая возможность двигаться. Я вскакиваю со стула, окутанный нестерпимым сиянием освобожденного эфира, не обращая

внимания на протестующий хруст
переломанных конечностей.

Тогда он кидается ко мне,
Пожиратель Миров, и в его воспаленных
покрасневших глазах читается смерть. Я
уязвил его самолюбие, обнаружив причину
тупи, и знаю, что теперь он не
остановится, пока я не упаду замертво, а
все стены в комнате не будут залиты
моей кровью.

Но мы находимся в моем мире,
источнике древней силы моего легиона, и
сам прах Тизки усиливает мою власть над
варном. Я сильнее, чем он предполагает.

Он ревет, эта ущербная терзость, и с
топом устремляется ко мне. Я
принимаю вызов, и моя совесть — моя.

Я не могу его исцелить, значит,
должен убить.

Ранее...

Арвуда вовремя появился на месте
высадки. Как раз чтобы увидеть, как
труны пилотов волокут по земле,
оставляя глубокие борозды в стеклянной
пыли. Чтобы рассмотреть, как к бортам

подуля крепят подрывные заряды, чтобы
услышать победный скрежещущий хохот
берсерков, штурмовавших судно.

Вокруг пустого транспортника
сгрудились двадцать семь Пожирателей
Миров. Еще один лежал в пыли, в доспехе,
пробитом из болтера. Кроме него погибли
двое из Тысячи Сынов, оставленные
стеречь корабль. У них не было ни единого
шанса.

Арвуда припал к земле, прячась за
клубком из полурасплавленных балок в
тридцати метрах от суденышка. На его
глазах с братьев сорвали шлемы. И на
незащищенные лица обрушился град
ударов. Головы безжизненно топались,
превращаясь в результате бессмысленного
избиения в месиво из крови и хрящей.
Пожиратели Миров захохотались стехом,
радуюсь каждому меткому удару.

Арвуда отвернулся. Он был зол, но не
на воинов Ангрона — это просто дикари,
дабным-давно не способные ни на что,
кроме тупой работы кулаками. Его
истинный гнев был направлен против
Каллистона, того, кто привел их сюда

вопреки его совету. Капитан всегда слишком верил в силу провидения. Сама мысль о том, что Магнус тоже способен ошибаться и припарх может оказаться отнюдь не безупречным лидером, казалась ему подобной анафеме. Хотя ясно, что все именно так. Им надо было оставаться в кустосе, поискать выживших, а затем скрыться в глубинах Вселенной, чтобы прийти в себя. Просперо стал не более чем клаббуцем.

Тем не менее многое оставалось неясным. Насчет Волков Просперо Арвидга еще мог понять, но Пожиратели Миров — совсем другое дело. Действовали ли оба легиона заодно? Или против Тысячи Сынов выступили все остальные? Если да, то почему теперь? И для чего?

Пожиратели Миров стали сдирать со своих жертв доспехи, и началось настоящее осквернение мертвых тел. Безмятежная тишина наполнилась гиканьем и хохотом.

Арвидга взглянул на дисплей шлема. Его отделение полностью погибло, значки воинов были неактивны. Он остался один

на один с врагом, победить которого невозможно.

Самым безопасным было бы отступить, скрыться среди безмолвных улиц и подождать дальнейшего развития событий. Он знал, что скоро ему придется уйти, но бессмысленное варварство, свидетелем которого он стал, оскорбляло его высокоразвитое чувство собственного достоинства во всем, что касалось правил ведения войны. Его легион никогда их не нарушал!

Он встал из-за укрытия и единым слитным движением вскинул болтер. Прицелившись, увидел след, который выпущенный им заряд оставит в будущем, и испытал облегчение от несомненности убийства. Он нажал на курок, развернулся и метнулся обратно в темноту.

Арвуда не видел, как капитан Пожирателей Миров рухнул на землю, как его шлем раскололся надвое от разорвавшегося внутри болтерного заряда. Но он слышал это. А затем — свирепые вопли и топот четырех дюжин ног, когда весь отряд ринулся на выстрел.

Он бежал, пригибаясь к земле, ныряя и увертываясь среди нагромождений взорванного железа. Шум погони, грубый и отбратительный, бился у него в ушах. Если его поймают, останется лишь мечтать о быстрой смерти.

Арвида прибавил ходу, заставляя тело бежать еще быстрее, едва замечая остовы зданий, пролетающих мимо в ночи. Он понимал, что тот выстрел был безрассудством. Даже глупостью.

И все-таки ему хоть на миг стало легче.

Его сила потрясает. Словно всеми способностями Астартес пожертвовали ради нее одной. Благодаря невероятной мощи этого могучего тела его кулаки двигаются так быстро, что их контуры кажутся размытыми. Он безоружен, но вряд ли это имеет значение: он привык уничтожать врагов голыми руками.

Он все время атакует, выискивает возможность пробить мою защиту. Я отбиваюсь, как могу, удерживая его на расстоянии тем, что быю по

единственному узвиному месту. Теперь я вижу его разум таким, каким он станет в будущем, --- котел с кипящей и нескончаемой жестокостью. Крохотное оконце, через которое я увидел другого Кхарна, захлопнулось, осталась лишь эта изуродованная половина. Я могу и дальше продолжать в том же духе, напрягая свои теленатические мускулы, как он свои неестественным путем наращенные физические. Хотя боюсь, что от моих атак мало проку.

Он продирается сквозь град порожденных варпом ударов, которые давно свалили бы с ног менее стойкого. Я знаю, что, вероятно, причиняю ему боль, но он ее не замечает. Наверное, не существует такой боли, которая была бы сильнее той, что причиняет себе он сам.

--- Колдун! --- ревет он снова, стремительно бросаясь ко мне.

Я отскакиваю в сторону и врезаюсь в металлическую стену камеры, едва повернувшись от его вытянутых рук. Обрушиваю на него все, чем располагаю, бурлящий поток выжигающей памяти

боли, способной лишить человека разума и растворить его, словно магний в воде.

Но в нем осталось так мало разума, что он даже не покачнулся.

Я использую момент и наношу тяжелый удар по его незащищенной голове. Удар точно рассчитан, в него вложена вся сила, какую я в себе нашел. Голова противника запрокидывается назад, и в воздух вслеп за слюной летят брызги крови.

Потом я сновадвигаюсь, уходя от яростной контратаки. Он подобен вихрю, стерчу из машущих конечностей. Его сапог взлетает в воздух, и тяжелый удар обрушивается на мое бедро. Слышен откатывающийся хруст ломающихся тазовых костей.

Распростертый на полу, я пытаюсь отползти. Удар другой ногой гребит мне второе бедро. Без успеха я совсем безоружен против столь мощных и яростных атак. Моя попытка бросить ему вызов до смешного абсурдна.

Я перекачиваюсь на спину, увертываясь от страшного удара кулака.

Кхарн нависает надо мной. С губ летит пена, глаза вылезли из разбухших глазниц.

Меня сгубила жалость. Это единственное чувство, которое Кхарн не может перенести; оно напугивает его тем, кем он когда-то был. Не предложив ему исцелить, возможно, мог остаться в живых. Быть может, он убедил бы меня в справедливости своего дела, и я присоединился бы к движению, которое, по его словам, освободит Галактику.

Именно эта мысль убеждает меня в том, что я был прав, предприняв эту попытку. Когда я смотрю на эту угрожающую от ярости маску, нависшую надо мной, я вижу, какая судьба ожидала бы меня, стань я частью этого темного Крестового похода. Он потерял себя, и в том, что осталось, очень мало человеческого.

Его сжатая латная перчатка падает вниз, врезавшись мне прямо в лицо. Кости, уже ослабленные, вдавливаются внутрь. Я чувствую, как мой затылок давят вмятину в металлическом полу, и горячая липкая кровь заполняет ее, когда голова по-

инерции отскакивает обратно.

Мир опрокидывается, тошнотворно вращаясь вокруг. Я ступно чувствую второй удар, обрушившийся на ребра. Мое тело взрывается многоголосой какофонией боли. Заплывшие кровью глаза видят кулак, летящий навстречу, чтобы прикончить меня. Хорошо, что я вижу причину своей смерти. Ни о чем большем я, как верный сын Империи, никогда и не мечтал.

Перед концом я успеваю подумать лишь об одном.

Я дал тебе выбор, Кхарн. После убийства, когда утихнет безумие, у тебя будет время подумать об этом. Ты мог все изменить.

Понимание этого, я знаю, будет его преследовать. Мне страшно подумать, что с ним станет, когда неистовство закончится и он будет вынужден задуматься.

Я могу лишь предполагать и предполагаю, что он станет совершенно неуправляемым и начнет бросаться на любого, кто попытается использовать его

бешенство в своих целях. Никто не властен над ним, ибо он сам утратил власть над собой.

Когда кулак падает, я думаю именно об этом, но эта мысль не приносит утешения. Никакого утешения уже никогда не будет...

Ранее...

Арвида продолжал бежать. Мертвый город кишел Пожирателями Миров, рыщущими среди опустевших кварталов, словно головорезы из банд подпольев. Пока что он опережал их. Он знал Тизку лучше, чем они, и прекрасно помнил хитросплетения ее улиц. Более того, его чувство будущего еще действовало, не давая ему свернуть не туда и предупреждая от неверных шагов.

Это не может длиться вечно. Раньше или позже придется отдохнуть, поспать, отыскать какую-нибудь еду. Его усиленный организм может обходиться без всего этого долго, но не бесконечно. Волки сожгли Просперо почти до основания, так что охота будет скудной.

Единственный шанс выжить — остаться в городе, ускользнув от хищников и найдя какой-нибудь транспорт, способный унести его с планеты. Он предполагал, что «Геометрический» еще на орбите, хотя попытки связаться с ним закончились неудачей. Корабль мог за себя постоять, даже сражаясь с полностью укомплектованным экипажем боевым кораблем Пожирателей Миров.

Итак. Вариантов немного, а шансы малы.

Каллистон — глупец. Возвращаться на Просперо было предсказуемой ошибкой, порожденной безмерной верой в притархана. Арвидга никогда не разделял этой веры, даже тогда, когда легион еще был цел. Какой бы катаклизм ни случился здесь, Магнус оказался бессилен предотвратить его, значит, глупо сохранять веру в его стратегические выкладки. Теперь все, кто уцелел при разграблении Просперо, оказались в одиночестве; рассеянная горстка воинов, которых костические волны несут по всей Галактике, словно обломки погибшего галеона.

Арвидга не представлял, сколько его братьев осталось в живых. Быть может, сотни. Или только он один.

Поднявшись по глинному узкому проезду, ведущему прочь от центра, Арвидга повернулся, оглядывая путь, по которому пришел. Отсюда был хорошо виден центр города. Под звездным светом земля, усеянная стеклом, отливала перламутром. Это было прекрасно.

Город Света.

Он помедлил немного, погрузившись в видения прошлого. Все вокруг замерло. Даже клубы дыма застыли в этом краткий миг тишины.

Сержант был уверен лишь в одном. Арвидга знал, как может знать лишь Корвид, что смерть ожидает его не на Проспекте. Это не утешало в скорби по утраченному, но по крайней мере придавало определенный смысл необходимости продумывать дальнейшие шаги.

Он выживет. Узнает истинные причины уничтожения их легиона и будет жить, чтобы сразиться с теми, кто это

сделал. Он не остановится и не совершит
ошибки, пока не узнает всего и пока это
знание не станет оружием в его руках.

--- Знание --- сила, --- выдохнул он.

Потом он отвернулся и, крадучись,
быстро зашагал вглубь развалин. Тусклый
красный отсвет неостывшей магмы озарил
его наплечник, высветив звезду с
извивающимися лучами над головой
черного ворона --- знак его культовой
дисциплины.

Потом он исчез, тень среди теней.

Гэв Торн

ЛУК

ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Искусственные глаза обшаривали небосвод, выискивая предательское отраженное излучение и малейшую вспышку света, хотя бы намек на тепло среди холода. Враг был где-то рядом, рыскал в тени колец Усстваана-VJ. Частицы пыли и льда в сочетании с облаками остаточной плазмы и радиацией после недавнего сражения обеспечивали костическому кораблю достаточное укрытие.

Шесть кораблей двигались в пустоте. Возглавляла флотилию боевая баржа «Гнев посвященный», за ней — два ударных крейсера, один гранд-крейсер и два эстинца, растянувшиеся в космосе на сотни тысяч километров. Они осторожно приближались к Усстваану-VJ, не зная, много ли врагов смогли уцелеть после

первой битвы. Заглүшив плазменные реакторы, они скользили к границам системы по инерции; единственное, на что расходовались запасы их мощности, --- модули антенн сканеров, установленные в носовой части каждого.

На мостике «Гнева посвященного» командор-лейтенант Най Уош Делеракс не сводил глаз с главного экрана. Огромный дисплей, занимавший почти целую стену капитанского мостика, был сплошь заполнен строчками с данными затерев и результатами сканирования. На дисплее вырисовывался Усстваан-VJ, его синие золотые кольца сияли холодом в тусклом свете местного солнца.

--- «Усердный» докладывает с вероятном положительном результате сканирования в квадранте восемь-тема, --- положил один из помощников, сидевший у консоли сканера за спиной командира. Хотя он и не был легионером, на его теле виднелись следы аугментической хирургии, а левый глаз затенял бионический протез, мерцавший красным светом на фоне яркого экрана. --- Нечто

слишком крупное для астероида. Возможно, просто не отмеченный на картах спутник.

Делеракс перевел взгляд в верхнюю часть экрана, на указанную область. Он понимал, что это бессмысленно: даже его аугментированные глаза ничего там не разглядят, прежде чем это сделают системы боевой баржи, особенно учитывая, что обзорный экран, на который он смотрит, сам базируется на их данных. Если «Гнев посвященный» не может увидеть противника, не увидит и он.

— Прикажи «Усердному» сблизиться с источником на пятьдесят тысяч километров, — велел Делеракс, отводя взгляд от экрана. — «Законному агрессору» выйти в триангуляционную точку.

— Слушаюсь, комендор-лейтенант, — отозвался помощник.

При мысли, что он, возможно, нашел свою добычу, по телу Делеракса пробежала нервная дрожь. Много дней он напрасно обшаривал дальние подступы к системе Усстваан и был уже почти готов поверить, что противника здесь нет.

Его предкортикальный имплантат отреагировал на смену настроения. Едва заметно завибрировав, устройство впрыснуло в мозг Делеракса дозу психотропных веществ. Все его чувства мгновенно обострились. Он учуял запах пота, исходящий от людей за консолью, и масла, которым пахли механизмы. Смог ощутить статическое электричество на экранах дисплея и легчайшие дуновения воздуха от потолочных вентиляторов. Синий и белый цвета его доспехов стали казаться более яркими, каждое шипение, пиканье и вздох на мостике эхом отзвучивались у него в ушах.

--- «Усердный» подтверждает контакт, --- возбужденно доложил помощник. --- Идентификация положительная. Это звездолет Саламандр, по классификации --- ударный корабль.

--- Наконец-то! --- В этот возглас Делеракс выплеснул все свое долго сдерживаемое разочарование. Он развернулся и направился к пульту связи. --- Всей флотилии. Приготовиться к

немедленной атаке. Противнику передать следующее: «Я --- комендор-лейтенант Делеракс из Пожирателей Миров. Сложить оружие и приготовиться к высадке. В случае неповиновения вы будете уничтожены. Больше предупреждений не будет».

--- Они пытаются угнать, --- воскликнул офицер у сканера. --- Уходят от Усстваана-шесть, набирая скорость.

--- флотилии угнать на перехват, --- бросил Делеракс. --- При первой возможности стрелять по двигателям. Если они уйдут, вы мне за это ответите!

Теперь имплантат Пожирателя Миров работал в боевом режиме, подхлестывая его адренальную систему и готовя тело к приближающемуся сражению. Порождаемое этим самочувствие было причудливой стесью ясности мысли и эйфории --- впечатления полного благополучия, приятно притуплявшего мысли комендора-лейтенанта, в то время как все его инстинктивные реакции стали намного быстрее и переполняли чувственными

ощущениями.

Едва флотилия Пожирателей Миров запустила двигатели, крейсер Саламангра развернулся и помчался прочь из системы, к следующему укрытию — скоплению астероидов примерно в пятистах тысячах километров от Исстваана-VJ. Словностая гончих, корабли Пожирателей Миров ринулись в погоню, возглавляемую «Гневом посвященным» благодаря более мощным двигателям боевой баржи.

— Приготовить варп-торпеды, максимальное рассеивание, — приказал Делеракс, пока его корабль продолжал сокращать расстояние до цели. Если позволить ударному крейсеру добраться до поля астероидов, менее маневренная боевая баржа, вероятно, упустит свою добычу; а Делеракс хотел уничтожить этот корабль лично.

Саламангры были еще в нескольких тысячах километров от безопасного места, когда комендор-капитан доложил, что они находятся в пределах максимальной досягаемости торпед. Делеракс не стал приказывать открыть

огонь, считая, что расстояние слишком велико. Он расхаживал по мостику, с нетерпением ожидая момента, когда у врага останется как можно меньше времени, чтобы среагировать на залп, и в то же время он не успеет добраться до астероидов.

Делеракс слушал, как один из помощников ведет обратный счет расстояния, и время от времени поглядывал на главный экран. Местонахождение крейсера было отмечено сверкающим крестом, но сам корабль находился еще слишком далеко, и его не удалось бы разглядеть даже при максимальном увеличении.

— Наш гость желает, чтобы его познакомили с текущей обстановкой.

Делеракс обернулся и увидел, что на мостике появился его заместитель, капитан Алтикс Кордассис. Сине-белый доспех заместителя был отделан золотом, вместо правой руки — механический протез, заключенный в броню и раскрашенный в цвета легиона. Самым примечательным было

презрительное выражение, появившееся на лице командора-лейтенанта, когда упомянули представителя магистратуры войны.

--- Он может отслеживать ее по бортовой сети, как все остальные, --- прорычал Делеракс. --- Я занят.

--- Он хочет, чтобы ему доложили лично, --- с виноватым видом отозвался Кордассис.

--- Еще чего! --- огрызнулся Делеракс. Теперь, когда в его теле работали боевые стимуляторы, у него не было ни малейшего желания выслушивать жалкие требования посланца Хоруса. При одной мысли о навязанном ему костодекантнике-дипломате Делеракса трясло от злости.

--- Что ему сказать? --- спросил Кордассис.

--- Что хочешь, --- бросил Делеракс, снова отворачиваясь к главному экрану. --- Это не его дело.

Кордассис постоял еще немного, пока не понял, что больше ничего не дождется от своего командира.

--- Я мог бы тоже остаться здесь и

наблюдать за развлечением, — сказал капитан.

— Милости просим, — отозвался Делеракс. — Садись за пульт управления огнем.

Когда расстояние сократилось до оптимального, Делеракс распорядился занять торпедный залп. Боевая баржа содрогнулась от старта гигантских ракет. Они мгновенно появились на экране — четыре языка желтой плазмы на фоне звезд — и вдруг разом исчезли, когда включились их варп-двигатели.

За ракетами, то погружающимися в варп-пространство, то выходящими из него, тянулся след из разноцветных всполохов, который начал медленно отклоняться вправо вслед за звездолетом Саламангр, пытающимся увернуться. Потом они исчезли совсем, оставив лишь сигналы варп-эха на сканерах.

— До цели двенадцать тысяч километров, — доложил офицер целераспределения, глядя в мерцающий зеленоватый экран. Это был Скандга Виор, тоже Пожиратель Миров, как и Делеракс.

с Кордассисом, облаченный для боя. В отличие от других офицеров он выкрасил большую часть своих доспехов в красный цвет. Такова была общая тенденция в легионе. Взор подождал несколько секунд.

— До цели одиннадцать тысяч километров.

Обратный отсчет продолжался, и на семи тысячах Делеракс перестал расхаживать по рубке.

— До цели шесть тысяч километров, — сообщил офицер целераспределения. — Переключение на бортовые сканеры информации, подготовка к разделению.

На главном мониторе вспыхнул субэкран, показывая совокупное изображение с торпед, выдержанное в черно-красных тонах. Там клубились странные тени, и Делеракс понял, что обзор, должно быть, включился, когда торпеды совершали варп-прыжок. Мгновением позже они вновь материализовались в реальной Вселенной, и на экране появился корабль.

Он был узкий и глинный, с взлетной палубой в верхней части надстройки. С

нее, бұғто искры, посыпались точки
плазмы: Саламангры запустили
штұрмовые корабли на перехват
поглощающих торпед.

— Пять тысяч, разделение, — объявил
офицер.

Передаваемое с торпед изображение
на несколько секунд пропало, когда ракеты
разделились, выпустив по крейсеру
Саламангр по четыреста боеголовок
каждая. Когда картинка восстановилась,
весь экран был заполнен сотнями
мерцающих снарядов. Взрывы затмили
яркостью звезды, корабль Саламангр
устраиваясь то вниз, то вверх,
маневрируя и отстреливаясь из орудий и
лазерных установок. Поскольку носители
боеголовок продолжали тчаться к
ударному крейсеру — каждая несла ядерный
заряд мощностью в пять мегатонн, — в
дело вступили оборонительные турели на
корабле Саламангр. Экран заполнился
рябью плазменных разрывов и вспышками
сверхскоростных снарядов, подрывавших новые
боеголовки.

Торпеды находились уже достаточно

близко, чтобы вести прямую трансляцию. Теперь смоделированную картинку заменило изображение корабля почти в реальном времени. Крейсер оказался темного-зеленого цвета с широкими неравномерными желтыми полосами; на огромном белом круге в носовой части его выдвинулся знак легиона. Корабль развернулся в тарева от уничтоженных боеголовок, капитан пытался уменьшить площадь поражения для приближающихся торпед. Плазменные двигатели сияли среди разрывов, а изображение было чуть искажено из-за мерцающих энергетических полей.

— Глупец, — заметил Делеракс, улыбнувшись офицеру оружия. — Простейшая ошибка. Надо разворачиваться носом к торпедам, чтобы защитить двигатели. Наверняка новичок.

Вспыхнули сине-пурпурные молнии, когда несколько сотен уцелевших боеголовок ударились о защитные поля крейсера. Корабль скрылся в сверкании разрывов — столь ярком, что на главном экране, казалось, зажглась новая звезда. За

этим взрывом последовали следующие, когда перегруженные щиты исчезли и остававшиеся боеголовки ударили в бронированный корпус. Из пробитого трубопровода хлынула плазма.

Мгновением позже лини-экран погас. Торпеды достигли цели.

— Сканеры подтверждают тяжелые повреждения двигателя и средних оружейных палуб по правому борту.

— Передать всей флотилии приказ идти на сближение, — бросил Делеракс.

— Входящее сообщение от командования легиона, — доложил помощник-связист. — Помечено грифом особой важности.

— Громкую связь, — приказал капитан, не отрывая глаз от экрана.

Раздалось шипение статических помех, щелчки и попискивание кодовых сигналов. Затем в тишину ворвался басовитый голос. Делеракс тут же позабыл обо всем и переключился на послание, узнав голос Ангрона, притархата Пожирателей Миров.

— Вероломные сыны Коракса по-

прежнемۇ ұскользают от неўклюжего
инженера Пертұрабо. Магистр войны чел
возможным предоставит мне свободу
действий в охоте, и я разделаюсь с этими
ничтожествами с Освобождения в
считанные дни. Все корабли должны
возвратиться на орбиту, чтобы вести
поиск. Ко мне, мои свирепые псы! Обрушим
наш гнев на Гвардию Ворона и вычеркнем
ее со страниц истории. Приказ подлежит
немедленному исполнению.

--- Уходим? --- спросил Кордассис.

--- Нет, --- бросил Делеракс. Он
взглянул на подбитый крейсер,
ковыляющий к скоплению астероидов,
оставляя за собой след утекающей
плазмы, --- хищник, видящий, что его
жертва ранена, и готовый ее добить. ---
Пусть за Гвардией Ворона гоняются
другие. Несколько часов ничего не изменят.
Сначала я должен прикончить Саламандр.

Бранн нахмурился и снова взглянул на
отчет о сканировании. Но даже после
повторного прочтения смысла в нем не
прибавилось. Он повернулся к своему

спутнику, префектору Имперской Армии
Марку Валерию.

--- Большой остаточный след плазмы
и радиации плюс скопления обломков, ---
заметил командор Гвардии Ворона.

--- Костическое сражение? --- спросил
префектор.

--- И крупное, --- ответил Бранн. ---
Очень крупное.

--- Что вы имеете в виду?

Бранн протянул ему отчет и
направился к людям, работающим за
консолью сканера, тяжело ступая по
толстому ковру, устилавшему палубу.

--- Остальные корабли подтверждают
эти данные?

--- Да, командор, --- ответил дежурный
офицер. --- В рамках стандартных
параметров все результаты сканирования
показывают одно и то же по всему флоту.

--- Что вы понимаете под «очень
крупным»? --- осведомился Валерий.

--- Множество погибших кораблей, ---
пояснил Бранн. --- Больше, чем есть во
всей флоте Лунных Волков.

--- Возможно, корабли Имперской

Армии, перелетнувшие к Хорусу, -- предположил офицер. -- И разве Лунных Волков не переименовали в Сынов Хоруса?

Префектор потерял красный шарф, который носил через плечо как символ знатности своего рода. За время долгого варп-прыжка от Освобождения к Усстваану шарф успел поистрепаться, так как Валерий нервничал постоянно. Его нервозность можно было понять, хотя она ужасно раздражала Бранна. Валерий уговорил командора Гвардии Ворона покинуть пост начальника гарнизона Башни Ворона и отправиться на Усстваан, поручившись своей жизнью. Если здесь и в самом деле обнаружится ловушка, как он подозревал, Бранн с огромным удовольствием взял бы предложенный ему залог.

-- Даже в таком случае это свидетельствовало бы о почти полном уничтожении целого флота, -- ответил Бранн, игнорируя поправку, сделанную префектором. -- Такое множество уничтоженных кораблей говорит о куда более крупном сражении.

--- У как ты будеш действовать? ---
спросил Валерий.

Бранн прикинул свои возможности. Его флотилия, состоящая из трех кораблей Гвардии Ворона, включая боевую баржу, да горстку транспортов и фрегатов Имперской Армии, вошла в систему Усстваан перпендикулярно плоскости эклиптики. Он взглянул на монитор, где было схематично показано их местонахождение; предполагаемый курс обозначался пунктирной линией в обход звезды Усстваан к планетам, расположенным на противоположной стороне системы.

--- Активировать протоколы подавления сенсоров, --- приказал командор. --- Поднять отражающие щиты. Поидет на фоне звезды, чтобы скрыть нашу сигнатуру. Не хочу быть замеченным.

--- Что делать моим кораблям? --- спросил Валерий. --- У нас нет такой возможности.

--- Пусть двигаются как можно тише, --- велел Бранн. --- Никто не должен

Знать, что ты здесь, пока не выясним, что случилось.

--- Бесшумное движение снизит скорость, --- наполнил Валерий. Он быстро моргнул --- еще одно проявление нервного тика. --- А вдруг мы чересчур осторожничаем и прибудем слишком поздно?

--- Поздно для чего? --- резко бросил Бранн, выведенный из себя постоянным нытьем префектора. --- Битва уже состоялась, Марк. Что бы тут ни произошло, оно уже закончилось.

В пяти днях полета до Усстваана-V, где, похоже, состоялось главное сражение, Бранна, находившегося у себя в каюте, информировали о том, что получено сообщение с флагманского корабля Валерия.

--- Перешлите по моему личному каналу, --- велел Бранн, откладывая инфопланшет с показаниями сенсорных датчиков, которые изучал. Все сообщения подтверждали предварительную оценку: вокруг Усстваана-V и далее, в направлении

Исстваана-VJ состоялось большое
костическое сражение или даже несколько,
причем за короткий промежуток времени.
В них участвовало около сотни кораблей.

--- Командор Бранн, мы засекли
сигнатуру. --- Голос Валерия на фоне
шипения на канале вокс-связи казался
вялым и слабым. --- Это передатчик
Железных Рук. Корабль идентифицирует
себя как «Слава победы». Передача
автоматическая. Пытается отследить
сигнал и ответить.

--- Отставить! --- отрезал Бранн. ---
На связь не выходить. Хотите, чтобы
всем в системе Исстваан стало известно,
что мы здесь?

--- Прошу прощения, командор, ---
продолжал Валерий. --- Но
узконаправленный сигнал очень трудно
засечь. Может, на корабле Железных Рук
смогут рассказать, что тут случилось?

--- Отставить! --- повторил Брани. ---
Продолжайте отслеживать другие
сигналы.

--- Но вдруг ил нужна наша помощь? ---
настаивал Валерий.

--- Мы не можем им доверять, ---
бросил Бранн.

--- Командор, я не понимаю, ---
переспросил префектор. --- Мы не можем
доверять Железным Рукам?

--- Мои специалисты
проанализировали данные по сражению, ---
пояснил Бранн. --- Трудно сказать
наверняка, но, похоже, что флот,
отправленный покончить с Хорусом,
разделился на два лагеря и между ними
завязался бой. Боюсь, против нас
выступили не только Лунные Волки. Пока
мы не выясним, кто нам верен, придется
подозревать всех.

Каюта наполнило потрескивание
статички. Валерий переваривал
услышанное. В конце концов офицер
заговорил, и теперь его голос больше
напоминал шепот.

--- Но если это правда, что стало с
Гвардией Ворона? --- спросил он.

--- Возможно, ваши сны оказались
пророческими, --- ответил Бранн.

--- Так что, прибавляем скорость?

--- Пока нет. --- Бранн глубоко

вздохнул, лишь теперь стираясь с мыслью, терзавшей его с того самого момента, когда он впервые заподозрил масштабы измены на Устваане. -- Нам необходимо быть осторожными. Вероятно, мы последние, оставшиеся в живых из Гвардии Ворона.

В трех днях полета до орбиты Устваана-V флотилия Бранна по-прежнему шла на минимальной скорости; каждый сэкономленный ватт энергии из реакторов направлялся к сенсорной аппаратуре и системам связи, ищущим ответы на страшные вопросы. Множество доказательств, что у Хоруса были союзники во флоте, отправленном призвать его к порядку.

Бранн большую часть времени проводил на мостике «Мстителя» -- своей боевой баржи. Последние два дня он держал Валерия при себе: если вдруг что-то пойдет не так, пусть лучше префектор будет под рукой. Офицер Имперской Армии сидел за консолью связи и грыз ногти; его щеки ввалились, а обычно гладкая кожа

потемнела от щетины. Он не сводил с экранов тревожных, воспаленных глаз, обведенных черными кругами. Бранн предполагал, что офицера терзают ночные кошмары, хотя тот не вспоминал про них с момента, как они покинули Освобождение.

--- Перехвачен какой-то искаженный сеанс связи, --- доложил один из помощников. Валерий резко выпрямился, повернувшись к Бранну. --- Протоколы Пожирателей Миров. Пытаюсь расшифровать.

--- С кем они переговариваются? --- спросил Бранн.

--- Общий канал связи легиона, командор, --- сообщил помощник. --- Также зарегистрированы сигналы Несущих Слово и Детей Императора. Похоже, они переговариваются с Сынами Хоруса.

Валерий, казалось, побледнел еще сильнее, если такое вообще было возможно. Его безумный взгляд упал на Бранна.

--- Пожиратели Миров, Дети Императора и Несущие Слово? --- переспросил он. --- Они все предатели?

Бранн не ответил, полагая, что подобное слишком невероятно, чтобы обсуждать. Он попытался придумать другое объяснение тому, что они обнаружили, но от правды не уйти: это не просто мятеж, а начало гражданской войны.

Он сидел на своем командном троне, стискивая пальцами подлокотники, так что сервоприводы доспека потрескивали и жужжали. Опустив голову, пытался привести в порядок мысли и выработать какой-то план действий. Случившееся было бессмысленно; его разум все время возвращался к вопросам, оставшимся без ответа.

--- Что насчет примарха и легиона? --- тихо спросил он.

--- Никаких сигналов от Гвардии Ворона пока не обнаружено, командор, --- ответил связист. --- Мы просканировали все частоты легиона и вокруг них, но знакомых сигнатур не найдено.

Бранн вздохнул. Его былые страхи стали реальностью, как и зловещие пророчества Валерия, --- Гвардии Ворона

больше не существовало.

--- Сигнал флотилии приготовиться к
стене курса, --- сказал он.

--- Что? --- встрепенулся Валерий. ---
Меняет курс? И куда идем?

--- Прочь отсюда, --- ответил Бранн. ---
Мы опоздали.

--- Кто-то мог уцелеть. --- Валерий
утоляюще простер руки к командору. ---
Мы должны по крайней мере поглотить
ближе, чтобы узнать правду.

--- Это можно сделать позже, --- сказал
Бранн. --- На данный момент наша главная
задача --- не дать себя засечь и убраться из
системы целыми и невредимыми. А потом
можно выяснить, что здесь случилось.

--- Командор, на широкочастотном
канале передача с поверхности Исстваана-
пять! --- воскликнул офицер связи.

--- Агрессованная нам? --- уточнил
ошеломленный Бранн.

--- Нет, командор, открытая
трансляция. Степень кодирования
минимальная. Вы должны это услышать.

--- Отлично, --- отозвался Бранн,
откидываясь на спинку командного трона.

В голосе, загустевшем из
репродукторов, слышалось безумие. Он
изрыгал каждое слово, будто проклятие.

--- ...тогда мы окончательно сокрушим
заблудших сынов Коракса. Полагая, что
смогут прятаться от нас вечно, они
сильно ошибаются! Я буду выслеживать
Коракса и лично убью его. Гвардии Ворона
больше некуда бежать. Через два дня наша
победа будет окончательной, и последний
оставшийся в живых будет уничтожен
Пожирателями Миров. Победа требует
крови, и мы прольем ее!

--- Это может быть только Анзрон, ---
сказал Бранн, когда передача оборвалась. С
одной стороны, его порадовало, что Коракс
и легион уцелели. С другой --- похоже, это
ненадолго. --- Ты можешь засечь
источник? --- спросил он, вставая.

--- Даже лучше, командор, --- ответил
техник. --- Вместе с сигналом передаются
координаты на поверхности, где
Пожиратели Миров планируют нанести
удар для поддержки из космоса.

Отбросив прочь сомнения и
защепательство, Бранн задумался. В

голове сразу возник план, правда, рискованный. Снова проанализировав все варианты, он пришел к тому же заключению. И даже на третий раз не увидел никакой альтернативы.

--- Марк, мне нужно, чтобы вы передали сигнал своим кораблям, --- объявил Бранн. --- Велите им на полной скорости идти к Усттваану-четыре.

--- Усттваану-четыре? Не Усттваану-пять? И разве после включения полной скорости нас не засекут мгновенно все сканеры, что находятся в пределах досягаемости?

--- Этого я и хочу, --- ответил Бранн.

--- Приманка. --- Валерий выговорил это слово без эмоций; все чувства вытекли из него до последней капли. --- Вы хотите использовать мои корабли и моих людей в качестве приманки.

Бранн молча кивнул. Валерий закрыл глаза и помассировал переносицу, словно у него вдруг разболелась голова. Потом, стиснув зубы, он кивнул сам себе.

--- Хорошо, --- сказал префектор, открыв глаза и покорно глядя на

командора Гвардии Ворона. -- Я вернусь на свой флагманский корабль и все приготавливаю.

-- Нет, вы останетесь здесь, -- ответил Бранн. -- Как мы и договорились, вы будете рядом со мной.

-- Вы все еще не доверяете мне? -- Префектор тяжело вздохнул. -- Какие доказательства вам нужны?

-- Когда припарх окажется в безопасности, а наши братья -- на борту, я смогу доказать, и поверю вам, -- сказал Бранн. -- До этого момента вы останетесь здесь.

-- Вы намерены проводить эвакуацию под обстрелом, -- сказал Валерий. -- Я велю переправить со своих транспортных столько шаттлов и десантных капсул, сколько поместится на ваших взлетных палубах.

-- Это было бы неплохо, -- сказал Бранн. -- Будем надеяться, что все они нам понадобятся.

Делеракс с рычанием ткнул пальцем в клавишу передатчика.

--- Меня не волнуют ваши проблемы! ---
равкнул он. --- Выведите реакторы на сто
двадцать процентов.

--- Нам грозит плазменная утечка,
комендор-лейтенант, --- отозвался
техник. --- Это может разрушить всю
систему.

--- На Усстваане-пять вот-вот
начнется величайшее сражение в истории
Пожирателей Миров, --- напомним
командор лейтенант. --- Полагаешь, я хочу
к нему опоздать? Ты получил приказ, так
выполняй!

Делеракс отключил связь и
стремительно развернулся к штурманам.

--- И вы тоже! --- бросил он. --- Я больше
ничего не хочу слышать про
гравитационные колодцы и безопасные
расстояния. Доставьте меня к Усстваану-
пять в кратчайший срок. И чтобы никаких
отговорок!

Рулевой нервно кивнул и снова
установился на приборы. Делеракс продолжал
летать по мостику, пытаясь найти
способ добраться до места битвы еще
быстрее. Ангрон собирался начать свою

последнюю атаку на Гвардию Ворона через шесть часов, и Делеракс намеревался быть там, чтобы принять в ней участие. Остальная флотилия уже отстала на полдня, не поспевая за более мощной баржей. «Гнев посвященный» должен быть на месте, чтобы поливать огнем остатки легиона Коракса, чего бы это ни стоило. Если все пойдет как надо, Делеракс сможет принять участие непосредственно в сражении. Десантные капсулы уже готовили к боевой высадке.

При мысли о том, как он лично убьет несколько Гвардейцев Ворона, Пожиратель Миров улыбнулся. Кордассис заметил выражение лица своего командира и приблизился к его креслу.

--- На этот раз мы не упустим свой шанс, --- сказал капитан. --- Оскорбление, нанесенное нам на месте высадки, будет забыто.

--- Разве ты не слышал слова магистра войны? --- тихо ответил Делеракс, скривив губы в устешке. --- Принять участие в костическом бою было великой честью и важным вкладом в нашу

побегу.

--- Это было оскорбление, --- возразил Кордассис. --- Примарх понял это и поступил совершенно правильно. В том, чтобы просто расстрелять противника издалека, мало чести. Какая радость, если не видишь, как огонь жизни теркнет в глазах поверженного врага и не чувствуешь запаха крови, вытекающей из его ран?

--- Никакой, --- согласился Делеракс. Его имплантат зажёгжал, среагировав на изменившееся настроение, и оживил мысли командора. --- Мы покажем этим трусам из Гвардии Ворона настоящую войну!

--- А как насчет посланника магистрата войны? --- прошептал Кордассис. --- Что если он снова решит вмешаться?

--- Он здесь один, --- ответил Делеракс. --- И на него теперь можно не обращать внимания.

--- Понятно, --- сказал Кордассис. --- Хотите, чтобы я разобрался с ним прямо сейчас?

Эта мысль потешила Делеракса --- позыв к убийству, стимулированный его имплантатом. Он вздрогнул, представив,

как изувеченный представитель Хоруса
валяется у его ног, но сумел подавить
жажду убийства.

--- Нет, --- ответил он Кордассису. ---
Пока нет причины навлекать на себя
неудовольствие магистра войны, как бы
приятно это ни было. Просто будь готов,
когда понадобится мне.

--- Бүдү, --- ухмыльнулся Кордассис. ---
Насчет этого не беспокойтесь.

Делеракс вновь взглянул на
хронометр. До начала атаки оставалось
четыре часа. Он был доволен, понимая, что
добрется до орбиты вовремя, чтобы
принять участие в бою. Десантные
капсулы были подготовлены к
немедленному запуску, двадцать его
телохранителей готовы.

Комендор-лейтенант сидел в кресле,
пытаясь сохранять спокойствие. Это была
непростая задача: в голове мелькали
видения, что он сделает с Гвардейцами
Ворона. Его имплантат отзывался на
мысли об убийстве, вознаграждая их
новыми дозами химических

сти муляторов.

--- Входящее сообщение от командования легиона, --- сообщил Кордассис. Прочитав послание, он зарычал от злости. --- Комендор-лейтенант, вблизи от Усстваана-четыре замечены вражеские корабли. Нашему отряду приказано направиться туда и атаковать их.

--- Туда? --- взревел Делеракс. --- Сейчас? А как же нападение на Гвардию Ворона? Мы не можем допустить, чтобы легион сражался без поддержки с орбиты.

--- Приказание магистра войны, --- ответил Кордассис, выразительно взглянув на комендора-лейтенанта.

--- Мне приказывает мой примарх, --- бросил Делеракс.

--- Командование легиона подтвердило приказ, --- заверил Кордассис, печально покачав головой. --- Он заверен Ангроном.

--- Пусть с этим делом разбираются другие, --- не сдвигаясь Делеракс. --- Они прекрасно обойдутся без нас.

Внутренний коммуникатор внезапно с треском пробудился к жизни, и механический голос перебил его на

полуслове.

--- Я слышал послание вашего командования, --- сообщил голос. --- Почему вы до сих пор не изменили курс, чтобы покончить с возникшей угрозой?

Сжимаая кулаки, Делеракс боролся с искушением разбить громкоговоритель. Он глубоко вздохнул, успокаивая себя, поскольку лоботомизатор отправил в его мозг очередную порцию гормонов и хитикалий. С некоторым трудом он разжал пальцы и щелкнул клавишей связи.

--- Во время высадки мне уже не дали повоевать, и теперь это не повторится, --- сказал он посланцу Хоруса. --- К тому же тактически неверно оставлять атаку без поддержки с орбиты.

--- Этим займутся другие корабли нашего флота, --- ответил костодесантник. --- Полученные вами указания вполне ясны, комендор-лейтенант. Выполняйте!

--- Пусть другие корабли разбираются с проблемой у Усстваан-четыре, --- огрызнулся Делеракс. --- Пожиратели Миров должны защищать своих братьев.

--- Вы --- участник союза, командор-лейтенант, --- ответил голос. Его полное спокойствие и уверенность бесили Делеракса еще сильнее. --- Каждый из нас вносит свой вклад в победу. Ваш в данный момент состоит в том, чтобы присоединиться к остальным кораблям флотилии, движущимся к Усстваану-четыре. Не забывайте, что вы --- Легионес Астартес. Соблюдайте дисциплину и выполняйте приказ.

Бранну было не по себе, когда он наблюдал, как яркие точки на экране сенсора удаляются от орбиты Усстваана-V. Мрачные предчувствия тучили его еще до прихода в эту систему. Но с того момента, как он осознал масштабы свершившейся измены, они стали его постоянными спутниками. По крайней мере в отличие от Валерия он сохранял подобие самообладания.

Префектор переходил от ступора к откровенной панике и обратно. В данный момент он спал, уронив голову на монитор и что-то бормоча во сне; дергался и

постанывал, пальцы скребли по металлу консоли, за которой он забылся сном. Бранн мог лишь догадываться, какие кошмары терзали его во сне, и радоваться, что Легионес Астартес невосприимчивы к подобным вещам.

--- Флот Пожирателей Миров уходит, --- объявил один из специалистов по сканированию.

--- Сработало, --- сказал командор и живнул на вздрагивающего префектора. --- Разбудите Марка.

Один из помощников осторожно потряс офицера Имперской Армии за плечо. Валерий со стоном очнулся от сна и обвел мостик перепуганными глазами. Через несколько мгновений он пришел в себя и уставился на Бранна.

--- Что происходит? --- спросил он, скребя обгрызенными ногтями небритую щеку.

Бранн указал на экран.

--- Получилось? --- недоверчиво ахнул Марк. Затем на его лице вспыхнула ухмылка. Расстелевшись, он широко раскрытыми глазами взглянул на

командора Гвардии Ворона. --- Они
проглотили наживку! Проглотили!

--- Вот именно, --- ответил Бранн. ---
У нас меньше двух часов, чтобы выйти на
позицию. Через час начнется построение
для общего десантирования. Сообщите
экипажам своих шаттлов.

--- Да-да. --- Валерий поплелся к двери.

--- Но прежде чем идти к людям, я
предложил бы вам привести себя в более
приличный вид, --- добавил Бранн.

Валерий оглядел свою измятую
форму и провел пальцами по щетине на
подбородке. Он кивнул и поправил свой
шарф. Потом, нервно закашлявшись,
покинул мостик, идя медленно и
осторожно. Когда он исчез, Бранн вновь
переключил внимание на экипаж, радуясь,
что избавился от помехи.

--- Перехватили еще что-нибудь? ---
спросил он.

--- Ничего хорошего, командор, ---
ответил дежурный связист. Он нервно
сглотнул, не глядя Бранну в глаза. --- Судя
по сигналам Пожирателей Миров, они
уверены, что численность легиона внизу ---

десять тысяч человек. Ангрон на всех частотах заявляет, что уничтожит Гвардию Ворона.

--- Мы этого не допустим, --- ответил Бранн. Он повернулся к сенсорной консоли. --- Какие корабли остались у Пожирателей Миров?

--- Ничего, командор, --- ответил специалист. Он стахнул пот с лысой головы и откинулся на спинку кресла. --- Мы не смогли засечь ничего.

--- Возможно, это и есть замаскированная ловушка, --- вслух подумал Бранн. --- Вероятно, их корабли сидят в засаде и поджигают нас. Быть может, они все это время следили за нами и теперь хотят подманить.

--- Вряд ли, командор, --- возразил помощник. --- На таком расстоянии даже при минимальном уровне сигнала мы засекли бы любые следы плазмы. Нас не видят лишь благодаря отражающим щитам. У Пожирателей Миров их просто нет.

--- Но это бессмысленно, --- заметил Бранн, возвращаясь на командный трон. ---

Зачем оставлять в своей обороне такую брешь? Хоть какие-нибудь корабли идут, чтобы поддержать атаку с орбиты?

--- Никак нет, командор, --- ответил офицер за сканером. --- Единственный корабль неподалеку от нас --- боевая баржа Пожирателей Миров, и она меняет курс, чтобы присоединиться к основному флоту.

Бранн насторожился. Это была не просто глупая оплошность. Казалось невероятным, что костогесантник мог совершить такую ошибку.

--- Наземная оборона в этом районе? --- спросил он.

--- Никакой, насколько нам известно, --- ответил офицер. --- Архивы по Усстваану пять свежие. Горный район, почти ненаселенный, оборонительных сооружений никаких. Мы слишком далеко, чтобы засечь там что-нибудь, не обнаружив при этом себя.

Какой бы пугающей ни казалась эта явная ошибка, имелаась возможность, которую нельзя было упускать. Бранн вновь проверил дисплей, высчитывая радиусы действия сканеров и скорость

вражеских судов. Они были слишком далеко, чтобы отреагировать на появление кораблей Гвардии Ворона. Чем дольше он выжидал, тем больше было шансов, что Пожиратели Миров начнут атаку. Ангрон всегда славился нетерпеливостью и вполне мог начать штурм раньше времени. Скрытность уже принесла свои плоды. Теперь пришло время показать, на что способна быстрота.

Бранн развернулся к связистам.

— Приказ по флотилии. Снять отражающие поля и всю мощность переключить на двигатели и навигационные системы. Подготовить все взлетные палубы и десантные отсеки к немедленному запуску. Экипажам занять свои места. Это наш шанс нанести удар. Пусть враг знает, что Гвардия Ворона еще жива!

Металл звенел, встретившись с металлом и наполняя грохотом каюту Делеракса. Стальные пластины стен прогибались и рвались под ударами кулаков; после каждого в воздух летели

стальные осколки. Хрипя и рыча, Делеракс бил в стену, сопровождая каждый сокрушительный удар возгласами досады. Ярость сжигала его разум, а имплантат продолжал подпитывать ее коктейлем из стимуляторов.

На фоне грохочущих ударов сердец он едва расслышал сигнал тревоги, вопящий по системе связи, и не обратил на него внимания, продолжая изливать свой гнев на изуродованные стены, вбивая растрескавшиеся перчатки доспеха в металл, пока не добрался до рокристовой переборки, лежащей под ним. Но сквозь ярость пробился другой, более настойчивый звук — боевая тревога.

Дрожа от бешенства, Пожиратель Миров чуть не раздавил панель связи, изо всех сил ткнув в нее пальцем. Из динамика посыпались искры, но он еще работал, и сквозь рев крови в уши Делеракса проник голос старшего офицера по сканированию.

--- Комендор-лейтенант, мы обнаружили вражеский флот, приближающийся к орбите Усстваана-пять. Он направляется к позициям

легиона!

--- Боевой разворот, двигатели --- на полную! --- Делеракс зарычал. Его не интересовало, ни что это за корабли, ни как они сумели проскользнуть незамеченными. Ему сразу стало легче, и гнев начал рассеиваться.

Он выскочил из каюты и кинулся на мостик, тяжело грохоча по коридорам, пока не добрался до ленты механического транспорта. В ухе прозвенел вызов по личной системе связи.

--- Комендор-лейтенант, какие будут приказания? --- спросил Кордассис. --- Сенсоры сообщают о боевой барже Гвардии Ворона и двух крейсерах сопровождения.

--- Атаковать! --- рявкнул Делеракс, входя в раскрывшиеся двери и ступая на движущуюся ленту. Он нажал кнопку мостика. --- Развить полную скорость для перехвата флагмана!

--- Разумно ли это? Перевес на их стороне.

--- Умейте хоть каплю гордости, Кордассис! Из-за трусливых уверток Коракса мы и так все выглядим дураками.

Атакуют, как погубает Пожирателям
Миров!

Раздался звук другого подключения к
каналу связи, и через несколько мгновений
в ухе Делеракса зазвучал голос
представителя Хоруса.

--- Почему мы изменили курс,
комендор-лейтенант?

--- Вы что, все проспали? Гвардия
Ворона пытается улизнуть!

Достигнув уровня мостика,
транспортер дернулся и направился в
носовую часть боевой баржи.

--- Это не ваша забота, комендор-
лейтенант, --- ответил представитель
Хоруса. --- Проблема уже решается.

--- Как? --- огрызнулся Делеракс. --- Мы ---
единственный корабль, у которого есть
надежда перехватить эвакуационный
флот.

--- Данный вам приказ остается без
изменений, комендор лейтенант. Если вы
будете и дальше столь упорно ему не
подчиняться, я отстраню вас от
командования.

--- Это мой корабль, и таким, как ты,

меня не запугать, — ответил Делеракс. Он вытащил из уха динамик и запустил им в стальную стену транспортера. Через несколько секунд двери плавно открылись. Пожиратель Миров выскочил в коридор и повернул к мостику.

Там его уже ждал Кордассис в полном боевом доспехе, за исключением шлема, висящего на поясе. Капитан улыбнулся, и шрамы на его лице искривились.

— Не послушались своего опекуна? — ухмыльнулся Кордассис.

— Как он сможет меня остановить? — Делеракс навис над штурманами. — Скоро мы доберемся до кораблей Гвардии Ворона?

— Через двадцать шесть минут, — ответил один из них. — Или через двадцать, если максимально перегрузим реакторы.

— Сделайте это! Каждая минута промедления дает Гвардии Ворона шанс избежать атаки Ангрона. — Он переключился на офицера связи. — Получены какие-нибудь сообщения от командования легиона или примарха?

— Никак нет, комендор-лейтенант, —

ответил техник. -- Возможно, они даже не подозревают о появлении флота.

-- Тогда сообщите им эту новость и упомяните, что мы готовимся атаковать противника, -- бросил Делеракс. Глядя на Кордассиса, он обратился ко всем членам команды, находившимся на мостике: -- Сегодня наши имена будут занесены в почетные списки Пожирателей Миров. Мы станем причиной гибели Коракса и его легиона!

* * *

-- Установлен контакт с примархом! -- Сообщение Валерия о том, что Коракс жив, вызвало всеобщее ликование на мостике. -- Десантные капсулы уже приземляются.

Бранн кивнул, показывая, что понял, и взглянул на главный экран. Боевая баржа Пожирателей Миров была обозначена на нем красной точкой. Она прямоком направлялась к «Мстителю».

--- Сколько до завершения эвакуации? ---
спросил он.

--- Тридцать минут, самое малое, ---
ответил Валерий.

--- Слишком долго, --- пробормотал
Бранн. Закованным в перчатку пальцем он
включил общую частоту флотилии. ---
Командор Бранн всем кораблям.
Оставайтесь на исходных позициях.
Эвакуация --- ваша единственная задача!

В ответ пришла серия
подтверждений. Это был большой риск.
Корабли располагались на орбите очень
низко и слишком близко друг к другу,
чтобы нормально сражаться с
приближающейся баржей Пожирателей
Миров, но если они рассредоточатся, для
подъема на орбиту потребуются еще
больше времени. Когда все шаттлы и
десантные челноки снова окажутся на
борту, Гвардия Ворона сможет отбиться
от атакующего их противника и улететь
отсюда.

--- Первый челнок загружен и
взлетает, --- доложил Валерий.

Один из связистов вдруг растаял.

--- Послушайте! --- сказал он, переключая сигнал на громкоговорители командного мостика.

--- ...тупаюм! Вперед, за нити, мои Пожиратели Миров, не дайте им уйти! --- раздался над мостиком исполненный ярости звериный вой. --- Коракс! Я знаю, ты слышишь меня! Вернись и сражайся, как погодноет костодесантнику, трус! Я обещал обагрить свой клинок твоей кровью и бросить твою голову к ногам магистра войны, и я это сделаю! Сразись со мной, ты, подлый ублюдок!

Голос Ангрона сменился рычанием и бессвязными хрипатами. Бранн сделал знак офицеру отключить трансляцию.

Медленно таяли минуты. Бранн сидел на командном троне, поглядывая то на хронометр, то на экран, показывающий местонахождение вражеской баржи. Она находилась довольно близко.

--- Коракс на борту последнего десантного челнока! --- сообщил Валерий. Он плюхнулся в свое кресло и взглянул на Бранна. --- Теперь вы мне верите?

Командир Гвардии Ворона пересек
мостик и осторожно сгреб в ладонь
красный шарф на груди префектора.

--- Ваша жизнь снова принадлежит
вам, --- сказал Бранн и, выпустив шарф,
разгладил оставленные рукой складки. ---
Честь вашего рога осталась
незапятнанной. Прошу прощения за
подозрения, Марк.

Валерий вздохнул и улыбнулся.

--- А ведь все это на самом деле
ничего не значит, верно? --- сказал он,
держая себя за шарф. --- Честь, верность,
семья. Хорус ни о чем таком не думает.

--- Именно поэтому они теперь значат
намного больше, чем когда-либо, ---
ответил Бранн. --- Особенно верность.

Вдоль бортов «Гнева посвященного»
открылись оружейные порты, являя взору
батареи макронушек, плазменных
ускорителей и ракетные шахты: словно
ощерилась свирепая гончая. На нагналубной
настройке начали вращаться турели,
выдвинувшиеся из бронированных башен. По
всей глине боевой баржи работали

тортозные двигатели, замедляющие скорость перед атакой; корабль заложил изысканный вираж вправо, чтобы мощные орудия левого борта могли открыть огонь.

Делеракс стоял на мостике позади командного трона, ухватившись за его спинку. На дисплее мелькали сигналы о местонахождении кораблей Гвардии Ворона и летящих к ним десантных челноков. Пожиратель Миров рассчитал угол атаки, который позволит ему оказаться между боевой баржей противника и возвращающейся flotилией десантных кораблей.

Он услышал, как с треском распахнулись двери, ведущие на мостик, и, обернувшись, увидел посланника Хоруса. Костодесантник был в шлеме, как всегда с момента появления на борту, и доспехи синего цвета, но без единого знака различия.

— Прекратить атаку, комендор-лейтенант! — Приказ был отдан спокойным, но резким тоном. Он прозвучал из внешней системы связи костодесантника, и к голосу явно были

добавлены искусственные модуляции.

Делеракс растеялся и отвернулся к главному экрану.

--- Кораксу и его легиону конец, --- сказал он. --- Взгляните сами. Не пройдет и десяти минут, как мы откроем огонь и уничтожим их навсегда.

--- Властью, данной мне магистром войны, я приказываю вам немедленно прекратить атаку! --- повторил костодесантник.

--- Здесь эта власть ничего не значит, --- заявил Делеракс. Он развернулся и встал лицом к лицу с чужаком. --- Если хочешь, чтобы твоим приказам подчинялись, ступай обратно в свой Альфа-Легион.

--- Решено, что Коракс еще не до конца сыграл свою роль, --- сказал Альфа-Легионер. --- Ему еще дозволено пожить.

--- Решено кем? Тобой? --- В голосе Делеракса звучало неприкрытое презрение. --- Кто ты такой, чтобы решать?

--- Я --- Альфарий, --- ответил легионер.

— Убирайся с моего мостика, или
отсюда унесут твой труп!

Делеракс увидел, как Кордассис встал
слева от него, вытаскивая из кобуры болт-
пистолет. Пожиратель Миров улыбнулся.
Но его улыбка погасла, когда он
почувствовал прикосновение холодного
дула к щеке. Немного повернув голову, он
увидел, что пистолет приставил
Кордассис.

— Что такое? — прошипел командор-
лейтенант. — Кордассис, что ты делаешь?

— Я не Кордассис, — ответил
костогесантник, держащий
болтпистолет. — Я — Альфарий.

Делеракс изогнулся и нырнул под
ствол предателя. Вылетевшая из дула
вспышка ослепила Пожирателя Миров, и в
следующее мгновение он почувствовал, как
левая половина его черепа взорвалась.

Бранн стоял на посадочной палубе,
наблюдая, как садятся десантные челноки.
Первые из них уже высаживали своих
пассажиров. Уцелевшие Гвардейцы Ворона
устало спускались по rampам на палубу.

Выглядели они ужасно: большинство ранены; доспехи похожи на лоскутные одеяла — тут серебряный наплечник Железного Воина, там серый нагрудник Несущего Слово; броня была потрескавшейся и изломанной, в пятнах крови и грязи. И на всех лицах, в которые смотрел Бранн, читалась безмерная усталость. С остекленевшими глазами последние оставшиеся в живых после резни в зоне высадки брели по посадочной палубе под радостные возгласы и улыбки воинов Бранна.

Приземлился последний шаттл. Едва опустилась рампа, как Бранн оказался рядом с ней. Первый появившийся из корабля костодесантник выглядел необычно, в его доспехах все мыслимые цвета смешались с простым керамитом. От изначального доспеха остался только наплечник со значком легиона. Он стащил с головы шлем и бросил его на палубу.

— Азанимо! — рассмеялся Бранн. Он хлопнул ладонью по груди своего настоящего брата. — Я так и знал, что ты жив. Ты слишком упрям, чтобы

позволить чему-нибудь такому себя
прикончить.

Бранн оглядел брата, изумляясь его
странному виду. По правой щеке
костюгесантника к горлу сбегал свежий
шрам, но в остальном это было то же
лицо, которое Бранн знал всю жизнь.
Аганимо слабо улыбнулся в ответ. Его
глубоко посаженные карие глаза ласково
смотрели на брата. Потом он обнял
Бранна за шею и притянул к себе. Двое
соприкоснулись лбами в знак уважения и
дружбы.

— Я вижу, ты не мог остаться в
стороне от неприятностей, Бранн.

Отступив от Аганимо, командор
увидел спускавшегося по рампе Коракса.
Примарх возвышался над своими Легионес
Астартес, его черные доспехи были
такими же измятыми и побитыми, как у
тех, кем он командовал.

— Я следил за вашими передачами, —
сказал Коракс. — Почему противник
прервал атаку?

— Не имею представления, лорд
Коракс, — ответил Бранн. — Возможно,

они решили, что связываться сразу с тремя кораблями -- не лучшая идея.

-- Где они теперь? -- спросил примарх.

-- В сотне тысяч километров отсюда, -- сказал Бранн. -- Не похоже, чтобы они собирались повторить атаку.

-- Странно, -- заметил Коракс. Он покачал головой, словно отгоняя какую-то мысль. -- Прикажи остальным кораблям держать курс на Освобождение.

-- Слушаюсь, лорд Коракс, -- Бранн прижал кулак к груди. -- А куда пойдём мы?

-- На Терру, -- ответил примарх. -- Я должен получить аудиенцию у Императора.

Из черепа Делеракса текли кровь и мозги. Комендор-лейтенант Пожирателей Миров чувствовал, как вместе с ним из него уходит сама жизнь. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой и не чувствовал ничего ниже шеи. Даже дыхание давалось с трудом.

Он скосил глаза на Кордассиса, загадая, на кого же он смотрит на самом деле.

--- Почему? --- еле слышно прошептал он.

Альфа-Легионер появился в поле зрения и склонился над Делераксом. Пожиратель Миров увидел отражение своего изуродованного лица в его темных глазных линзах. Под маской безразличия не были видны истинные мысли и чувства костодесантника. Его металлический голос показался Делераксу, делающему последний судорожный вдох, бесконечно далеким:

--- В такие времена, как теперь, даже самое проверенное лицо может оказаться врагом.

Дэн Абнетт

МАЛЕНЬКИЙ ХОРУС

С виду невинный цветок, но
змея таится под ним.

Лит. Комментарий

Поговорим о Маленьком Хорусе Аксиманге. Его символом был полумесяц, и характер в соответствии с температурой склонялся к меланхолии. По мнению многих, этим объяснялось преобладающее в нем настроение печали и внутренней тревоги, хотя сам он это отрицал.

--- Меланхолический характер часто воспринимают неправильно, --- говорил он. --- Вы мыслите слишком буквально. На самом деле это сродни осени, дух пассивного изменения, ускоритель смерти, начало всех концов и начал. Осень очищает мир, чтобы на его месте мог возникнуть новый. Это и моя цель. Я не

зрүщү.

Разумеется, после того как Хорусу восстановили лицо, оно всегда казалось рассерженным.

* * *

На пути у них лежал Двелл, требовавший просвещения. Его обитатели уже были знакомы со Старыми Путиами. Тени Долгой Ночи были изгнаны с их земель, и к моменту исправления, случившемуся тридцать два года назад, они стали вполне покладистыми. Двелльцы снарядили в армии Крестового похода восемьдесят отличных и верных полков.

Тем не менее еще были свежи воспоминания об Исстваане, и слухи о позоре стремительно разлетались повсюду. По секторам Момед, Инстар и Окүэт прокатилась волна яростных сражений. Их зачинщиком был командир Железных Рук, лишенный плоти

военачальник клана Сорргол по имени Шаграк Медузон. Именно он повел верноподданных Императора против приближающегося флота Шестьдесят третьей экспедиции Воителя. Медузон со своими войсками не успел на помощь своему железнорукому повелителю на Устваан-V. В его сердце из сложного сплава клокотали ярость и расчетливая жесткость. Он собрал пятьдесят восемь полных батальонов Имперской Армии -- воинства с пустотных ульев Момега, -- а также флотилию осадных громагин скитальцев с Нахан Унстар, остатки Салатангр, некоторые кланы Механикум и рейдерские соединения Белых Шратов, прилкнувших к нему вместо того, чтобы возвращаться на фронт Чонгакса.

Двелл с его укрепленными городами, орбитальными батареями, флотскими училищами и восьмью миллионными отлично сражающихся мужчин должен был стать краеугольным камнем линии Медузона. Всякий понимал, что Старейшины Двелла никогда не выступят против Трона.

Первоочередной задачей было просветить их, пока они не встали под знамена непримиримого сына Медузы.

Своим именем Аксиманг обязан внешности, хотя в Шестнадцатом легионе он был не единственным воином, с похожим лицом к примарху. Избирательная генетика обеспечила такое сходство многим, в том числе Первому капитану. Они были истинными сынами среди всех сынов.

Но Аксиманг походил на него больше остальных. И не только лицом; в манерах тоже было что-то общее. Он звался Хорусом — обычное имя для Хтонии, ставшее популярным благодаря примарху. В конце концов все они были Сынами Хоруса.

Маленький Хорус Аксиманг — так его называли, одновременно ласково и насмешливо. Но он вовсе не был маленьким. Капитан Пятой, один из четырех членов Морниваля.

— Эдешний капитан в другой компании был бы почти примархом, —

сказал Абаддон, имея в виду Аксиманга.

После реплантации остался шрам, который изменил расположение мышц. Из-за него выражение лица стало совсем иным. Но каким-то образом этот изъян усиливал, а не уменьшал сходство с Хорусом.

Сталь, откованная на Медузе, была острой...

Ему снился сон, о котором он никогда никому не рассказывал. Первый капитан Абаддон объявил, что сны являются слабостью, от которой Агентус Астартес следует избавляться. Не знающие сновидений Лунные Волки, несомненно, были самыми совершенными из всех.

Но времена изменились. И Лунные Волки стали Сынами Хоруса, родство обернулось злом. Всеотец человечества стал врагом. А Маленький Хорус Аксиманг после Усстваана начал видеть сны.

Сон повторялся и во всех деталях копировал случившееся с ним наяву, но в нем всегда присутствовал кто-то еще.

Этот кто-то приходил незванный, всегда оставаясь вне поля зрения, среди далеких теней, в другой комнате. Капитан не видел его лица, но знал, что он тут.

Акситанг чувствовал на себе его взгляд и слышал дыхание.

Сначала Маленький Хорус боялся снов: боялся засыпать и того, что скажет Абаддон, если узнает; боялся безликого чужака, наблюдавшего за ним во сне. Но он не страшился перемен. Изменчивость была частью его характера.

--- Меланхолический нрав переменчив, --- говорил он. --- Он подобен осени, а это время года стремится к изменениям, ускоряет приход смерти и начало всех концов и начал. Осень очищает мир, готовый к обновлению. Это и моя цель. Я не боюсь!

Опять-таки, после того как лицо восстановили, он перестал быть похожим на самого себя.

Еще одним новшеством, на которое пришлось пойти после Усстваана, стало

упразднение Морнивала. Изменение названия Шестнадцатого, стена цвета доспехов -- все это было принято охотно, как позитивное подкрепление решимости. Они никогда не изменяли своей клятве, служили Хорусу и Империи.

Однако Морниваль был болезненной потерей. Горстка сынов, ровесников и братьев, избранных для того, чтобы держать совет с магистром войны, всегда являлась чем-то жизненно важным и органичным.

Маленький Хорус все еще носил знак полутесеца на шлеме, над правой линзой.

Когда флот переместился в систему Двелл, он заговорил на эту тему с Аббадоном.

-- Эта концепция устарела, -- сказал Первый капитан. -- Видишь, какую дурную службу Морниваль сослужил нам на Устваане?

-- Это люди сослужили нам дурную службу, -- ответил Акситанг, -- а не Морниваль. От Морнивала всегда ожидали взвешенных советов. Предполагалось, что там будут спорить и

не соглашались друг с другом, чтобы мы
могли должным образом обсудить каждый
вопрос и быть уверенными в том, что
пришли к разумным заключениям.

Абагдон с сомнением смотрел на него.
Аксиманг улыбнулся в ответ.

— Но правде говоря, — добавил он, —
те решения, что мы должны были принять
на Давине и Усстваане, были настолько
необычными, а разногласия настолько...

— Насколько что? — спросил Абагдон.

— Значительными. Проигравшие спор
не могли оставаться в живых. Таков
порядок вещей. Когда вопрос настолько
важен, несогласные становятся врагами.
Они должны были сказать нет, потому
что их нет охватило наше да.

Они. Абагдон и Аксиманг больше не
называли имен. Разве что прежних членов
Морниваля: Берабагдон, Сиракул, Янипур
и дорогой Сеян. О них говорили как о
любимых предках. Но двое других
появились и исчезли, и их имена никогда
не произносились. Это воспоминание было
слишком болезненным даже для
трансчеловека.

--- Этот механизм всегда
срабатывал, --- настаивал Аксиманг,
понизив и без того тихий голос до едва
различимого шепота, вынуждая Абаддона
склониться к нему, чтобы расслышать.
Под ними на огромном мостике кипела
жизнь.

--- Механизм срабатывает всегда,
даже когда нам приходится убивать
несогласных. Этот метод был надежным и
полезным. Морниваль обеспечивал баланс и
служил гарантией правильных решений.

--- Ты восстановил бы его? --- спросил
Абаддон.

--- А разве сейчас баланс нам не нужен
больше, чем когда либо?

--- Ты восстановил бы его? --- Абаддон
повторил свой вопрос.

--- Он никогда и не исчезал, --- сказал
Аксиманг. --- Просто в нем появились
свободные места.

--- И кого бы ты выбрал? --- спросил
Абаддон.

--- А ты?

Абаддон фыркнул:

--- Таргоста.

Аксиманг пожал плечами:

--- Разумное предложение. Сергар Саргост наш до глубины души, но он еще и магистр логики. А для логики нужен ясный рассудок, не забитый проблемами Морнивалы.

Абагдон кивнул, соглашаясь с разумностью сказанного.

--- Фальк Кибре, --- предложил он.

--- Хм. --- Аксиманг снова улыбнулся. Отъявленный головорез Кибре был истинным сыном, но и капитаном Юстаэринцев, а следовательно, заместителем Абагдона. Слишком много власти в одних руках. --- Кибре --- отличный парень... --- начал он.

--- Кэл Экагдон, --- сказал Абагдон, не дав Аксимангу закончить фразу.

Экагдон... Капитан отделения Катүланских Налетчиков. Еще один из роты Абагдона. Аксиманг засомневался, верно ли Первый капитан понимает концепцию баланса.

--- Теперь ты предлагай, --- сказал капитан.

--- Тибальт Марр.

--- Тот, который «и то, и се»? Хороший человек, но у него нет вкуса к такой работе. Он до сих пор не вышел из тени Мойя. Кибре отлично...

--- Церрог, --- продолжал Аксиманг.

--- У него забот по горло, он принимает Тринадцатую после смерти Сегирэ, --- ответил Абагдон.

--- Он бы подошел.

--- Верно, но у него есть новые обязанности.

--- Граель Ноктюа, --- предложил Аксиманг.

Первый капитан помедлил.

--- Из Двадцать пятой, «Новязанных с Войной»?

--- Да.

--- Он всего лишь командир отделения.

Аксиманг пожал плечами. Он взял с приставного столика серебряный кубок и отхлебнул из него.

--- Нет такого правила, что члены Морнивала обязательно должны быть ветеранами или капитанами. В самом деле, если бы он состоял только из старших, какой в этом смысл? Морниваль

--- баланс и перспектива. Разве
проницательность хорошего командира
отделения не сможет дополнить мнение
Первого капитана?

--- Ноктюа --- хороший солдат, ---
задумчиво сказал Абагдон.

--- Будущий капитан.

--- Он молод.

--- Когда-то мы все были молодыми,
Эзекиль.

Абагдон взял свой кубок, но не для
того чтобы пить, а чтобы было чем
занять руки, пока он размышлял.

--- У прецедент уже есть, --- сказал
Акситанг. --- Хочу напомнить тебе, что
Сиракүл был командиром отделения, когда
Лит предложил его кандидатуру. Он
подавал большие надежды. Молод, но Лит
разглядел его лучшие качества. Ты сам
говорил: Сиракүл стал бы Первым
капитаном, останься он в живых.

--- То же можно сказать о многих, ---
ответил Абагдон. --- Нужно
посоветоваться с Лүперкалем и...

--- Зачем? --- спросил Акситанг. ---
Морниваль всегда был независимым

органом. Таким он и нравится Лунеркалю.

Абагдон нахмурился.

--- Пожалуй. Утак, Кибре и Ноктюа?

--- Да.

--- Ты наладишь контакты с Ноктюа, если я попробую подкатиться к Фальку?

--- Договорились!

--- Поставь его рядом с собой на Двелле, -- сказал Абагдон. -- Испытай еще раз, для полной уверенности. Знаешь старую поговорку? Два раза отмерь, один раз отрежь.

Мавзолейный Двор считался одним из трех важнейших объектов, наряду с Главным портом и Городом Старейшин. Зона была расположена на высоком плато, возвышавшемся над Тийюном и морем Энны. В ее громадных каменных сооружениях покоились мертвецы Двелла, причем каждое предшествующее поколение подвергалось ритуальной кибернетизации, чтобы их коллективные мысли, воспоминания и накопленные знания стали общедоступны, как книги в библиотеке.

За Мавзолейный Двор отвечал

Аксиманг. Первая рота должна была возглавить атаку на Город Старейшин. Лимонану, действующему лорду-командующему Армией, предстояло заняться портом, а возглавить удар должны были Церрог и Тринадцатая.

--- Я буду разочарован, если мы лишимся такой ценности, как Мавзолейный Двор, --- сказал магистр войны Маленькому Хорусу. --- Но если мы проиграем это сражение, я буду разочарован еще сильнее. Сожгите ее, но только если не будет другого выхода.

--- Да, милорд, --- сказал Аксиманг.

--- Аксиманг?

--- Да, милорд?

--- Мне кажется, ты меня не слушаешь.

--- Прошу прощения, Луперкаль. Просто на миг...

--- Что?

--- Мне послышалось дыхание, милорд.

Магистр войны воззрился на него с некоторым изумлением.

--- Мы все дышим, --- сказал он.

--- Нет, я имел в виду... Разве вы не

слышите?

--- Я слышу слабость, --- сказал Воитель. --- Откуда эта неуверенность, Аксиманг? Ты нервничаешь.

--- Милорд, кроме нас здесь есть еще кто-нибудь?

--- Нет, никого. Я точно знаю.

Аксиманг поднялся на ноги.

--- Тогда кто же это? --- спросил он. --- Милорд, кто же тогда стоит вон там, по эту сторону огня?

--- О, Маленький Хорус, --- сказал магистр войны, --- в тебе начинается звучать голос безумия.

И едва Аксиманг понял, что это так, он проснулся.

Он собрал своих командиров отделений и еще раз просмотрел тактические данные. Вероятно, Аксиманг был самым добросовестным из всех капитанов Шестнадцатого легиона. Не то что, например, Таргост, которого всегда интересовали лишь самые общие сведения о задании, а подробности раздражали. Аксиманг любил знать все,

вплоть до мелочей. Он изучил сводки погоды. Выучил названия и фазы всех одиннадцати лун Двелла. Просмотрел составленные разведкой планы Мавзолейного Двора и заставил стратегических архитекторов флота создать ее сенсорную модель, чтобы он мог побродить по ней.

Он знал наизусть названия частей противника. Тийунатские Срочники — высококлассное подразделение церемониального городского войска, задачей которого по традиции была охрана Двора. Ценная Вуаль — элитные части, названные так благодаря ритуальной завесе вокруг тронов Старейшин Двелла; по слухам, они усилили оборону Мавзолейного Двора.

Пока не было никаких подтверждений того, что Медузой или кто-нибудь из его представителей прибыл на Двелл. Если они опередят Шестьдесят третью, то считалось маловероятным, что станут лично оборонять Двор. Скорее, эту задачу поручат одному из его доверенных командиров, быть может, Биону

Хенрикосу или кому-нибудь из капитанов
Белых Шрамов вроде Хибу-хана или
Кублона Беска.

--- Будет надеяться на Пятый, ---
сказал Лев Гошен, капитан Двадцать
пятой роты, который должен был
возглавить вторую волну наступления,
вслед за отрядом Аксиманга. --- Они
терпеть не могут находиться в глухой
обороне и сойдут с ума от ожидания еще до
начала нашей атаки, просто от сидения на
одном месте.

--- Не стоит недооценивать Шрамов, ---
сказал Граель Ноктюа, сержант
тактического отделения «Повязанных с
Войной».

Гошен посмотрел на дисплей
стратегии ума, взглянул на Ноктюа и
встретился глазами с Аксимангом.

--- Значит, он получил право голоса, ---
заметил он.

Когда объявили, что во время
шторма Мавзолейного Двора Ноктюа
будет помощником Аксиманга, в высших
эшелонах легиона начался ропот.

--- Мне посоветовали распорядиться

ил как можно лучше, капитан, -- сказал Ноктюа. В Ноктюа была некая сдержанность и замкнутость, кого-то етупящая напотинаяшая.

Внешне Траель был истинным сыном, а вот характер имел необычный: меньше от высокомерного харизматика и больше от расчетливого интеллектuala. Характеризуя его, Аксиманг говорил, что он скорее холодное оружие, нежели огнестрельное.

Гошен ухмыльнулся.

-- Давай послушаем твои мудрые мысли, Ноктюа, -- сказал он.

-- Я имел честь служить рядом с подразделением Пятого легиона семь лет тому назад, во время приведения к Согласию системы Тирады. Их боевое мастерство произвело на меня впечатление. Они напомнили мне Волков.

-- Лунных Волков? -- уточнил Гошен.

-- Волков Фенриса, сэр, -- ответил Ноктюа.

-- Ты уже упомянул двух врагов, -- сказал Гошен. -- Ты хоть понимаешь, что они наши враги?

--- Я понимаю, что оба смертельно опасны, --- ответил Ноктюа. --- Разве мы не должны в первую очередь принимать во внимание сильные стороны противника?

Гошен колебался.

--- Здесь терраса, а тут --- площадка, --- сказал он, возвращаясь к дисплею с изображением карты. --- Чтобы добраться до них, нам понадобится прикрытие с воздуха.

Совещание продолжалось. Аксиманду почудилось на миг, что кто-то еще хотел высказаться, некто пришедший слишком поздно и теперь стоявший за спинами офицеров.

Но там никого не было.

--- Я слышал, что вы рассматриваете кандидатуры Кибре и Ноктюа, --- сказал магистр войны.

--- Вы всегда все знаете, --- ответил Аксиманд.

--- Значит, не Таргоста?

--- У него есть другие обязанности, --- сказал Аксиманд, --- и мы не хотим, чтобы он распылял свои силы.

Магистр войны кивнул. Он передвинул очередную вырезанную из кости фигуру на стоящей между ними доске. Из всех его сынов Аксиманг более других наслаждался хитроумностью и дисциплиной стратегических игр. В приемной было выставлено немало прекрасных наборов, в большинстве своем — подарки военачальников или братьев-примархов. Здесь были регициг, чатранж, чатүранга, го, хнефтафл, ксагрез, тахнкала, затрикион... Трудно назвать родной мир примарха, не породивший новую военную игру, оттачивающую разум.

— Эзекиль был за Таргоста, не так ли? — спросил магистр войны, пока Аксиманг изучал доску и обдумывал следующий ход.

— Верно, сэр.

— А когда ты отговаривал его от этого выбора, сказал ему истинную причину или придумал что-нибудь более приемлемое для него?

Аксиманг колебался. Он припомнил разговор с Абагдоном, когда решил не говорить, что Таргост, капитан Седьмой

роты, не истинный сын. Он был из
хтонийцев. Аксиманг предпочел не
упоминать об этом.

--- Я не... --- начал было Аксиманг.

--- Не сказал ему? --- договорил за него
примарх.

--- Я не... понимал, что стало
истинной причиной, --- нехотя ответил
Аксиманг.

--- Интересно, когда вы ее поймете.
Тебе так не кажется? --- спросил магистр
войны, откидываясь на спинку кресла. ---
Ты, Эзекиль, Головорез и Ноктюа --- вы
все... Как вы это называете? Истинные
сыны?

--- Истинные сыны, --- эхом
откликнулся Аксиманг.

--- Значит, ты полагаешь, ---
расстелся Боумель, --- это потому, что
ты предпочитаешь успокаивать себя
видом знакомого лица? Или существует
другое лицо, которое ты не хочешь
видеть?

Сухой воздух, холодный и едва
пахнущий солью. Внизу море Энны в

рифтовой долине, словно осколок стекла в
водоводе. На его берегу густонаселенный
город Тийюн, как обломок кораблекрушения
или россыпь разноцветной гальки. На
гальном краю огромной долины, над
поверхностью сонного моря,
противоположная стена долины, отвесная
и бархатисто-черная в рассветных лучах.
Фиолетовое небо, усеянное звездами и
случайными лунами. На севере — первые
отсветы восходящего солнца. На востоке —
фальшивая заря над портом, с полуночи
охваченным огнем. Это дело рук Церрода и
Тринадцатой роты.

При свете утренней зари, пришедшей
на Мавзолейное плато, строения Двора
были похожи на каменные ангары для
огромных воздушных кораблей. Строгие
прямоугольники отделаны желтым
каменем, в первых лучах солнца казавшимся
золотым. Местами их соединяли высокие
колоннады и портики, их колонны из
золотого камня были величиной с древние
секвойи. Тротуары из стали,
отполированной, будто зеркало. Сухой
воздух наэлектризован, словно поблизости

работали огромные электромагнитные установки.

Хваленая Цепная Вуаль пока в Мавзолейном Дворе не показывалась. Ее солдаты смогли ненадолго задержать продвижение Аббадона к Городу Старейшин. Первый капитан кратко и недовольно сообщил об их стойком сопротивлении. Гошен во время наступления захватил бастион к западу от Города; его защитники тоже похвалялись, что они из Цепной Вуали, но Гошен был уверен, что это самые обычные солдаты, выдающие себя за элиту, чтобы казаться более страшными.

Как бы там ни было, он перебил их всех.

Тийунатские Срочники в ослепительных серебристо-малиновых доспехах составляли костяк обороны. Воины были вооружены глиняными силовыми мечами, энергетическими боевыми топорами и пиками, скорострельными орудиями, акустическими минометами, плазменным оружием и лазерными винтовками. Во

время боя они использовали индивидуальные сегментированные силовые щиты и светопоглощающую завесу, скрывавшую великоление их ритуальных униформ. Было ощущение, что каждый из них окутан клочком грозовой тучи.

Щиты оказались досадно неэффективными и на определенном расстоянии отражали почти все выстрелы. Когда болтерные заряды Легионес Астартес пробивали их -- в результате прямого попадания либо в местах сочленения сегментов -- Сročники взрывался изнутри, и его разорванные останки оставались внутри щита, подобно тому, как если бы хлопнула взорвалась внутри сочного фрукта, помещенного в бутылку. Звук таких разрывов был негромкими, приглушенными, словно кто-то хлопал по басовому барабану, обернутому тканью.

Это выводило из себя. Окопавшись вокруг вырисовывающихся вдали сооружений Двора, Сročники действительно сдерживали продвижение

Легионес Астартес. Шестнадцатому не удалось продвинуться ни на шаг.

И все же они были людьми. Всего лишь людьми. Аксиманд чувствовал в этом определенную несправедливость. Силowych щитов, безусловно, не самых лучших, какие он видел в жизни, но эффективных благодаря индивидуальной подгонке и портативности, оказалось достаточно, чтобы Срочники смогли причинить неудобство Сынам Хоруса. Это уже отклонение от нормы, вызванное обстоятельствами. Воины-люди,

насколько бы хороши они ни были, не могли противостоять трансчеловеческим бойцам. Аксиманду хотелось сокрушить их, стереть в порошок за безрассудную смелость, обрушить орбитальную бомбардировку, артобстрел, или даже вызвать один из дивизионов сверхтяжелых бронемашин, словно гигантские крокодилы греющихся на солнышке неподалеку в ожидании его приказа начать истребление.

Однако любое из подобных действий уничтожит и Двор. Срочников хранили

сами здания, которые они обороняли. Аксиманду была дана свобода действий, но он искренне хотел доказать, что не нуждается в ней.

Менее чем через двадцать минут с момента высадки атака на Мавзолейный Двор начала захлебываться. Сыны Хоруса и их армейские союзники потеряли темп, наступление замедлилось, все их преимущества были сведены противником на нет благодаря грамотному размещению профессиональных солдат, в полной мере использующих свои боевые навыки.

Цейг Дурсо, Второй капитан роты Аксиманда, проклинал по воксу всех духоушников и судьбы разом, но Аксиманд понимал, что на самом деле Дурсо проклиняет его. Ксачари Сципион из Металлунских Налетчиков докладывал, что принял командование отделением. Его сержант, старина Гаспир Юнквист, был убит. В голосе Сципиона звучал гнев. Он вызывал апотекариев. Зеб Зеноний из тактического отделения «Горе» сообщал о двух погибших.

Рядом слышалось чье-то дыхание.

Загнанный в укрытие после нескольких попаданий, Аксимандразглядывал небо над плато. Оно все еще было окрашено в чернильно-синие ночные тона, но один краешек уже светлел. В небе виднелись четыре луны Двелла: одна большая, а три другие чуть крупнее звезд. Из-за относительного расположения все они находились в разных фазах — полная, убывающая, полумесяц, растущая.

Эта картина на мгновение стирала гнев Аксиманда. Что это было? Знак? Знамение?

Вокс завибрировал. На дисплее визора появился значок канала Граеля Ноктюа.

— Забудьте про болтеры, — сказал Ноктюа. — Клинки.

— Вот как?

— Подойдите вплотную, и у этих глупцов не останется шансов, — ответил сержант.

Аксиманд улыбнулся.

— В клинки! — выкрикнул он, закрепил болтер на поясе и выхватил из ножен меч, обоюдоострый, силовой, из хтонийской вороненой стали, с гравировкой вдоль

желобка. Он называл его Скорбящий. На его левой руке уже висел боевой щит.

Аксиманд не стал дожидаться исполнения своего приказа. Он выскочил из укрытия, и в его щиток шлема и поножи сразу ударили лазерные разряды. Пригнувшись и выставив перед собой меч, он в два огромных прыжка очутился на колоннаге. Впереди заметил первых Срочников, спрятавшихся за свои щиты, притаившихся среди огромных колонн и ведущих по нему огонь. Он видел их лица — бледные и измученные.

Трансчеловеческий ужас. Аксиманд слышал о нем от итераторов. Офицеры регулярной Армии тоже рассказывали о нем. Достаточно было одного вида Agentys Астартес: в доспехах выше и больше любого человека, podobных полубогам. Их единственное предназначение было очевидным. Agentys Астартес были созданы, чтобы сражаться и убивать все то, что не погибло сразу. Если видишь его, знай: быть беде. Одним своим появлением они вселяют страх.

Но увидеть воина-Астартес в

в движении -- вот это да! Ни одно человеческое существо не способно быть настолько стремительным, гибким, мощным, в особенности будучи под давлением роста и неся на себе столько брони, что не поднять и четырех обычными мужчинами. Видеть Астармес -- одно, а наблюдать его в движении -- совсем другое. Психологи называли это трансчеловеческим ужасом. Он заставлял человека застыть, призывал его к земле, выключал разум и вынуждал терять контроль над своими естественными инстинктами. Нечто громадное и воинственное, как атакующая змея, остановилось на мгн, и тогда ты понимаешь, что боги действительно живут среди людей и что существуют сила и скорость, неподвластные смерти. Что ты вот-вот умрешь, а если повезет, успеешь еще и обточить шпаны.

Акситанд видел ошеломленные лица гвелльцев, которых собирался потрошить и рубить на части. Он слышал, что за ним идут воины Пятой роты, и испытывал

счастье оттого, что он — Сын Хоруса.

Ноктюа был прав. С пүшками и болтерами они зря теряли время и силы. Щиты вполне могли сократить доли минимума потери от огнестрельного оружия, выдержать удар клинка, штыка, древкового оружия, сабли, даже силового меча. Но против силового меча в руке трансчеловека они были бессильны.

Щиты раскололись, затрещали и развалились, зазвенеб, словно бьющееся стекло. После каждого удара в воздух на микросекунды взлетали острые осколки сегментов щитов, прежде чем испариться, а вслеп за ними и куски плоти: сначала энергетический панцирь, а потом его содержимое. Кровь из зияющих ран под давлением была струями, заливая Аксиманга и огромные колонны вокруг. После каждого удара меча в небо устремлялся кровавый фонтан, словно лопался мешок с кровью, расплескивая вокруг свое содержимое.

Какили бы опытными солдатами ни были Тийунатские Срочники, они позабыли весь свой опыт в тот миг, когда лучшие

Воины Империи выполнили, что вполне
могут сражаться по старинке: клинок к
клинку, твердость руки и фехтовальное
мастерство ближнего боя.

Меньше чем через пять минут после
вдохновляющего броска Аксиманга Пятая
ворвалась во Двор.

Аксиманг находился в самой гуще боя
вместе с еще тремя сынами -- Зенонием
из «Горя», Гером Герагдоном и Миром
Амингазой из штурмового отделения
Титона. Они вбежали на величественную
колоннаду через ворота, именуемые Аркой
Ответов. Двельские Срочники затаились
в тени огромной Арки, готовые защищать
обращенный к солнцу вход в восточный
Мавзолейный Зал.

Воздух был исчерчен следами
лазерных выстрелов, словно
горизонтальными струями неоновос
дождя. В тени громадной Арки
энергетические разряды и трассирующие
снаряды сияли особенно ярко. Пригнувшись
и вскинув щиты, Сыны вломились в линию
обороны противника, прорвавшись сквозь

кинжальный огонь, и стелли Срочников
одним ударом, словно нестройную толпу
бунтовщиков. Двелльцы побежали, их
щиты продолжали светиться, и они
перекачивались и подпрыгивали внутри
своих жестких световых панцирей. Давка,
ощущение бегущей толпы, тысяч людей,
спрессованных в единую массу. Тела под
ногами. Хватающие руки. Оружие,
стреляющее в упор.

Сыны вклинились еще глубже. Щиты
были их плугами и таранами, мечи —
косами и пиками. Срочники падали,
выплескиваясь из-под своих распадающихся,
шипящих щитов потоками крови и
кочьями мяса. Клинки пронзали все новых
людей и подбрасывали их в воздух; тела
клубыркались в воздухе и падали на головы
их собратьев. Мертвецы продолжали
стоять — им не позволяла упасть
спрессованная толпа. По зеркальным
протарам текли реки крови. Огромная
кровавая лужа, вытекавшая из-под ног
дерущихся, расползалась по полированной
стали, ширилась, становилась все глубже;
темно-красная на солнце, алая в тени, она

растекалась у подножия колонн, и их
цоколи становились островами в кровавом
море.

Вопли Срочников либо заглушали их
щиты-коконы, либо системы связи
партизанов трансформировали их в
металлические невнятные звуки. В
основном Аксимаг слышал лишь звуки
ударов, которыми он крошил, пронзал и
рубил врагов. Скорбящий сделался красным
по самую рукоять. Кровь дымилась,
запекаясь на его активированном силовом
щитке. Кровь обожгла правую руку
капитана по локоть и струйками стекала
с края наруча. Измятая верхняя крошка его
щита была забрызгана кровью и мозгом.

И он снова слышал дыхание.

Мимо него протчался Зеноний,
вскинув щит, разрубая торсы
размашистыми горизонтальными
ударами; рассекая тела надвое и разбивая
щиты. Это был механический труд по
уничтожению, более похожий на жатву,
чем на бой. Он расчищал себе дорогу к
Мавзолейным Залам. Слово работник в
поле, обкашивал свой ряд справа налево,

рубя сплеча.

Для Амингазы, сражавшегося слева от Аксиманга, все скорее походило на спорт. Его клинок был короче, и он забавлялся с подворачивавшимися под руку Срочниками, пытаясь втянуть их в поединки и проверить, на что они способны. Он искал, с кем бы скрестить клинки. Никто не соглашался принять его вызов. Все были слишком заняты, пытаясь убраться с его дороги и уйти от его безжалостных ударов. Амингаза предпочитал рубящие удары сверху вниз — мощные и сокрушительные удары сплеча, от которых разрубленные нагвое враги валялись ему под ноги. Аксиманг слышал, как он кричит врагам, призывая их сразиться. Он презирал и оскорблял их за попытки бежать и убивал людей без разбора, смотрели они ему в лицо или показывали спину.

Что до Аксиманга, то он, как и Тераддон, предпочитал классический способ массового убийства: щит на уровне глаз и используется как таран; меч острием вперед на уровне груди, пронзает

и колет, словно поршень вылетая из-под крошки щита. Этот способ был безжалостен. Все равно что увесистым ядром запустить в ряды оловянных солдатиков и смотреть, как оно их сбивает и расшвыривает.

Атака была настолько яростной, что от сражавшихся к солнцу поднималась коричневатая дымка кровавых испарений.

Зеноний добрался до входа в Восточный Зал и уложил с дюжину Срочников вокруг декоративного фонтана с бассейном в широком вестибюле, залитом солнечным светом. Остальные когорты роты Аксиманда шли за ними по пятам и были уже на колоннаде. Кровавое озеро разлилось так широко и стало таким глубоким, что тела на гладком отполированном полу плавали по нему из конца в конец, увлекаемые течением, будто ветки по разлившейся реке.

Аксиманд вслед за Зенонием ворвался в вестибюль. Высота отвесных стен поражала, хотя само помещение было небольшим и квадратным, с фонтаном в центре. Причем без крыши, чтобы

солнечный свет мог падать внутрь и освещать мирное пространство, полированный пол, прозрачную воду и чашу фонтана с высеченными на ней тюльпанами.

Сейчас пол был забрызган кровью, лужицами скапливавшейся вокруг мертвых тел и изломанного оружия. Края бассейна все в кровавых отпечатках рук, утирающие люди хватались за них, пытаясь подняться. На стенах, покрытых искусной резьбой, струи крови оставили следы в виде высоких арок и опахал в форме конских хвостов или листьев папоротника. Некоторые из них достигали высоты пяти-шести метров.

Акситанг крадучись двинулся вперед. Место казалось совсем безмятежным. Шум боя, идущего снаружи, приглушенный стенами, напоминал рокот далекой бури. Зеноний шел впереди, останавливаясь, чтобы добить раненых Срочников. На дальней стороне вестибюля появился Атингаза, на клинке которого шипела запекающаяся кровь. Он вошел через другую дверь. Два Срочника и лектор Двора

бросились к нему, а он развернулся, чтобы приветствовать их своим мечом.

Аксиманг снова услышал дыхание. Теперь оно было совсем близко — ближе, чем когда-либо, даже ближе, чем стук крови в висках. Это дыхание, ощущение чужого присутствия последовало за ним из снов в дневную жизнь. Оно приближалось, пока не зазвучало прямо за его плечом. Теперь уже казалось, что звук доносится из его шлема, словно в нем было две головы. Аксиманг на миг перестал дышать, чтобы проверить, не является ли это акустическим фокусом, эхом его собственного дыхания.

Тишина...

Он хотел уже начать дышать снова, когда дыхание возобновилось — тихое, близкое, медленное и спокойное, словно ласковый шорох морских волн.

— Кто ты? — спросил он.

— Повторите! — прохрипел из voxа голос Амингазы.

— Уточните, сэр? — отозвался Герадгон.

— Ничего-ничего! — ответил

Аксиманг. — Продолжайте.

Глупо, до чего же глупо было позволить этому взять верх.

Заставить его говорить об этом вслух. Он просто разговаривал сам с собой, с порождением собственного разума. Со своим страхом.

А у Астартес не должно быть ни страха, ни снов.

Он знал, что такое страх, и знал, что страх этот будет с ним, пока он ясно не увидит лицо чужака. Маленький Хорус Аксиманг не боялся ничего, кроме неведомого.

Из коричневых теней на него кинулся Срочник с копьем в руках. Фотонный наконечник оружия терзал голубоватым огнем.

Аксиманг увернулся, взмахнул щитом и сбил человека с ног. Удар расколол щит Срочника и сломал тому руку. Человек завопил. Аксиманг уже хотел было раздавить его ногой и покончить с этим, когда на него набросились еще двое. На этот раз он действовал проворнее. Развернувшись, полоснул Скорбящим в

обратном направлении и срубил головки с древков копий, нацеленных на него. Пустые древки хрустнули и согнулись, упершись в его керамитовый доспех. Одного человека его меч разрубил надвое, вспоров щит и выпустив кишки из находившегося внутри тела. Другого Аксиманг ударил ногой, впечатав вместе с энергетическим коконом в стену вестибюля. От удара камень треснул, и в воздух полетели осколки. Шагнув вперед, Аксиманг вознамерился вонзить клинок человеку в грудь. Скорбящий пронзил силовой щит, тело воина и стену за ним. На мгновение Срочник оказался припилен к стене, будто насекомое к войлочной подкладке, его щит затизгал и погас.

Аксиманг выдернул клинок, и толщина сполз к его ногам.

Дыхание было совсем рядом.

Аксиманг двинулся дальше, через высокую арку, в один из главных Мавзолейных Залов. Огромное помещение было залито желтым светом. Он словно очутился на небесах. Со всех сторон его окружали мертвецы Двелла — тонкие,

неподвижные, окутанные пеленами, заключенные в стеклянные капсулы, горизонтально расположенные внутри световых колонн. Множество тел, направленных в свет, и стекло, и гравитетрическую энергию, объединенных кибернетизацией.

На полу лежал мертвый Зеб Зеноний из тактического отделения «Горе». Его панцирь был вскрыт, словно раковина моллюска.

Это зрелище должно было встревожить Аксиманга и заставить его насторожиться. Но дыхание звучало все громче. Несмотря на свои трансчеловеческие инстинкты, он попытался посмотреть, откуда оно доносится.

Первый удар застал его врасплох — противник напал сбоку. Лишь по счастливой случайности основную силу удара принял на себя щит. Вражеский меч разрубил его и задел руку Аксиманга. Капитан отпрянул, разгневанный и изумленный.

Разгневанный на себя за то, что

отблелся. Изумленный невероятной силой напавшего.

Аксиманд мгновенно среагировал и закрылся мечом. Он стоял лицом к лицу с Легионером Астармес, лишенным плоти существом, чьи глянцево-черные доспехи были подсоединены к аугментическим системам и украшены ярко-белым знаком. Старший капитан Десятого легиона, Железных Рука с Медузы. На мгновение Аксиманд решил, что это сам Шаграк Медузона. Воин статью был похож на полководца и носил знаки клана Сорргол. Но пометка на визоре дисплея обозначила противника как Буона Хенрикоса, любимого лейтенанта Медузона. Длинный клинок его меча был из усиленной медузунской стали.

Они закружились по кибернетическому залу, обмениваясь ударами, словно танцоры. Хенрикос оказался опаснее всех Срочников, убитых в этот день Аксимандом, вместе взятых. Медузунец был грозным бойцом. Своей аугментической силой он намного превосходил Аксиманда, от скорости его

движений захватывало дух.

На кратчайший и жуткий миг Аксиманду подумалось, уж не познал ли и он трансчеловеческий ужас.

Сражаясь, они очутились в центре зала, где наподобие храмового алтаря возвышался громадный биостазисный генератор, позолоченный и расписанный изображениями ангелов. От него во все стороны расходились ряды заключенных в стекло тел, висящих одно над другим. Огромные статуи, полубоги в глиняных одеяниях, ослепительно-белых, как снег, почтительно преклонили колени перед центральным блоком.

В странном освещении Двора черные с серебром доспехи воина Железных Руки блестели, словно смазанные маслом. Его клинок был подобен полоске света. Аксиманд сумел обойти искусную защиту и рукоятью своего меча нанес скользящий удар по нагруднику Хенрикоса. Противник мгновенно выправился и, когда их мечи скрестились над головами, толкнул Аксиманду плечом.

Маленький Хорус отлетел назад и

врезался в ближайший ряд кибернаторов. Стекланные оболочки разбились, осколки наполнили воздух и засверкали, как лепестки весенних цветов. Кибернационные капсулы натыкались друг на друга, трескались и разрушались. Некоторые выскальзывали из гравитетрических поддерживающих полей и падали, разбиваясь о полированный металл пола. Реле мощности закоротило. Усохшие тела разлетелись по воздуху, словно вязанка хвороста.

Бион Хенрикос ринулся к Аксиманду, хрустя осколками стекла и хрупкими сухими костями. По пути он расшвыривал в стороны стекланные капсулы, мешавшие ему идти. В воздухе разлился горьковатый запах столы и ароматических консервантов. Аксиманг попытался подняться. По разгромленной части Мавзолейного Зала, словно потревоженные синансы, пробежали вспышки энергии, темной и недоброй. Разноцветные пятна всыхивали и, кружась, устремлялись к безмятежным золотистым слоям капсул в неповрежденной части помещения. Зал

заполнился странными гармоничными звуками, похожими на стенания тысячи голосов, переданными по вокс-связи плохого качества.

Хенрикос был уже возле Аксиманга. Скорбящий чиркнул по глазам противника, разбив одну глазную линзу, и прочертил глубокую борозду по его животу и бедру. Хенрикос ответил ударом, который, находясь Аксиманг чуть ближе, снес бы ему голову с плеч. Капитан оттолкнул медузуйанского военачальника обратно на ковер из битого древнего стекла и тулфицированных останков. Следующим ударом он ранил Хенрикоса в бедро. Из раны начало сочиться нечто серебристое, похожее на жидкую ртуть.

Хенрикос сбил его с ног. Аксиманг даже не понял, как это произошло, но от удара мозг подпрыгнул у него в черепе, а рот и нос наполнились кровью. Он упал ничком, оглушенный и беспомощный, и попытался нащупать выпавший из руки меч.

Он поднял взгляд, удивляясь, отчего Хенрикос его не прикончил. Оказалось, что с противником сцепился Аминдаза из

отселения Титона. Тот прорвался в Зал, а за ним по пятам следовал Гераддон. Оглушительная пальба у стен вестибюля говорила о том, что наступающие ворвались в главную часть Зоны, а Срочники отступают.

По пути сюда Амингаза был ранен и двигался медленнее обычного. Его появление и вмешательство спасли Аксиманга, но погубили самого Амингазу. Хенрикос был куда более искусным фехтовальщиком. Не успел Аксиманг, оглушенный и сплевывающий кровь, подняться на ноги, как Хенрикос нанес удар, рассекий Амингазу от левого плеча до правого бедра. Половины его тела с грохотом упали на пол, залив все вокруг кровью.

Теперь на Хенрикоса налетел Гераддон, но воин Железных Рук отшвырнул его прочь. Гераддон врезался в очередной ряд стеклянных контейнеров.

Аксиманг вонзил Скорбящий в спину Хенрикосу с такой силой, что острие расколело аквилу на нагруднике медузианца.

Хенрикос упал на колени, затем повалился ничком. Аксиманг коленями прижал его к полу и срезал с него шлем. Бледное лицо Хенрикоса было повернуто набок, щекой к полу, белая кожа забрызгана темной алой кровью.

--- Благодарю небо за такую смерть, изменник, --- сказал Аксиманг. --- Смерти других будут не столь милосердными.

Хенрикос пробудькал что-то.

--- Что? --- переспросил Аксиманг, прижав лезвие меча к шее полководца Железных Руки.

--- Ты не та добыча, на которую мы надеялись, --- прошептал Хенрикос.

--- Добыча?

--- Зная, что нам вас не победить, мы хотели причинить вам как можно больший вред. Мы понимали... что Мавзолейный Двор будет для него важнее всего, и надеялись, что он лично возглавит эту атаку.

--- Так это была ловушка для Луперкала?

--- Гори он вечным огнем!

Аксиманг растаял.

--- Но твой господин --- трус и предатель, --- пробормотал Хенрикос, --- и посылает всего лишь тебя.

--- Похоже, и меня здесь вполне хватило, --- ответил Аксиманг. --- На что вы рассчитывали?

В горле у Хенрикоса забұлькало.

--- Я спрашиваю, какую опасность может представлять один лишенный плоти воин?

Хенрикос не ответил. Жизнь покинула его.

Аксиманг поднялся и пнул трун ногой.

Гераддон был уже на ногах.

--- Что он сказал? --- спросил воин.

--- Вздор, --- ответил Аксиманг. --- Просто вздор. Он был в отчаянии.

--- Предполагалось, что это ловушка, --- продолжал Гераддон, --- так почему он был один?

Дыхание слышалось снова. Аксиманг медленно обернулся и понял, что это фоновый шум Мавзолейного Зала, медленный и размеренный шелест кибернетической системы. Пульс покоящихся мертвецов.

Он чувствовал себя дураком. Когда операция закончится, он займется медитацией, освободит свой разум от накопившихся страхов и снов, очистит мысли и изгонит слабость. Он должен быть хладнокровным оружием, чтобы служить магистру войны.

Он позволил себе расслабиться. Однако пришла пора укрепить дух и больше соответствовать образу Лунеркала.

Аксиманг включил вокс и проверил обстановку. Большая часть Двора находилась в руках Шестнадцатого легиона. Граель Ноктюа доложил, что западный зал и его окрестности очищены от противника. Аксиманг приказал отделениям двигаться к нему, в восточный зал, и перекрыть все подступы.

Он оглядел кибернетическую систему вокруг. Конечно, она пострадала, но не слишком сильно. Само устройство осталось почти не поврежденным, и если немного надавить на техноагентов Двелла, они быстро здесь все отремонтируют.

Громадные статуи закутанных в длинные одеяния полубогов, яркие как снег, почтительно преклонявшие колени вокруг гигантского центрального биостатического генератора, исчезли.

--- Постой... --- начал было Акситанг.

Ликвидационная группа Белых Шрамов обрушилась на них --- пятеро убийц из Пятого легиона сбросили белые одежды, надетые для маскировки. При помощи толченого мела или погребального пепла они скрыли багровый цвет окантовки своих доспехов. Их шлемы походили на вороньи черепа модели «Корвус». Похоже, Лев Гошен сильно заблуждался: Белые Шрамы умели-таки ждаться. Те, кто на открытых пространствах наносил стремительные удары, в городских боях предпочитали скрытность и засаду.

Слова Траеля Ноктюа оказались пророческими.

Первый уже налетел на него --- Хибухан. Акситанг определил это по значкам, свидетельствовавшим о его ранге и родной принадлежности. Он использовал

тактику буркүтчи, или «обезглавливания». Слово пошло из чогорисанского искусства охоты с орлами, большими аквиллұхами, когда птицы выскивали и отделяли от стада быка-вожака. После его гибели стаду приходил конец.

Точно так же они натеревались обезглавить Шестнадесятый, но, потерпев неудачу, решили заняться иной добычей — другими «быками», потлашке, ротными капитанами.

Аксиманг отбросил Хибү прочь. Клинок Белого Шрама, столкнувшись с лезвием Скорбящего, переломился. Капитану стремительно метнулся еще один Шрам. Аксиманг отбил удар и услышал крик Герагдона, пронзенного сразу гвүтя мечами. Аксиманг обрушил меч на очередной снежно белый шлем в виде вороньего черепа, оказавшийся перед ним, — теперь доспех Белого Шрама был красным не только от лака. Аксиманг потянулся за болтером.

В Мавзолейном Дворе шла перестрелка. Отовсюду из укрытий

выскакивали Белые Шрамы и лямтежники из Железных Рук. Подразделения роты Аксиманга сошлись с ними лицом к лицу. Сам Аксиманг продолжал сражаться с несколькими противниками и сумел уничтожить еще одного Белого Шрама, в упор выстрелив из болтера прямо в линзы шлема.

По системе связи он прокричал Ноктюа и другим своим заместителям, чтобы те заканчивали бой. Чтобы они знали, что противник охотится за капитанами. Чтобы понимали, что теперь они сражаются не с Тийунатскими Срочниками или Цепной Вуалью.

Теперь им противостоят Легионеры Астармес.

Хибү-хан уже стоял на ногах. Вместо собственного сломанного меча он подхватил глинный меч Хенрикоса из тедүзианской стали. Первый его удар оставил отметину на Скорбящем. Второй пробил защиту Аксиманга. Третий пришелся Маленькому Хорүсү вертикально в щеку, как раз над правой линзой, где находился знак Морнивала.

Шлем из усиленного кератита, похоже, не был преградой для медузианского оружия.

Аксиманг упал... Вдруг откуда-то появилось очень много крови; что-то валилось перед ним на полу из полированной стали. Это были визор и дыхательный аппарат его собственного шлема, вся его передняя часть. Она была отрублена, срезана начисто, будто промышленным резакот. И она была не пустой.

После реплантации остался шрам, нарушивший расположение мышц и совершенно изменивший лицо. Каким-то образом благодаря этому дефекту сходство Аксиманга с Хорусом еще больше усилилось.

Ноктюа поднял свои подразделения в стремительную контратаку и привел их в восточный зал, остановив буркүтчи. Хибү-хану не дали возможности завершить дело. Большую часть верных Императору костодесантников оттеснили под удар Льва Гошена и его терминаторов.

Хибү-хан бежал, собственноручно

положив двенадцать человек из роты Аксиманга и тем самым заслужив место в его черном списке.

Маленькому Хорусу отковали новый шлем со знаком полумесяца над правым глазом. Оружейники уже трудились вовсю, гравирова знаки Морнивала на шлемах Траеля Ноктюа и Фалька Кибре. Когда Аксимангу показали остатки его прежнего шлема, оказалось, что клинок разрубил его полумесяц надвое. Будь он человеком, склонным к суевериям и верящим в предзнаменования, увидел бы в этом дурной знак. Но он не боялся перемен. На самом деле он даже не был человеком.

Под ножом хирурга, в стазисном сне, он в последний раз увидел сон. Загадка безликого незнакомца полностью прояснилась. Аксиманг немного боялся, что лицо чужака окажется его собственным или похожим на него, и тогда ему может потребоваться длительная психологическая помощь.

Но все оказалось не так. Пока восстанавливали его собственное лицо, ему приснилось лицо другого — Гарвиеля

Локена.

Проснувшись, Аксиманд испытал счастье и облегчение. Ведь нельзя бояться мертвых, а Локен был мертв, и это невозможно изменить.

Не то чтобы он боялся перемен. Наоборот, всегда утверждал, что тяга к изменениям являлась чертой его характера.

--- Меланхолический настрой многогранен, --- говорил он. --- Он подобен осени и стремится к изменениям. Он делает меня ускорителем смерти, началом всех начал. Я создан, чтобы расчистить этот мир, готовый к обновлению. Чтобы изменить порядок вещей, отринуть ложь и возвести на престол правду. Такова моя цель. Я не боюсь!

После того как ему пришили лицо, он всегда выглядел непобедимым.

Роб Сангерс

ЖЕЛЕЗО ВНУТРИ

Железо внутри. Железо снаружи. Железо везде. Галактика пронизана его холодными обещаниями. Известно ли вам, что Святая Терра состоит в основном из железа? Наш родной мир, Олимпия, тоже. Большинство обитаемых планет и луны тоже. Истина заключается в том, что мы -- Империя Железа. Утирающие звезды сжигают свои железные сердца, а в это самое время тяжелые металлические ядра зарождающихся миров генерируют поля, защищающие жизнь -- порой человеческую -- от губительного сияния звездных старцев.

Империи -- не просто завоеванные земли. Всякий Железный Воин знает об этом. Это сердца, бьющиеся раги общей цели, в унисон стучащие в пустоте. Это кровь, пролитая нашими Легионами Астартес, алая благодаря железу и в знак непокорности. Это железо внутри, и мы

чувствуем его металлический привкус, когда вражеский клинок или пуля настигают нас. Тогда железо внутри становится железом снаружи, как это было в тот день, который стал первым днем Великой Осады Малого Дамантина...

Кузнец Войны вышел на наблюдательную платформу. Он был в силовом доспехе, и толстая решетка застонала под его тяжелыми шагами. Керамитовые плечи Железного Воина поникли под грузом ответственности, словно на них давила тяжесть на много большая, чем вес доспеха третьей модели. Он прошагал по платформе с решительностью полубога, но то, как его шинованные латные перчатки ухватились за внешний поручень, свидетельствовало, что он мог и не пройти этого расстояния. Великан был вынужден остановиться.

Хриплый кашель вырвался из глубин его бронированной груди, вздымавшейся и опадавшей в такт тучительному, неровному дыханию. Часовые Имперской Армии из Ангелойского девятого охранного

полка адамантифрактов наблюдали за
мучениями Кузнеца Войны, не зная, что
сделать. Один из них даже вышел из строя
и приблизился, опустив дуло тяжелого
карабина и протягивая руку в чешуйчатой
перчатке.

--- Милорд, --- начал солдат в маске, ---
могу ли я послать за вашим апотекарием
или, быть может, Железным Палатином...

Лорд Барабас Дантиох остановил
адамантифракта, тоже выставив перед
собой руку в перчатке. Пока Кузнец Войны
боролся с приступом кашля и судорогами,
от бронированной палатки оттопыренным
остался лишь один палец.

Потом, даже не глядя на солдата,
огромный Легионес Астартес выдал:

--- Отставить, охранитель!

Солдат отошел, и легкий ветерок
шевелил истрепанный плащ Железного
Воина, ткань которого представляла
собой мозаику из черных и желтых
шевронов. Под плащом скрывалось
величественное великолепие силового
госпеха. На тускло поблескивавшем
нагруднике со знаком его легиона

виднелись следы ржавчины и
преждевременного износа, из-за которых
доспех отливал сепией. Воин был без
шлема. Лицо скрывала железная маска,
которую он выковал сам. Лицевая часть
маски являлась настоящим произведением
искусства, воплощением знака легиона —
знака железной маски, украшавшего
наплечник. На железном «лице» лорда
Дантиоха с решетчатыми отверстиями
для рта и мрачных черных глаз застыло
угрюмое выражение и одновременно суровая
решиимость.

В аркадах и на парпетных стенах
шептались, что Кузнец Войны надел еще
раскаленную маску, едва вынутую из горна,
и молотом придал ей форму прямо на себе,
а потом погрузил голову вместе с железом
в ледяную воду и кованный металл навсегда
застыл вокруг его угрюмого лица.

Схватившись за поручень и опустив
могучие плечи, Дантиох поднял глаза
прореzi и жадно упивался безутной
гениальностью своего творения.
Шагенхольд — неприступная крепость,
уникальная и смертельно опасная.

получившая свое имя в честь тех людей, которые на глазах у Дантиоха и его Железных Воинов испытал бы враг, истребивший глупость напасть на нее. В процессе приведения к Согласию, как части стратегии Императора и по его священному указу, в тысячах миров соорудили множество бастионов и цитаделей, чтобы авторы Великого крестового похода могли следить оттуда за новыми владениями и подданными бесконечно расширяющегося Империята. Многие из этих галактических редутов, замков и фортвов спроектировали и построили Железные Воины, братья Дантиоха: Четвертый легион не знал себе равных в искусстве ведения осадной войны, обороны крепостей и их осады. Однако ничего подобного Шагенхольду Галактика не знала — в этом Дантиох был уверен.

Бледные губы командира Железных Воинов бормотали под маской Нерушимую Литанию:

— Владыка наш, Император! Сделай меня инструментом твоей непреклонности. Там, где тьма

беспросветна, ниспошли нашим стенам
холодного презрения. Там, где безрассудный
враг уязвим, дай нам силы наступать.
Там, где поселилось смертельное
сомнение, позволь воцариться решимости..

Кузнец Войны одарил Шагенхольд
всеми современными фортификационными
сооружениями: концентрическими
горнверками, бункерами, огневыми
тешками, округлыми цитаделями,
орудийными площадками и
стертоносными башнями. Крепость
являлась чудовищным образчиком военного
искусства тридцатого тысячелетия. Для
Дантиоха, однако, самым главным была
дислокация. Без естественных
преимуществ в виде материала, высоты и
окружения все прочие архитектурные
ухищрения казались не более чем
бесполезными украшениями. Крепость,
построенная в стратегически слабом
месте, неизбежно падет, как это выяснили
многие собратья Дантиоха из других
легионов на ранних этапах приведения к
Согласию. Даже у Имперских Кулаков
случались неудачи.

Дантиох возненавидел Малый
Дамантин с того самого мгновения, как
ступил ногой на эти ужасные камни. И в
тот же миг почувствовал, что планета
тоже его ненавидит. Этот мир будто не
желал его присутствия здесь, и
тактическая чуткость Кузнеца Войны
сразу отреагировала: он мог использовать
враждебность окружающей среды
Дамантина себе во благо.

Маленький планетонг находился в
плотном облаке из вращающихся обломков
скал, металла и льда, из-за чего с самого
начала казался каким-то недоделанным и
опасным. Крейсера Пятьдесят первой
экспедиции, доставившие сюда Кузнеца
Войны и его Железных Воинов, с трудом
пробрались через это облако. Хотя сила
тяжести на планете была приемлемой, а в
нижних слоях атмосферы имелся кислород,
что делало возможным создание
аванпоста, над ее поверхностью
свирепствовали ураганные ветры и
сверкали молнии, а небо затянуло
высококоррозионные кислотные тучи. Здесь
не было жизни: ничто живое не могло

существовать на этой поверхности. Кислотная атмосфера пожирала доспехи и оружие, словно голодный зверь, стремительно сдирая слой за слоем в попытке добраться до плоти и крови. Легионы Астармес, укрывшихся внутри. Даже в самых надежных доспехах здесь можно было протянуть не больше нескольких минут.

Единственный способ пробраться вниз — отвесное скоростное пикирование на «Грозовой птице», и то лишь в том случае, если пилот будет достаточно опытен, чтобы пронзить сплошную облачность и упасть в один из узких бездонных карстовых колодцев, иснещравших поверхность камня. Вследствие какой-то ошибки природы на ранних стадиях развития Дамантина кору планеты пронизывали воздушные карманы, полости и огромные открытые пространства — система пещер, ошеломлявшая размерами и запутанностью. В качестве идеального места для своей крепости Дантиох выбрал самый центр этого безумия, в сводчатом подземном пространстве, столь

громадном, что формировались даже собственные примитивные погодные условия.

--- Железо рождает силу. Сила рождает волю. Воля рождает веру. Вера рождает честь. Честь рождает железо. Такова Нерушимая Литания. Да будет так во веки веков! *Dominum imperator aeternum ferrum aeternum.* Власть Императора и железа вечны.

Железные Воины были не первыми, кто сделал Малый Дамантин своим домом. Под поверхностью скалистого мира кипела жизнь, развившаяся в глубине и во тьме. Единственную реальную угрозу для избранных Императора представляли мегацифалоподы --- чудовища, которые бесшумно передвигались по пещерам с помощью извивающихся щупалец и могли протолкнуть свои резиноподобные тела в самые сложные из туннелей, пробивая новые проходы титановыми клювами. В первые годы пребывания на Малом Дамантине Легионес Астартес вели войну на уничтожение с этими существами, казалось, вознамерившимися разрушать

все, что Четвертый легион пытался
построить.

Когда эти опасные твари были
практически истреблены, Дантиох начал
возводить величайшее из своих творений —
Шагенхольг. Пока Железные Воины
сражались с хтоническими чудовищами за
господство над планетой, Дантиох
заставил своих апотекариев и советников
из Агентус Механикус как следует
потрудиться над созданием рабочей силы,
которая построит его мегакрепость.
Лаборатории Железных Воинов
усовершенствовали генетическую
разновидность рабов-воинов, известных как
Сыны Дантиоха. Хотя лицо Кузнеца
Войны много лет скрывалось под
бесстрастным железом маски, черты его
ясно угадывались в ужасных лицах
гигантов, построивших Шагенхольг.

Будучи выше и мощнее
костодесантников, генопотомки при
помощи одной физической силы своих
чудовищных туш добывали, перемещали и
обрабатывали камни, из которых
строилась крепость. Кроме физической

мощи солдаты-рабы отчасти
унаследовали от своего генетического
отца холодное техническое мастерство.
Шагенхольд не стал обычным насех-
сработанным сооружением из камней: это
был громадный образчик стратегического
и осадного искусства. Когда
строительство крепости завершилось,
Сыны Дантиоха освоили новые для себя
роли, занявшись обслуживанием и
эксплуатацией цитадели, а также вошли
в состав ударных частей ближнего боя для
концентрических зон поражения, во
множестве устроенных в ней. Болеющему
Кузнецу Войны нравилось быть в
окружении этих могучих существ, подобий
его самого в пору юности и физического
расцвета. В свою очередь рабы-солдаты
почитали своего генетического отца с
простой, непоколебимой верой и
преданностью: верностью Императору --
как отцу притарха и притарху -- как
своему собственному отцу.

-- Я не устаю любоваться ею, --
раздался голос у него за спиной. Это был
Вигмунд Тарраш, Железный Палатин

Шагенхольда. Дантиох хмыкнул,
прекратив бормотать молитвы.
Вероятно, за ним послал адъютанта.
Или, возможно, у Железного Палатина
были какие-то новости.

Костодесантник встал возле поручня
рядом с Кузнецом Войны и залюбовался
великолепной крепостью, высившейся над
низины. Хотя Дантиох был Кузнецом Войны
и старшим по званию в гарнизоне из
тридцати Железных Воинов, оставленном
здесь Пятьдесят первым экспедиционным
флотом, из-за своего состояния он был
вынужден передоверить ответственность
за крепость и ее повседневную оборону
другому. Он выбрал в Железные Палатины
Тарраша, поскольку у этого
костодесантника были характер и
воображение. Холодная логика Четвертого
легиона не раз сослужила Железным
Воинам добрую службу, но даже среди них
попадались такие, чей вклад в дело
Согласия был большим, нежели просто
жажда завоевателя, — те, кто ценил
красоту человеческих устремлений и
достижений, а не только испытывал

тактическое удовлетворение от победы и наслаждался битвой.

--- Напоминает ночное небо, --- сказал Тарраш своему Кузнецу Войны. Железный Палатин кивнул сам себе. --- Мне не хватает неба.

Дантиох никогда прежде не думал о Шагенхольге с этой точки зрения. Несомненно, такой взгляд на крепость стал последним штрихом в остроумном проекте Кузнеца Войны, ибо два Железных Воина стояли на круговой обзорной платформе, идущей вокруг шпиля самой высокой крепостной башни. Только шпиль этот тянулся не к небу и даже не к сводам пещеры, а указывал вниз, на ее дно.

Шагенхольг был высечен из гигантского конусообразного скального образования, выступающего из свода пещеры. Дантиох сразу оценил потенциальные выгоды такого местоположения и поручил своим людям тяжелую и опасную задачу --- вырубить цитадель, перевернутую вниз головой. Она висела крышами вниз, но все помещения, лестницы и детали интерьера были

ориентированы снизу вверх.
Коммуникационные шпильки и башни-
сканеры в самом низу крепости висели в
нескольких тысячах метров над
поверхностью огромного естественного
озера из неочищенного прометия,
поднимающегося из недр планеты. На
самом верху крепости располагались
донжоны и потайные темницы,
спрятанные глубоко в потолке пещеры.

Устало оглядывая сооружение,
Дантиох не мог не признать, насколько
метким оказалось сравнение Железного
Палатина. В протозглоте траке-
исполинской пещеры яркие огни
прожекторов и слабые светящиеся точки
алмазур были похожи на созвездия в
темном ночном небе. Это впечатление
еще больше усиливали фосфоресцирующие
колонии бактерий, пирующих на выходах
полевого шпата на своде пещеры, и
тусклые отблески отражений на
гlossирующей, черной как сталь поверхности
прометия внизу: они создавали
впечатление далеких звезд и галактик.

— У тебя есть новости? —

освегодотился Дантиоху Тарраша.

--- Да, Кузнец Войны, --- ответил Железный Палатин. Костюгесантник был в полном боевом доспехе в цветах легиона, за исключением латных перчаток и шлема, которые он держал в руке. Бдительность (или паранойя, как считали в некоторых других легионах) Железных Воинов была общеизвестна. Шагенхольд и его гарнизон находились в состоянии постоянной боевой готовности. Тарраш провел ладоною по лысой голове. Его темные глаза и кожа были в точности такими же, как у самого примарха, --- отцовское благословление сыновьям. Когда Дантиох повернулся к нему и в прорези железной маски проник свет, Тарраш внимательно заметил пожелтевшие, налитые кровью глаза и морщинистую кожу, выцветшую от времени.

--- И?

--- Флагманский корабль «Вентос» приветствует нас, милорд.

--- Значит, Пятьдесят первая экспедиция возвращается, --- проскрипел Дантиох. --- Мы уже давно видим их на

экранах слежения. Почему они приближаются так медленно и не выходят на связь?

--- Они сообщают, что у них были проблемы при пересечении поля обломков, --- доложил Железный Паладин.

--- И они приветствуют нас только сейчас? --- раздраженно парировал Дантиох.

--- «Бентос» случайно зацепил одну из наших орбитальных мин, --- сообщил Тарраш своему господину. Дантиох почувствовал, как его губы, скрытые под решетчатой лицевой пластиной, сложились в некое подобие улыбки.

--- Неважное начало для визита, --- сказал Кузнец Войны.

--- На время ремонта они останутся на месте, --- добавил Железный Паладин. --- И запрашивают координаты для скоростного спуска к поверхности.

--- Кто запрашивает?

--- Кузнец Войны Кренгл, милорд.

--- Кузнец Войны Кренгл?

Тарраш кивнул.

--- Похоже на то.

--- Значит, Цзрисс Кренгл теперь командует Четырнадцатой Великой ротой.

--- Даже под вашей командой, --- заметил Тарраш, --- он был не более чем клубком амбиций в полированном керамике.

--- Возможно, ты все-таки получишь свое звездное небо, мой Железный Палатин.

--- Полагаете, мы сможем присоединиться к легиону, сэр?

Дантиох очень долго молчал --- Кузнец Войны погрузился в воспоминания и размышления.

--- От всей души надеюсь, что нет, --- ответил он наконец.

Похоже, ответ не понравился Железному Палатину. Дантиох положил руку в перчатке на плечо Тарраша.

--- Пошли «Бентосу» координаты Орфических Врат и отправь две «Грозовые птицы» ожидать у поверхности, чтобы сопровождать наших гостей.

--- Орфических Врат, сэр? Наверняка...

--- Давай устроим новому Кузнецу Войны прогулку по самым эффектным

безднам и системам пещер, --- сказал
Дантиох. --- Живописный маршрут, если
угодно.

--- Как пожелаете, милорд!

--- А тем временем пригласи
капеллана Жнева, полковника Крүйшанка,
достопочтенного Вастополя и агента с
Большого Дамантина на встречу в
Большом Реклюзиате. Там мы примем
наших гостей и услышим из уст
политийцев, чем занимались братья в
наше отсутствие.

Большой Реклюзиат гудел от
нагсадного кашля Кузнеца Войны и ударов
толота его капеллана. Зал легко вмещал
весь гарнизон Шагенхольда в количестве
тридцати Железных Воинов для
отправления или своих культовых
церемоний и ритуалов. В
действительности из-за того, что
крепость постоянно находилась в
состоянии повышенной боевой готовности,
на службе редко бывало больше десяти
Легионес Астартес одновременно.

Дантиох и его капеллан не

допустили, чтобы подобные ограничения повлияли на изначальный замысел и величие зала. Железных Воинов на Малом Дамантине было немного, но они были велики душой, и их сердца переполняла возвышенная вера и преданность своему Императору. Исходя из этого, Большой Реклюзиат являлся самым большим помещением в крепости, способным служить духовным нуждам десятикратного большего числа воинов. Со сводчатого каменного потолка свисал черный лес железных прутьев, раскачивающихся в воздухе над проходом к центральному алтарю. Они усиливали звуки культовых обрядов, молитвенных и хоральных песнопений маленького гарнизона до величавого гула. Все это поддерживалось ревом церемониального горна на возвышении в передней части зала и ритмичным стуком молота по железу, возлежащему на алтаре-наковальне.

Приделы по обе стороны от центра украшала скульптурная композиция, протянувшаяся во всю длину Большого Реклюзиата, взбираясь по алтарным

ступеням и заканчиваясь у дальной стены.
Возвышаясь над прихожанами, ее
скульптуры из чистейшего железа
изображали многолюдную, сложную
батальную сцену: герои -- Железные Воины
-- ищут позиции варваров,
находящиеся на возвышенности.
Первобытные гиганты были титанами,
олицетворявшими собой все старое:
бастions вымыслов и суеверий, рушащиеся
под натиском силы оружия Четвертого
легиона, и силы технологии и разума.
Композиция не только служила
вдохновляющей диорамой, но и порождала
иллюзию, что собравшиеся находятся в
гуще сражения -- а именно там люди
Дантиоха желали оказаться больше всего.

Позади скульптур каменные стены
помещения по обе стороны были
облицованы листами полированного
железа, на которых выгравированные
схемы и чертежи накладывались друг на
друга, образуя фреску с изображением
Императора, горделиво глядевшего с
запада, и притарха Пертурabo на востоке.

-- Милорд, они приближаются, --

возвестил Тарраш, и Кузнец Войны, почтительно преклонивший колена, с трудом поднялся. Под главной аркой входа в Реклюзам зазвучали уверенные шаги. Железный Палатин развернулся и встал подле своего Кузнеца Войны, пока полковник Круйшанк из Девятого Ангелойского охранного полка адамантифрактов в полном парадном обмундировании нерешительно топтался неподалеку. Завершив ритуальные удары, капеллан Жнев отсоединил молот-реликвию от гибкого бионического протеза своей правой руки и плеча. Он передал крепления от святыни громогному рабу, чьей обязанностью было поддерживать огонь в церемониальном горне. Жнев торжественно прошествовал по ступеням вниз, кивая единственному из присутствующих, кто не был членом гарнизона Шагенхольда, — клирику в дикий синевинном сине-золотом одеянии с капюшоном.

— Явились, — пробормотал Жнев, когда делегация строем вошла в его Реклюзам и двинулась по глиняному

проходу к ступеням алтаря.

Впереди всех шагал Угрисс Кренгл, новый Кузнец Войны из Четырнадцатой Великой роты. Суровое выражение лица олимпийца сильно портили шрамы. Следом шел агент в темно-красных одеждах — Агентус Механикус, чье лицо терялось в тени капюшона. Три бионических окуляра, вращающиеся, словно объективы микроскопа, испускали болезненный желтоватый свет. Рядом с ним был Сын Хоруса. Глаза на наплечниках и на груди отличного светло-зеленого доспеха с черной, как ночь, отделкой ни с чем нельзя было спутать. Его стуглое, бровастое, не улыбочивое лицо было хмурым, словно от постоянных раздутьий. По бокам от них шагал в ногу почетный караул Кренгла: эскорт из четырех ветеранов Легионес Астартес в сверкающих серых доспехах четвертой модели «Максимус», с кричащей золотой отделкой.

— Кузнец Войны, — холодно приветствовал своего прежнего господина Кренгл у подножия алтарных ступеней.

Время шло под взглядом

гравированных глаз Императора.

--- Кренгл, --- ответил Дантиох.

Железный Воин поджал изувеченные губы, но не стал реагировать на отказ Дантиоха признать его новое звание.

--- Пятьдесят первая экспедиция приветствует вас. Позвольте представить агента Гракха и капитана Сынов Хоруса Гасгрубала Сераписа.

Дантиох не стал их приветствовать. Коротко закашлявшись, он небрежномахнул перчаткой через плечо.

--- Моих людей ты знаешь, --- сказал Кузнец Войны. Потом добавил: --- И твоих.

--- Несомненно. --- Кренгл приподнял рассеченную бровь. --- Мы привезли вам новые приказания от вашего примарха и вашего магистра войны.

--- А как насчет приказов Императора? От него вы ничего не привезли? --- поинтересовался Дантиох.

Кренгл напрягся, затем внешне расслабился. Он оглянулся через плечо на Сераписа, но выражение лица капитана не изменилось.

--- Император давшим-давно повелел,
чтобы его возлюбленные сыны --- под
верховным руководством наиболее
возлюбленного, Хоруса Луперкала --- довели
Великий крестовый поход до неизбежного
завершения. Здесь, среди покоренного
костоса, слово Воителя --- закон. Тебе это
известно, Дантиох.

--- Здесь, во тьме Востока, до нас
доходят тревожные слухи о покоренном
костосе и о том, куда все это начинается
заходить, --- прошипел Дантиох. ---
Ректор, прошу вас. Можете говорить.

Клирик в сине-золотом одеянии с
извиняющимся видом нерешительно вышел
вперед.

--- Этот человек, --- пояснил
Дантиох, --- прибыл к нам с Большого
Дамантина с печальными известиями.

Жрец, разом ставший объектом
пристального внимания сверхлюдей,
спрятал лицо в глубинах своего капюшона.
Сначала он тямлил, но потом обрел
уверенность.

--- Милорды, я --- ваш покорный слуга, ---
начал ректор. --- Эта система ---

конечный пункт малоизвестного торгового пути. Торговцы и пираты, как чужаки, так и люди, перевозят товары между нашей глубиной и центром Галактики. Последние несколько месяцев они доставляют ужасные новости, весьма важные для Ангелов Императора здесь, на Малом Дамантине. О гражданской войне, пылающей по всему Империяту, гибели целых легионов Костического Десанта и о немислитом -- убийстве сына Императора! Одних этих трагических сведений хватило бы, чтобы привести меня сюда: костодесантники со скалы всегда были нашими грузьями и союзниками в сражениях с зеленокожими захватчиками. Но затем до моих ушей дошли другие ужасные вести, и мое сердце плачет кровавыми слезами, страдая за моих повелителей -- Железных Воинов. Олимпия -- их родной мир -- пала жертвой татежа и возмездия. Планета разрушена до скалистого основания, ее горы пылают в огне, а народ обращен в рабство. С разбитым сердцем вынужден я сообщить, что Олимпия отныне -- не более чем

преисподняя, опозоренная и заваленная
гниющими трупами, где царят цепи и
тьма.

--- С меня довольно, --- предостерег
Серанис.

Кренгл повернулся к Кузнецу Войны.

--- Твой примарх...

--- Мой примарх, --- перебил его
Дантиох, --- как я подозреваю, был
участником вышеописанных трагедий.

--- Ты зря тратишь наше время,
Дантиох, --- скривил разорванные губы
Кренгл, напирая на твердые согласные в
имени Кузнеца Войны. --- Вы получаете
новое назначение. С твоей ролью
смотрителя покончено. Ваш примарх и
легион Железных Воинов теперь
сражаются за Хоруса Луперкала. Все
доступные силы и ресурсы, включая те,
что формально находятся под твоим
наблюдением, нужны магистру войны для
марша к древней Терре.

Жестокие откровения Кренгла эхом
разнеслись по Большому Реклюзиату. На
мгновение все умолкли, потрясенные тем,
что столь бесстыдная ересь прозвучала в

этом святом месте.

--- Прекратите это безумие! ---
взмолился со ступеней капеллан Жнев. На
его черно-серебряном доспехе изгнали
отсветы священного горна.

--- Кренгл, подумай, что ты
творишь, --- добавил Тарраш.

--- Я теперь --- Кузнец Войны, капитан
Тарраш! --- взорвался Кренгл. --- Кем бы ты
ни был в этой захолустной дыре, будешь
обращаться ко мне согласно заслуженному
званию.

--- Заслуженному чем? --- спросил
Дантиох. --- Это вознаграждение за
провал? Ты стал командиром лишь
потому, что тебе не хватило мужества
быть верным.

--- Не надо говорить мне о провалах и
недостатке мужества, Дантиох. Ты то у
нас непревзойденный герой-победитель! ---
огрызнулся Кренгл. Он кивнул Серапису,
отчего осколки гранаты, до сих пор
сидящие в тканях его лица, заблестели в
лучах света. --- Именно поэтому великий
Барабас Дантиох и дошел до того, что его
оставили сторожить никчемный кусок

катня. Любимчик лорда Пертураб закончил тем, что потерял Кранфиорину, Стратополы и мир-крепость Голгис во время миграции хругов в проливах Вульны.

При этих словах Кренгла Дантиоху вспомнились последние тяжкие дни на Голгисе. Хругы, ксеномерзость. Нашествие невидимого. Ожидание и смерть, когда гарнизон Дантиоха превращался в прах, их доспехи ржавели, болтеры отказывали, а крепость разрушалась. Лишь после того, как мощное энтропийное поле, порожденное мигрирующими стаями хругов, состарило камень и плоть до предела, позвоночные существа полезли в атаку из всех щелей и закоулков, вонзая в жертву свои ядовитые когти и разрывая ее на части.

Лучше всего Дантиох помнил, как они ждали, когда «Грозовая птица» заберет тех, кто остался в живых среди развалин Голгиса: сержант Золан, воин-поэт Вастополь и техно-десантник Таварр. Сердца Золана перестали биться на борту «Грозовой птицы» — через считанные минуты после того, как корабль его

погодобрал. Таварр умер от грядлости в
лазарете крейсера, как раз перед Малым
Дамантином. Вастополь и Кузнец Войны
считали, что им сравнительно повезло, но
они оба превратились в калек с
ограхлевшими сверхчеловеческими
телами.

--- Потом он счел разумным, --- с едким
презрением продолжал Кренгл, ---
усомниться в том, как его примарх ведет
кампанию по истреблению хругов. Без
сомнения, это был способ оправдаться за
потерю половины Великой роты, а не
попытка переложить вину на истинных
виновников --- Императора с его неумелыми
попытками завоевать Галактику и себя
самого за столь неудачное участие в этом.
Четвертый легион рассредоточен по
звездам. Неисчислимое множество
крохотных гарнизонов удерживают
расползающиеся остатки Согласия,
оставшиеся после безрассудного Крестового
похода. Наши некогда горделивые
Железные Воины превратились в
планетарных тюремщиков.

--- Примарх ошибся, --- покачал

железной маской Дантиох. — Кампания по истреблению подхлестнула миграцию, вместо того чтобы с ней покончить. Пертурabo утверждает, что Галактика очищена от хругов, но, если это так, что незаметно уничтожает миры Согласия в Течении Коронадо?

Новый Кузнец Войны проигнорировал эти слова.

— Ты разочаровываешь и раздражаешь нашего примарха, — заявил Кренгл Дантиоху. — Твоя слабость его оскорбляет. Твоя уязвимость — удар по его генетическому наследию. У нас у всех есть шрамы, но смотреть невыносимо именно на тебя. Не потому ли ты надел маску? — Кренгл настешило устехнулся. — Очень трогательно! Ты — оскорбление природы и законов, что правят этой Галактикой. Выживает сильнейший, а слабый умирает. Почему ты не уполз куда-нибудь и не умрешь, Дантиох? Для чего цепляешься за жизнь, не давая покоя остальным, словно дурное воспоминание?

— Если я настолько ужасен, чего вы примархом хотите от меня?

--- Ничего, калека! Я сомневаюсь, что ты дотянешь до места сбора. Пертурабо призывает своих Железных Воинов --- истинных своих сынов --- под знамена магистра войны. Хорус приведет нас под стены Императорского Дворца, где невообразимые укрепления Императора пройдут испытания нашей отвагой и где будет твориться история.

--- Император давно погряз в своих мечтаниях на древней Терре, --- злодобавил Гасдрубал Серапис. --- Императору не нужны советы, политики и бюрократия, порожденные им в его затворничестве. Мы нуждаемся в руководителе. Великий крестовый поход должен обрести цель и смысл. Император недостойн более вести человечество на новом этапе его естественного господства над Галактикой. Его сын, Хорус Луперкаль, доказал, что способен справиться с этим.

--- Кузнец Войны Кренгл, --- произнес Жнев, отстраняя Сына Хоруса и угрожающе выдвигаясь вперед. --- Если вы стоите в стороне и ничего не предпринимаете, пока магистр войны

замышляет отцеубийство и льет яд в уши братьев примархов, значит, вы тоже замышляете отцеубийство. Пертурabo --- наш примарх. Мы должны поточь нашему благородному лорду понять ошибочность его решения, а не поддерживать его собственным безоговорочным согласием.

--- Действительно, лорд Пертурabo --- ваш примарх. Разве так трудно повиноваться приказу вашего примарха? --- поинтересовался Серапис. --- Или тяжёлая политийская кровь все еще бьётся в ваших жилах? Кренгл, то, что ваш родной мир взбунтовался в ваше отсутствие, уже достаточно унижительно. Надеюсь, вы не допустите, чтобы то же самое произошло с членами вашего же легиона.

--- А ты, понтификатор, помолчи! --- рявкнул Кренгл на капеллана. --- Я уже слышал ваши доводы. Скоро у легиона не будет нужды в тебе и тебе подобных. --- Кузнец Войны развернулся к Дантиоху, молча кипящему от ярости. --- Ты немедленно сдашь мне командование этой крепостью и гарнизоном.

Мгновение два Железных Воина с

холодным бешенством смотрели друг на друга.

--- А если я откажусь?

--- Тогда ты и твои люди будут считаться изменниками примарху и магистру войны, --- посулил Кренгл.

--- Как ты и твой хтонийский друг --- изменниками по отношению к его величеству Императору?

--- Твою крепость содрут в порошок, и предателей с ней заодно, --- объявил Кренгл.

Дантиох обратил свою угрюмую маску к полковнику Круйшанку, капеллану Жневу и своему Железному Палатину, Вигмунду Таррашу. Их лица были не менее мрачными. На миг задержав взгляд на заезжем клирике, Барабас Дантиох вновь обратил его на своего безумного противника. Кренгла переполняли страх и неустовство. Серапис просто смотрел так смотрит сторонний наблюдатель --- кукловод, держащий за веревочки. Агент Трах ритмично булькал и вращал своим триокулярот, наставив линзы на Дантиоха. Почетный караул Кузнеца Войны застыл как изваяния: болтеры

наготове, стволы наставлены на стражей
Шагенхольга.

— Вастополь, — позвал Дантиох. — А ты как думаешь?

По залу раскатился рев, от которого загрохотали и закачались железные прутья, подвешенные над Реклюзиатом. Среди гигантских железных скульптур диорамы неуклюже зашевелилось что-то громадное. Простейший инстинкт самосохранения заставил Кренгла и его почетную стражу обернуться. Одна из скульптур вдруг ожила. В компании атакующих титанов она казалась маленюшкой, но разом будто увеличилась в размерах, нависнув над пораженными Железными Воинами.

Перед Легионес Астартес стоял гредноут. Неторопливый металлический монстр, огромный как в высоту, так и в ширину и увешанный мощным оружием. Почтенный Вастополь, как и его Кузнец Войны, последний оставшийся в живых Железный Воин с тира-крепости Голгис. Его, измученного страшными ранами и преждевременной дряхлостью, Дантиох поместил в броню гредноута, чтобы воин

смог продолжать службу и быть живым хранителем истории роты. Боевая машина была наспех выкрашена в черный цвет, чтобы стать неразличимой среди других фигур диорамы. При движении за ней оставался след из капель свежей краски.

Когда стена из керамики и адамантина нагвинутась на них, вооруженные сопровождающие Кренгла попытались пустить в ход болтеры. Зияющие спаренные автоматы Почтенного Вастополя были уже заряжены, приведены в полную боевую готовность и наведены на цель. Орудия загрохотали, выплюнув огонь в костодесантников и заполняя зал невыносимой какофонией боя. С такого близкого расстояния тяжелые орудия оставили от двух Легионес Астартес лишь лужицы крови и обломки доспехов.

С куда большим изяществом и ловкостью, чем можно было ожидать от столь громадной машины, атакующий грудноут развернулся и отшвырнул третьего Железного Воина в

противоположный придел ударом плеча, из
которого торчала рука с силовым когтем.
Манипулятор скоткал прекрасный доспех
«Максимус», и стали слышны вопли
находящегося внутри него воина, у
которого ломались кости и рвались
внутренние органы. Пока Кренгл и Серапис
пятились в укрытие, выставив болтеры, а
agent Механикум повалился на пол
Реклюзама, единственный уцелевший из
почетного караула бросился на гредноута.
Вскинув болтер над головой, Железный
Воин поливал бронированную гробницу
Почтенного Вастополя огнем.

От адамантиевого панциря
гредноута посыпались искры. Вастополь
включил цепной кулак, подвешенного под
автоматиками. Обрушив на Железного
Воина удар этого зазубренного коштара,
боевая машина размолола в щепки его
оружие, а затем вспорола его доспех от
челюсти до пупка. Из рваной раны во всю
грудную полость и живот посыпалось
содержимое; почетный страж упал на
колени и умер. Отойдя от скульптурной
группы, гредноут позволил изломанному

Легионес Астартес, пригвожденному ил
безжалостному железу, рүхнуть на пол.
Подняв огромную металлическую ногу,
Вастополь раздавил шлем Железного
Воина, размазав его мозги по
отполированному камню и прекратив
страдания изувеченного космогесантника.

Когда Дантиох двинулся вперед,
сопровождаемый Таррашем и Жневом с
одной стороны и ректором и полковником
— с другой, Кренгл и Сын Хоруса
отступили: на их искаженных лицах были
написаны ужас и ярость. Оба офицера
Легионес Астартес пытались к выходу из
Большого Реклюзиата, наставив оружие
на безоружного Кузнеца Войны и его
тяжеловооруженного гредноута. Однако
Кренгл и Серапис были политиками и
знали, что их шанс убраться из крепости
живыми — не оружие, а угрозы.

Почтенный Вастополь острыми как
золото клинками пальцами силового
когтя поднял с пола Тракха, держа агента
Механикум за виски и верх капюшона,
бүдто куклу. Тошнотворные желтые линзы
триокуляра техножреца панически

вращались, дыхательные трубки отчаянно булькали.

--- Боюсь, что Кузнец Войны Кренгл притащил тебя сюда, велел осмотреть наши фортификации, --- обратился Дантиох к подвешенному Тракху, --- чтобы по возвращении ты смог рассказать о нашей обороноспособности. Разумеется, более грамотный Кузнец Войны, нежели он, сделал бы это сам. Вастополь был хроникером нашей роты, но теперь он не слишком словоохотлив.

--- Вастополь, --- позвал Дантиох. --- Чем заканчивается история агента Тракха?

Силовой коготь гредноута начал вращаться в запястье, начисто оторвав голову техножреца вместе с капюшоном от плеч. Труп ударился об алтарные ступеньки; из обрубка шеи толчками била кровь, смешанная с машинной смазкой.

--- Это безумие! --- завопил Кренгл на подступающего к нему Дантиоха. --- Ты --- покойник!

Угрозы начались.

--- Капитан Кренгл, --- прошипел

Дантиох. — Это крепость Железных
Воинов. Она не служила и никогда не
будет служить лютяжежному магистру
войны. Мой гарнизон и я верны
Императору: мы не разделим с тобой твое
проклятие. — В сумрачных глазах
Дантиоха сверкнула холодная гордость,
столь свойственная легиону и их
Железному Отцу. — Похоже, у меня есть
последняя возможность доказать примарху
свою полезность. На сей раз я его не
погведу. Шагенхольд никогда не падет. Ты
слышишь меня, Цзрисс? Эта крепость и
люди, которые ее защищают, никогда не
будут твоими! Железные Воины с Малого
Дамантина сражаются за своего
Императора и за меня. Ты познаешь вкус
неудачи, и тогда придет твой черед
изведать гнев примарха. А теперь беги,
трус! Беги к своему изменническому
флоту и забирай этого паршивого
предателя с собой.

Пятясь сквозь арку Большого
Реклюзиума вместе с настороженным
Сераписом, широко раскрыв глаза, Крендл
тахнул болтером себе за спину, затем

снова в сторону Железных Воинов и их
гредноута.

--- Все это, --- Кренгл описал стволот
болтера широкий крүз, --- бүдет обращено в
прах за один день. Слышишь, Дантиох? За
день!

--- Попробуй! --- взревел Дантиох, но
дальнейшая угроза растворилась в
мучительном кашле. Кузнец Войны,
задыхаясь, упал на колени. Тарраш
схватил Дантиоха за руку. Похлопав
Железного Палатина по керамитовому
госпеху, Кузнец Войны восстановил
дыхание. Тарраш отпустил его, но
измученный Железный Воин остался
стоять на коленях, опустив голову. Он
медленно повернулся к прячущемуся под
капюшоном клирику.

--- Итак, --- сказал тот, --- вы слышали
все своими ушами, прямо из уст
предателя. Сердца наших братьев
погрязли в извращениях и измене. --- Он
засунул руку под свое богатое одеяние.
Тихое гудение перемещающего поля ---
почти незаметное прежде --- столкло,
снятая маску с клирика и являя взглядом

его истинные размеры. Когда он сбросил
канюшон, реальность вокруг огромной
фигуры на миг затуманилась, затем снова
обрела кристальную ясность.

С разумов защитников Шагенхольда
спала пелена, и они увидели брата-
костодесантника в богато украшенном
доспехе ярко-синего цвета. Под рукой воин
держал шлем с плюмажем, на боку в
ножнах висел гладиус. Поверх
ослепительного великоления его доспеха
ручной работы со знаками боевых отличий
и наград был надет сюрко. Знак на правом
плече свидетельствовал о том, что это
Ультратарин; украшенный
драгоценностями Крукс Ауреас на левом ---
что он чемпион легиона, тетрарх
Ультратара и член почетного караула
самого Робаута Жиллимана.

--- Ты хорошо справился со своей ролью,
тетрарх Никодим. Часто ли
Ультратарины прибегают к таким
театральным приемам? --- спросил
Дантиох.

--- Нет, милорд. Не часто, --- ответил
чемпион, чьи коротко остриженные волосы

и красивое патрицианское лицо выдвигали в нем элитного воина Ультрамара. -- Но времена теперь особые и требуют соответствующей тактики.

-- Позволь мне говорить откровенно, Ультрамарин. Когда ты появился на Малом Дамантине с клеветническими обвинениями и сухими разведданными, я чуть не приказал Вастолю сбросить тебя с бастионов Шагенхольда. -- Кузнец Войны поднялся с колен с помощью Тарраша. Тетрарх метнул в него суровый взгляд. Вокруг одного из его глаз была нанесена искусная татуировка со знаком его ордена.

-- Нелегко Железному Воину слышать о слабости своих собратьев, -- продолжал Дантиох. -- В этом я согласен даже с Угриссом Кренглом. Ты опорочил моего отца и обесчестил Четвертый легион обвинениями в лжее, ереси и убийстве. Мы позволили твоим оскорблениям остаться безнаказанными. Ты предоставил нам редкую возможность узнать об измене братьев из первых рук. Наш договор скреплен правдой. Итак, чего

хочет от нас Робаят Жиллиман?

Таврон Никодим оглядел собравшихся. Суровая гордость Тарраша и Жнева была под стать гордости самого Кузнеца Войны. Почтенный Вастополь существовал лишь для того, чтобы сражаться, а безоговорочная преданность полковника Круйшанка была написана у него на лице — верность Императору, дарующая ему утешение перед лицом бедствий.

— Ничего такого, что вы бы не дали сами, — твердо ответил Никодим. — Откажете магистру войны в ресурсах и подкреплении. Продержитесь так долго, как только сможете. Усилия немногих верных способны замедлить продвижение изменника. Минуты. Дни. Месяцы. Сколько угодно, чтобы дать Императору время укрепить Терру перед навигающей бурей, а моему лорду — пробиться через посеянное Хорусом замешательство и подготовить ответ верноподданных Императора.

— Если мы собираемся пожертвовать собой ради этого, Железный Воин

выступит против Железного Воина, было бы неплохо знать, какая стратегия есть у Жиллимана, -- заметил Дантиох.

-- Да, милорд. Как всегда, у лорда Жиллимана есть план, -- невозмутимо ответил чемпион Ультратаринов.

Когда все покидали залитый кровью Большой Реклюзам, Дантиох окликнул:

-- Никодим?

-- Да, Кузнец Войны?

-- Почему я?

-- Лорду Жиллиману известно о вашем мастерстве и большом опыте в осадном деле. Он думает, что эти учения понадобятся.

-- Он мог бы рассчитывать на мои учения, но как насчет верности? -- настаивал Дантиох. -- В конце концов выяснилось, что верности у моего легиона маловато.

-- Вы были откровенны, милорд. Разрешено ли мне ответить вам тем же?

Дантиох кивнул.

-- Магистр войны воспользовался слабостью вашего примарха -- его гордостью, -- осторожно пояснил

метрарх. -- Ваша история с Пертурabo -- не секрет. Лорд Жиллиман полагает, что может положиться на ту же самую слабость в вас.

И снова Кузнец Войны кивнул -- Никогему и самому себе.

Я был там. На этом крошечном мире, в позабытой системе, гальнем закоулке Галактики. Там, где нанесли могучий удар по изменнику, магистру войны, и его союзу заблудших и проклятых. Там, на Малом Дамантине. Я был среди немногих, вставших против многих. Братом, пролившим кровь брата. Сыном, изменившим слову сбившегося с пути отца. И словом этим была... Ересь.

Мы сражались целый древнетерранский год и еще один кровавый день. Все мы были олимпийцами. Железные Воины, откликнувшиеся на зов своего примарха и Императора. Холодные глаза обоих следили за нами издалека. Оценивающе. Выжидаяще. Желая, чтобы их Железные Воины продолжали бой. Как отсутствующие боги, которых влечет к

делам смертных страд сражения ---
неповторимая смесь крови и пожаров.

Я был там, когда Кузнец Войны
Кренгл напустил на нас стаю «Грозовых
птиц». Усторзнутые из тучного крейсера
«Бентос» и до предела набитые воинами и
оружием, летательные аппараты
затмили звезды и посыпались в наш мир,
будто стая крылатых молний. Сутей они
пробиться сквозь толстую пелену туч над
недружелюбной поверхностью Дамантина,
промчались бы по системам пещер и
выплеснули весь свой запас ужаса на наши
подготовленные позиции. Однако Кузнец
Войны Дантиох лишь несколько часов
назад приказал обрушить Орфические
Врата, и все, что сумела найти стая, ---
это камни и следы разрушения. Огня за
другой они разбились о поверхность
планеты.

Я был там, когда могущественные
богомашины Легио Аргентум, которыми
также не позволили пройти сквозь врата,
были вынуждены пробиваться сквозь
кислотные бури Малого Дамантина.
Словно ослепшие измученные чудовища,

они брели, спотыкаясь, сквозь шквалы и циклоны; их бронированные панцири покрывались ржавчиной, гигантские движительные системы разъедала кислота. Печально знаменитый «Омни-Виктрум», разрушитель сотни миров, был одной из трех освежеванных боевых машин, сумевших доковылять до карстовой воронки — достаточно огромной, чтобы вместить их гигантские тела. И там визжащие орды, составлявшие экипаж богомашин, столкнулись с непостижимым лабиринтом исполинских пещерных систем планеты и с пониманием того, что могут навеки затеряться в его темных глубинах.

Я был там, когда Кузнец Войны Дантиох приказал запустить гигантские земляные насосы, и озеро с жидким прометием вышло из берегов, растекись по полу нашего огромного дома-пещеры, словно ядовитый черный ихор. Я видел, как юнтаряницы из Четвертой Надир-Мару с таким множеством осадных орудий, что человеку и не сосчитать, утонули в смертоносных маслянистых волнах. Я

рычал от разочарования, когда колонны
моих вероломных братьев по отmeldам
двинулись к насосам, чтобы испортить
огромную технику. Я рычал от радости,
когда мой Кузнец Войны приказал поджечь
посылающую поверхность прометия. Пламя
было столь сильным, что не только
изжарило Железных Воинов в их
собственных гонениях, но и принесло в
пещеру свет, которого ее глубины не знали
никогда.

Я был на зубчатых стенах
Шагенхольда, когда наши орудия и
артиллерийские установки превратили
резервных «Грозных птиц» Кузнеца Войны
Кренгла в огненные шары из обломков. Я
видел, как небольшие армии высаживались
на наших донжонах и башнях и дождем
сыпались вниз, навстречу смерти с
перевернутых сооружений. Я сражался
рядом с Сынами Дантиоха — генетически
выведенными великанами чудовищных
размеров. Они одну за другой вырывали
руки и ноги юнтариянцам из Четвертой
Надир-Мару в огневых мешках и
внутренних дворах крепости. Я шагал

вместе с Ангелойскими
адамантифракталами полковника
Круйшанка, когда их отработанный на
тренировках лазерный огонь озарял
бастiony и разрезал вероломных
противников на дымящиеся куски. Я
смотрел вниз на крепость, охваченную
резней, где нельзя было пройти из-за
трунов и невозможно дышать из-за брызг
крови, висящих в воздухе, как
смертоносный туман.

Под конец я сражался в узких
коридорах и наводящих ужас сооружениях,
возведенных Кузнецом Войны. Забирал
жизни в невероятных количествах, лицом
к лицу с толпами братьями — Железными
Воинами. Убивал во имя Императора и не
уступал братьям в холодной решимости.
Убивал так же хладнокровно и с тем же
огнем в груди, как и мой противник.
Мерил свою силу кровью предателей,
которые могли бы изтерить свою силу
моей кровью. Я был там. В Шагенхольде.
На Малом Дамантине. Там, где немногие
стояли против многих и среди кошмара
братоубийственного сражения мои братья

истекали кровью, а Ересь обретала свои очертания.

Шагенхольд согрознулся.

С низких потолков сыпалась пыль, на полу донжона заплясали песчинки. Подземный блокгауз огрызнулся оружийным огнем. Грохот выстрелов бил по ушам, грожащее тареве, поднимавшееся над раскаленными стволами, застило глаза. Барабас Дантиох был уверен в своей коштарной крепости. Он сказал Угриссу Кренглу, что Шагенхольд никогда не сдастся. Даже на этой стадии — после трехсот шестидесяти шести древнетерранских дней жесточайшей осады — он мог рассчитывать, что крепость сдержит данное им обещание. Хотя в подземельях рыскали титаны изменников и боевые машины Механикум, стаи «Грозовых птиц» на бреющем полете обстреливали башни цитадели, а вражеские Легионы Астартес штурмовали беспорядочное нагромождение ее стен, он знал, что убийственная логика проекта Шагенхольда и скала, из которой

была высечена твердыня, не погведут его.
Тактический гений Дантиоха
простирался далеко за пределы
безжалостной крепостной архитектуры.
Все Кузнецы Войны, достойные своей
каменной соли, как бы ни похвалялись,
заранее закладывали в план неизбежность
поражения. Жизнь в осаде научила
Железных Воинов тому, что противника
нельзя недооценивать и что любая
крепость падет — раньше или позже.
Талант Кузнеца Войны состоял в том,
что у него это происходило намного позже.
Блокгауз был прекрасным примером
данного принципа в действии.

По всей цитадели — на каждом этаже
и в каждой казарме — имелось помещение
блокгауза. Резервный рубеж обороны для
защитников, находящийся внутри самой
крепости: запасы пищи, воды и боеприпасов,
а также простейшее медицинское
оборудование и средства связи. Сами
помещения были полностью
изолированные, с уникальными
планировкой и обустройством. Ни одна
возможность поразить врага не была

упущена, все секторы обстрела и углы стрельбы идеально выверены. В каждом блокгаузе Кузнец Войны устроил ловушки с зубчатыми стенами, места для засады и огневые мешки, которые в простодушные мирные дни использовались для тренировок воинов Легионес Астартес.

Блокгаузы не только позволяли измученному гарнизону Дантиоха передохнуть и пополнить запасы, они также расстраивали все надежды Кузнеца Кренгла на быструю победу после того, как его атакующие силы пробили бреши в могучей наружной линии обороны. Сражения внутри Шагенхольда были не менее кровавыми, чем бои на ее наружных стенах. Крепость пропахла раскаленным металлом и смертью. Каждая изрытая болтерными снарядами стена была забрызгана кровью, все полы завалены грудami тел в доспехах.

Опустившись на заржавевшее колено, Дантиох размышлял над кипой тьмных и испачканных кровью чертежей. Схемы Шагенхольда, устилающие пол амбразурной платформы, были сплошь в

чернильных пятнах и каракулях, стратегические примечания Дантиоха почти скрывали подробности проекта крепости. Вокруг Кузнеца Войны шаркали бронированные ноги, воздух звенел от непрерывных взрывов. Неподалеку упал один из Ангелойских агамантифрактов с визжающей дыркой в груди; одновременно из другого вместе с кровью вытекала жизнь, пока хирургeon Имперской Армии хлопотал над его оторванной рукой. Край пергамента с планом токли в растекающейся луже крови, но Кузнец Войны -- с пером у решетчатого ротового отверстия маски -- был настолько поглощен трехмерной визуализацией двухмерных рисунков, что едва это заметил.

-- Прикажете отделению Секундусойти к укрепленному пункту этажом выше, они вот-вот будут отрезаны, -- распорядился Дантиох.

Пока агамантифракты поливали длинный коридор, ведущий к блокгаузу, лазерным огнем из конусообразных стволов своих карабинов, их старший офицер в

блокгаузе, лейтенант Кристофори, чья изувеченная рука беспомощно висела на перевязи, исполнял сразу две роли --- тактика и связиста при Дантиохе. Работая за таленьким, но мощным вокс-могулем, установленным в албразурной стене, Кристофори был глазами и ушами Кузнеца Войны в Шагенхольге. Передавая приказ по громоздной вокс-трубке, лейтенант одновременно фильтровал поток докладов, поступавших по вокс-каналам от отдельных Железных Воинов и со станций связи различных блокгаузов. Опустив трубку, он прижал наушник пальцем и кивнул.

--- Сэр, Девять-Тринадцать докладывает, что на ангарной палубе противник получил подкрепление, --- доложил лейтенант.

--- Легионес Астартес? --- уточнил Дантиох. В это верилось с трудом. Если судить по количеству трупов, Кренгл уже пригнал сюда добрую половину Великой роты. Шагенхольг просто кишел потопками Пертурabo.

--- Имперская Армия, милорд. Похоже,

нехотные части Би-Ниссальских конюших.

Дантиох позволил себе устехнуться. Свежая кровь! Похоже, Кренгл получил подкрепление. Это одновременно радовало и тревожило Кузнеца Войны: Кренгла послали сюда, чтобы он добыл подкрепление для примарха и Хоруса Луперкала, а не расходовал ценные человеческие ресурсы магистра войны. Само по себе это было удивительно. Проблема в том, что появление свежих сил означало: Кренглу поручено довести осаду крепости до конца. Хорус не мог допустить, чтобы вести о сопротивлении на Малом Дамантине и о верности Железных Воинов распространились по другим легионам. Конец близился.

--- Девять-Тринадцать оттеснили к топливному складу. Ждут ваших приказаний, --- добавил Кристофори.

Дантиох хмыкнул.

--- Скажи старшему по званию, что ему разрешается использовать оставшиеся детонаторы для танков с протетом. --- Кузнец Войны жирным косым крестом зачеркнул крепостные ангары «Грозовых

птиц». — Нам они не понадобятся. Пускай
не достаются и врагу. Девять-Тринадцать
может по отделениям отходить к этому
технологическому проходу, — продолжал
он, ткнув кончиком пера в пергамент. — А
оттуда — к сержанту Акветалю в
блокгауз Север-четыре.

— Сэр, еще блокгаузы Юг-два и
Восток-три докладывают, что у них
заканчиваются боеприпасы.

— Отведите всех наших людей на
второй и третий уровни, к опорному
пункту полковника Крүйшанка в Центре, —
раздраженно бросил Дантиох,
перекрикивая оглушительную пальбу.

— Полковник мертв, сэр.

— Что?

— Полковник Крүйшанк мертв, сэр.

— Тогда к капитану Галлиону, черт
побери! У них еще осталось немного
боеприпасов.

— Да, милорд, — невозмутимо
ответил Кристофори и принялся
передавать приказания Кузнеца Войны.

Сколько полнили защитники
Шагенхольда, это было в порядке вещей.

руководить сражением приходилось едва ли не под болтерным огнем. В то время как высокая амбразура по замыслу должна была обеспечивать место для подобной роскоши, под ней, на полу блокгауза, Железные Воины, Агамантифракты и генноусиленные страшилища сражались с яростью, подпитываемой адреналином. Каждый понимал, что его жизнь зависит от безжалостности других, и нигде это не было очевиднее, нежели у входа в блокгауз. Стены вокруг него лишились своих четких и правильных очертаний. Под непрерывным потоком артиллерийского и лазерного огня камни раскрошились, и вход превратился в один из многих зияющих провалов. С потолка дождем лилась кровь тех, кто не сумел пробиться к укрытию; на полу валялись горы изрешеченных пулями тел и растоптанных доспехов.

Посреди блокгауза стоял Почтенный Вастополь. Дредноут был слишком велик, чтобы воспользоваться укрытиями, предусмотренными архитектурой крепости, поэтому оставался на месте, словно одержимый механизм, встречая

наступавших огнем из раскаленных
стволов автомашек. Боевая машина несла
на себе основную тяжесть обороны
блокгауза; однако усиленная броня его
саркофага раскалилась добела и вся была в
отметицах от множества болтерных
снарядов. Чудовищная машина стояла в
луже собственной гидравлической
жидкости, из одной из ее громадных ног
сыпались искры. Ствол нижней пушки был
вырван с тросом, под ней болтался колющий
клубок — изувеченный штык цепного
кулака. Вокруг гредноута из бойниц и
полукруглых ниш вели огонь его сородичи-
сверхлюди. Мастера по созданию преград,
Легионес Астартес гордились
эффективностью своих действий в осаде;
каждый обороняющийся Железный Воин
должен был уничтожить столько своих
братьев-изменников, чтобы это
укладывалось в систему расчетов Кузнеца
Войны — алгебраические вычисления по
времени и количеству крови.

— Пусковая установка! — завопил
Тарраш снизу. Едва Астартес и
адамантифракты успели вытащить из

бойниц стволы и вжаться спинами в спасительный камень, по проходу к блокгаузу пронеслась боеголовка. Врезавшись в зубец стены, ракета взорвалась, рассыпав над головами укрывшихся защитников крепости град осколков.

Меткий огонь Ангелойских адамантифрактов выжигал все на подступах к блокгаузу, обрушиваясь на доспехи наступающих Железных Воинов и кося солдат Имперской Армии, пушечное мясо из Четвертой Нагир-Мару экспедиционного флота. Тех, кто сумел прорваться к входу, встречал новый огненный ураган: дисциплинированные, экономные залпы гарнизонных боевых братьев. Легионес Астартес, закованные в броню, прорвавшись внутрь, попали под губительный огонь автомашек и лазерные лучи и разлетелись по сторонам, тщетно пытаясь найти укрытие. Стремление быстрее прорваться в блокгауз привело их под огонь Железного Палатина и его ударной группы.

Сыны Дантиоха, покрытые шрамами

гиганты, до неприличия напичканные
гормонами и пылкой преданностью,
набросились на захватчиков со своими
громадными орудиями ремесла ---
толохатами с гуамантииовыми
наконечниками, пальчатыми лопатами и
клювастыми кирками. Если этого
коштара оказывалось недостаточно для
уничтожения ворвавшихся в блокгауз,
Железный Палатин, капитан Жнев и
Ультратарин Таврон Никогим вели своих
воинов в атаку.

Один из напавших Железных
Воинов отделился от истребляемого
отряда. Черно-желтое пятно
стремительно метнулось в сторону.
Негодяй, чьи доспехи четвертой модели
были сплошь в отметилах от
срикошетивших зарядов, оттолкнулся от
стены, потом от другой, после чего упал и
покатился по полу. За ним последовали
еще два изменника, отчаянно паля из своих
болтеров, и несколько воспользовавшихся
ситуацией юнтарянцев из Четвертой
Надир-Мару.

Генетические великаны обрушились

на первого костогесантника, их кирки и
лопаты высекали искры из его
керамитового доспеха. Второй в отчаянии
наставил болтер на Никодима — лазурное
сияние доспеха Ультратарина сразу
привлекло внимание воина. Жнев не терял
зря времени с третьим, приведя в
действие поршни в своем искусственном
плече. Его крозиус арканут в виде молота
качнулся, словно маятник, описал в воздухе
непредсказуемую дугу и обрушился на шлем
Железного Воина. Раздробив врагу броню
доспеха и кости основания черепа,
капеллан снова двинул поршнем, быстро
вернув священную реликвию назад.
Вращаясь на месте из-за возвратного
движения маятника, Жнев зарычал от
ярости и снес еретика голову с плеч.

Тарраш стрелял сквозь повисшую в
воздухе кровавую завесу поочередно из своих
болт-пистолетов, уничтожая солдат
Надир-Мару, потоком вливавшихся в двери
блокгауза. Стуглые блестящие лица под
экстравагантными тюрбанами скалили
на Железного Палатина ослепительно
белые зубы. Бывший капитан Железных

Воинов крикнул воинам Ангелойских
адамантифрактов на стенах и Сынам
Дантиоха под ними, чтобы они каждый на
свой манер уничтожали юнтарянцев.

Брат Никодим с Ультратара, на
которого бросились сразу несколько
изменников-Астартес, сделал несколько
пробных взмахов своим сверкающим
гладиусом. В другой руке у него был
огромный штурмовой щит в его рост —
выгнутая прямоугольная пластина,
потрескивающая защитным силовым
полем. Чемпион укрылся за ним, словно за
переборкой воздушного шлюза.

Железные Воины Дантиоха в
рукопашном бою были неустержимы — под
стать неукротимым Пожирателям
Миров или горящим верноподданническим
жаром Кровавым Ангелам. Но если их
загоняли в угол, они становились еще
опаснее: хладнокровные машины, ужасные и
решительные. Они не обладали ни грацией
движений, ни поистине мастерским
владением клинком, как Никодим.
Ультратарин отбил болтер Железного
Воина в сторону взмахом

потрескивающего щита, затем рассека
оружие страшным рубящим ударом
гладуса. Прежде чем ошелотленный
Железный Воин успел выхватить из-за
пояса молот, гладус Ультратарина вновь
сверкнул в воздухе, чиркнув по доспеху
противника. Из-под нагрудника и шлема
Железного Воина хлынула олимпийская
кровь, окропляя стены блокауза.

Неподалеку от них костодесантник,
возглавивший отчаянный прорыв,
пробивался сквозь толпу генорабов. Его
цепной молот с визгом врвался в их
гигантские туши. Железный Воин прошел
сквозь стену мускулистой плоти, отрубая
головы и слоновьи конечности Сынов
Дантиоха, попадавших ему на пути.
Крозиус капеллана Жнева свистнул в
воздухе, разнося двигатель молота
вдребезги. Железный Воин тизом
выхватил болт-пистолет. Но не успел он
прикончить капеллана, как Тарраш
открыл по еретiku огонь из собственных
пистолетов. Он стрелял, почти не целясь,
и ни один заряд не пробил доспехи
костодесантника. Однако эта атака

отрезала ему путь к спасению, и
геновеликаны, жаждущие реванша,
схватили Железного Воина. Один монстр
ухватил Легионес Астартес огромной
ладонью за шею, двое других — за руки.
Великаны поднатужились, и с
тошнотворным хрустом зажимы доспеха
погались, а тело, находившееся внутри,
разорвалось на части.

На противоположном конце прохода
братья-великаны с не меньшим
удовольствием убивали юнтарианцев.
Надир-Мару. Вдруг лазерный огонь столк,
юнтарианцы раздались в стороны, и
появились две фигуры в доспехах. Их броня
была разрисована шевронами и желтыми
полосами, за спиной по обе стороны от
ранцев висели медные баллоны с
протетом. Промонав между
юнтарианцами, Железные Воины
выставили перед собой короткие широкие
наконечники, обожженные, прикрепленные к
концам глиняных огнететных трубок.

Тарраш повернулся к блокгаузу, и с его
тонких губ слетели всего два слова: «В
укрытия!»

Взметнулось асское пламя, и взрывной волной Железного Палатина сбило с ног. В замкнутом пространстве тяжелые огнеметы были наиболее опасны. Все вокруг заполнилось испепеляющим жаром и дымом, чернильно-черную тьму прорезали слепящие струи сжатого прометия. Но мере того как смертоносные струи проникали в самые дальние закутки оборонительных сооружений, шум и страдания усиливались. Над ревом огненных сопел Железных Воинов еще слышалась трескотня болтеров. Но все звуки перекрывали сдавленные вопли горящих людей: ангелойцев, геновеликанов и надир-маруанцев. Зажариваясь заживо в своих доспехах, Железные Воины брели сквозь огненную бурю в поисках спасения.

Может, то был болтерный заряд, наугад выпущенный в подступающие ужасы тьмы, а может, луч из расстроба лазерного карабина или пистолета. Скорее же всего, снаряд из беснующихся автомашин Почтенного Вастополя. Что бы это ни было, оно угодило в один из медных топливных баллонов. Густой дым

разорвала серия взрывов, сбив с ног всех, кто еще остался стоять. Волна пламени прошла по полу и потолку, по всем закоулкам блокгауза, выплеснулась из бронированных дверей и потекла по забитому людьми проходу.

Латная перчатка Дантиоха, словно клещами, уцепилась за край стены, окружавшей платформу. Кузнец Войны с трудом поднялся на нетвердые ноги и клубящемся дыму и затоптал небольшой огонь, разгоравшийся среди его схем. Кристофори был мертв, как и раненые адамантифракты, и его хирургeon. Когда дым начал рассеиваться, Дантиох спустился со стены блокгауза вниз. Там повсюду валялись трупы и лоялистов, и изменников — сплошной ковер из опаленной брони и обуглившейся плоти. Та же картина была в коридоре перед входом. Но там что-то двигалось, и нападающим не понадобится много времени, чтобы организовать следующую атаку и извлечь выгоду из этого ада.

Держась за стену, Кузнец Войны спустился по ступеням.

--- Тарраш! --- окликнул Дантиох.
Среди копоти и дыма что-то
зашевелилось.

--- Сэр, --- донесся ответ Железного
Палатина. Взрывной волной Железного
Воина ударило о стену и оглушило. Его
голос грожал, но костогесантник был жив.

--- Это конец. Мы проиграли. Враг
совсем рядом. Поднимай выживших.

--- Да, милорд.

Пока Тарраш бродил по пожарищу,
выискивая живых, Дантиох провел
перчаткой по стене. Кузнец Войны
принялся простукивать камни, неловко
двигаясь вдоль стены. Удовлетворенный, он
остановился и обернулся к громадному
дредноуту, продолжавшему стоять на
страже посреди блокауза с автомашками
наготове.

--- Вастополь, ты все еще с нами, дредноут
той? --- спросил Дантиох.

Дредноут не ответил, продолжая
гореть. Взрывы не причинили машине
особого вреда, лишь опалили адамантий и
подожгли свитки, знатена и декоративные
украшения, развешанные на огромном

корнүсе.

--- Да ладно тебе, --- сказал Дантиох. ---
Игра закончена. Мы могли бы драться до
последнего воина, но что это даст?

Дрепноут по-прежнему не шевелился.

--- Это не Голгис, --- сказал Дантиох
своему боевому брату. --- Это право
Кузнеца Войны --- решать, когда
сражаться, а когда нет. Здесь нас
победили. Продолжим войну в другом
месте. А теперь иди сюда и помоги мне;
может, ты еще будешь рассказывать об
этом.

Пока Почтенный Вастополь, волоча
подбитую искрящуюся ногу, перелезал
через лежавшие на полу тела, Тарраш
пробирался между мертвыми и
умирающими. Все Ангелойцы были
мертвы, как и Сыны Дантиоха. Бүшүющее
пламя уничтожило их. Благодаря своим
успехам катастрофу пережила лишь
горстка Легионес Астартес.

--- Враг приближается! --- крикнул
Тарраш от входа.

--- Давайте, давайте! --- подгонял
Дантиох костогесантников, появлявшихся

из гыта и развалин.

Рядом с ним вдруг очутился Таврон Никодим: его ранее безукоризненно чистый доспех весь был в копоти и крови.

--- Я думал, что это последний рубеж обороны, --- заметил тетрарх. Ультратарин прилирнулся к тем, что должен умереть здесь, забрав с собой как можно больше врагов.

--- Цра еще не окончена, --- ответил Дантиох. --- Соберите свое оружие.

--- Куда мы направляемся?

--- Сквозь стену.

Дантиох постучал по стене блокгауза. Умышленно спроектированное слабое место.

--- Вастополь!

Дредноут дохромал до стены и проломил кладку, навалившись на нее могучим плечом. На боевую машину посыпались камни и пыль. Выбравшись из пролома, Вастополь отступил, пропуская уцелевших легионеров: Кузнеца Войны, Железного Палатина, брата-сержанта Ингольдта, братьев Толего и Баубистру, Ультратарина Никодима и капеллана

Жнева. Сквозь отверстие виднелись крутые каменные ступени широкой лестницы, идущей параллельно стене и поднимающейся к фундаменту Шагенхольда под сводами пещеры. Уцелевшие защитники крепости быстро зашагали по ступеням, в то время как Почтенный Вастополь преодолевал их с трудом — ему мешала подниматься изувеченная нога.

Лестничный колодец содрогнулся. Донесся грохот.

— Что это было? — подал голос Тарраш. Мгновение они стояли в темноте молча. Затем по камням прокатилась дрожь. Ступени у них под ногами заходили ходуном, по грубо обработанным стенам и потолку побежали трещины.

— Это «Омниа Виктрум», — сказал Дантиох. — Кренгл наконец протащил своих титанов на позицию.

Кузнец Войны попытался представить себе изъеденных кислотой колоссов, оставшиеся боевые машины Легиона Аргентума. «Омниа Виктрум» был титаном типа «Властитель» — гора

изъеденной ржавчиной брони, шагающая по пещере, словно мстительный бог. По бокам у него находились орудия фантастических размеров, чудовищные инструменты разрушения, способные стирать с лица земли города и уничтожать боготашинных врага. На его сутулой спине разместились целый небольшой город: изъеденные ржавчиной шпиль, башни, платформы. База операторов и передвижные казармы для подкреплений, ожидающих своего часа.

— Обстреливает южный фасад Шагенхольда из орудий и турболазеров, прежде чем высадить войска.

«Властитель» был огромным и достаточно высоким, чтобы достать до цитадели со дна пещеры. Он мог высадить целые орды Железных Воинов и пехотные части конюших Бу-Ниссала, которые завершат осаду. Когда свежая кровь польется через южную часть цитадели и соединится с Кренглом и его поредевшими силами на севере, сопротивление Железных Воинов, верных Императору, будет сломлено и подавлено. Даже гениальная система блокгаузов, созданная

Дантиохом, не спасет защитников Шагенхольда от резни, которая за этим последует.

Ступени снова грозили, сбив нескольких костодесантников с ног. Дантиох налетел на Тарраша, который подержал своего Кузнеца Войны, остальные смотрели на потолок. На Железных Воинов градом сыпались камни, стены содрогались.

--- Проход рушится! --- воскликнул Никодим, держа над головой щит.

--- Он выдержит, --- заверил их Дантиох.

Они находились в самом основании крепости, на потолке пещеры. Залпы орудий «Отниа Виктрум» должны были заставить цитадель покориться, сотрясая ее до самого скального основания. От подножия лестницы снова донеслась стрельба. Болтеры и лазкарабины в руках изменников-легионеров и юнтарянцев Четвертой Нагир-Мару. Враг, ворвавшийся в опустевший блокгауз, последовал за ними через пролом на лестницу. Воины Кренгла, карабкаясь по

ступеням, вели огонь по лоялистам.

--- Вперед! --- крикнул Дантиох и продолжил подъем.

--- Кузнец Войны, --- услышал он оклик Тарраша и, обернувшись, увидел, как его Железный Палатин бежит по ступеням вниз, к Почтенному Вастополю. Хотя южная стена и стояла, она была частично разрушена, образовав завал, через который широкому корпусу гредноута было не пролезть. Его бронированные плечи застряли между стенами лестничного колодца, и боевая машина оказалась в западне: намертво зажатая камнем и не находящая опоры для изувеченной ноги.

На бронированную спину гредноута обрушился вражеский огонь. Брат-сержант Ингольд и Железный Палатин схватили боевую машину за руки и из всех сил тянули вверх. Под яростным огнем противника, для которого Почтенный Вастополь стал отличной мишенью, Железные Воины отчаянно пытались высвободить друга. Вокс-передатчики гредноута грожали от стонов воина, запертого внутри, а безжалостные

лучи лазогня и болтерные заряды рвали в
ключья его заднюю панель.

Баубистра и капеллан Жнев сбежали
по ступеням к боевой машине. Брат
Баубистра запрыгнул на переднюю секцию
саркофага и вскарабкался к коротким
толстым стволам орудий. Между
тогучим плечом гредноута и свогом
лестничного колодца он отыскал щель для
своего болтера и начал отстреливаться
короткими экономными очередями. Жнев
подбежал к Вастополю и с ходу врезался в
гредноута примерно посередине корпуса,
надеясь, что от его удара боевая машина
сдвинется с места. Капеллан потерпел
неудачу. Почтенный Вастополь
превратился в неподвижный предмет.
Лишь огромная сила изменников Кренгла
сумеет сдвинуть его, а до той поры
гредноут превратился в стену из
адамантия и керамита, разделившую
противников.

Тарраш услышал знакомый жалобный
вой.

--- Ракета! --- крикнул он.

Ракета врезалась в спину гредноута.

сбросив с него Баубистру и исторгнув из
груды Почтенного Вастополя
предсмертный рев. За первой ракетой
последовали еще две, разрушившие
бронированный панцирь саркофага. Теперь
Вастополь стонал, уже не переставая.
огромное металлическое тело Железного
Воина отказывалось ему служить.
Дантиох затопал по ступеням вниз, к
гредноуту.

--- Вытащите его оттуда, ---
приказал Кузнец Войны.

--- Он умрет, --- ответил Жнев,
перекрикивая грохот боя.

--- Выполняйте!

Тарраш взглянул на Дантиоха и его
капеллана. Потом на Таврона Никогима,
ожидавшего на ступенях.

--- Милорд, --- сказал Тарраш, --- для
этого нам нужны специальные
инструменты и магосгенетор Уркхарт.

Дантиох положил руку в перчатке на
прохладный металл саркофага
Почтенного Вастополя. Железный Воин,
находившийся внутри, продолжал стонать
от боли через вокс динамики.

— Вастополь, послушай меня, —
сказал Кузнец Войны. — Мы не бросим
тебя, дружище. Нам нужно вытащить
тебя отсюда. Можешь нам помочь?

Силовой коготь гредноута медленно
поднялся между ними. Перекосившаяся
боевая машина еще могла пользоваться
этой конечностью, но не более того. Сведя
острия когтей вместе наподобие пики,
гредноут вонзил их в грудную пластину
своего саркофага. Мощные поршни и
гидравлика внутри руки сдвинулись с
места и зафиксировались, заставив
клапешню раскрыться. Мощным усилием
рука вновь была извлечена наружу.
Бронированное тело гредноута
сопротивлялось самоуничтожению, но в
конце концов пластина отделилась от
корпуса машины в оспинах от попавших
снарядов.

Амниотическая жидкость хлынула из
саркофага, залив ступени и стоящих
рядом костомодесантников. Над разрушенной
секцией выгнулась мощная электрическая
дуга, из отверстия повалил дым. Зловоние
было невыносимым. Наружу вырывались

небольшие язычки пламени, провода и кабели дымились и искрили. Внутри, словно утробный плод, лежало то, что осталось от брата Вастополя. Воин-поэт был едва жив. Его пергаментная кожа исторщилась и сохла, исхудавшие руки напояли руки скелета. Ног он лишился давным-давно, а костлявое тело было опутано трубками жизнеобеспечения и импульсными разъемами, пролежавшими между дряхлым Легионером Астартес и его металлическим саркофагом.

— Достаньте его оттуда, — приказал Дантиох.

Капеллан Жнев и брат Толедо вытащили истощенного Железного Воина из саркофага, удаляя трубки, вставленные в рот между торчинистыми губами и желтыми зубами, и отсоединив контрольный провод, соединяющий импульсный интерфейс мозга с разбитым телом гредноута. Два Железных Воина понесли Вастополя между собой, сплетая ладони в замок. Вастополь бессильно уронил руки на их кератиновые плечи, склонив влажную, безволосую голову.

обтянутую старческой кожей, на груди капеллану.

По опустевшему корнусу гредноута застучали новые ракеты, и Железные Воины потчались вверх по каменным ступеням. Несмотря на крайнюю усталость после долгой осады, костогесантники двигались быстро, их тормозили лишь ухудшающееся состояние и крайняя слабость Вастополя и сухой отрывистый кашель Кузнеца Войны, постоянный и изматывающий. Наверху лестницы они уткнулись в железный люк, ведущий на крышу. С большим трудом осилив последние ступени, Дантиох велел открыть люк, и Железные Воины пролезли в него.

Помещение, в котором они оказались, было просторным и темным. Кузнец Войны повернул вниз массивный рубильник на каменной стене, и вспыхнули лампы. Заурчали мощные генераторы, и застоявшийся воздух вокруг Легионес Астартес пришел в движение.

--- Закрой его, --- сказал Дантиох брату Баубистре, указывая на люк. Пока

Кузнец Войны шел через комнату, его засыпали вопросами. Это помещение не было блокгаузом, хотя в нем имелся собственный небольшой арсенал: болтеры на подставках, ящики с боеприпасами, гранаты и несколько полных комплектов доспехов третьей модели. Кузнец Войны, не обращая внимания на расспросы собратьев, углубился в работу за ближайшим руническим модулем.

--- Сержант Ингольм, брат Толедо, будьте добры, облачите Почтенного Вастополя в один из этих запасных доспехов.

--- Это не спасет его, --- сказал Жнев своему Кузнецу Войны.

--- Капеллан, прошу вас. Пока еще есть время.

--- Кузнец Войны, я вынужден настаивать на объяснениях, --- заявил Таврон Никодим, осмотрев помещение. --- Я думал, что мы отходим на очередные запасные позиции.

--- А для чего, Ультратарин? --- отозвался Дантиох. Его пальцы скользили по глифам и рунам на пульте управления.

Шагенхольг потерян. Лоялистов, оставшихся в цитадели, сожнут. Подкрепления, присланные Кренглом, а «Отниа Виктрум» обратит все остальное в груды булыжников. Эта крепость подарила Императору и Робауту Жиллиману триста шестьдесят шесть древнетерранских дней. Триста шестьдесят шесть дней, оплаченных политийской кровью, чтобы они смогли подготовить ответ на Ересь и укрепить Императорский Дворец, чтобы обеспечить более благоприятный исход, чем у нас.

--- Каков наш план, милорд? --- спросил Тарраш, выражая в словах мысли всех остальных.

Дантиох осмотрел их похожее на пещеру убежище.

--- Это последняя из тайных стратегий Шагенхольга, --- сказал Кузнец Войны. --- Завершающий итог любой осады и ответ врагу, который сумел заставить нас зайти так далеко.

--- Вы сказали, что крепость потеряна, --- напомнил Никодим.

--- В бою часто бывают моменты,

когда мы можем воспользоваться слабостью наших противников. За время осады мы использовали почти все из них. Есть некая ирония в том, что слабее всего враг оказывается, находясь всего в нескольких шагах от победы: он рвется закрепить успех, а его силы растянуты по всей территории. Сейчас мы собираемся воспользоваться этим.

--- Как? --- настаивал чемпион.

--- В осадном деле всегда нужно думать о том, чем все закончится. Мы должны учитывать возможность нашего поражения и готовиться к нему. Это помещение стало едва ли не первым, которое я построил при возведении Шагенхольга. Оно расположено в своде пещеры, прямо в скалистом основании крепости. Здесь находятся два важных устройства, выведенных на единый пульт управления. Первое --- небольшой теплепортариум, подсоединенный к генераторам, чтобы поставлять необходимую энергию. Второе --- детонатор, который подключен проводами к взрывчатке, размещенной в наиболее

развитых местах в основании цитадели. Остальное сделает гравитация. --- Дантиох помолчал, давая остальным проникнуться грандиозностью его плана.

--- Капеллан Жнев, пожалуйста, приступайте к ритуалу телепортации. Наше путешествие не будет продолжительным, но место назначения важно.

Пока капеллан шел к перемещающим пластинам телепортатора, Тарраш помог Ингольду и Толего поднять едва живого Вастополя, запакowanego в броню.

--- И куда мы направляемся? --- спросил у Кузнеца Войны Никодим. Ультрамарины не привык быть в неведении насчет тактики.

--- На захват этой крепости противник бросил все, что у него было, и, несомненно, оставил без должной защиты свою собственную. Мы телепортируемся на «Вентос» и захватим мостик благодаря внезапности и силе. Братья, время пришло! Пожалуйста, займите свои места.

Пока Тарраш и два Железных Воина тащили силовой доспех с телом

Почтенного Вастополя к пластине переноса, Никодим закрепил на плече свой штормовой щит. Потом Ультратарин неуверенно двинулся следом.

Баубистра, прижав шлемом к люку, сообщил:

--- Похоже, они прорвались, Кузнец Войны. Враги приближаются.

--- Прекрасно, брат Баубистра! Теперь присоединяйтесь к вашим братьям.

Когда Баубистра проследовал мимо него, Дантиох привел в состояние боевой готовности взрывные устройства, запрятанные в скалистом основании Шагенхольда на потолке пещеры. Затем он подключил каналы связи на всех уровнях и вокс-громкоговорители цитадели.

--- Угрисс Кренгл, --- прошипел Дантиох. --- Капитан, это твой Кузнец Войны. Я знаю, что ты здесь, где-то в твоей крепости. Знаю, что ты водишь дружбу с предателями и прячешься за Богомашинатами Легио Титаникус. Столкнувшись со столь превосходящими силами, я говорю с тобой в последний раз. И снова заявляю тебе, что эта крепость не

бүдет служить интересам нашего
нелюбящего отца или вероломного
магистра войны. Но, капитан, я ошибался,
когда говорил тебе, что Шагенхольд
никогда не падет. Угрусс, он падет...

С этими словами Кузнец Войны
отключил связь и включил пусковой
механизм телепортатора и взрывного
устройства. Заняв на площадке переноса
место рядом с Никодимом и Железными
Воинами, Дантиох оправил свой плащ.
Включив герметизацию маски, Кузнец
Войны заторгал от воцарившейся внутри
тьмы и почувствовал, как его затягивает
варп. Ему казалось, что он слышит первые
разрывы: мощные, рвущие стратегически
слабые места в основании крепости.
Закрыв глаза, Дантиох среди ужасов
телепортации представлял себе то, что,
как он всегда знал, ему не удастся увидеть.

Падение Шагенхольда. Его буквальное
падение с потолка пещеры. Триллионы
тонн камня и замысловатой архитектуры,
падающие на скалистое дно и увлекающие
за собой тысячи изменников — Железных
Воинов и имперских солдат, обеспечивших

захват Шагенхольда. Последний вызов крепости, исполненный в гравитации, огнем и катне: упасть и похоронить под своими обломками, исполинской грудой окровавленных катней, могучий «Омниа Виктрум» и иные подобные ему боготашины.

Разгерметизировав маску, Дантиох оглядел пусковую палубу флагманского корабля «Вентос». Палуба была практически пуста; большую часть «Грозовых ястребов» и «Грозовых птиц» использовали для доставки пополнения и воздушных атак на Шагенхольд. «Грозовая птица», вокруг которой материализовались Железные Воины, была светло-зеленой, с эмблематическими знаками, говорящими о ее принадлежности Сынам Хоруса. Личный транспорт Гасдрубала Серануса!

Тарраш спустился по рампе «Грозовой птицы», неся телепортационный пеленгатор. Дантиох распорядился тайно установить его на корабле во время встречи с Кренглом и капитаном Сынов

Хоруса в Большом Реклюзиате.

--- Как ты проберется на мостик? ---
спросил капеллан Жнев.

--- С минимальным кровопролитием, насколько это возможно, --- ответил Кузнец Войны. --- Это флагман Пятьдесят первой экспедиции. Железные Воины на его палубах --- привычное зрелище. Не будем нарушать его.

--- А он? --- Тарраш говорил о Тавроне Никодиме. Несмотря на копоть и кровь, все равно было видно, как сверкает доспех Ультратарина.

--- Члены экипажа не станут задавать вопросов Легионес Астартес.

Дантиох целеустремленно зашагал по палубе в сопровождении лоялистов. Космогесантники боролись с желанием вскинуть болтеры, старались вести себя спокойно и естественно. Брат Толего и сержант Ингольдт несли обтякший доспех Почтенным Вастоном, что делало лазутчиков еще менее похожими на штурмовую группу.

На борту не было видно Легионес Астартес --- почти всех Железных Воинов

отправили штурмовать Шагенхольд. В основном космогесантникам попадались навстречу штабисты и члены многочисленной команды корабля. Немногие из этих смертных осмеливались кинуть взгляд на фигуры полубогов после суровых порядков, установленных Кренглом. Так что до командной палубы лазутчиком добрались без приключений. Стратегия Дантиоха была столь отважной и дерзкой, что никому на борту «Бентоса» даже в голову не пришло, что на них напали.

Молчаливое и неспешное продвижение группы к мостику прервал неожиданный вой сирены. Откуда-то сразу появились болтеры, и Железные Воины мгновенно заняли оборонительные позиции.

--- Отставить, --- велел Дантиох.

Впереди слышался стук бронированных баштаков по палубе.

--- Мы не обнаружены, и на нас не нападают, --- сказал Дантиох. Борясь с природными инстинктами и чувством уязвимости, Железные Воины опустили оружие. Впереди них по пересекающемуся

коридору протаршировал небольшой отряд ветеранов из Четырнадцатой Великой роты Кренгла. Когда их шаги затихли, Кузнец Войны повернулся к собственным ветеранам.

— К этому моменту, — пояснил он, — те, кто уцелел на Малом Дамантине, доложили о полном разрушении крепости, гибели Кренгла, сил магистра войны и «Отниа Виктрум». Кто бы ни был здесь застаршего, он хочет получить визуальное подтверждение нелыслимого доклада. Численность противника, с которым нам придется иметь дело, уменьшилась еще на пять Легионес Астартес.

Дантиох уверенно зашагал по лестнице, ведущей на мостик. С флангов его прикрывали брат Баубистра и Железный Палатин. Когда Кузнец Войны поднялся на самый верх и увидел огромный мостик «Бентоса», он снова овладел приступом кашля — мучительные спазмы, привлекавшие всеобщее внимание и заставившие все головы повернуться к нему.

На мостике кипела жизнь.

корабельные старшины и хилые сервиторы
трудились в хитросплетениях рунических
модулей, когитаторов и блоков
управления, занимавших большую часть
командной палубы. Два Железных Воина в
успехах «Максимус» стояли на страже у
арочного входа на мостик, а лорд-
командующий Четвертым Юнтарианским
Надир-Мару Варсанг Габрун совещался с
офицерами в тюрбанах — своим
тактическим штабом. Лорд-командующий
был таким же, как его запомнил Дантиоха:
рассеянно теребил бороду и бросал на
подчиненных острые взгляды, исполненные
желчного скептицизма и недовольства.

Эпицентром суматохи, местом, куда
стекались донесения и информация, были
три Сына Хоруса — надменно
ухмылявшиеся стуглые хтонийцы с
коварным выражением лиц. Один сразу
понял то, чего не сумели распознать
другие на «Бентосе»: перед ними угроза в
лице вражеского Кузнеца Войны Барабаса
Дантиоха.

Баубистра и Тарраш ворвались на
мостик вслеп за своим господином.

Приставив стволы к вискам стражников, они приказали своим олимпийским братьям бросить оружие и опуститься на колени. Оставив свою ношу, сержант Ингольм и Толего выскочили вперед с болтерами на изготовку и наставили их на Сынов Хоруса. Двое предателей, стоявшие по бокам от Гасгрубала, выхватили болт-пистолеты, и на шумном доселе мостике все застыло. Капитан изменников что-то возмущенно вопил, пока Железные Воины и Сыны Хоруса не сводили друг с друга глаз. Учитывая, что капеллан стоял на коленях возле утиравшего Вастополя, а Дантиох цеплялся за поручень, заходясь кашлем, искать выход из положения пришлось Таврону Никодиму.

Чемпион Ультратаринов вышел вперед. Он был единственным, кто двинулся на застывшей командной палубе. Никодим храбро прошел мимо взбешенного лорда-командующего Габруна, кричавшего: «Не стрелять на мостике!» — к своим противникам-полубогам. Лицо Гасгрубала Сераписа исказилось от ярости и

стятения. Уничтожение Малого
Дамантина и появление Дантиоха с его
Железными Воинами на корабле само по
себе было невероятным. А теперь перед
ним стоял один из сыновей Жиллимана,
таинственный Ультратарин,
вмешавшийся в дела магистра войны и,
несомненно, приложивший руку к
сопротивлению Железных Воинов на этой
планете.

Гасдрубал попытался к одному из
огромных стрельчатых окон,
возвышавшихся над мостиком; лишь
толстое стекло отделяло капитана
костодесантников от враждебной пустоты
за бортом. Два его телохранителя
остались на месте, продолжая держать на
пушке приближавшегося Никодимата.
Гасдрубал взглянул на Железных Воинов,
чье оружие было нацелено на мостик и на
него, стоявшего на фоне огромного окна.
Габрун продолжал вопить от страха.
Гасдрубал кивнул, уверенный, что
Железные Воины не настолько глупы,
чтобы открыть пальбу, рискуя разбить
смотровой экран и обречь всех на верную

Зибель.

--- Убейте этого проклятого
Ультратарина! --- яростно приказал он.

Сыны Хоруса открыли огонь.
Железные Воины вскинули болтеры,
натереваясь ответить тем же.

--- Не стрелять! --- выдал Дантиох
между выворачивающими его наизнанку
приступами кашля. Учитывая, что его
воины стояли лицом к сводчатым окнам
мостика, он не мог допустить, чтобы
случайный выстрел пробил корпус корабля.

Никодим сорвал с наплечного
крепления мощный штормовой щит и
прикрылся им --- очень вовремя, за миг до
того, как прогревели болтерные очереди
изменников. Едва заряды ударили в
лазурную глазь щита, тетрарх
активировал защитное поле. Меткостью
Сынов Хоруса можно было восхищаться.
Каждый снаряд попал в цель, и не находись
Никодим под прикрытием штормового
щита, его бы изрешетили бронебойные
заряды.

По мере приближения к предателям
прицельность их стрельбы возрастала, и

силовое поле щита не выдержало. Один из
выпущенных костогесантниками
стертоносных зарядов с агамантиевым
сердечником пробил доспех и ударил
Ультратарина в плечо. Чемпион
Жиллимана продолжал наступать, и лицо
Гасдрубала еще больше исказилось от
ярости. Он не верил своим глазам. Сыны
Хоруса заменили опустевшие магазины
болтеров на новые и продолжали
стрелять. Однако тетрарха ничто не
могло остановить.

Когда костогесантники Гасдрубала
опустошили магазины во второй раз,
Никодим получил ранения в бедро, грудь и
плечо. Щит и доспех Ультратарина
оказались пробиты. Силовое поле зашипело
и рассеялось от перегрузки, и чемпион
Ультратаринов, бегом преодолев
последние метры командной палубы,
сошелся врукопашную с Сынами Хоруса.

Отчаявшиеся предатели схватились
за свои хтонийские клинки. Никодим уже
держал в руке гладиус. Его бронированная
ладонь стала скользкой от крови,
стекавшей из тяжелой раны в плече.

Проскочив между гвмтя Легионес
Астартес, Никодим ударил первого
щитом. Он почувствовал, как вражеский
меч рубанул по истерзанным доспехам, и
ударил Сына Хоруса снова. Выпрямив руку
и отталкивая противника щитом, как
открывающейся дверью, Ультратарин
позволил предателю нанести один-
единственный яростный удар: меч пронзил
воздух между локтем и боком чемпиона, а
Огладуус Никодима обрушился сверху,
отсекая бронированную руку
костодесантника. Перчатка и меч со
звоном упали на палубу.

Никодим поспешил закрепить свое
преимущество и обрушил на предателя
серию ударов, нанося их кромкой щита по
шлему противника. Оглушенный, Сын
Хоруса поскользнулся на собственной крови
и рухнул на палубу. Пнув бронированной
ногой лицевою пластину шлема,
Ультратарин перевернул упавшего.
Затем, встав над лежащим ничком
противником, занес нижнюю кромку
прямоугольного щита над его горлом,
взглянул на Гасдрубала и его

единственного оставшегося охранника, дерзко вставшего между ним и своим господином, и нанес удар. Раздался тошнотворный хруст, и крошка щита перерубила предателю шею.

На мгновение Ультратарин остановился, чтобы отдышаться. Его бронированная грудь то тяжело вздымалась, то опадала от напряжения. Потом он вскинул огромный щит и ринулся на второго охранника. И снова Никодим ощутил, как более легкий хтонийский клинок бессильно скользнул по простреленному щиту. На этот раз чемпион не остановился и просто впечатал Сына Хоруса в толстое стекло стрельчатого окна. Зажатый между окном и Ультратарином, предатель выпустил из рук оружие и попытался ухватиться за край щита керамитовыми пальцами. Никодим ударил его о стекло повторно и в третий раз. Наконец Сыну Хоруса удалось зацепиться за щит — он хотел оттолкнуть его в сторону и схватить противника за горло.

Но не получилось. Отведа гладью

назад, Никодим пробил острый меч
изнанку штурмового щита и пронзил
стоявшего за ним костогесантника.
Раздался вздох, легкий и едва слышный.
Выдернув клинок, Никодим отступил,
давая возможность щиту и Сыну Хоруса
рухнуть на палубу.

Гасдрубал отвернулся. Как и все на
мостике, капитан решил, что
Ультратарин собрался вышвырнуть
костогесантника в окно, разбив толстое
стекло и впустив внутрь вакуум. Он со
страхом смотрел на чемпиона
Жиллимана. Никодим прошел мимо него с
окровавленным гладиусом в руке. Он
отстегнул шлем с плюмажем и снял его с
головы. Исчезли смертоносная грация и
патрицианская невозмутимость.
Ультратарин сплюнул кровь на палубу.
Болт-пистолет в руке Гасдрубала
загрожал. Железные Воины окружили их
обоих, наставив болтеры на предателя.

— Игра окончена, — объявил Дантиох,
и его трачный настойчивый голос
перекрыл гомон, царивший на мостике.
Гасдрубал повернулся навстречу холодной и

зловещей железной маске Дантиоха. -- Ты проиграл, -- сказал Кузнец Войны своему врагу.

Болтерный пистолет Гасдрубала вынул из его керамитовых пальцев. Когда Толего и сержант Ингольдт взяли пленника под стражу, Никодим убрал глаза в ножны и заковылял по мостику в обратную сторону. Лорд-командующий Габрун все еще яростно протестовал. Полубог успокоил офицера, лишь приложив палец к его губам.

Никодим присоединился к Дантиоху на палубе, возле Почтенного Вастополя. Кузнец Войны велел Таррашу принять командование на мостике. Ингольдту и Толего поручили стеречь изменника Гасдрубала и подготовить его к допросу. Капеллана Жнева и брата Баубистру приставили к Варсангу Габруну -- проследить, чтобы оставшиеся у лорда командующего войска и экипаж «Бентоса» приняли сравнительно бескровную стену власти и новые приказания.

-- Я могу чем-нибудь помочь, Кузнец Войны? -- спросил Ультратарин, стоя над

звѣта воинами, оставшимися в живых
после мира-крепости Голгиса.

Дантиох даже не взглянул на
метрарха. Его глаза, не отрываясь,
смотрели на лежавшего без шлема
Вастополя: старец в доспехах неподвижно
застыл на полу, прислоненный к стене. К
тѣсной коже черепа прилипли редкие
седые волосики, лицо иссушили
преждевременные морщины. Молочно-
белые глаза подергивались и блуждали.

--- Наш благородный брат уходит, ---
произнес Дантиох. Его голос звучал глухо,
и в нем слышались горечь одиночества и
скорбь утраты. Почтенный Вастополь не
только пережил ужасное нашествие хрудов
на Голгис. Он противился холодному зову
смерти и, несмотря на старческую
немошь, нашел способ стать полезным
своим братьям. Раньше времени
вырванный из своей металлической
гробницы, Вастополь все еще цеплялся за
жизнь. До этого мгновения.

--- Он был нашим хроникером, --- сказал
Дантиох, --- и хранил память о славных
победах. Однажды на Голгисе он сказал

мне, что истории из прошлого дают нам
силы выдержать настоящее, подобно тому
как укрепление или крепость возводятся на
твердыне древней скалы. Я не обладаю его
даром -- то, что он выразил бы словами,
делаю в железе и камне. Однако я живу,
чтобы рассказать правду о последней
победе Железных Воинов, триумфе
Четвертого легиона, верного Императору.
Он хотел бы, чтобы история
продолжалась. Но, увы, -- угрюмо закончил
Дантиох, -- она, как и история нашего
легиона, подошла к концу.

-- Кузнец Войны, -- медленно начал
Никодим, -- обязательно должно быть
так. Я заверил вас, что у Жиллимана
есть план. Вы справились со своей частью,
Железный Воин. Лорд по-прежнему
нуждается в вашем мастерстве.
Империям слаб, Дантиох. Глаз Железного
Воина смог бы заметить слабость, а его
верная рука -- вернуть силу.

-- Чего еще вы хотите от меня? --
спросил Кузнец Войны.

-- Встать плечом к плечу с моим
лордом Жиллиманом и помочь ему

укрепить Императорский Дворец.

--- Укрепить Дворец... --- повторил Дантиох.

--- Да, Железный Воин.

--- Пертурabo заставит нас дорого заплатить за такие штучки.

--- Возможно, --- торжественно произнес Никодим. --- Но я полагаю, что гениальность вашей сегодняшней победы лежит в осознании того, что Шагенхольд при всем его великолении непременно падет. Лорд Жиллиман разделяет ваши взгляды. От подобных случайностей может зависеть будущее человечества. --- Ультратарин толк, давая возможность остальным оценить грандиозность идеи.

Дантиох не ответил. Он смотрел, как последние искры жизни покидают тело его друга и боевого брата. Покрытые коростой веки затрепетали, глаза закатились и медленно закрылись, тихий шелест затухающего дыхания покинул уста воина-поэта.

Прежде чем окончательно покинуть мир, Почтенный Вастополь услышал слова Дантиоха, обращенные к Ультратарину:

— Ты говоришь об искусстве разрушения. В этом потопки Пертурабон не имеют себе равных: мы неустержимы в бою и непревзойденны в осадном искусстве. Покажи мне дворец, и я скажу тебе, как Железный Воин сможет им овладеть. А затем поведаю, как ты сможешь меня остановить. Не знаю, долго ли мне придется служить Империи, но обещаю тебе одно: сколько бы железа ни осталось в этой старой броне, оно твое!

Железо внутри. Железо снаружи. Железо повсюду. Империи возвышаются и гибнут. Я сражался с древнейшими обитателями Галактики, и мои братья из Легиона Астартес будут сражаться тоже, их ждут новые опасности и угрозы, о которых мы пока не подозреваем. Мы — Железный Империи, и железо вечно. Когда наша плоть будет забыта, став жертвой врага — того, что снаружи или внутри нас, — железо продолжит жить. Разрушатся людские туннели, истлеют мощные флотилии. И еще долго после того, как наши отполированные

кости обратятся в прах под дуновением
легкого ветерка, оружие и доспехи будут
жить. То, что осталось от воинственной
расы, — железо лоялистов и железо
предателей. Они поведают нашу историю,
чтобы предостеречь тех, кто придет
следом. Железу нет гела до Веры и Ереси.
Железо вечно.

Наши доспехи, мечи и болтеры будут
гнить в песках какого-нибудь далекого
мира, потускнеют и покроются
ржавчиной. Их блеск потеркнет. Серое
станет коричневым, коричневое —
красным. Среди медленно тлеющих
обломков нашей империи железо
вернется к своему исходному
состоянию. Возможно, для того, чтобы
быть использованным снова — какой-то
другой глупой расой. И хотя слабость
плоти погубила меня, как погубит в
конечном счете и моих собратьев, наше
железо будет жить. Убо железо вечно.

Железо рождает силу. Сила рождает
волю. Воля рождает веру. Вера рождает
честь. Честь рождает железо. Такова
Нерушимая Литания. И да будет так во

веки веков!

Аарон Дембски-Боуген

ЖЕСТОКОЕ ОРУЖИЕ

Создав их, чтобы
оберегать человечество, мы
породили легион нелюдей,
единственная задача которых ---
защищать то, чего они больше
не понимают. Свой долг они
выполняют с честью,
проклятие несут с
достоинством. Но пусть
никогда не будет забыто то,
что мы сотворили с лучшими
сынами Калибана. Империя в
своем бесконечном тщеславии
породил не воинов с горячими
человеческими душами, но
ангелов с холодными сердцами.

Ни одна настолько
измененная душа не сможет
вернуть себе утраченное.
Нельзя владеть оружием столь
жестоким и не заплатить за

это.

Лютеровские
поправки к
Изречениям.

Глава I. Жестокое
оружие

Зверь в его снах никогда не утирает.

Он видит, как существо крадется среди деревьев, распластав гибкое тело по земле; его движения отворачиваются, плавные, будто в нем вовсе нет костей. Уши прижаты к голове. Когтистые лапы бесшумно ступают по глубокому снегу. Существо ведет охоту — напряженную, но бесстрастную. В его пустых кошачьих глазах мерцает равнодушный голод.

Мальчик стреляет и промахивается.

Треск выстрела разрывает холодный воздух, и зверь, легкий как призрак, извивается на снегу и рычит на врага. Подрагивающие черные изгибы поднимаются из плотного белого меха на спине и шее — инстинктивная защитная реакция. Зверь угрожающе бьет хвостом, сворачивая и распрямляя его в такт ударам сердца мальчика.

На мгновение он видит то, о чем говорили другие и что он сам считал выдумкой стареющих воинов, чтобы

придать налет поэтичности ветхим историям.

Тем не менее в черных глазах зверя есть нечто большее, чем банальное желание выжить. В них светится понимание: примитивный и злой разум, несмотря на дикую простоту. Этот краткий миг кончается, когда зверь дает выход своей ярости. И нечто среднее между раскатистым рыком льва и хриплым ревом медведя разносится в холодном воздухе.

Мальчик стреляет снова. Эхо еще трех выстрелов летит по лесу, стряхивая снежные шапки с веток. Трясущиеся пальцы пытаются перезарядить примитивный пистолет, но тяжесть зверя уже обрушивается ему на грудь, сбивает с ног и швыряет на протерзную землю. Ударившись о нее, мальчик чувствует, что мощные патроны вываливаются из лапони и падают в снег. Тупая, взгромоzdившаяся ему на спину, лишает сил и не дает вздохнуть. То небольшое количество воздуха, которое удается втянуть в себя сдавленным легким,

отравлено зловонным дыханием твари; оно чувствует его на затылке --- жаркое, влажное, смердящее, как разлагающаяся опухоль. Чем бы ни было это существо, оно гниет изнутри. Из разинутой пасти на голую шею мальчика стекают липкие струйки слюны.

Корсвейн через плечо бьет тварь пистолетом по черепу. Слышен приглушенный треск проломленной кости, существо визжит, почти по-кошачьи. Зверь отпрыгивает назад, а мальчик барахтается в снегу, поднимается на ноги и, спотыкаясь, бежит. Сталь со свистом выходит из ножен --- меч, глиной почти с ребенка, который сжимают две дрожащие лапы. Когда тварь подкрадывается ближе, он видит, что злобный голод в ее глазах стенился беспощадной осторожностью. Теперь она боится его или по меньшей мере делает вид. Снежные хлопья падают на клинок и застывают на стали, украшая ее ледяными бриллиантами.

--- Ну, давай же, --- шепотом выдыхает мальчик. --- Давай...

Зверь прыгает, обрушиваясь ему на грудь с такой силой, будто его лягнул жеребец, и мальчик снова падает. На этот раз меч выскальзывает из его руки и втыкается в снег, как могильный крест. Тупая боль в груди и странное похрустывание, словно легкие набиты сухими листьями. Он знает, что сломаны ребра, но боли почти не чувствует.

Мальчик напрягается под тяжестью зверя, его юные мускулы каменеют, и он пытается пробраться сквозь плотный мех. Спинные иглы колют его пальцы и тыльную сторону ладоней, на конце каждой — капля прозрачного жгучего яда. Отравы попадает в кровь, и его руки начинают дрожать.

Он кашляет, и изо рта льется горький поток дымящейся желчи. Рвотная масса шипит в снег, разбегая его. Мальчик даже не замечает ни того, что руки бессильно соскальзывают с шеи существа, ни свои пальцы, скрючившиеся, как у подохлика.

Нару мгновений спустя все его тело корчится в судорогах. Теперь яд

распространился повсюду. Вместо крика
зубы лишь беззвучно шевелятся.

Мир вокруг медленно бледнеет и
меркнет. Он чувствует, как его куда-то
тащат и как снег скрипит под тяжестью
тела, но до сознания начинают доходить
другие, настоящие звуки: жужжание
вентилятора в воздухоочистителе, шаги
на верхней палубе, вездесущий гул
работающих двигателей.

Наконец он открывает глаза.

Так повторяется всякий раз, когда он
спит. Зверь в его снах никогда не умирает.

Во время утренней вигулии^[1] его мысли витали далеко. Стоя на коленях рядом со своими братьями и склонив голову к рукояти меча, он очень походил на рыцаря, прилежно размышляющего о грядущем Крестовом походе. Но на самом деле он предавался воспоминаниям о доме и матери, который его ненавидел.

Калибан.

Это название вызывало улыбку на лице, скрываемую под капюшоном. Калибан — смертоносный рай, где жгучее лето стелется по ужасной зиме, бескрайние леса не пропускают солнечные лучи, а древние деревья защищают себя ядовитым соком, служащим им кровью; где всякая существующая тварь наделена жуткими когтями, обладает фантастической ловкостью или изрыгает прожигающий насквозь яд. Жалые насекомые разносят чуму, от которой целые поселения становятся безмолвными и безжизненными за считанные дни. Стрекочущие тучи

саранчи год за годом опускаются на землю, уничтожая все на своем пути...

Печальной обязанностью рыцарских орденов является сожжение опустошенных поселений с наступлением нового годовичного цикла. На Калибане число имен, внесенных в списки умерших, не уступало количеству внесенных в списки родившихся. В имперских учетных книгах этот мир именовался *In Articulo Mortis*, или проще говоря — «мир смерти». Корсвейн расстелся, впервые увидев такую надпись в архиве.

Усердные клерки определили его мир как не имеющий ценности и не заслуживающий колонизации. Ему даровали свободу от уплаты имперской десятины, в то время как все прочие миры страдали от непомерных аннетитов чиновников с Терры, и планета платила дань лишь своим сыновьям, отдавая их в добровольное рабство в Первый легион Императора.

Отрицательным чертам планеты не было счета: скверные погодные условия, влияющие на работу чувствительных

орбитальных спутников связи; древесина из
материковых лесов, непригодная к
использованию из-за небезопасного
биохимического состава местной флоры;
фауна Калибана, которую множество
глубинных и скучных исследований объявили
сдва ли не самой опасной из когда-либо
обнаруженных в колонизированных мирах —
от самого жалкого паразита, несколько не
боящегося человечества, до великих зверей,
к счастью, уже практически
истребленных.

Корсвейн знал все это и даже кое-что
похуже. Но это был его дом, которого он не
увидел три долгих десятилетия и не
надеялся когда-либо увидеть снова. В его
тайной улыбке во время утренней вигулии
сквозила грустная радость.

Когда служба закончилась, его
кликнул Алайош. Остальные рыцари по
одному покидали зал размышлений; их
белые стихари полностью не скрывали
боевые шрамы, украшавшие каждый черный
доспех.

Мы ведем эту войну уже два года, а я

полною каждый день, каждую ночь и каждый приказ обнажить клинки, каждый сделанный в гневе выстрел.

Два года с того момента, как Хорус совершил свое первое безумство. Два года, как Восьмой и Первый легионы получили приказ начать сражение в космосе за право обладать целым субсектором. Ни одна сторона не утратила своих территорий, не отвоевав взятых другие; если кто-то из противников переходил в атаку, подставлял незащищенный фланг под удар другого. И ни один легион не проиграл сражение, в которое его вел сам припарх.

Два года гражданской войны. Мир против мира, флот против флота, брат против брата.

--- Привет, --- сказал Алайош.

Корсвейн кивнул в ответ.

--- Что-то случилось?

Алайош, как и его братья, был облачен в полный боевой доспех, скрываемый стихарем, а его лицо скрывалось под надетым капюшоном.

--- Нас призывает Лев.

Корсвейн проверил оружие.

--- Прекрасно!

Лорд Первого легиона сидел, как часто бывало этими ночами, откинувшись на спинку богато украшенного трона из слоновой кости и обсидиана. Его локти упирались в резные подлокотники, пальцы сложенных дотиком ладоней едва не касались губ. Непмигающие глаза — ярко-зеленые, как зелень лесов Калибана, — смотрели прямо перед собой, созерцая танец далеких звезд. Время от времени в неподвижной фигуре возникал едва заметный нарек на движение: поднимались и опускались закованные в броню плечи, вздрагивали веки, увенчанная короной голова покачивалась в беззвучном отрицании.

Доспех полководца был такого же насыщенного, незатумненного черного цвета, как костическая пуста, в которую он смотрел. Украшающие его нагрудник и поножи рычащие львы из красного золота — редчайшего металла, добываемого из пылевых поверхностных

отложений Марса, — скалились на усердно
трудившуюся на мостике команду. В эти
минуты отдыха он не носил шлем, но
грива пепельно-серых волос была собрана в
тугой хвост на затылке, не затеняя
стуглое лицо, увенчанное простым
серебряным ободком. Эта бездельца не
имела ничего общего с бахвальством,
скорее, отголоском традиции, идущей от
упраздненных рыцарских орденов мира,
ставшего для Льва приятным делом. По-
таким простеньким коронам когда-то
узнавали лордов-рыцарей Калибана.

Алайош и Корсвейн вместе
приблизились к трону, обнажили клинки и
преклонили колени перед своим сюзереном.
Лев безразлично смотрел на эти знаки
почтения. Когда он заговорил, голос был
подобен раскату грома на горизонте —
ошибиться в его нечеловеческой природе
было невозможно.

— Встаньте.

Они поднялись согласно приказу и
вернули мечи в ножны. Алайош по-
прежнему стоял в капюшоне и не сводил
глаз с повелителя, не обращая внимания на

суету на командной палубе. Корсвейн держался более непринужденно, сложив руки на груди поверх нагрудника. Его доспех украшала шкура с густым белым мехом, заброшенная за спину. Зубастая голова существа, с которого согнали шкуру, свисала поверх наплечника, скрепляя импровизированный плащ.

— Вы звали нас, сеньор?

— Звал. — Лев по-прежнему сидел, прикасаясь руками к губам. — Два года, мои младшие братья. Два года... Едва ли я смогу это одобрить.

Корсвейн позволил себе улыбнуться.

— Не более чем полчаса назад я думал то же самое, сеньор. Но что заставило вас вспомнить об этом?

Теперь Лев поднялся, оставив свой глиняный меч и шлем лежать на выгнутых боковинах трона.

— Причина не в том, что я разделяю ваше нетерпение, Кор.

Алайош фыркнул. Корсвейн хмыльнулся.

— Идите за мной, — бесстрастно произнес лорд, и три воина направились к

гололитоическому столу в центре
командного зала. По приказу Льва
облаченный в рясу сервитор включил
проекторы, и возникшие мерцающие
голографические изображения залили их
призрачным зеленым светом. Парящий
перед ними в воздухе дисплей, состоящий
из множества экранов, показывал солнца
подсектора Эгига с их планетами.
Геральдор и Тратас сияли ярче остальных,
и обе системы были помечены множеством
рун, обозначающих Механикут.

Корсвейн не увидел ничего нового.
Длинный полумесяц из пульсирующих
красным миров обозначал распространение
систем, втянутых в открытый татеж,
это были миры, не повинующиеся
Империи и стремящиеся под знамена
Хоруса Лунеркала и Механикут Старого
Марса. Целые солнечные системы,
нарушившие волю Императора, и не
меньшее количество взывающих об
имперской помощи и терранских
подкреплениях.

--- Партак пал сегодня вечером, --- Лев
указал на одну из систем в кольце из

марсианских глифов. --- Губернатор-фабрикатор Гүлзорага объявил о своей победе четыре часа назад. --- Едва заметную радость притарха могли заметить лишь приближенные. --- Он уже не так ликовал, когда я сообщил ему, что из-за его стремления взять Партак остался без защиты Ыаэлис, который около часа назад захватили мятежники.

--- Он переоценил свои возможности. --- Корсвейн какое-то время наблюдал за мерцающими глифами, потом взглянул на своего сеньора. --- Опять.

Алайош заговорил прежде, чем Лев успел ответить.

--- Он хотя бы предложил принести извинения за то, что не прислушался к вашим словам, когда вы предрекали то, что теперь случилось?

--- Разумеется, нет. --- Лев склонился над столом, опершись кулаками о его гладкую поверхность. --- И вы здесь не поэтому. Так что обойдется без негодования, даже если оно справедливо.

--- Есть связь с Империятом? --- Алайош позволил надежде прозвучать в

голосо.

--- Нет. --- Лев махнул рукой в латной перчатке сквозь гололитическое изображение, глубоко погрузившись в свои мысли. --- Наши астронавты по-прежнему немы из-за турбулентностей в варпе. Насколько я помню, последний зафиксированный контакт состоялся четыре месяца и шестнадцать дней назад. --- Примарх не отрывал взгляда от холодных зеленых глаз от гололитического изображения. --- Два года стычек в костосе, планетарных осад, глобальных вторжений и отступлений, атаки с орбиты и эвакуации с воздуха... Наконец у нас есть шанс со всем покончить.

Корсвейн прищурился. Он никогда не слышал, чтобы Лев рассуждал о вероятностях. Примарх всегда говорил как прагматик, наделенный аналитическим умом. Любое его военное распоряжение основывалось на логике, а любое замечание, прежде чем слететь с уст, проверялось и рассматривалось со всех сторон.

--- Күрц, --- рискнул предположить

Корсвейн. -- Сеньор, мы нашли Күрца?

Лев покачал головой.

-- Мой ядовитый братец, -- он вновьмахнул рукой в сторону гололита, -- самнашел нас.

Гололит угрожал, и стало слышно, как система потрескивает, переключаясьна другой образ.

-- Один из наших сторожевыхкораблей, «Серафическое бдение», получилэто послание от маяка дальнейкостической связи, установленного на путиего патрулирования.

Корсвейн прочел искаженные привоспроизведении слова, мысленнопроговаривая их про себя, как делал всегда.От прочитанного по коже поползлимурашки.

-- Не понимаю, -- признался он. -- Этоже одна из лютеровских поправок к«Узречениям». И кстати, не самаяпопулярная. Зачем понадобилось ееоставлять? Чтобы мы нашли?

Соглашаясь, Лев заговорил вполголоса, хотя звук больше походил на свирепый рев:

-- Чтобы заманить нас с помощью

настешки и используя слова, наиболее для
этого подходящие -- по мнению Курца.
Кроме сообщения маяк передавал
координаты. Похоже, мой дорогой братец
желает наконец встретиться.

-- Это наверняка ловушка, -- сказал
Алайош.

-- Разумеется, -- согласился Лев. -- У
все-таки на этот раз мы полезем зверю в
пасть. Нельзя целую вечность понапрасну
губить воинов с обеих сторон, как это
делалось в последние годы. Если этому
Крестовому походу и суждено когда-нибудь
закончиться, то только после нашей с
братом встречи.

-- Тогда лучше продолжим охоту, --
настаивал Алайош. -- Захватим их
флотилии...

-- А они в ответ захватят наши. --
Лев говорил сквозь стиснутые зубы,
бронированные плечи поднимались и
опускались в такт тяжелому дыханию. --
Двадцать шесть месяцев я гонялся за ним.
Двадцать шесть месяцев он удирает от
меня, сжигая миры перед самым нашим
прибытием, перерезая пути снабжения и

уничтожая аванпосты Механикум. Уходил от любой засады, как песок сквозь пальцы. За каждую нашу победу вознаграждает поражением. Это не охота, Алайош. Пока примарх не погибнет, война не кончится. Уни он, ни я не можем погибнуть иначе, чем от руки своего брата.

--- Но, сеньор...

--- Помолчи, Девятый капитан. ---

Голос Льва был по-прежнему ровным и тихим, но в глазах вспыхнуло холодное возбуждение, почти гнев. --- Мы --- один из последних верных Империи легионов, сохранивших полную численность, и единственные в космосе пытаемся не дать королевству развалиться, в то время как глаза всех прочих обращены на Терру. Вы предполагаете, я не хочу стоять рядом с Дорном на стенах отцовского Дворца? Считаете, что мне охота торчать тут, в костическом безмолвии, пытаясь собрать осколки разлетевшейся империи? Мы не можем добраться до Терры. Уже пытались. И не смогли. Эта война закрыта для нас благодаря предательским течениям варпа. Но остальная Галактика

тоже погружается во тьму, и, возможно, ты -- последний легион, несущий среди звезд свет Императора.

Лев снова выпрямился, его глаза сверкали от еле сдерживаемых чувств.

-- Это наш долг, Алайош из Девятого ордена. А легион всегда исполнял свой долг. Мы должны победить в этой войне. Целый подсектор миров-кузниц тратит свои интеллектуальные и материальные силы на то, чтобы выжить, а не на то, чтобы поддержать другие имперские силы. То же происходит в рыцарских мирах и мирах-жизницах, в гостевых мирах и на рудных. Чем быстрее мы завершим этот Крестовый поход, тем раньше они смогут поддержать каждый сектор Империи своими ресурсами, и тем скорее мы воссоединится с Жиллитаном. -- При этих словах Лев вздохнул. -- Где бы он ни был.

Корсвейн выслушал все это молча. Когда затихли последние слова, оставив после себя надежду, рыцарь прочистил горло, собираясь говорить.

-- Сеньор, я понимаю, почему вы хотите поднять перчатку, брошенную вам

примархом Курцем. Но для чего вы позвали нас?

Лев медленно выдохнул, указывая на мир на самом краю Восточной Окраины на гололитической карте.

— Координаты указывают на эту систему. Я не могу рисковать неучастием в Крестовом походе целого флота легиона из-за своих семейных проблем. — Он устехнулся, и эта устешка была совсем не похожа на его обычную утлую и искреннюю улыбку. Это был тигриный оскал. — Я возьму с собой лишь одну роту, несколько кораблей и вспомогательных судов. Достаточно, чтобы защитить себя и ускользнуть в случае предательства, если такое произойдет. Но мало, чтобы появился риск утратить наши позиции в этом презренном и вечном противостоянии, если оно окажется ложным следом.

Алайош немедленно отсалютовал.

— Девятый орден почтет за честь служить вам в качестве личной охраны.

— А я почти за честь, что он служит мне. — Лев понимающе кивнул. — Кор. Ты,

похоже, о чем-то задумался, мой младший брат.

--- Как называется этот мир? --- спросил Корсвейн.

Лев сверился с данными на мониторе, стоявшем на его стороне стола.

--- Тсагүалса. Зарегистрирована как пустынный мир, непригодный для колонизации, без признаков поселений времен Древней Ночи.

--- Значит, кровный враг позвал нас на мертвый кусок камня на краю Галактики. --- Корсвейн бросил взгляд на Алайоша. --- Если весь флот Повелителей Ночи там соберется, возможно, ты стоишь снова скрестить клинки с Севатаром.

Капитан скинул капюшон, открыв изуродованное лицо. Большая его часть представляла собой жуткое переплетение неровных шрамов и бесцветных бугров синтетической плоти, не до конца зарастившей рану. А вместо зубов торчали тусклые стальные штифты, закрепленные в восстановленных деснах.

--- Отлично. --- Алайош прищурил

глаза --- практически единственную
непострадавшую часть лица. --- Я у него в
долгу.

Ударный крейсер «Неустовство» перенесся в систему огин. Под рев протестующих двигателей он ворвался в безмолвие реального пространства и включил торможение, выскочив из варпа. Заработали гасители инерции, расположенные в носовой и средней части корпуса; вспомогательные тормозные системы взвыли, замедляя полет боевого корабля.

Для наблюдателя из костоса замедление хода до самого малого произошло тихо и элегантно. Для тех, кто находился на борту, содрогающийся корпс в сочетании с воет двигателей создавал куда менее изящную картину. Сотни обливающихся потом членов экипажа в помещениях машинариума поддерживали работу огромных плазменных печей, в то время как одетые в форму офицеры на командной палубе вызывали по очереди все отсеки корабля, требуя данные о состоянии систем и

механизмов.

Трон Льва на борту «Неодолимого разума» был намного пышнее всего, что стояло на мостике «Неустовства», и вместо того чтобы занять место капитана, Лев предложил Келленгре Врай формально продолжать командовать кораблем. Пока эта седеющая женщина с волосами, собранными в тугой пучок, восседала на своем небольшом троне, Лев стоял рядом, скрестив руки на груди и глядя на экран окулюса.

Пред ними в пустоте вращалась Тсагуалса — серая, безжизненная, наделенная лишь тончайшим слоем облаков над видимым полушарием.

Корсвейн и Алайош, стоя в стороне от своего господина, тоже разглядывали планету.

— Позвольте сказать откровенно, сеньор.

Лев кивнул, не отрывая глаз от окулюса.

— Позволяю, Кор.

— Противник затанил нас в настоящую выгребную яму.

Губы Льва скривились. Стоявшим рядом с ним людям слова показались наглой насмешкой — для его воинов это был признак тайного веселья.

— Я обязательно включу это в хроники нашей кампании. Аусник?

Офицер за аусник-станцией посоветовался с тремя сервиторами, одетыми в форму и подсоединенными к консоли. Мгновением позже он доложил Льву:

— Как показывают приборы, на планете нет жизни, тилорг. Атмосфера разреженная и приемлемая, но без признаков какой бы то ни было жизни. Почва, судя по всему, слегка радиоактивная — есть слабое естественное излучение. На ночной стороне планеты, на высокой геоцентрической орбите находится флот с кодами Легионес Астартес.

— Какая точность, — рыкнул Лев. — Численность флота? Расположение?

— Учитывая ненадежность аусников на дальнем расстоянии и отражения Варна, похоже, там семь кораблей: один крейсер и шесть вспомогательных судов.

построение стандартное.

Лев положил ладонь на рукоять меча в ножнах.

--- Как только наши корабли поддержки окажутся в системе, пойдём к ним в свободном строю. Старший вокс-офицер, когда мы будем в пределах досягаемости сигнала, поприветствуйте вражеский крейсер.

Флотилия Ангелов, хоть и достаточно скромная, прибывала по одному кораблю в течение следующих трех часов. Когда последний эстинец, «Седьмой сын», занял место в строю, «Неистовство» включило двигатели и повело флотилию к мертвому тиру.

--- Нас уже приветствуют, --- доложил старший вокс-оператор. --- Только аудио-сигнал.

Лев кивнул. В следующее мгновение из динамиков мостика полился мягкий голос, искаженный треском помех.

--- Так-так-так! Посмотрите, кого к нам занесло.

--- Узнаю этот голос. --- Тон Льва был

ледяным. — Хватит брехать, пес! Скажи, где я могу найти твоего хозяина?

— Разве так приветствуют любимого племянника? — Тихий голос издал короткий стешок. — Мой господин готовится прогуляться по поверхности этого мира и ждет, что ты к нему присоединишься. В знак наших добрых намерений наш флот уйдет подальше с орбиты, за пределы расстояния, необходимого для обстрела поверхности. А пока можешь просканировать этот мир. В северной оконечности крупнейшей из западных континентальных платформ найдешь развалины крепости. Мой примарх встретится с тобой там.

— Все равно это пахнет западней, — предостерег Алайош.

Лев не ответил. Вместо этого он обратился к вокс-голосу:

— Что мешает мне обстрелять эту точку с орбиты?

— Конечно, на здоровье! Делай что угодно, чтобы развеять свои подозрения. Когда перестанешь паниковать и палить по призракам, пожалуйста, сообщи мне. До

этого момента я попрошу моего лорда подождать.

--- Севатар. --- Корсвейн никогда еще не слышал, чтобы Лев вложил так много смысла в одно слово.

--- Да, дядя? --- снова хихикнул голос.

--- Скажи хозяину, что я встречу с ним там, где он пожелает. Но пусть сократит свою почетную стражу до двух воинов, я поступлю так же.

Лев чиркнул большим пальцем по горлу, давая сигнал прекратить связь. Его холодные глаза обратились на двух ближайших сынов, и он потянулся за шлемом.

--- Алайош. Корсвейн. Пойдите со мной.

Он ненавидел делать это.

--- Позвольте быть откровенным, сеньор.

Лев уже стоял в полном боевом облачении. Его лицо скрывалось под оскалившимся шлемом, который венчал гребень в виде распростертых ангельских крыльев. Раскосые красные линзы выразили неодобрение еще до того, как из ротовой решетки шлема прозвучал рокоющий баритон Льва:

--- Не теперь, Кор. Сосредоточься. --- Меч, висевший на поясе у Льва, был глиной в рост Легионес Астартес в полном боевом доспехе. Левая рука притарха покоилась на рукояти, и весь его облик представлял нечто среднее между пиратской грацией бандита и благородной почтительностью рыцаря, готового обнажить клинок.

Корсвейн утолк, сжав в руках болтер. В этом отсеке почти не было готических украшений, потолок и стены усеяны гудящими и опутанными кабелями

устройствами --- телепортационными генераторами Механикум. Из-под кожных некоторых механизмов по непонятной Корсвейну причине почти непрерывно поднимались струи пара.

--- Начинайте, --- приказал Лев.

Техники в нагвинутых на глаза капюшонах, стоявшие вдоль стен, перевели рычаги и взялись за огромные бронзовые колеса, приводящие в движение скрипящие механизмы. За работой они нараспев читали строки бинарного кода, словно пели странную математическую песню, как всегда делали матросы.

Механизмы загрожали и взвыли, вращаясь все быстрее. На возвышении запели хором девять астронавтов с закрытыми глазами. Их григорианский хорал странно контрастировал с бормотанием техников.

Корсвейн терпеть не мог перемещаться таким образом. Поэтому ему не нужно было дважды предлагать занять место в десантном отсеке «Грозовой птицы», с визгом пронзающей нижние слои атмосферы и тчащейся

прямо навстречу вражескому огню. Он был готов исполнить свой долг, забившись в десантную капсулу, или вывалиться изнутри кружащего на орбите корабля, чтобы врезаться в землю несколькими километрами ниже.

Но теленор...

* * *

...тация --- совсем другое дело.

Еще не погасли бело-золотые вспышки, а он уже ощутил на доспехах слабое дыхание этого мира. Сил у ветра едва хватало на то, чтобы колыхать его стихарь и свитки с обетами, прикрепленные к наплечникам. За считанные секунды, пока его зрение прояснялось от пахнущего хитией тумана теленортации, болтер уже был снят с предохранителя и готов к бою. В ушах еще гревели раскаты искусственного грома перетестившегося воздуха, сниженные авточувстватаи шлема до приемлемого

уровня.

Облачко клубящегося тумана продержалось бы дольше, если бы не ветер. Корсвейн постоял мгновение, чтобы почувствовать твердую землю под ногами и убедиться, что он цел и невредим. Затем, стиснув зубы и ощущая, как по коже ползут мурашки, он повел стволом болтера вокруг.

Пыльный ветер шелестел по поверхности его визора, пока он разглядывал в прицел линию горизонта. Они материализовались в самом центре кратера диаметром не менее километра в любую сторону. Из земли поднимались фундаменты из черного камня — слишком новые, чтобы быть развалинами: низкие стены и столбы, которые лягут в основание огромного здания. Повелители Ночи что-то строили здесь. Крепость... Однако рабочие бригады убрали, чтобы освободить место для встречи.

Ни движения. Ни звука.

— Чисто, — доложил он, и следующий миг Алайош сделал то же самое.

Лев подошел к одной из черных каменных колонн и провел рукой в перчатке по ее резной поверхности. Корсвейн был уверен, что от глаз притарха не ускользнуло: камень добыли явно не на этой планете, а завезли.

--- Слышите что-нибудь? --- спросил Лев.

Алайош повернулся к притарху.

--- Только ветер, сеньор.

Корсвейн ответил не сразу. Действительно ли рецепторы его шлема уловили что-то еще помимо настойчивого царапанья ветра? Что-то, кроме его собственного медленного дыхания и механического биения счетчика пульса в левом углу ретинального дисплея? Движением век он отключил активный ретинальный экран.

Воющее дыхание мира осталось.

--- Только ветер, сеньор.

--- Прекрасно, --- ответил Лев. --- Теперь будет ждать.

На исходе третьей минуты очередная звуковая волна перемещенного воздуха возвестила о появлении противника. Корсвейн взглядывался в постепенно рассеивающееся на ветру туманное облако --- переместившийся сюда воздух вражеского корабля. Его линзы недостаточно быстро отфильтровывали воздух, и Корсвейну пришлось моргнуть, чтобы прочистить глаза, болящие после телепортационной вспышки. Выступили непрошеные слезы --- не от боли или страдания, но как биологический ответ организма на раздражение.

Лев предугадал его движение и приказал:

--- Опустить оружие, братья.

--- Да, сеньор, --- с явной досадой пробормотал Алайош, ощутив, как его соратники приготовились к бою.

Увидев, кто стоит перед ним, Корсвейн едва совладал с благоговейным страхом. Бог, бледный как мертвец и

облаченный в полночь, с силовыми клинками глиной с кося на каждом пальце латных перчаток. Черные волосы развевались по ветру, открывая безжизненное лицо. Череп на цепочках стучали о доспех, испещренный рунатами, воспевающими былые злодеяния и прославляющими зверства в отношении людей. Эта тень бывшего благородства и изможденный дух, ничем более не напоминавший принца, оскалил заостренные зубы и раскрыл перед Львом радужные объятия.

— Брат мой, — прошипел Конрад Курц, лорд Восьмого легиона. У него была змеиная улыбка, хищная и бесстыдная в ненасытной жажде крови. — Я скучал по тебе.

Лев колебался. Он поднял руки к вороту, отстегнул замки, находящиеся в нем, и снял шлем. На его лице читалось неподдельное изумление, и все же черты были ангельски прекрасны — не лживым совершенством из древних религиозных мифов, но той истинной красотой, что ведома искусству Терры: лицо, словно

высеченное из коричневатого мрамора,
одухотворенные изумрудно-зеленые глаза и,
в противоположность им, рот, не
умеющий передавать чувства.

На взгляд Корсвейна, Күрц по
сравнению со Львом был отвратителен и
жалок. Мерзкая оболочка против
господина рыцаря, когти против меча.

— Күрц? — спросил Лев. В его зычном
голосе царило недоверие. — Что с тобою
стало?

Повелитель Ночи оставил вопрос без
внимания. Его голос был пронизан таким
лицемерием, что у Корсвейна заныли зубы.

— Спасибо, что пришел. Я рад тебя
видеть.

Лев медленным, точным движением
обнажил меч, но не принял защитную
стойку и не стал угрожать брату-
притарху. Сжав рукоять обеими руками в
черных латных перчатках, он поднял ее к
лицу и взглянул на Күрца поверх
крестовины.

— Я спрашиваю тебя в первый и
последний раз: почему ты предал нашего
отца?

— У а мог бы спросить тебя кое о чем, брат, — улыбнулся Күрц, демонстрируя заточенные зубы. Глаза когтистого притарха лихорадочно блеснули, свидетельствуя о скрытой болезни. — А почему ты не предал?

Лев опустил меч в знак окончания приветствия. Рыцарские приличия были соблюдены.

— Наш отец поручил мне привезти на Терру твою голову.

— Мой отец ничего тебе не поручал, поскольку он прячется в своих донжонах, коллекционируя тайны Вселенной и ни с кем не делясь ими. Лорзар и Магнус видели все, что наш отец хотел бы оставить в тайне, так что не прикрывайся этой тилой таленькой ложью, Лев. Ты — ищейка Дорна, притчавшаяся сюда, к Восточной Окраине, потому что он тебе приказал. — Күрц облизнул острые зубы. — Ну же, брат! Давай будем честныли, окажем друг другу такую услугу. Я ведь знаю Дорна. — Повелитель Ночи снова улыбнулся, жутко, словно мертвец. — Он послал тебя исполнить то,

что боялся сделать сам.

— Я пришел не для того, чтобы израть словами, Конраг. А чтобы завершить Крестовый поход.

Повелитель Ночи покачал головой. Его мертвенно-бледное лицо при тусклом свете луны казалось серым. Губы являлись единственным цветным пятном во всем облике, но и они были синими, обескровленными.

— Поговори со мной, брат! Выслушай, ответь на мои вопросы и тогда решай, должны ли мы продолжать эту войну.

— Тебе не слушать меня своими лживыми словами.

Курц, ничуть не удивившись, кивнул. На миг его ужасная маска гала трещину, явив воина, каким он был когда-то, — пусть небезупречного и несвободного от внутренних тук, но способного на другие эмоции, кроме покровительственной горечи. Глубокие морщины горя исчезли с его лица, змеиная улыбка покинула губы. В голосе по-прежнему звучала боль, но теперь к ней примешивались нотки печали.

— Я знаю. Что плохого случится, если

мы просто поговорим в последний раз?

Лев кивнул.

--- Ждите здесь, --- приказал он своим сыновьям. --- Я скоро вернусь.

Двум Повелителям Ночи не было нужды представляться, поскольку их имена известны всем Агентам Астартес. У обоих на шлемах выгравирован череп. Оба носили при себе трофеи — огромные череп и шлемы Темных Ангелов, подвешенные на бронзовых цепях к боевым доспехам. Оба стояли непринужденно, разглядывая воинов из Первого легиона сквозь красные глазные линзы. Один из них опирался на древко глиняной алебарды — оружия, прославившего его. Другой, в черном плаще, наброшенном на одно плечо, держал в опущенной руке болтер.

— Твое лицо мне знакомо, — сказал первый воин, кивая на Алайоша. — Мы встречались на Крууне, верно?

— Точно, — прорычал в ответ Алайош. — Встречались.

— Да, теперь я вспомнил. — Повелитель Ночи тихонько растеялся и изобразил удар алебардой с двух рук. Деактивированное лезвие цепного топора

на конце древка было более метра в глину
и молча скалило свои неподвижные зубы. ---
Удивляюсь, что ты выжил, Ангел.
Небрежность с твоей стороны. Как личико?

Корсвейн положил руку на болтер
брата.

--- Спокойно, капитан. Не позволяй его
ребяческим насмешкам причинить тебе
боль, --- обратился он к Алайошу по
внутренней вокс-связи, чтобы не услышали
Повелители Ночи.

Алайош кивнул. Когда Корсвейн
отошел, он ответил:

--- Все быстро зажило. Однако
несколько минут царапины все-таки
пощипало.

--- Приятно слышать. Ты прав, что
надел на этот раз шлем, кузен. Когда я
увидел твое лицо в последний раз, оно в
основном состояло из ключев мяса,
вдавленных в землю моим сапогом. Мои
братья из Первой роты очень любят эту
историю, ведь тогда я впервые начал
сдирать кожу с еще живого Ангела.

Алайош в ответ захрипел, руки у него
свело от желания вскинуть болтер и

открыть огонь.

--- Я убью тебя, Севатар. Клянусь жизнью!

--- Кузен, кузен... Я ведь старше тебя по званию, правда? Для тебя, Ангелочек, я Первый капитан Севатар.

--- Успокойся, --- велел по воксу Корсвейн. --- Успокойся, брат! Месть еще свершится, и тем слаще будет этот миг.

На сей раз заговорил воин в плаще:

--- Эй, Ангел в шкуре, ты знаешь меня?

Корсвейн повернулся. Он чувствовал, как ветер усиливается и треплет мех у него на плечах.

--- Да, Шенг. Я знаю тебя.

--- Эта шкура, которую ты носишь как трофей. Никогда раньше такой не видел. Что это за зверь?

Корсвейн устехнулся.

--- Зверь, который никогда не утирает в твоих снах.

--- Приimitiveвная калибанская поэзия? В нашем родном мире поэтов немного, но их стихи заставили бы тебя плакать. Наш язык очень хорошо подходит для телодичной прозы.

--- Nath sihl shah, vor'vorrān kalshiel, ---
безло произнес Корсвейн на ностратском.
Шенг и Севатар дружно растеялись.

--- У тебя ужасный акцент, --- признал
Севатар, --- но все равно здорово. Будет
жалко убивать вас обоих, когда придет
время. Клянусь тебе --- здесь, на земле
Восьмого легиона, что мы сделаем
трофеи из ваших шлемов. Меньшего вы не
заслуживаете.

--- Какое утешение, --- растеялся
вместе с ними Корсвейн. --- У меня тоже
есть к тебе вопрос.

Севатар отвесил шутливый поклон.

--- К твоим услугам, күзен.

--- Твои перчатки. --- На этом
Корсвейн умолк.

Севатар поднял свободную руку, а
другой продолжая сжимать алебарду. Алая
как кровь латная перчатка резко
отличалась от его доспеха цвета
полночного неба с росчерками молний.

--- В нашем легионе это символ
позора, --- в голосе Повелителя Ночи
слышалась скорее удивление, чем
раскаяние. --- Перчатки воина так

попечают, если он серьезно погвел своего примарха и заслуживает смерти. Знак неудачи он носит на своих руках до казни, время которой определяет примарх.

Корсвейн разглядывал вражеского капитана через фильтр ретинального целеуказателя.

--- Занятный обычай.

--- Возможно. Как и то, что вы прячете доспехи под одеждой.

Корсвайн поймал себя на том, что вновь улыбается.

--- Рыцарская традиция моего родного мира.

Севатар кивнул.

--- А это -- гангстерская традиция нашего. На руках предателей и глупцов их родня делала красные татуировки, чтобы показать, что это смертники. Знак того, что ни банда, ни семья не намерены терпеть серьезный провал, но что приговоренный должен еще завершить кое-какие дела, прежде чем ему позволят умереть.

--- И кто ты -- предатель или глупец?

Голос Повелителя Ночи выдал его

улыбкү, скрытую бесстрастным шлемом.

— У то и грузое.

Алайош начал терять терпение.

— Почему ты веселишься вместе с этими негодяями, брат? И что ты говорил на их змеином языке?

— Сказал, что они совокупляются со свиньями.

— Бред какой-то! У них что, совсем нет чести? Почему они смеются после такого оскорбления?

— Потому что они не рыцари. У них есть свое понятие о чести, и оно не похоже на наше.

— Пожалуй, тебе надо потеньше сидеть в архивах за изучением языков и обычаев убийц. — В голосе Алайоша ясно слышалось неодобрение. Почти осуждение.

— А как же насчет «познай своего врага?». Возьми себя в руки и помни, я на твоей стороне. — Корсвейн взглянул на запад, откуда неспешно возвращались притархи, продолжая негромкий разговор. — Лев возвращается. Приготовься.

Алайош снова хмыкнул. У него было слишком скверное настроение, чтобы

размениваться на слова.

Воины утолкли, когда возвратились к своим повелителям -- они были еще в некотором отдалении, но уже достаточно близко, чтобы слышать их слова. Лев приветствовал своих воинов коротким кивком. Они отсалютовали в ответ, совершив знак аквилы. Курц проигнорировал своих сыновей и продолжал обращаться только к брату.

-- Хорус лично поручил мне передать тебе эти слова, -- сказал он.

Если раньше Повелитель Ночи был похож просто на труп, то теперь напоминал труп эксгумированный. Глаза приоткрыты, в которых почти не видно было белка из-за расширившихся зрачков, щеки неестественно налились кровью. Костлявое лицо блестело от мельчайших капелек холодного пота, из носа стекала струйка темной крови. Он смахнул ее тыльной стороной перчатки. -- Все мы и наши инструменты -- слишком жестокое и опасное оружие, чтобы владеть им безнаказанно.

Это все, что останется от нас в истории.

Даже от тебя, Лев.

Лев покачал головой, увенчанной венцом.

--- Ты недооцениваешь Империя нашего отца.

--- А ты переоцениваешь человечество. Взгляни на нас. Посмотри, как мы воюем последние два года тут, в пустоте. Крестовый поход между двумя легионами и бесчисленным множеством миров, и это только начало. Два года ты гонялся за мной по бесчисленным полям сражений, а почему мы встретились сегодня? Потому что я так решил.

Лев легонько кивнул, подтверждая его правоту.

--- Ты прячешься по щелям, будто хищник с приходом зари.

Курц пожал плечами, едва заметно шевельнув одним наплечником.

--- Ты ни за что не доберешься до Терры вовремя, чтобы защитить ее, брат. Варн тебе не позволит. Не позволит Крестовый поход. Не позволю я. Думаешь, архивисты будущего благосклонно

восприимут твое отсутствие?

Курц прервал свою диатрибу, вытерев очередную струйку крови.

--- Или, может, человеческие потомки Империи станут читать твою легенду и украдкой сомневаться в ней? Вдруг они спросят, почему тебя не было там, чтобы защитить Тронный Мир, и станут твердить заведомую ложь, будто Лев был не настолько преданным и честным, как могучий и непогрешимый Розал Дорн? Быть может, Лев и его Темные Ангелы отсиживались в глубинах космоса, высматривая, выслушивая и решая вступить в битву, лишь когда станет виден явный победитель?

Глаза Повелителя Ночи вновь заблестели от удовольствия и печали.

--- Вот твоя судьба, Лев. Вот твое будущее.

--- Прости меня, брат.

Курц склонил голову набок:

--- За что?

Корсвейн наблюдал за обоими примархами и все-таки не заметил, что произошло, столь стремительными были

движения Льва. Братья только что беседовали, и лицо Льва было задумчивым, а глаза Күрца, предвещавшего ему жалкую участь, горячею блестя. Но уже в следующий миг лицо Күрца исказилось от страшной боли, и сквозь судорожно стиснутые зубы хлынула кровь — Лев крепко сжимал рукоять меча, до крестовины погруженного в живот брата. Сверкающая и обгаренная кровью сталь больше чем на метр торчала из доспеха Күрца на спине.

— За такой подлый удар, — прошептал Лев в бледное, окровавленное лицо Күрца. — Мне все равно, кто будет знать правду сегодня, завтра или через десять тысяч лет. Верность — сама по себе награда.

Он выдернул меч, и Повелитель Ночи упал навзничь.

Ценное лезвие алебарды Севатара мгновенно ожило.

Корсвейн перетахнул через низкую стенку и скорчился за ней, целясь поверх стены. Дисплей его визора перенастроился, и сетка прицела заметалась туда-сюда, говоря пустоту. Едва был нанесен первый удар, Севатар и Шенг исчезли. Алайош и Корсвейн вскинули оружие, но перед ними была лишь пустота. Лев уже преследовал хромого Курца, оставив своих воинов позади.

Теперь Алайош вжался в колонну и проныхтел по воксу:

--- Я не видел, куда они делись.

--- Я тоже, --- признался Корсвейн. --- Корсвейн из Девятого вызывает «Неустовство». Ответьте!

--- Говорит «Неустовство», капитан Врай. --- Каким спокойным был ее голос! Корсвейн едва не растаял.

--- Остерегайтесь измены в небе, --- сказал он. --- Мы ведём бой. --- Среди целого леса колонн он успел заметить Льва, наседавшего на отступающего Курца. Их

клинки сталкивались по несколько раз в секунду.

--- Вы нуждаетесь в обратной телепортации? --- дошел ответ капитана-смертной.

Корсвейн рискнул еще раз глянуть поверх стены, но не увидел и следа Севатара или Шенга. Они затаились где-то в фундаментах будущей крепости, невидимые, но от этого не менее опасные.

--- Нет. Нам нужно двигаться. Вы не сможете создать переходный шлюз.

Алайош выглянул из-за каменной колонны.

--- Пошли!

Корсвейн двинулся за ним, пригибаясь к земле и надеясь, что рев ветра заглушит стук его башмаков о землю.

Примархи сражались, не обращая внимания на охоту, устроенную их сыновьями. Клинок Льва исполнял изящный танец, а Курца подстегивала боль. Повелитель Ночи не реагировал на кровавую рану в животе, предоставив своей таинственной генетике самой ее исцелить. Он сражался так, как делал это всегда, — словно убийца, загнанный в угол. Смертоносные косы выскользнули из паза на тыльной стороне громадных латных перчаток примарха, и воздух зазвенел от ударов металла о металл, сопровождаемых шипением и треском противоборствующих силовых полей.

Лев рывком высвободил меч, и серебристая сталь, стремительно вращаясь, рассекла воздух, расплывшись в полумесяц, в котором отражались небесные луны. Каждый удар натывался на подставленные когти Курца. Оба воина двигались с быстротой, недоступной смертным, человеческий взгляд не успева-

за нити. И все же один был рыцарем, а другой — убийцей. Ухмылка Күрца и в лучшие времена была ненадежной маской, теперь она превратилась в хрупкое стекло.

— Мы ведь никогда не устраивали с тобой тренировочных боев, верно? — почти со скукой в голосе спросил Лев, слова которого все еще транслировались по воксу. Каждые несколько секунд на доспехах Күрца или на лице появлялись новые раны. Он был достаточно проворен, чтобы не позволить Льву убить себя, но недостаточно умен, чтобы как следует защититься от его атак.

— Я никогда не интересовался мечами. — Күрц нырнул под летящий сверху клинок, нанеся удар обеими руками. Лев отклонился назад, со сверхъестественной легкостью удерживая равновесие. Когти Күрца распустили на полосы стихарь цвета слоновой кости, едва царапнув по многослойному керамиту доспеха под ним.

— В тебе нет ни капли элегантности. — Лев повернул меч, отбивая клинком удар сразу обеих рук. — У

ни капли верности. Когда-то я считал
тебя лучшим из моих братьев. Никто не
рос вдали от цивилизации, только ты и я.

Күрц, щурясь от напряжения, облизнул
заостренные зубы.

--- Тебе следовало бы быть с нами,
брат. Даже твой собственный легион это
чувствует. Про распри внутри Первого
легиона известно даже магистру войны.

--- Никаких распрей нет.

Их клинки сошлись, и Күрц поймал
меч Льва в паутину своих сожнутых
когтей.

--- Нет? --- Повелитель Ночи выплюнул
это слово, как проклятие. --- Нет угрозы
зрехопадения праведных Ангелов? Когда
ты в последний раз был на Калибане,
гордец?

Лев улыбнулся --- Күрц впервые увидел
его улыбку, --- но от этого движения губ его
похожее на изваяние лицо не стало ни на
каплю теплее. От камня исходило больше
тепла, чем от этой улыбки. Другого
ответа не последовало.

Күрц тоже ответил улыбкой, как
всегда неискренней и безжизненной. В тот

же миг он прекратил бой, отказался от
заранее просчитанной гүэли и с воет
прыгнул к своему брату. Если прежде
поединок примархов был демонстрацией
человеческих талантов в военном
искусстве, то теперь чувство равновесия,
ловкость и изящество Льва не стоили
ровным счетом ничего. Они сцепились, как
обычные братья, и покатались по земле,
вцепившись друг другу в глотки.

Когда они остановились, Күрц стоял
на коленях на груди Льва. Розовая слюна
слетала с его бледных губ; он навалился на
брата, сжимая когти и желая его
задушить, убить самым медленным и
личным способом из всех возможных, когда
убийца и жертва смотрят друг другу в
глаза.

--- Утри, --- выдохнул Күрц. Отчаяние
лишило его голоса, и хриплые слова с
трусом сползали с кровоточащих губ. --- Не
надо было тебе выживать в том скверном
мире, который ты зовешь своим домом.

В ответ бронированные пальцы Льва
тоже сожались на горле брата, но
преимущество Повелителя Ночи было

очевидно. Күрц встряхнул Льва за шею,
ударяя брата затылком о каменистую
землю снова, и снова, и снова.

--- Утри же, брат. И тогда история
будет к тебе добрее.

Он бежал все дальше, петляя по лесу из каменных колонн и рокритовых стен, забывшись так далеко, что Алайош счел нужным его предостеречь:

--- Осторожнее, брат. За нами охотятся.

--- Почему ты не вызовешь Девятого орден?

Алайош хмыкнул:

--- Уже вызвал. Десантным капсулам нужно семь минут, чтобы добраться до нас.

Корсвейн перебежал к очередной колонне, его глаза сверкали красным, а табарг в темноте казался желтоватым.

--- Я собираюсь помочь Льву.

--- Корсвейн... --- снова предостерег Алайош. --- Он не нуждается в нашей помощи, чтобы покончить с этим упырем.

--- Я видел, как он упал в пыль. --- Корсвейн рискнул выглянуть из укрытия еще раз. Основание крепости представляло собой настоящий лабиринт из каменных

колонн и стен, а ветер, забывавший в кратере, не оставлял никакой надежды услышать гудение силовых госпехов Повелителей Ночи.

--- Что ты видел? --- теперь голос Алайоша не был таким уверенным, в нем чувствовались сомнения.

--- Вампир прыгнул на Льва, и они упали на землю. --- Корсвейн прислушался к ветру, низведенному шлемом до негромкого гула. --- Кажется, я их вижу. Прикрой меня.

--- Подожди!

Корсвейн не стал ждать. Он метнулся через строительную площадку и почти сразу залег под огнем. Шенг, больше некому! Не обращая внимания на предостерегающие крики Алайоша, он принялся петлять, уходя от обстрела слева. Несколько снарядов попали в цель, по стенам застучали черные осколки его госпеха, и на броне появились выбоины. Каждое попадание разрывного снаряда сопровождалось сильным толчком, лишая равновесия, словно лягался боевой конь, Но Корсвейн не мог думать ни о чем, кроме

Льва, поверженного в пыль, и его слабой
шеи в лапах еретика.

Вражеский огонь стих. Алайош
проныхтел по воксу:

--- Я... убью... Шенга. --- Звон клинка
послужил аккомпанементом к его словам.
Капитан уже сражался с Повелителем
Ночи. --- Сзагу! --- в очередной раз
предостерег он по воксу.

Егва Корсвейн потчался к своему
распростертому на земле повелителю,
позади него раздалось знакомое ворчание
цепного лезвия. Севатар наконец
обнаружил себя, но рыцарь не обернулся и
не прервал стремительного бега.

--- Я опережу его, --- выдохнул он в вокс.
Рычание цепной секиры уже затихало. Его
сердца стучали, как копыта лошадей по
мерзлой земле. Вокруг колонн, через
невысокие стены он мчался и петлял,
делая все, что мог, на случай, если
Севатар откроет огонь.

Позади было тихо. Лишь из вокса
доносился звон клинка о клинок.

--- Брат, --- позвал Алайош, --- беги. ---
Тон, каким это было сказано, заставил

Корсвейна оглянуться, не замедляя бега.
Перескочив через очередную стенку, он
бросил взгляд поверх своего укрытого
плечом плеча — как раз вовремя, чтобы
увидеть, как утер его капитан.

Кроме того что Алайош был
Девятым капитаном, он еще был
преданным сыном, прилежным рыцарем,
талантливым тактиком и воином,
прекрасно разбиравшимся во всех
тонкостях планирования и организации
жизни подразделений во время Крестового
похода. Также он был одним из лучших
фехтовальщиков Первого легиона и
однажды почти целую минуту
продержался против самого примарха.

Он подозревал, что из других
Легионес Астартес превзойти его могут
только силы человек двадцать — и это во всех
легионах. Одним из них был Эзекиль
Абаддон из Сынов изменников, другим —
Джубал-хан из Шратов, ну и храмовник
Сигизмунд из Кулаков, несомненно, —
третьим.

Как и Севатар. Его имя объединяло
людей по обе стороны имперской
гражданской войны. Одни его славили,
другие проклинали.

Шенг был всего лишь ностратским потребителем из трущоб, он не представлял почти никакой угрозы, хотя и был телохранителем своего примарха. Когда Алайош уверял Корсвей на, что убьет Повелителя Ночи, он не похвастался, потому что мог и должен был сделать это. Первые же удары поведали Алайошу все, что ему нужно было знать о груготской воине: Шенг — агрессивный убийца, предпочитающий колоть, а не рубить, уходить от удара, а не блокировать его. Но еще одна истина открылась ему, как открывается она всегда тому, кто знает, что искать. Шенг был медленнее Алайоша. И слабее. К тому же менее опытен. Уворачиваясь от ударов, он терял равновесие. И всякий раз, закрываясь от удара мечом, держал его не под тем углом.

Ужасно неэлегантное фехтование! Он должен был утерять в считанные минуты. Алайош втянул его в обмен ударами и сразу показал все, на что способен, будучи абсолютно уверен в победе.

Когда Севатар выскочил наконец из

укрытия за спиной у Корсвейна, Алайош
шепотом предупредил брата. Но Корсвейн
побежал дальше. И Севатар -- лопни его
глаза! -- решил не преследовать
противника. На глазах у Алайоша
тяжелые сапоги Корсвейна грохотали все
дальше, а Севатар, крадучись, вернулся на
помощь своему гнусному братцу, Шенгу.

Теперь Алайош сражался с обоими,
подняв меч и защищаясь от выпадов
Шенга и рычащей алебарды Севатара.
Повелители Ночи подбирались все ближе,
их трофеи -- черепа и шлемы Темных
Ангелов -- постукивали о керамитовые
доспехи, болтаясь на своих цепях.

Повинуясь внезапному порыву, Алайош
сорвал с головы шлем. Если это конец, то
во имя крови Императора, все будет
сделано по правилам. Он вскинул меч,
салютуя им обоим, и поцеловал его
рукоять, как того требовал обычай, глядя
на приближающихся врагов.

Затем опустил клинок и
приготовился к атаке.

-- Я -- Алайош, -- сказал он им. --
Капитан Девятого ордена Первого

легиона. Брат всем рыцарям, сын одного
мира и слуга одного господина.

Севатар опустил алебарду, намереваясь нанести ею удар, будто копьем. Вращающиеся зубья с нетерпеливым жужжанием кромсали воздух.

— Я — Севатар Осужденный, — прорычал он, — и еще до того, как на небе вспыхнет рассвет, я буду носить твою шкуру вместо плаща.

— Что ж, попробуй, — растеялся Алайош, хотя стаяться ему сейчас хотелось меньше всего. Они налетели на него одновременно. Один — нанося удары коротким клинком, другой — режущим копьем. Ангел с трудом отбил атаку: его глиняный меч с неловкой грацией поймал на клинок оба удара. Тем временем он кружил по площадке и пятился, увлекая Повелителей Ночи за собой.

В его собственном легионе лишь два рыцаря были способны победить его в тренировочном бою. Астелан, последние несколько лет не принимавший участия в Крестовом походе, и Корсвейн, паладин

Девятого ордена, обладатель Мантии
Чемпиона.

Ценой собственной смерти Алайовш
сохранит жизнь своему брату.

--- Брат, --- выдохнул он в вокс, --- беги!

Ретинальный дисплей Корсвейна на миг утратил резкость, перефокусируясь. Автоматства повиновались его импульсу, выискивая далекое движение, и приблизили картинку, показав Алайоша, отступающего перед гвумя противниками.

Все было кончено оскорбительно быстро, хотя капитан и отбил несколько ударов за считанные секунды. Даже с такого расстояния зернистое изображение прибора ночного видения свидетельствовало, что Севатар превратился в неуправляемый вихрь, его глинная алебарда режет и рубит, с каждым ударом подбываясь все ближе к Ангелу.

Развязка наступила, когда меч Шенга вонзился Алайошу в бедро, заставив рыцаря упасть на одно колено. Ответный удар Ангела пришелся Повелителю Ночи в предплечье и отсек руку — вместе с мечом, который она держала. Хотя Шенга отшатнулся, Севатар взмахнул своей

алебардой.

Корсвейн видел, как голова его брата отделилась от бронированных плеч. Убийство, не состоявшееся несколько месяцев назад, было завершено.

Он отвернулся и побежал дальше, огибая последнюю колонну. Жертва Алайоша подарила ему драгоценные секунды. Он использовал их, чтобы запрыгнуть на спину притарху и вонзить меч в тело одного из сыновей Императора.

Запрокинув жуткое лицо к небу, Курц завопил. Кровь снова потекла с его бледных губ, а жуткое давление на спину и грудь усиливалось, пока нагрудник не поддался с громким хрустом, расколовшим ночную тишину. Раненый полубог ухватился за кончик меча, торчавший из его грудной пластины, визжа, словно человек, которого облили зажигательной смесью. Это был не просто крик боли, а настоящая звуковая атака, отбросившая Корсвейна назад. Меч выскользнул из руки рыцаря, и тот в отчаянии ухватился за то, до чего смог дотянуться: одна рука вцепилась в гладкие черные волосы примарха, другая нащупала толстую цепь, свисавшую с наплечника Курца.

Примарх Повелителей Ночи поднялся, пошатываясь и увлекая за собой умирающего воина. Корсвейн запрокинул его голову назад, вырвав клоч спутанных волос. Оторванная от наплечника бронзовая цепь послужила ему оружием.

Вместо того чтобы бить ею примарха по голове, словно плетью, он захлестнул ее вокруг шеи Курца, крепко ухватившись за оба конца. Холодная металлическая пугавка затягивалась тем сильнее, чем больше Повелитель Ночи бился и метался. Корсвейн продолжал давить, слыша сквозь хриплые вздохи Курца, как с негромким влажным хрустом трескаются позвонки.

В бытность земледельцем на Калибане Корсвейну доводилось объезжать лошадей. В первый раз, когда конь встал под ним на дыбы, инстинкт заставил напрячь все мускулы — и лошадь немедленно сбросила его окатеневшее тело. Чтобы объездить лошадь, особенно гордого и сильного боевого коня, которого так ценили рыцари его родного мира, ловкость и внимательность были нужны не меньше, чем сила. Разгадка в том, чтобы двигаться вместе с лошадью и сохранять баланс, не напрягая мышцы, чтобы иметь возможность приспособиться к любым выходкам живого существа. Корсвейн давно не вспоминал о тех днях, но, вновь оседлав бьющееся и мечущееся

существо, он был поражен, насколько быстро вернулись те навыки. Он понимал, что пробыл на спине у притарха не дольше нескольких секунд, но они показались ему вечностью.

Курц вновь извернулся, на этот раз с такой силой, что Ангел не удержал тяжелую цепь. Падение Корсвейна завершилось мощным ударом о каменную колонну — от прочейшего камня откололся кусок. Его просто потряхнули, словно докучливое насекомое. Даже пригнущенный, избитый, истекающий кровью, израненный и изрезанный, Курц отбросил его без особых усилий.

Боль. Кровь Императора. Какая боль! И все же он кое-как поднялся на ноги и потянулся к мечу, валявшемуся в грязи. Если бы он смог...

Его накрыла тень. Что-то — судя по силе, горная лавина — вновь подбросило его в воздух. Земля вращалась, и она стала небом, потом небо и земля смешались. Корсвейн почувствовал, что с грохотом катится по каменистому склону и наконец останавливается, врезавшись в каменную

стену. На мгновение единственным, что он мог видеть и чувствовать, были пыль и кровь.

Ощущение дурной неуязвимости проходило слишком быстро, оставляя его на милость ран. Голова превратилась в гудящий от тупой боли шар, застряв в шлеме, спасшем череп от того, чтобы разлететься вдребезги. Сила в его теле стенилась болью; вся левая сторона была разбита, буквально раздроблена на кусочки. Попытка встать заставила кричать от боли. Лишь одна нога и одна рука повиновались ему. Одна разбитая глазная линза еще давала искаженную, рассинхронизированную картину строительной площадки. Другая не показывала ничего. Он ослеп на один глаз и ощущал в разбитой глазнице что-то теплое, мокрое и бесполезное. Когда он закричал во второй раз, изо рта вылетели три зуба и со стуком ударились о его шлем.

Остатками зрения он видел, как его сеньор встает. Лев — истекающая кровью статуя — наступал на Курца с течом в

руке. Тот в ответ выпустил когти. Несколько ногтей клинков сломались, и их обломки валялись на земле. Притархи опять сошлись, и от сверкающей стали посыпались искры.

Мышцы Корсвейна обожгло болью от внезапного вброса в кровь химических стимуляторов: внутренние системы его организма старались сохранить жизнь. Он сомневался, что их хватит надолго. Что-то плотное и тяжелое давило ему на грудь изнутри, и казалось, что он всякий раз выдыхает огонь. Что-то внутри него, несомненно, лопнуло. Едкая слюна текла у него изо рта, скапливаясь лужицей на разгерметизированном борте организма. Если в ближайшее время он не снимет шлем или по крайней мере не разгерметизирует дыхательную решетку, просто захлебнется собственной кровью и слюной.

Что-то фигура заслонила от него притархов. Фигура с копьем в руках.

--- Немного же от тебя осталось, --- хрипло растеялся Севатар по вокс-связи.

--- Лүны плачут, --- выдохнул Корсвейн

и рүхнүл на колени. Меркнүщий взгляд его
единственного глаза был обращен к небу,
где луны исходили огненными слезами.

Первая десантная капсула ударилась о засыпанный гравием склон, и пенельно-серые камни брызнули от удара во все стороны. Термозащита на ее черном корпусе еще светилась, раскалившись во время спуска в атмосфере; воющие турбины с шипением исходили паром. Запорные крепления отщелкнулись с хлопками, похожими на выстрелы, и борта капсулы раскрылись во всей своей грубоватой красоте, будто лепестки механического цветка. Темные Ангелы выскакивали с болтерами наготове и сразу начинали стрелять.

Вторая капсула приземлилась аккуратнее, за ней третья и четвертая. Все три угодили точно в кратер, выпуская рыцарей на строительную площадку.

Как быстро все меняется. Теперь на окровавленном лице Корсвейна, скрытом под шлемом, растянулась широкая ухмылка. Тени -- Севатар и Шенг -- исчезли так же внезапно, как появились.

С небес, словно град, со стуком сыпались все новые десантные капсулы. Огни были черными согласно цвету их легиона, другие — в результате прохождения через атмосферу. Оба оставшихся на орбите флота отправили воинов на поверхность, хотя сами наверняка сражались в костосе. Корсвейн не мог практически ничего разглядеть. Он слышал, как сошлись легионы под визгом цепных клинков по кератиту, и назойливый треск болтеров, но видел ничтожно мало. Единственной послушной рукой он стащил с себя шлем, морщась от прохладного ночного воздуха, коснувшегося его разбитого лица.

Лев тоже был сильно изранен. Его окружили воины в черных одеждах. По его затылку текла кровь, словно жидким плащом укрывая плечи. Корсвейн не представлял, как примарх еще жив — у него разбит почти весь череп.

Курц растеялся — по крайней мере попытался, — когда собственные воины оттаскивали его назад, как Ангелы оттащили Льва. Два примарха,

пошатываясь, оторвались друг от друга, осыпая друг друга проклятиями через головы собственных детей, оба едва передвигали ослабевшие ноги и были ужасно изранены, наполняя воздух резким запахом своей генетически божественной крови.

Огромный меч выпал из руки Повелителя Ангелов и воткнулся в землю. Күрц не мог шевельнуть когтем.

Корсвейн попытался подойти к своему притарху, но почувствовал, что снова соскальзывает на землю. Сильные руки протянулись к нему и подхватили, вынуждая сделать то, чего не позволили бы ему его мускулы. Он повернул голову, взглядываясь здоровым глазом.

--- Алайош, --- выговорил он.

--- Капитан мертв, ваша милость. Это я, сержант Траган.

--- Здесь Севатар. Присмотри за ним. Он здесь, клянусь! Он убил Алайоша. Я видел, как это было.

--- Да, ваша милость. Пойдемте... вот сюда. «Грозовые ястребы» уже летят. --- Упав на землю, он закричал по воксу, обращаясь ко всем, кто

был еще жив: -- Первый легион, отступаем!

Корсвейн обмяк в руках брата, смутно размышляя, не умирает ли он. Было похоже на то, хотя, поскольку он еще никогда не умирал, мог только догадываться.

-- Не умираете, ваша милость, -- растеялся сержант Траган. Корсвейн не сознавал, что бормочет вслух.

Последним, что он увидел, были примархи: оба стояли чуть ли не на коленях и в окружении растущих фаланг своих воинов. Күрц тянулся когтями ко Льву, рыча и ругаясь; слишком ослабевший, чтобы сопротивляться своим легионерам, волокущим его прочь с поля боя. Лев вел себя точно так же, словно отражение в кривом зеркале, что выглядело еще ужаснее из-за его красоты. Кровоточащие ангельские губы изрыгали проклятия, пока собственные сыновья утаскивали его прочь.

За шумом боя Корсвейн услышал крик Севатара:

-- Смерть Ложному Императору! Смерть его Ангелам-в-Черном! -- И по коже у него побежали мурашки от этих слов.

Какая убежденность. Какая ненависть.

--- Тратасский крестовый поход, ---
вздохнул Корсвейн. --- Они правы, правы все.
Эта война только начинается.

--- Ваша милость?

--- Мой меч. --- Корсвейн протянул
руку, словно пытаясь коснуться сидящих
напротив воинов.

--- Где он, ваша милость?

--- Его нет. --- Корсвейн закрыл
единственный глаз. --- Я оставил его в
хребте у примарха.

Зверь в его снах никогда не умирает. Он видит, как существо крадется среди деревьев, припадая гибким телом к земле; его движения отворачивательно плавные, будто в нем вовсе нет костей. Уши прижаты к голове. Когтистые лапы бесшумно ступают по глубокому снегу. Существо ведет охоту — напряженную, но бесстрастную. В его пустых кошачьих глазах мерцает равнодушный голод.

Мальчик стреляет и промахивается.

Треск выстрела разрывает холодный воздух, и зверь извивается на снегу, легкий как призрак, и рычит. Подрагивающие черные иглы поднимаются из плотного белого меха на спине и шее — инстинктивная защитная реакция. Зверь угрожающе бьет хвостом, сворачивая и распрямляя его в такт ударам сердца мальчика.

На мгновение мальчик видит то, о чем говорили другие и что сам он считал выдумкой стареющих рыцарей,

пытающихся придать налет поэзии ветхим историям. Тем не менее в черных глазах зверя есть нечто большее, чем банальное желание выжить. В них светится понимание: примитивный и злой разум, несмотря на дикую простоту. Этот краткий миг кончается, когда зверь дает выход своей ярости. И нечто среднее между раскатистым рыком льва и хриплым ревом медведя раздирает холодный воздух.

Мальчик снова стреляет. Затем еще три выстрела летят по лесу, срывая снежные шапки с веток. Трясущиеся пальцы пытаются перезарядить примитивное оружие, но прицел был верен, и отцовский пистолет поет победную песнь. Теперь зверь хромотает, приближаясь к стрелку неуверенной походкой.

Мальчик чувствует, что мощные патроны вываливаются из его ладони и падают в снег. Слишком холодно, чтобы еще раз перезарядить пистолет контевшими, потерявшими чувствительность пальцами. Мальчик отбрасывает пистолет — не от боли или

страха, а потому, что ему вот-вот понадобятся обе руки -- для того, что последует дальше.

Сталь со свистом выходит из ножен -- меч глиной почти в рост человека, рукоять которого сжимают две грожащие лапы. Когда тварь подкрадывается ближе, мальчик видит, что злобный голод в ее глазах сменялся яростью. Зверь утирает, но это лишь придает ему сил. Судя по зловонному дыханию, ему уже нечего терять. Теперь существо охотится только из чувства злобы.

Снежные хлопья падают на клинок и застывают на стали, украшая ее ледяными бриллиантами.

-- Ну, давай же, -- шепотом выдыхает мальчик. -- Давай...

Зверь прыгает и обрушивается на него. Ощущение такое, словно в грудь лягнул жеребец, и мальчик опрокидывается навзничь. Тварь действительно весит как хороший боевой конь, ее подрагивающая туша навалилась на гибкое мальчишечье тело. Тупая боль в груди и какое-то похрюстывание, будто

легкие набиты сухими листьями. Мальчик знает, что у него сломаны ребра, но боли почти не чувствует. Дымящаяся кровь стекает по клинку ему на руки.

Наконец существо перестает дергаться. Мальчик собирается с силами и считает до трех, перекатывая отворачивательно пахнущий трофей набок. Узлы еще подрагивают и выделывают прозрачный яд. Он старается их не касаться.

Меч в его руках прилип к пальцам, поскольку остывающая кровь зверя уже начинает свертываться. Он роняет меч в снег и вытаскивает из сапога зазубренный нож для снятия шкур. В ветвах над головой поют птицы, хотя их пение на Калибане и не отличается телодвижением. Хищники ревут, вызывая друг друга на бой, а стервятники спускают пронзительные крики, почуяв мертвечину.

Мир вокруг медленно бледнеет и затеркнет. До сознания начинают доходить другие, настоящие звуки: жужжание вентилятора в воздухоочистителе, шаги на верхней палубе, вездесущий гул

работающих двигателей.

Наконец он открывает глаза.

Оба глаза. И они видят. Он смотрит на массивные светосферы над головой, вдыхает острый запах дезинфекции и медицинского отсека.

Застонав от боли, Корсвейн поднимается и просит:

--- Боги!

Во время утренней vigилии его мысли витали далеко. Стоя на коленях рядом со своими братьями, Корсвейн, чье тело, еще изнывающее от боли, было раскрашено разноцветными кровопотоками, обнаружил, что ему стало гораздо труднее добиваться безмятежности духа и чистоты помыслов. Склонив голову к рукояти меча, он очень походил на рыцаря, прилежно размышляющего о грядущем Крестовом походе. Но на самом деле он предавался воспоминаниям: его мысли летели в мир, который его ненавидел.

Тсагуалса.

Это название заставило его презрительно устехнуться и спрятать устешку под капюшон, скрывающим лицо. Тсагуалса, мертвый мир, который Повелители Ночи объявили своим; мир, где братья-припархи превратились в орущих друг на друга ублюдков; где однажды будет заложена крепость, чтобы стать оплотом

врага.

Когда служба закончилась, Корсвейн окликнул Траган. Остальные рыцари по одному покидали зал размышлений; их белые стихари не полностью скрывали боевые шрамы, украшавшие черную броню.

--- Ваша милость, --- приветствовал его Траган, подходя ближе.

Корсвейн улыбнулся в ответ.

--- Не нужно больше звать меня так, капитан. Что-нибудь случилось?

Траган, как и его братья, скрывал под белой накидкой полный боевой доспех. Капюшон был откинут, вставив на всеобщее обозрение резкие орлиные черты его лица.

--- Нас призывает Лев.

Корсвейн проверил бы оружие, будь оно по-прежнему при нем. Вместо этого он кивнул.

--- Прекрасно!

Лорд Первого легиона сидит, как часто бывало этими ночами, откинувшись на спинку богато украшенного трона из слоновой кости и обсидиана. Его локти упираются в резные подлокотники, пальцы сложенных дотиком ладоней едва не касаются губ. Непмигающие глаза — ярко-зеленые, как зелень лесов Калибана, — смотрят прямо перед собой, следя за мерцанием воющих звезд в подрагивающем гололите.

Траган и Корсвейн вместе приблизились к трону. Действуя совсем не в лаг, капитан обнажил клинок и преклонил колени перед сюзереном, в то время как Корсвейн прогелал все это гораздо медленнее — его тело еще болело, и мускулы плохо повиновались. Лев безразлично смотрит на эти знаки почтения. Когда он заговорил, его голос оказался подобен раскату грома на горизонте — ошибиться в его нечеловеческой природе было невозможно.

От бледного шрама на стуглой шее он не стал мягче.

--- Встаньте.

Они поднялись, как было приказано. Корсвейн стоял в напряженной позе, скрестив руки на груди. Его доспехи украшала шкура с густым белым мехом, заброшенная за спину. Зубастая голова существа, с которого ее сняли, легла поверх наплечника, скрепляя импровизированный плащ.

--- Вы звали нас, сеньор?

--- Звал. --- Лев по-прежнему сидит, прикасаясь к губам пальцами сложенных рук. --- Мы установили связь с имперскими силами.

--- Новые распоряжения? --- спросил Корсвейн, чувствуя, как быстрее забилося его сердце. --- Нас призывают?

--- Ни то и ни другое. Пока эти системы наши, мы не покинем Тратасский крестовый поход. Империя живет и умирает благодаря тому, что мы делаем здесь, в глубинах космоса. Какой смысл защищать Терру, если весь остальной Империя обратится в прах?

— Я не понимаю, сэр. Кто именно связался с нами?

Лев качает увенчанной короной головой, разглядывая гололит. В его глазах отражаются яркие созвездия и миры, а голос был необычно тягостен.

— Мы установили контакт с некоторыми из моих братьев и их легионами, — сказал он, — впервые с того момента, как расстались с Волками.

— Так это Король Волков, сэр? — Корсвейн даже не пытается скрыть недовольства. Ангелы и Волки расстались далеко не по-братски.

— Нет, Кор. Весточка пришла от Жиллимана и наших кузенов из Тринадцатого легиона. Зная, что мы не можем вовремя добраться до Терры, лорд Ультратара хочет, чтобы мы присоединились к нему.

Прежде чем воины что-либо скажут, Лев щурит свои калибанские зеленые глаза.

— Империя в своем бесконечном тщеславии породил не воинов с горячими человеческими душами, но ангелов с

ледяными сердцами. --- Он встает с трона
и обходит вокруг гололитического стола,
наблюдая, как планеты вращаются вокруг
своих звезд. --- Сыны мои, --- улыбается Лев,
но в этой улыбке нет ни капли тепла. ---
Похоже, Хорус --- не единственный, кто
считает себя наследником Императора.

ГРЭМ МАКНИЛЛ

Родом из Шотландии, Грэм Макнилл более шести лет разрабатывал игры в Design Studio компании Games Workshop, прежде чем решиться стать писателем. Его перу принадлежат масса книг в жанре научной фантастики и фэнтези. Кроме того, он является автором комиксов и участником множества побочных проектов, благодаря чему все время занят и не бездельничает. Его роман «Тысяча Сынов» из серии Horus Heresy стал бестселлером по версии журнала New York Times, а роман «Империя» из серии Time of Legends в 2010 году получил премию имени Дэвидга Геммела. Грэм живет и работает в Ноттингеме и делится новостями с почитателями на своем вебсайте.

ДЖЕЙМС СВАЛЛОУ

Джеймс Сваллоу — автор множества книг, ставших бестселлерами по версии журнала *New York Times* и удостоенных различных наград, в том числе книг о темных мирах *Warhammer* 40 000, включая романы «Немезиса» и «Полемика Эйзенштейна» из цикла *Horus Heresy*, романы *Deus Encarmine*, *Deus Sanguinius*, «Красная ярость» и «Черный прилив» из цикла «Кровавые Ангелы». Его фантастические рассказы вошли в сборники «Инферно!», «Цена победы», «Легенды Космогосанта», «Книга Крови» и аудиокниги «Сердце ярости», «Клятвенный элемент», «Легион единого» (готовится к выходу).

Среди других заслуг Джеймса Сваллоу — небеллетристическая книга «Темное Око: фильмы Дэвида Финчера», написанная для *Star Trek Voyager*, и сценарии видеозиг и аудиопьес. Он живет в Лондоне и сейчас работает над новой книгой.

НУК КАЙМ

Нук Кайм --- писатель и редактор, живёт в Ноттингеме, где начинал карьеру в Games Workshop, работая на журнал White Dwarf. В настоящее время перешёл в Нюка, ставшего старшим редактором Black Library, принадлежит трилогия Nome of Fire о Саламандрах для Warhammer 40 000, романы о гворфах в жанре фэнтези и несколько коротких рассказов.

ДЖОН ФРЕНЧ

Джон Френч — писатель и свободный игровой дизайнер из Ноттинггема. Его работы можно увидеть в ролевых играх Dark Heresy, Rogue Trader и Deathwatch, а также в книгах, в том числе номинированных на Disciples of the Dark Gods. Когда Джон не думает о том, как темные существа с извращенной психикой смогли бы уничтожить реальность и космос, он обожает рассуждать на тему, почему это было бы неплохо, и пробует разные комбинации на игровом столе с помощью собственных изменческих легионов. Предпочтительно под бокал хорошего вина.

Крис Райт

Крис Райт --- автор, пишущий в жанре фэнтези и научной фантастики. Его первая книга была опубликована в 2008 году. За это время он выпустил книги для серий Warhammer Fantasy, Warhammer 40 000 и Stargate: Atlantis universes. У него нет ни кошки, ни собаки, ни даже augmented reality хотя бы (что технически дисквалифицирует его как одного из пишущих для Black Library). Однако он не против когда нибудь завести черепаху. Крис обосновался в зеленом уголке юго-западной Англии и, когда не предпринимает отчаянные попытки уложиться в сроки, поставленные издателями, обожает гулять по живописным уголкам своего пристанища.

ГЭВ ТОРН

Прежде чем полностью посвятить себя писательскому труду, Гэв Торн работал в Games Workshop в качестве главного разработчика задних планов, приставляя за мирами Warhammer и Warhammer 40 000 и способствуя их развитию. Он написал бесчисленное множество романов и коротких рассказов для вымышленных миров Games Workshop. Живет в Ноттингеме со своим механическим хотяком Деннисом.

ДЭН АБНЕТТ

Дэн Абнетт — автор романов и неоднократно отмеченных премиями комиксов. Он написал свыше тридцати пяти романов, включая восторженно принятую серию «Призраки Гаунта», трилогии «Эйзенхорн» и «Рейвенор», вместе с Майком Ли — цикл «Малус Темный Клинок». Его романы «Возвышение Хоруса» и «Легион» (оба для Black Library) и книга о Торчвуде Border Princes (для BBC) стали бестселлерами, а роман «Триумф, герой Ее Величества» для Angry Robot, опубликованный в 2009 году, номинировался на премию Британского общества фантастики как лучший роман года. Дэн живет и работает в Мэдстоне, графство Кент.

Роб Сандерс

Роб Сандерс — писатель, проводящий ночи за созданием темных образов будущего для тех, кто, желая вновь пережить свои детские страхи, регулярно навещает в сорок первое тысячелетие. А ради контраста Роб дни напролет преподает английский язык в местной средней школе, внедряя (не буквально!) творческий подход в подрастающее поколение в надежде не дать им ни единого шанса поспорничать с ним в будущем. Он живет в небольшом городке Линкольн, Великобритания. Его первое произведение было напечатано в журнале «Инферно!».

ААРОН ДЕМБСКИ-БОУДЕН

Аарон Дембски-Буден --- британский автор, начинавший писать для videoигр и RPG. Он ярый поклонник Warhammer 40 000, еще с тех времен, когда загубил свою первую копию Крестового похода, раскрасив модели с усердием восторженного девятилетнего мальчишки. Он живет и работает в Северной Ирландии со своей невестой Кэти, прячась от мира среди пустоты. Его хобби --- читать все, что шуршит, и помогать людям в правильном произношении его фамилии.

notes

В древнеримских легионах время ночного караула разделялось на четыре стражи -- вигилии. Кроме того, вигилией называется общее богослужение, проходящее от заката до восхода солнца.